

Московский педагогический
государственный университет

**ВОЙНА
И РЕВОЛЮЦИЯ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И КАТАСТРОФЫ**

Материалы
Всероссийской научной конференции
г. Москва,
19-20 мая 2016 г.

Москва
2016

Коллектив авторов
Война и революция:
социальные процессы и
катастрофы: Материалы
Всероссийской научной
конференции 19–20 мая 2016 г.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34750616

*Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы
Всероссийской научной конференции; г. Москва, 19-20 мая 2016 г.
[Электронное издание] / Под ред. А.Б. Ананченко: МПГУ; Москва; 2016
ISBN 978-5-4263-0430-7*

Аннотация

Сборник содержит статьи и тезисы докладов участников Всероссийской научной конференции, состоявшейся в Москве 19–20 мая 2016 г. В нем нашли отражение результаты научных исследований отечественных историков и политологов, посвященные изучению феноменов войны и революции, влияния социальных потрясений на ход общественного развития. Сборник адресован специалистам и всем, интересующимся историей.

Содержание

Предисловие редактора	11
Война и революция – от анализа процессов к пониманию эпохи	11
Пленарное заседание	15
Бифуркационное состояние общества накануне и в ходе войны 1941–1945:	15
Причины, следствие	
Политические революции в истории России середины XVIII – начала XXI вв.: историко-теоретический анализ	33
«Конфликт ожиданий» в отношениях между Россией и Западом в начальный период новой российской государственности. 1991–1993	66
Секция I	73
Революция как мировоззренческая и концептуальная проблема пермских крестьян в декабре 1917 г.	73
«Третьеиюньский» переворот и «новый» избирательный закон 1907 г., как результаты первой русской революции в оценке партии кадетов	81
Становление Советской власти в Рязанской губернии	86

Социологический анализ исторических феноменов войны и революции в исследованиях Питирима Сорокина	93
Изучение взглядов генерала М.В. Алексеева на стратегию борьбы с большевистской властью в научных трудах и публицистике историков С.В. Карпенко и В.Ж. Цветкова (опыт сравнительного анализа)	120
Историография деятельности Б.В. Савинкова и его организаций в Польше в период Гражданской войны в Советской России	137
Коалиция уходит в подполье. К истории взаимодействия Партии народной свободы и социалистов после Октября 1917	153
Чрезвычайное законодательство Российской империи и опыт его применения для борьбы с революционным террором. Критический анализ	175
Октябрь 1917 г. в пространстве исторической памяти: от мемориализации к забвению	194
Модели исторической политики в дискурсе о Великой русской революции	211
Послеоктябрьская волна научной эмиграции: причины, масштабы, география	224
Революционное взятие власти и легитимизация коммунистического режима	243

П.А. Кропоткин: Опыт рассуждения о минимизации количества жертв гражданской войны	257
Революция как реальность. Формирование постсоветской социально-экономической модели в 1990-е гг	266
Перестройка и карнавальная культура	278
Гибель Российской империи и СССР: анализ на основе биосоциального подхода	291
Проблема исторических альтернатив в Великой русской революции 1917 года	323
Секция II	335
Ценностно-символическая репрезентация войн и революций в сознании россиян Тезисы доклада	335
Роль элит в инициировании, сопровождении и купировании военно-политических конфликтов в начале XXI века Тезисы доклада	343
Интернет, как средство протестной мобилизации молодежных субкультур	351
Политический протест как инструмент нейтрализации власти на примере цветной революции в Киеве (2013 г.)	362
Геополитическая конкуренция в XXI веке: к осмыслению новых трендов	371

К вопросу о гибридных войнах: основные положения и направления исследования	383
Роль СМИ в разжигании политических конфликтов: теория и практика информационных войн	391
Вовлечение в деятельность террористической организации как дискурсивная технология управления социумом[63]	404
Формирование протестных установок в социальных сетях: компаративный анализ кейсов Украины (2013–2014 гг.) и Молдовы (2015–2016 гг.)	407
«Агрессивная война и контрреволюция – пожиратели детей. (В показателях «ювенальной» статистики народонаселения)	426
Секция III	434
Идеи справедливого мирового порядка: исторический опыт Западной, Центрально-Восточной Европы и России (середина XV – начало XXI вв.)	434
Июльская революция 1830 г. во Франции и судьбы британского либерализма	461
Политическая карикатура как орудие пропаганды противоборствующих сторон в Гражданской войне между Севером и Югом США (1861–1865)	467

Русская революция 1917 г. и социальные сдвиги в Иране	480
Великий Октябрь: курс на Восток	499
Канадский Фонд Помощи России	504
Франция в годы второй мировой войны: перемирие 1940 года – капитуляция или спасение?	526
Европа, рожденная войной: коллективная память и наднациональная идентичность	545
Современные мировые деконструктивные процессы и Россия	563
Фашизм и фашистские революции в Европе в политическом дискурсе русской послеоктябрьской эмиграции	574
Развитие внешней политики Катара в начале XXI века: предварительная заметка	583
Секция IV	596
Обзор Военной доктрины и Стратегии национальной безопасности Украины	596
Концепция справедливой войны в контексте формирования национальной этики ведения военных действий	605
Развитие социально-гуманитарных и высоких интеллектуальных технологий военного и двойного назначения в условиях шестого технологического уклада	612

Ретроспективный анализ изменения способов ведения войны	626
Цветные революции как инструмент глобального корпоративного управления	632
Участие парамилитарных формирований в гражданской войне 2014–2015 гг. на Украине: предпосылки и военно-политические последствия	639
Общая политика безопасности и обороны европейского союза: современная повестка дня	651
Материалы круглого стола	657
Роль 9-й армии генерала П.А. Лечицкого в Брусиловском прорыве	657
Две газовые атаки. 1916 г.	672
Первая мировая война: социокультурный контекст	683
«Великая война» 1914 – 1918 гг. во фронтовой публицистике Свена Хедина	691
Русский крестьянин на войне и о войне. Дневник крестьянина Алексинского уезда Тульской губернии П. Е. Ермакова о событиях первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.	698

**Война и революция:
социальные процессы и
катастрофы: Материалы
Всероссийской научной
конференции; г. Москва,
19–20 мая 2016 г.
Под редакцией Алексея
Брониславовича Ананченко**

Редакционная коллегия:

А. Б. Ананченко, директор Института истории и политики МПГУ, кандидат исторических наук (главный редактор

сборника)

В. Ж. Цветков, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ, доктор исторических наук

М. В. Астахов, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат исторических наук

С. Ю. Рафалюк, заместитель директора Института истории и политики МПГУ, кандидат исторических наук, доцент

В. Л. Шаповалов, заместитель директора Института истории и политики МПГУ, кандидат исторических наук, доцент

Предисловие редактора

Война и революция – от анализа процессов к пониманию эпохи

Всероссийскую научную конференцию «*Война и революция: социальные процессы и катастрофы*» мы рассматривали как часть большого комплекса мероприятий, посвящённых 100-летию Великой российской революции 1917 года. Мы стараемся, чтобы наши мероприятия, в том числе и эта конференция, проходили не по стандартному шаблону юбилейных мероприятий, когда более важными становятся не сами проблемы понимания того или иного явления, а праздничные ритуалы.

Для нас принципиально важно обсуждать актуальные и важнейшие мировоззренческие, теоретические, концептуальные и гносеологические проблемы понимания истории, современной исторической эпохи и содержания современных исторических процессов.

Бывают времена, когда принципиальные содержательные вопросы не важны или становятся такими только для отдельных представителей той или иной отрасли, направления науки. Однако сегодня появились такие проблемы, кото-

рые не позволяют двигаться дальше в понимании и изучении большинства конкретно-исторических исследований без решения ряда принципиальных мировоззренческих, концептуальных и теоретических проблем исторических исследований.

Теоретическое понимание истории 30 лет назад находилось на принципиально ином уровне, чем сегодня. Отказ от определённого мировоззрения привёл и к отказу от стоявшего за ним теоретического объяснения истории и социальной жизни. Что пришло на смену? На смену пришли более простые и часто ещё более идеологизированные, но на основе других мировоззрений, утверждения и объяснения. Символом упрощения в целом в профессиональном сообществе проблем понимания истории и общества стало повсеместное употребление и распространение для любого утверждения и суждения о том или ином историческом или социальном явлении названия «теория».

Хочу подчеркнуть, что большое количество существующих у нас сегодня оценок истории, советского общества, современной эпохи и места в ней России не представляют собой теории или концепции. Чаще всего они являются набором идеологических оценок на основе других мировоззрений и ценностей, в том числе и враждебных России.

Именно поэтому сейчас очень важно обратиться к осмыслению базовых понятий нашего исторического мировоззрения, его оснований и их обоснованности. Например: *Что*

такое война не как ошибка, а как социальное явление? Неизбежна ли война в наших условиях? Неизбежна ли война в современных условиях – это важная научная проблема. Но не менее важен результат научного понимания этой проблемы, который имеет значение для всего общества, для выработки политики государства.

Внимательно надо анализировать новые формы войны, цели войны. Что составляет содержание современной исторической эпохи? Мировые войны как исторический процесс? Современность и мировая война? Этих вопросов очень много.

Наша конференция, наши доклады как раз и показывают современное состояние науки, её поиски, попытки найти мировоззренческие, теоретические ответы на самые разные вопросы, открыть новые факты и новые явления в уже, казалось бы, хорошо нам известном прошлом, переломных эпохах и процессах нашей истории.

На нашей конференции мы объявили и о создании *Ассоциации исследователей советского общества и новейшей истории России (АИСО-НИР).*

Нам важно сегодня объединить усилия всех профессиональных, заинтересованных и неравнодушных учёных самых разных специальностей – историков, политологов, экономистов, культурологов, социологов, философов и представителей других наук вокруг проблем формирования современной концепции и теории исторических процессов, а также

явлений современной эпохи.

Разноплановые, междисциплинарные исследования таких исторических процессов, как война и революция, ставшие главными проблемами нашей конференции, должны помочь нам в том, чтобы начать анализ, формулировку проблем современного постижения, объяснения и изменения истории.

*Директор Института истории и политики МПГУ,
к. и.н. Алексей Брониславович Ананченко*

Пленарное заседание

Бифуркационное состояние общества накануне и в ходе войны 1941–1945: Причины, следствие

*Бугай Н.Ф.*¹

Аннотация: Цели и задачи: рассмотреть особенности проявления состояния бифуркации в обществе на примере войны 1941–1945 гг., выявить особенности и специфику этого состояния в эволюции от точки отсчета до финиша бифуркации, его влияние на дальнейшее развитие общества. Проблема рассматривается в трех плоскостях: общество, экономика, международные отношения, на примере отношений Турции и курдской общности. Особое внимание обращено на условия формирования бифуркации в обществе в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Показаны причины и следствие этого общественного явления.

Ключевые слова: бифуркация, точка отсчета, специфика, модель поведения, война, дезертирство, Красная армия.

¹ **Бугай Николай Федорович** – главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор.

Bugay N.F. The bifurcation state of society before and during the War 1941–1945: causes, consequences

Abstract: Aims and objectives: to consider the features of display state of the bifurcation in the society by the example of the war years 1941–1945, reveal the characteristics and specificities of this condition in the evolution of the reference point to the finish line bifurcation, its influence on the further development of society. The problem is considered in three dimensions: society, economy, international relations, the example of relations between Turkey and the Kurdish community. Particular attention is paid to the conditions of formation of a bifurcation in the society during the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Showing a cause and a consequence of this social phenomenon.

Keywords: bifurcation, point of reference, the specific model of behavior, war, desertion, the Red Army.

В современных войнах, полыхающих на разных континентах, общество всегда пытается определить точку отсчета бифуркации. Об этом наглядно демонстрируют в условиях современности ощущение подобного явления события на территории Украины, да и состояние мировой экономики, экономик государств Европы, России. Развитие внутренних негативных процессов за два десятилетия в Украине, всеми

мерами поддерживаемых хунтой, показывает, каким образом вызревали условия для погружения сообщества в состояние, известное в науке, в том числе и исторической науке, как бифуркация². На практике само понятие многогранное, философское, и на различные его аспекты обращается внимание философами, однако, по своей направленности оно не может не представлять интерес и для историков, экономистов в ходе изучения социальных процессов в государствах. Что касается *экономистов*, то можно было бы в этом плане отметить опубликованную удачную статью, бывшего президента Киргизии, экономиста А. А. Акаева. В ней автор наглядно на примере развития мировой экономики раскрыл проявление бифуркации (разветвление в двух направлениях – на подъем или на спад).

2015 год в развитии экономики Европы он определяет годом бифуркации. Он объясняет это вывод зависимостью «экономики от геополитического выбора Евросоюза. Экономика может пойти по восходящей или же нисходящей траектории к существенному спаду». Им же затронуто и оказание влияния подобного состояния на развитие экономического сектора Российской Федерации [1, с. 1059–1069].

Анализируя неустойчивое равновесие экономик еврозо-

² Точка бифуркации – это *точка равновесия как устойчивой, так и неустойчивой точки выбора дальнейшего развития системы*. Она имеет аттрактор – отрезок эволюционного пути от точки бифуркации до определенного финиша (им может быть другая точка бифуркации). См. подробнее: Егоров В.Е. Бифуркационное дерево как модель эволюции природы, человека и общества. Уфа, 2011.

ны, их уязвимое состояние, он одной из причин формирования бифуркационного состояния в экономике определяет и санкции по отношению к России. Автором выяснены причины погружения экономик в такое состояние и сделан вывод, что «если удастся устранить влияние геополитической напряженности на экономическое развитие, ситуация в еврозоне изменится кардинальным образом» [1, с. 1068].

В плане *международного направления*, здесь также очевиден вывод о подобном явлении, которое накануне военной обстановки и в ходе ее проявляется с особой остротой. По нашему мнению, такую ситуацию, например, характеризуют отношения между курдской общиной и Турцией, и особенно курдской общиной в Сирии.

Турция своим поведением всячески содействует краху мирного процесса. Она не избрала путь истинного партнерства в борьбе с ИГИЛ (ДАИШ), более того, стала потворствовать поставкам вооружения для них. Все эти акции не могли не содействовать формированию бифуркационного состояния в курдской общине. В этих отношениях и так все было сложно, беспокойно. В чем же здесь заключалась точка бифуркации (отсчета), когда курды окончательно выступили против режима Турции? Ответ на этот вопрос изложила доктор общественных наук, тюрколог Галья Линденштраус в своей статье в ежемесячном издании *Idkun Astrategi* (выходит под эгидой израильского Института исследований национальной безопасности – Institute for National Security

Studies, INSS) [10]. Линденштраус полагает, что точкой отсчета им послужил теракт ДАИШ в июле 2015 г. в пограничном г. Суруч (Турция). Он был направлен исключительно против гуманитарной миссии по оказанию помощи курдской общине на севере Сирии. Т. Эрдоган выражал недовольство как позицией, занятой курдами в Сирии, отношением общины в самой Сирии к Турции, так и явным усилением позиций курдской общины в самой Турции. Это можно рассматривать как второе измерение явления.

В этой непростой ситуации перед курдами возникла задача выбора своей четкой позиции: война с ДАИШ и достижение стабильности в Средиземноморском регионе. Курды избирают путь борьбы против Турции. За ними 600 км границы Сирии с Турцией.

Познание причин возникновения явления бифуркации, как и последствий позволяет прежде всего сфокусировать внимание конкретно на причинах того или иного *отдельного явления в обществе*.

Один пример из истории Союза ССР 1920-х годов. В начале 1920-х годов в региональном масштабе формируется состояние бифуркационной ситуации в Северокавказском регионе. Что было характерным для обстановки в крае – тяжелое экономическое состояние в крае, открытое проявление сепаратизма в разных его формах, нежелание подчинения центру, малограмотный контингент партийных и советских работников, отъявленная борьба с бандитизмом, лик-

видация межэтнических противоречий, урегулирование земельных претензий, постоянные вооруженные столкновения на этой почве. Все это выступало причинами формирования бифуркационного состояния общества. Однозначно принявшимися полумерами не было возможности устранить все негативы действиями оперативного порядка: создание системы представительств, формированием вооруженных отрядов по борьбе с бандитизмом, создание курсов профессиональной подготовки управленцев и партийными органами, и советскими, повышение уровня грамотности. Назрели или дальнейший развал сформировавшейся системы национально-государственного обустройства, или упрочение власти советов путем совершенствования федерации.

Было принято решение о формировании территориально-административного образования – Северокавказского края, который объединил все национальное гособразование, и стал промежуточным центром советской власти, просуществовавшим до 1927–1928 гг., и также по причине сепаратизма край был разделен по самостоятельным территориям.

Таким образом, в качестве примеров как раз и представлена возможность анализа формирования бифуркационного состояния в трех измерениях.

Это в полной мере относится и к такому универсальному по своему характеру явлению как война, в том числе и Великая Отечественная война в Союзе ССР 1941 – 1945 годов. В

связи с войной важно выявление поведенческого настроения участвовавших в этих событиях, их отношение к самой войне, уровня самосознания и национального сознания и самосознания, степени отношения к обществу, государству, проявления в чрезвычайных условиях, сформировавшихся по тем или иным причинам в том или ином государстве, патриотических чувств.

Глубокий анализ природы бифуркационного состояния общества позволяет систематизировать явления в обществе в связи с создававшейся той или иной конкретной обстановкой, а также выработать технологии по устранению обстановки, снижению ее накала, как правило, содержащего много негатива. В связи с этим очень важно и определение комплекса механизмов для работы по разным направлениям, которые отчетливо проявляются как причины для подобного состояния общества и погружение в него самого общества.

Накануне войны, вторая половина 1930-х годов, отличалась принятием многих нормативно-правовых актов, обостривших отношение в обществе, или способствовавших их обострению. В конце 1937 г. – о выселении 500 корейцев из Москвы, Московской области других областей центра страны, 31 января 1938 г. новое постановление ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по принципу национальной принадлежности, о разрешении Наркомвнуделу проведения операции до 15 апреля 1938 г. по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, нем-

цев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын как иностранноподданных, так и советских граждан и др. Все они рассматривались во внесудебном порядке.

Все это не могло не будоражить общество и создавало нервозную обстановку в его сознании, не обостряет ситуацию в самом государстве. На территории страны были подвергнуты принудительному переселению курды – около 5000 чел., иранцы – 6000 тыс. человек, цыгане. Настроение со стороны этнических меньшинств заметно ухудшалось.

Пока в исторической науке обобщающие исследования по изучаемой теме отсутствуют. Исследования в большей мере статейного характера, отличаются выработкой подходов к изучению темы и ее изложению. При этом авторы, которые мимоходом касались этой темы, наряду с вопросами теории, выявляют и событийный ряд, который более ярко характеризует подобное состояние в обществе [4,7,2,1]. Тем не менее, все основания для более глубокого изучения темы имеются.

В связи с этим в конкретном случае становился главной задачей определение так называемой, той самой, *точки отсчета*, которая занимает как бы конститутивное положение в формировании перехода общества в бифуркационное состояние непосредственно в условиях войны.

Если конкретно перейти к теме войны 1941–1945 гг., то четко вырисовывается в первую очередь нарушение процесса консолидации многонационального сообщества в реше-

нии главной, стоявшей перед страной задачи – ликвидации угрозы существованию государства.

Однозначно, в этих условиях также полумерами невозможно было решить проблемы обострения межэтнических отношений, например, проведение переписи населения 1939 г., когда численность этнических общностей была произвольно сокращена до 64. В этой мере этнические общности усматривали ущемление их кровных интересов, конституционных прав. Налицо были и ущемления их идентичности, в том числе территориальной идентичности, разрешением призыва представителей этнических меньшинств в армию.

Более того, ощутимой составляющей оставалось и формируемое правовое законодательство, сопровождаемое ущемлением прав многих представителей этнических меньшинств, которых было более 4 тыс. в оборонном секторе промышленности Союза ССР.

Применение на практике стереотипов в национальных отношениях, признание неблагонадежности порождало обострение в отношениях по вектору – «народы и власть». В этом плане познать глубину этих явлений позволяет привлечение метода альтернативного исследования (И. Смелзер). Благодаря этому становится очевидным накопление «боле-вых точек» в обществе. К ним можно было бы причислить проявление неприязни к государству, действиям органов государственной власти; недовольство проводимыми деструк-

тивного свойства мерами со стороны партийных органов; непродуманность предпринимавшихся мер в сфере экономики, вмешательство в жизнь общества со стороны военных органов, возможно даже и не обоснованное, однако, проводимое в жизнь без долгой на то подготовки самого общества, контрреволюционные выступления, хищения социалистической собственности, бандитизм, разбой, умышленные убийства, подделка денежных знаков, воровство, контрабанда, хранение огнестрельного оружия и другие.

С учетом названных факторов, как и других, им сопутствующих, таким отсчетом, точкой бифуркации применительно этого периода войны в Союзе ССР можно считать в первую очередь проявление дезертирства, и уклонения от службы в Красной Армии, которые подтверждается и количественными данными архивных документов, воспоминаний участников событий. Именно проявление этих факторов выражали несоответствие состояния открытой системы внешним условиям окружающей среды. Общество могло успокоиться переходом к хаотическому состоянию.

Это ярко проявилось в пяти географических регионах государства: на Северном Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии и Казахстане, в Центральных областях СССР (по данным НКВД СССР – Белоруссия, Карело-Финская ССР, Молдавия, Украина, Башкирская АССР, Коми АССР, Крым, Сибирь и Дальний Восток), а также в *силовых структурах* (особо органы НКВД СССР, органы милиции, Главное управле-

ние войск НКВД СССР по охране тыла). По имеющимся отчетам отдела НКВД СССР по борьбе с политическим бандитизмом за три года (вторая половина 1941 г. – первая половина 1944 г.), по группам: дезертиры - 1 210 224 чел., уклонявшиеся от службы в Красной армии – 456 667 чел.; всего – 1 666 891 человек [9, с. 114–115].

Соотношение этих показателей выглядело следующим образом по регионам. Наибольшее число приходилось на Центральные области: дезертиров – 391 062 человек, уклонявшихся от службы в Красной армии - 198 578 чел.; Северный Кавказ: дезертиров – 49 362 чел., уклонявшихся от службы – 13 389 человек; по Средней Азии с учётом Казахстана: дезертиров – 41 980, уклонявшихся – 107 867 человек [9].

Что же представляли в этом плане силовые ведомства? Что касается силовых ведомств, то наиболее высокие показатели по этим категориям лиц приходились на органы НКВД СССР: дезертиров – 484 478, уклонявшихся от службы – не зафиксировано; транспортные органы милиции: дезертиров – 167 799, уклонявшихся от службы – 80 837 человек [9, с. 115]. В плане военной и политической подготовки, воспитания патриотизма обстановка, одним словом, оставалась неблагополучной непосредственно в самих органах НКВД СССР.

Приведённые сведения ещё раз со всей убедительностью подтверждают тот факт, что предвоенные годы в СССР не были безоблачными. По этим причинам часть общества,

несомненно, погружала страну в известное бифуркационное состояние. В стране имели место острые противоречия в реальной жизни народов; они проявлялись «в столкновении интересов народов, различных когорт населения».

Второй причиной, основой состояния бифуркации в обществе – в годы войны явилось уклонение от службы в Красной (Советской) Армии. В большей мере эти факторы находили проявление в аграрных регионах страны, однако, были характерными для всей ее территории.

Подобные акции были настолько ощутимыми, что органам государственной власти приходилось уже в ходе войны заниматься решением проблемы институционализации целого направления политики. Выражением этого было формирование в структуре НКВД СССР Главного управления по борьбе с бандитизмом под командованием генерала А.М. Леонтьева, а также в союзных и автономных республиках административных краях и областях отделов по борьбе с бандитизмом. Выделялась в их распоряжение и специальная военная сила.

Одним словом, была создана система структур, задача которых, естественно, сводилась к борьбе с бандитизмом, возникавшими бандитскими формированиями, основой действий которых в большей мере выступала как борьба против строя, так и борьба за выживание, отсюда разбои, грабежи, неповиновение органам власти, недовольство их деятельностью. Наносился заметный ущерб как советским, так и пар-

тийным органам власти.

В связи с этим названные институты времен военной обстановки заслуживают более подробного анализа, прежде всего оценок характера их действий. И в современных условиях не совсем понятно выступление отдельных групп политиков, ученых, особенно из тех регионов, откуда проводилось выселение. Отсюда различие в токовании самих процессов принудительного переселения граждан. Противоречия в этом вопросе принимают обостренный характер.

В данном случае вся суть сводится к тому, что речь не идет об оскорблении той или иной этнической общности по причине проявлений в ее среде дезертирства или уклонений от службы в Красной Армии, коллаборационизма. Никто не преследует подобную цель. Речь идет о возникших социальных институтах в годы войны, носивших несистемный характер. Практика проявления этих факторов говорит сама за себя, о том, насколько сложную обстановку создавала деятельность этих институтов в тылу советских войск.

Однако не следует сбрасывать со счетов и прочие сопутствующие факторы – это проявление экстремизма, стремление поддержать по причине проводимых мер накануне войны обострение, связанное с осуществлением коллективизации, коренизации; неудовлетворенности жизнью разных групп населения.

Одним словом, имели место сочетание военных, экономических факторов, дополнявшее друг друга. Однако они ак-

кумулировались в сознании людей, принадлежавших к различным этническим общностям, имевших разный уровень грамотности, образования, не всегда готовых адекватно реагировать на возникавшую сложную и противоречивую ситуацию, доводя до абсурда и сам процесс переселения.

В условиях военного времени «поправить» ситуацию было не всегда возможным. Поэтому включались меры так называемых ответных действий – явление ритомсации. Вывод был очевидным. Этому необходимо было противопоставить только военную силу. Подобные меры нашли применение в условиях войны. В военной обстановке отмечались и многие неадекватные действия со стороны органов власти в условиях формирования бифуркационного состояния общества. Возникал вопрос: куда устремлены были усилия названных институтов, явно, не на поддержку сражавшейся армии, партизанского движения, а на превращение огромной массы населения в альтернативную государству силу. Часть этих групп населения занимала выжидательную позицию, часть – преследовала своей целью – поддержку новому фашистскому режиму власти, усматривая в этом возможность и удовлетворение своих кровных интересов, и оказание сопротивления советской власти, колхозному движению, принимаемым мерам по стабилизации обстановки со стороны органов власти. Все это находилось в рамках аттрактора, отрезка эволюционного пути – «от точки бифуркации до определенного финиша».

В ряде регионов страны этими же силами была решена задача по формированию органов управления этими процессами: Комитет Чечено-Горской национал-социалистической партии (ЧГ НСП) интенсивно готовил восстание в горных районах республики с целью свержения Советской власти [5], Татарский национальный комитет, возглавляемый Д. Абдурашидовым (Абдерешидов), Армянский национальный комитет, имевшей целью вербовку по вовлечению армян в активную борьбу с советами, Болгарский национальный комитет (Федоров, Л. Бунжуков, А. Шалолиев, С. Величев и др.)³, Карачаевский национальный комитет и др.

Разумеется, карательные органы государственной власти, в первую очередь система НКВД СССР с ее разветвленным исполнительным аппаратом, были информированы о состоянии дел на местах, особенно по развитию бандповстанческого движения, нанесению ощутимого ущерба, принимали свои конкретные меры, обусловленные военной обстановкой.

Начиная с 1941 г., последовали принудительным порядком из Москвы как столицы государства 140 семей – чеченцев, 66 семей – карачаевцев, 2193 семьи – калмыков. Одним словом, меры, начатые еще до начала войны, о чем отмеча-

³ Болгарский национальный комитет, как теперь уже известно, так и не был создан. Однако, работа по пособничеству немцам проводилась, как и агитация за выселение русских и украинцев с территории Крымской АССР (См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. – 9478. Оп. 1. Д. 248. Л. 10–11).

лось, пришлось продолжить.

Конечно, меры эти были не всегда прозрачными. Так, вряд ли, располагая точными сведениями о бандитизме, действиях банд, надо было в качестве наказания прибегать к принудительному переселению всей этнической общности, включая стариков, женщин и детей.

Тяжелым следствием погружения страны в бифуркационное состояние накануне и в ходе войны являлось и формирование самосознания и национального сознания граждан, демобилизации граждан (офицеры, сержанты, рядовые – более 220 тыс. человек), принадлежавших, по определению историка А. Некрича, к «поруганным народам», подводило часть общества к депатриотизации.

По нашему мнению, историкам, исследующим эти сложные процессы в годы войны 1941–1945 гг., надо проявлять особую осторожность, касаясь вопроса о принудительных переселениях. В эти процессы вовлекались и невинные люди советской страны, они обвинялись в коллаборационизме, в антисоветской деятельности, в отсутствие желания воевать на фронте.

К сожалению, случаев искаженного освещения событий более чем достаточно. Так, Л.Н Дьяченко в своей докторской диссертации с полной серьезностью утверждает, что курды и турки-месхетинцы выступали на стороне фашизма [3]. Это в корне противоречит действительности, искажает реальное положение дел, свидетельствует о легковесном от-

ношении самого исследователя к сложной проблеме исторической науки, слабой ее проработке автором. Выдвигать в условиях современности непроверенные факты ни к чему другому кроме как настороженности в обществе, недовольству не приведет.

Таким образом, всестороннее изучение проблемы формирования бифуркационного состояния общества, показ его аттрактора (отрезка эволюционного пути от точки бифуркации до финиша), механизмов выхода возможен, благодаря выявлению новых архивных документов, анализу имеющейся литературы. Их обобщение в этом плане будет приближать нашу историю к достоверному и более четкому отражению начала и развития многих социальных процессов в государстве, в число которых включено и такое универсальное явление как война, демонстрации исторической действительности; содействовать раскрытию и анализу устранению имевшихся обид и недосказанности в истории многонационального сообщества страны.

Источники и литература

1. Акаев А.А. Год бифуркации в мировой экономике // Вестник российской академии наук. 2015. Т. 85. № 12. С. 1059 – 1069.
2. Бифуркация природы экономического кризиса [Электронный ресурс] URL: [http: www.intelros.ru](http://www.intelros.ru). (дата обращения)

ния 15 апреля 2016)

3. *Дьяченко Л.Н.* Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): дис. д-ра ист. наук. Фрунзе, 2013.

4. *Егоров В.Е.* Бифуркационное дерево как модель эволюции природы, человека и общества. Уфа, 2011.

5. Кавказские орлы (Обзор материалы о банддвигении на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР). Алма-Ата, 1945). М., 1993.

6. *Крупский М.А.* Феномен социальной аномии в условиях современного общества. Автореф.... к.ф.н. М., 2013.

7. *Михайлова Н.В.* Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики России. Дис...д.и.н. М., 2012.

8. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. М., 1994. С. 114–115.

9. *Шилов И.* Провал Турецко-курдского мирного процесса // Информагентство Регнум. 17 февраля 2016 г.

Политические революции в истории России середины XVIII – начала XXI вв.: историко-теоретический анализ

*Астахов М.В.*⁴

Аннотация: Цель статьи – провести историко-теоретический анализ политических революций в процессе исторического развития России середины XVIII – начала XXI вв. Выводы: следует различать «революционное формирование политической системы», «революционный политический кризис», «революционную ситуацию» и «политическую революцию». В истории России выделяются политические революции: октября-декабря 1905 г., февраля 1917 г., октября 1917 г. – ноября 1920 г., августа 1991 – декабря 1993 гг.

Ключевые слова: Революционное формирование политической системы, революционный политический кризис, революционная ситуация, политическая революция, гражданская война.

⁴ **Астахов Михаил Викторович** – кандидат исторических наук, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

Astahov M.V. Political revolutions in the history of Russia middle of XVIII – beginning of the XXI century: the historical and theoretical analysis.

Abstract: The purpose of the article – to conduct a theoretical analysis of the political revolutions in the historical experience of Russia the middle of XVIII – the beginning of XXI centuries. Conclusion: we must distinguish between "revolutionary political crisis", «revolutionary situation», «political revolution» and «revolutionary formation of politi-System». Political revolutions are distinguished in the history of Russia: October-December 1905, February 1917, October 1917 – November 1920, August 1991 – December 1993.

Keywords: revolutionary political crisis, revolutionary situation, political revolution, the revolutionary formation of the political system, civil war.

Политическая реальность в мире и в России в конце XX – начале XXI вв. показывает, что политические революции не являются историческим анахронизмом, и пока нет никаких оснований исключать их из будущего. При этом, обращаясь в прошлое, мы можем вглядываться в политическое будущее, в том числе и России.

Однако как обстоят дела с этим немаловажным вопросом в современной научной литературе? В частности в *отечественной историографии* проблемы политических революций в истории России по-прежнему принято рассматривать

лишь в рамках *описания* исторических *событий* и идеологических оценок, спектр которых, разумеется, расширился.

Научное историческое объяснение не отдельных революционных событий, а политической революции в целом, в конкретном историческом ее проявлении, остается, на наш взгляд, перспективной задачей исторических исследований. Историки, как правило, стремятся к формированию все более широкой и детальной фактологической основы истории революций, вынося их теоретическое объяснение за рамки исторических исследований⁵. Такая позиция историков объясняется, на наш взгляд, инерцией советской историографической традиции, отсутствием опыта историко-теоретических исследований и естественной осторожностью в слабо разработанных научных вопросах. Исследования в этой области и после двадцати пяти лет развития новой российской историографии по-прежнему остаются «недиссертательными».

Иные трудности присущи *современной отечественной политологии* и *социологии*, которые по своим предметам и целям призваны теоретически изучать и объяснять феномен политической революции. Последние десятилетия они стремятся, главным образом, обобщать и осваивать опыт запад-

⁵ К исключениям из этого правила относятся исследования: В.С. Измозик и С.Н. Рудник [16]; А.Б. Ананченко [2, 3], Б.А. Исаева и Н.А. Баранова [18], в которых на основе богатого исторического материала делаются реальные шаги в направлении теоретического обобщения революционных политических процессов в России XX в.

ных коллег. В политологических учебных пособиях стремление сочетать все существующие подходы порождает *эклетику*, лишаящую их позитивного научного и дидактического значения⁶. При этом в теории проявляется стремление уйти от понятия "политическая революция"⁷, хотя политическая практика начала XXI в. это убедительно опровергает. В политической социологии переводы зарубежных авторов дополняются отечественными прикладными исследованиями политических настроений, предпочтений и электорального поведения [7, 10], однако теоретические проблемы социологии политической революции остаются вне зоны их внимания [8].

Эти недостатки современных российских исследований во многом можно объяснить реакцией на идеологическое господство в отечественной историографии и общественных

⁶ Характерным примером такой эклектики является учебный курс "Политология" Г.М. Заболотной и А.Я. Криницкого [15].

⁷ Если в учебнике А. Демидова и А. Федосеева 1995 г. [13] соотношению "политической революции" и реформ посвящен отдельный параграф, то в учебнике В. Пугачева и А. Соловьева 2000 г. [33] понятие "политическая революция" не используется. Его заменяют понятием "второй тип изменений": "...предложено различать два типа политических изменений. Первый тип изменений означает нарушение соотношения элементов, которые выражают равновесие системы и не затрагивают основных структур общества и власти. Например могут меняться лидеры, правительства, отдельные институты, но ведущие ценности, нормы, способы отправления власти сохраняются в прежнем качестве. Второй же тип изменений касается модификации несущих элементов, трансформирующих базовые институты, нормы и коммуникации, которые в совокупности способствуют достижению системой нового качественного состояния".

науках в целом так называемой «ленинской позиции» по вопросам революций, которая не всегда точно отражала мнение В.И. Ленина, а выражала чаще текущую позицию руководства ВКП(б) – КПСС⁸. В результате с начала 1990-х гг. проблемы теории политических революций в России не изучались, а были просто выведены за рамки исследований⁹.

⁸ Если отвлечься от различий в деталях, то суть общей позиции В.И. Ленина и ВКП(б)-КПСС сводилась к следующему: «политическая революция» – это массовое выступление народных масс против существующей государственной власти, которое приводит к смене господствующего класса; в истории России произошло три политических революции: первая – буржуазно-демократическая революция 9 января 1905 г. – 3 июня 1907 г., вторая – буржуазно-демократическая революция февраля 1917 г. (без уточнения хронологических рамок); третья революция – Великая Октябрьская социалистическая революция 24–26 октября 1917 г. Считалось, что ликвидация классов в России в результате «социалистической революции» с неизбежностью должна была бы положить конец и политическим революциям.

⁹ Анализ теоретических взглядов В.И. Ленин, в том числе и на политические революции в России, почти исчез из современных научных исследований, что получило отражение в историографических работах [36, 9, 25, 12]. Кстати, специальные исследования по ленинской концепции истории Февральской и Октябрьской революций также отсутствуют в советской историографии. См. статьи Историография и Библиография в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция». Ленинская концепция революций в России излагалась в официальных тезисах ЦК КПСС к юбилеям соответствующих революций [34, 24, 23, 1, 22]; в выступлениях руководителей КПСС [6, 11] или официальных изданиях по истории КПСС, начиная с «Краткого курса истории ВКП(б)» [20, 21]. Хотя с 2007 г. проходит ежегодная научно-практическая конференция «В.И. Ленин в современном мире», но уровень большинства опубликованных тезисов докладов не носит научно-исследовательского характера. См.: [Электронный ресурс] URL: <http://leninism.su/lenin-now/4186-lenin-v-sovremennom-mire-2009.html?showall=> (дата обращения: 10.04.2016). Научный

Вопросы теории политических революций, и в том числе в истории России, относились в советском обществоведении к «историческому материализму» (социальной философии) и к «научному коммунизму» (советская форма политологии). В первом случае они не рассматривались, а лишь затрагивались как аспект социальной революции, а во втором – как «теория социалистической революции» [37, 38]¹⁰. Подход советской политологии заключался в изложении «марксистско-ленинской» концепции не всех политических революций, а лишь социалистической и подведение под нее исторических примеров [29]. Сами политические революции в истории России не были предметом специального теоретического анализа. Изучался лишь их «опыт» и необходимые «уроки» для «международного коммунистического и рабочего движения» [19, 16]. Однако отсутствие анализа не отрицает наличие в советской политологии определенного общего подхода к пониманию политической революции, который в главном можно свести к следующему:

– всякая политическая революция является социальной, но не потому, что она является частью «эпохи социальной

анализ концепции В.И. Ленина политических революции в России и «ленинской концепции» в реальности и в советской, а также постсоветской историографии – задача будущего исследования.

¹⁰ Первый советский «Философский энциклопедический словарь» (М., 1983) [40] содержит статьи: социальная революция, буржуазная революция, социалистическая революция, в которых не используется понятие «политическая революция».

революции» как переходной эпохи в развитии конкретного общества, а потому что она есть процесс общественный, то есть *социальный*¹¹;

– победоносная политическая революция приводит к государственной власти новый общественный класс¹². В истории каждой развитой капиталистической страны происходит «Великая», то есть «победоносная» буржуазная революция: в Англии – Великая английская революция; во Франции – Великая французская революция; в США – война за независимость и т. д. Это положение не подтверждается историческими фактами, поскольку каждая из таких стран переживает не одну победоносную, а ряд политических революций, каждая из которых является неполной, «проигравшей», и лишь последняя доводит этот длительный процесс до полной и окончательной победы: в Англии – Великая английская революция, Славная революция, имевшая революционный характер выборная реформа 1830–1832 гг.; во Франции – Великая французская революция, революция 1830 г., революция 1848 гг., 1870–1871 гг.; в США – Великая американ-

¹¹ В то время как Маркс под этим понимал приход к государственной власти нового социального класса.

¹² Выделение «социальных или общественных классов», как результата применения метода генерализации в изучении социального состава общества, не является заслугой марксистов, а раскрытие содержания этого понятия остановилось в отечественной литературе, как известно, на «ленинском определении». Однако и само это определение и применения его к изучению исторического процесса требует, на наш взгляд, серьёзного уточнения.

ская революция 1775–1789 гг. и гражданская война 1861–1865 гг.; в России – первая русская революция 1905 г. и Февральская революция 1917 г. и т. д.¹³;

– политическую революцию принято отличать от гражданской войны; не признается, что последняя есть лишь высшая форма и фаза первой;

– политические революции в истории отдельной страны рассматриваются как часть процесса качественной трансформации феодального государственного строя в буржуазную политическую систему Однако как *целое* этот процесс не выделяется и не анализируется.

Таким образом, научное историко-теоретическое изучение политических революций в России завершилось в нашей стране в начале 1930-х гг. с утверждением в историографии так называемой «ленинской позиции». С трудом оно стало возобновляться лишь с конца 1980-х гг., после чего по политическим причинам почти полностью угасло в 1990-е гг., вернувшись к исторической и иной публицистике, перейдя к публикации источников и переводной литературы, а также к описанию новых, неполитических аспектов революционных процессов.

¹³ Лишь в работе конца 1980-х гг. М.А. Барга и Е.Б. Черняка [5] начинают выделяться «циклы революций» в истории Западной Европы, которые получают название «диахронные циклы межформационных революций». Значение этого важнейшего исследования еще не осознано и даже в главном не освоено в отечественной историографии. Однако авторы выводят за рамки предмета своего исследования политические революции в России.

Целью данной статьи является восполнение в определенной мере этого пробела путем теоретического анализа истории политических революций в России, прежде всего их сущности (социального характера); определения их хронологических рамок; анализа соотношения политической революции с революционным политическим кризисом и революционной ситуацией, а также гражданской войной; соотношения политической революции в узком смысле и политической революции в широком смысле в период с середины XVIII до начала XXI вв.

Было бы неправильным, ставя цель историко-теоретического исследования, скрывать от квалифицированного читателя теоретико-методологические основы, на которые опирается и из которых исходит автор¹⁴. Рассматривать политическую революцию в рамках современного политологического подхода как абстрактный аспект «политического процесса» или разновидность «политического конфликта» (кризиса) было бы искажением исторического процесса, потому что политическая революция кладет конец старому политическому процессу и открывает качественно новый, потому что она представляет собой такой политический конфликт (кризис), который аккумулирует и разрешает в себе все старые и мелкие политические конфликты и создает ка-

¹⁴ Такое требование, как известно, является обязательным для диссертационных исследований, но большинством, по крайней мере, историков оно обычно игнорируется в монографиях и статьях, вероятно будучи признанным формальным научным требованием, нечто вроде неизбежной дани научной бюрократии.

чественно новый политический процесс, в котором возникают качественно другие политические конфликты. Замена содержательного теоретического анализа политических процессов их формальной классификацией приводит исследование к абстрагированию от *содержания* политической революции, от качественных изменений ее социальной *сущности* и ее социальной *функции*, то есть от тех главных вопросов, которые должна отражать теория исторического процесса¹⁵.

Рассматривать политическую революцию как исторический процесс, как социальное явление, абстрагировавшись от общества в целом, от стадии его исторического развития, означает лишить ее как социальной *роли* (функции), так и исторического *содержания*. Следовательно, рассмотрение политического процесса в целом, то есть развития политической системы, вне определенной теории развития (истории) общества, было бы неправильным, возвращало бы историческое исследование к уровню науки XVIII в. На наш взгляд, преобладание на современном этапе постмодернистского направления в обществоведении делает защиту и развитие *рационализма* еще более значимым, чем в периоды устойчивого развития науки. Однако и в этих условиях рациональная

¹⁵ Использование в публикации научной терминологии, отражающей абстрактные моменты политического или социального процесса, еще не делает ее, как известно, *научной теорией*. И классификация, то есть *формальная* систематизация, эмпирических социально-политических фактов не может в принципе привести к образованию соответствующих *понятий* и *теорий*.

академическая традиция продолжает существовать и находит воплощение в *системно-аналитическом подходе* к объяснению функционирования и развития общества, то есть исторического процесса в целом [4]. Опираясь на него как на методологическую основу, и в рамках его системы философских категорий и основных историко социологических понятий можно следующим образом начать рассмотрение сущности и объективной логики политических революций в истории России.

Говорить о политических революциях имеет смысл лишь в рамках перехода общества от феодального типа к буржуазному или от средневекового – к современному, когда происходит складывание собственно политической системы. Переход же от потестарной – первобытно-родовой системы управления обществом¹⁶ к государству не принято называть "политической" или "государственной революцией", хотя качественное, *существенное* изменение системы социального управления обществом является общепризнанным [35]. Причина этого кроется в том, что "революцией" с конца XVIII в., с Великой французской революции, принято называть лишь *вооруженные восстания* населения, прежде всего в столице, против существующего государства, сопровождаемые беспорядками, разрушениями, человеческими жертва-

¹⁶ Общество имеет форму родовой общины, социальное управление в которой основано на доверии и уважении к главе рода, а позднее и к вождю племени, а не на насилии или угрозе его применения, как это стало позже в государственном управлении.

ми и приводящие, как минимум, к *значительным* изменениям *социального содержания* государственной власти и расширению политических свобод. Такое представление с добавлением классового подхода лежало до конца 1980-х гг. в основе понимания политической революции как советской исторической наукой¹⁷, так и отечественной социальной философией [41]. При этом, как уже отмечалось, всякая революция признавалась как *социальной*, так и *политической*, поскольку всякая политическая революция влияет на общество¹⁸.

Такое понимание "политической революции" требует уточнения. Ее следует отличать от социальной революции, которая понимается как *качественное* изменение всего общества в целом. Следовательно, политическая революция есть *качественное* изменение лишь политической системы общества: изменение ее *социальной сущности*, перестройки *остального* ее содержания и *способа ее функционирования*. Отсюда возникает необходимость выделения понятия "революционное формирование политической системы" как длительного исторического процесса возникновения и развития качественно новых элементов в государ-

¹⁷ Такое представление лежит в основе первого значительного шага к теоретическому осмыслению европейских политических революций XVI–XIX вв. отечественными историками, см.: Барг М.А., Черняк Е.Б. [5].

¹⁸ К. Маркс писал в 1844 г.: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» [32].

ственном строе общества, переходящего от старого его типа к новому – как революцию в широком смысле слова¹⁹.

Революционное формирование буржуазной политической системы протекает в России с середины XVIII в., когда возникают первые общественные организации; продолжается через государственные реформы 60 – 70-х гг. XIX в. и образование политических партий, ведет к революциям 1905–1907 гг. и февраля 1917 г., которые должны были привести к Учредительному собранию и завершиться формированием недостающих элементов буржуазной политической системы (см. схему 1).

"Политическая революция" в узком смысле слова охватывает не всю политическую систему, а лишь *государство*. Она изменяет его социальную сущность путем прихода к *государственной власти* нового *социального класса* или существенного изменения роли классов в управлении государством. Политическая революция с неизбежностью имеет форму *государственного переворота*, однако обратное утверждение верно не всегда. Признаком *начала* и *протекания* политической революции становится появление второго центра государственной власти в стране – возникновение двоевластия или многовластия, когда открыто возникает новый ор-

¹⁹ Советская историография не выделяла политическую революцию в широком смысле слова, как самостоятельный процесс, не осуществляла ее теоретический анализ, не разрабатывала соответствующие понятия. Ее заслугой является накопление значительного эмпирического материала по различным аспектам, территориям и этапам этих революций.

ган власти, не только *не признающий* существующую государственную власть, но и *не допускающий* ее применение по отношению к себе; протекает *острая борьба* между старой и новой властью в форме массовых выступлений мирных или вооруженных. Отчетливо такие признаки проявляются в Февральской революции 1917 г. Вооруженное восстание солдат 27 февраля приводит образованию Временного комитета Госдумы, Петроградского Совета и Временного правительства, существующих параллельно и вопреки воле императора Николая II, то есть к двоевластию, которое завершается отречением 3 марта 1917 г. великого князя Михаила Александровича в пользу Учредительного собрания. Этим событием заканчивается первое двоевластие, вместе с этим и политическая Февральская революция в узком смысле слова.

Описание логики «политической революции 1905–1907 гг.» требует для своего объяснения введения понятия "революционная ситуация"²⁰, когда возникает равнове-

²⁰ В.И. Ленин выделил «революционную ситуацию» как историческое явление и ввел в ряде своих работ 1913, 1915 и 1920 гг. соответствующее понятие [26, 27, 28]. Содержание этого явления раскрывается В. И. Лениным в трех признаках: 1) верхи не могут управлять по-старому- невозможность господствующего класса сохранять в неизменном виде своё господство; 2) низы не хотят жить по-старому- резкое обострение выше обычной нужды и бедствий угнетённых классов и их желание изменений своей жизни в лучшую сторону; 3) значительное повышение революционной активности масс. В. И. Ленин подчеркивал при этом сочетание экономического и политического кризиса. Для перерастания революционной ситуации в революцию он считал необходимыми «достаточно сильные

сие политических сил в острой фазе «революционного политического кризиса», что проявляется в невозможности подавления массовых выступлений на фоне резкой публичной критики государственной политики и требований ее смещения. Такой революционный политический кризис и "революционная ситуация" возникает в России 9 января 1905 г., когда государственная власть восприняла массовое шествие рабочих к царю как выступление против царизма. В октябре 1905 г. всероссийская стачка приводит к образованию Петербургского совета рабочих депутатов, кладет начало политической революции в узком смысле слова, которая заканчивается 18 декабря 1905 г. поражением декабрьского восстания в Москве. Этим завершается революционная ситуация в России, но не революционный политический кризис. Он проявился в ниспадающих революционных выступлениях и в деятельности I и II Государственных дум, которые противоречили воле царя, но не требовали ликвидации самодержавия или отставки правительства. Таким образом, революционный политический кризис продолжался с 9 января 1905 г. до 3 июня 1907 г., революционная ситуация с 9 января до

массовые революционные действия», чтобы свергнуть правительство (т. 26, с. 219). С последним нельзя согласиться полностью, поскольку в этом случае следует отрицать факт революции 1905 г., которая к свержению самодержавия не привела. На наш взгляд, для «перерастания революционной ситуации в революцию» необходимо кроме «массовых революционных действий» возникновение второго центра – центра революционной государственной власти, а для победы революции необходим также раскол армии и в особенности в столице. Это подтверждается, по нашему мнению, опытом российских политических революций.

18 декабря 1905 г, а буржуазная политическая революция – с 13 октября до 18 декабря 1905 г., то есть с образования Петербургского совета рабочих депутатов в ходе Всероссийской октябрьской стачки до поражения Московского вооруженного восстания²¹.

Требует также уточнения характеристика политической ситуации, возникшей в России и существовавшей с 1 ноября 1916 г. до 23 февраля 1917 г. Для нее не характерны массовые политические выступления, но существует "революционный политический кризис" как кризис государственной власти, когда один из высших органов государственной власти (Государственная дума) входит в конфликт с другим (царским правительством) и требует существенного перераспределения

государственной власти. Как известно, Государственная дума потребовала отставки царского правительства и создания правительства, ответственного перед ней. Фактически это вело к превращению формально ограниченной монархии в буржуазную монархию, когда фактическая власть принадлежала бы буржуазному парламенту и созданному им правительству. "Революционный политический кризис" может иметь различные сочетания дисфункций центральной государственной власти и массовых выступлений: правительственный кризис, кризис государственной власти, револю-

²¹ В.И. Ленин также особо выделяет этот период в работе «Крах II Интернационала» [28].

ционная ситуация.

При этом начало «революционной ситуации» как острой формы и фазы революционного политического кризиса либо совпадает с его началом, либо непосредственно предшествует политической революции²² в форме массовых революционных выступлений, и революционная ситуация, перерастая в политическую революцию, продолжается до ее победы или поражения, как это было с 9 января до 18 декабря 1905 г. и с 23 февраля до 3 марта 1917 г.²³

Значительно сложнее обстоит дело с Октябрьской революцией и периодом революционных событий с марта до октября 1917 г. В настоящее время существует две точки зрения. Одна из них сложилась в советской историографии и

²² В революции октября-декабря 1905 г. революционный политический кризис с января до октября 1905 г. сразу приобретает форму революционной ситуации, а в период с октября 1905 г. до июня 1907 г. – форму кризиса государственной власти. Естественно, формы революционного политического кризиса могут пересекаться, если учитывать, что политическая революция в узком смысле слова есть высшая форма революционного политического кризиса, а следовательно и революционной ситуации.

²³ раскол армии прежде всего в столице, возникновение революционного органа власти и 3) если «старая власть» не сдастся, протекает гражданская война до ликвидации двоевластия, когда оно существует в форме вооруженного противоборства. В зависимости от предпосылок и условий развитие политической революции может быть прервано в разных фазах, что определяет ее политические результаты (степень изменения соотношения политически правящих классов, организационных форм, способа функционирования и политического режима государственной власти, уровня сформированности революционной политической системы).

сводится к различению Февральской и Октябрьской революций 1917 г. как двух качественно различных политических революций. Другая исходит из трактовки революционных событий 1917 г. в России как единой политической революции, лишь разворачивающейся в своих различных этапах (см. схему 2).

27 февраля 1917 г., с начала Февральской революции, в форме «мирного двоевластия» возникает новый революционный политический кризис с новой расстановкой борющихся социально-политических сил, который завершается в лишь в октябре 1922 г. с подавление последних очагов вооруженного сопротивления советской власти. «Мирное двоевластие» Временного правительства и Петроградского Совета олицетворяло претензии на власть существенно разных социальных сил российского общества. Это «мирное двоевластие», при всей его противоречивости и смене форм, продолжалось с марта до октября 1917 г.²⁴ Ап-

²⁴ С тезисом В.И. Ленина о завершении мирного двоевластия в результате событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде трудно согласиться полностью, поскольку Советы сохранились, а эсеровская партия стала ведущей во Временном правительстве. Корниловский мятеж в таком случае не ставил бы целью ликвидацию Советов. Соотношение сил между Временным правительством и Советами, разумеется, изменились. С одной стороны, военные полномочия Советов сократились (в лице Петроградского Совета), с другой стороны, зависимость Временного правительства от Советов возросла, поскольку советские партии меньшевиков и эсеров стали в большей степени определять политику правительства. Временное правительство с июля 1917 г. продолжало опираться на Советы и потеряло власть в лишь октябре, потеряв их поддержку с конца августа.

рельский, июльский и августовско-сентябрьский правительственные кризисы, а также Корниловский мятеж порождали революционные ситуации, которые в конце концов переросли в государственный переворот, завершивший это «мирное двоевластие» новой политической революцией.

«Октябрьская революция» в *Петрограде* (24–27 октября 1917 г.), ограниченная масштабами столицы, положила начало новой политической революции, новому двоевластию и многовластию. Октябрьская революция в *России* (октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.) включила ряд этапов:

- государственный переворот в Петрограде;
- установление советской власти на территории почти всей страны как в мирной форме, так и в форме вооруженных восстаний;

- этап гражданской войны с мая 1918 г. до ноября 1920 г.

Октябрьская политическая революция в России в широком смысле слова охватила период с октября 1917 г. до конца 1930-х гг., когда завершилось формирование советской авторитарно-бюрократической политической системы.

Приведенный исторический материал позволяет ставить и решать вопрос о *типологии политических революций* в России. Поскольку социальная сущность политической революции заключается в переходе государственной власти к новому *социальному классу*, сущностная типология этих революций предполагает выделение этого класса. Применительно к политическим революциям октября-декабря 1905 г.

и февраля 1917 г. таким классом общепризнанно является российская буржуазия. Поэтому данные революции по социальному содержанию являются *буржуазными*, а по политической целям, к которым они стремятся, являются демократическими (республиканскими). Октябрьская революция 1917 г. по социальному содержанию является *бюрократической*, по цели – демократической (республиканской). Однако научное понимание политической революции предполагает ее историческую оценку не по цели, а по результатам как по *содержанию* так и по *форме*:

Революция октября-декабря 1905 г. Ее содержательные социальные результаты заключаются в получении российской буржуазией несущественной части законодательной власти и части политических свобод. Политическая форма результатов – дворянско-буржуазный парламентаризм при формально ограниченной абсолютной монархии.

Февральская революция 1917 г. Содержательные результаты – переход, минуя конституционную монархию, формально всей власти к буржуазии (законодательной, исполнительной, судебной, военной), фактически мирное двоевластие – при господствующей власти буржуазии (в лице Временного правительства) сочетание ее с властью рабочих, солдат и крестьян (в лице Советов). Политическая форма результатов – утверждение политических свобод, резкий рост революционной демократии снизу при стремлении Временного правительства к концентрации власти (отказ подчи-

няться Советам и Предпарламенту) и тенденции перерастания государственной власти в форму авторитаризма (Корниловский мятеж и Октябрьская революция).

Октябрьская революция 1917–1920 г. Содержательные результаты – переход фактически государственной власти к новой «социалистической» бюрократии²⁵, сложившейся из радикальной интеллигенции, служащих, рабочих и крестьян. Политическая форма результатов – авторитаризм при декларативной демократии; однопартийная политическая система и, следовательно, однопартийный политический режим при идеологической «социалистической» монополии; разделение государственной власти по функциям и степени влияния между партийной, советской и хозяйственной бюрократией.

Обращаясь к «либеральной» политической революции в России конца XX в., следует выделить революцию в широком смысле слова – революционное формирование ли-

²⁵ Обвинения советской власти в бюрократических извращениях начались с 1920-х гг.: Л. Троцкий в середине 1930-х гг. делает вывод о бюрократической сущности советского государства [39]; Джилас М. в работе «Новый класс» (1957 г.) [14] раскрывает бюрократию как политически господствующий класс в реальном социалистическом обществе; к этому выводу подводил В.П. Макаренко в работе «Бюрократия и государство» 1987 г. [30] и позднее пришел к этому выводу в 2009 г. работе «Политическая бюрократия и народная разведка» [31]. Околону научная публицистика, начиная с 1987 г., представляет собой пропагандистскую эклектику (относит советское общество и советское государство к «рабовладению», «феодализму», «крепостничеству», «бюрократизму», «тоталитаризму») и, на наш взгляд, не представляет научного значения.

беральной политической системы, начавшееся с августа 1986 г., когда в СССР были сформированы два массовых либеральных органа печати (газета «Московские новости» под руководством Егора Яковлева и журнал «Огонек» под руководством Виталия Коротича), и протекающее до настоящего времени. Революционный политический кризис возникает с мая 1989 г., когда собирается I съезд народных депутатов СССР, объективно противостоящий ЦК КПСС. С марта 1990 г. начинается революционная ситуация, когда вместе с отменой руководящей роли КПСС в ряде союзных республик компартии раскалываются, теряют власть, с Литвы начинается выход союзных республик из состава СССР.

Либеральная политическая революция в России в узком смысле слова охватывает период с августа 1991 г. до декабря 1993 г. Она является частью революционного политического кризиса, начавшегося в СССР в мае 1989 г. и протекавшего в РФ до июля 1996 г. и включает четыре государственных переворота:

- ГКЧП (19–21 августа 1991 г.) – ликвидация КПСС и ограничение власти Президента СССР;
- ликвидация СССР и государственной власти Президента СССР (8-25 декабря 1991 г.);
- события сентября-декабря 1993 г. в Москве (21 сентября – 4 октября 1993 г.) – ликвидация власти Верховного Совета, утверждение фактически государственной власти в руках Президента РФ, которая была оформлена и закреплена

в Конституции декабря 1993 г. Этими событиями заканчивается либеральная политическая революции и революционная ситуация в России.

Однако революционный политический кризис продолжается до июля 1996 г., когда победа Б.Н. Ельцина на выборах президента РФ закрепляет победу либералов, а их противники терпят окончательное поражение.

Результаты авторитарно-бюрократической либеральной политической революции 1991–1993 гг. Содержательные социальные результаты заключаются в переходе государственной власти от «социалистической» бюрократии к западно-ориентированному («либеральному») союзу бюрократии и узкого высшего слоя буржуазии – монополистической буржуазии (финансовой и промышленной) при руководящей роли в этом союзе государственной бюрократии. По форме ее политические результаты представляют переход от однопартийной к многопартийной системе при сохранении однопартийного политического режима, к авторитарной форме государственной власти и декларативной демократии.

Каждое общество в эпоху перехода от феодального типа к буржуазному переживает не одну «победоносную», как считали ранее, а целый ряд политических революций, цели которых достигаются, как правило, частично и не полностью, лишь в той степени, в какой имеются социальные и культурные *предпосылки* и *условия* их достижения; и лишь последняя является полной и окончательной. При этом, про-

ходя через все изломы конкретных событий, героизм и предательство политических лидеров, переходные формы конституционной монархии или авторитаризма, остается неизменной историческая направленность длительного исторического процесса перехода от абсолютной монархии к демократии²⁶. Таков объективный закон исторического процесса в политической сфере в целом, и в России в период с середины XVIII до начала XXI вв. в частности.

Таким образом, политическая революция в широком смысле слова, как революционное преобразование полити-

²⁶ Франции потребовалось пережить за 80 лет 4 демократических революции, чтобы перейти к демократии. Россия также пережила 4 демократические революции за 110 лет, но так еще и не завершила этот процесс. В декабре 2011 – мае 2012 г. Россия пережила начало нового революционного политического кризиса, который не перерос в революционную ситуацию из-за отсутствия «кризиса верхов» и активных противодействий авторитарного государства. Следовательно, повторение новых революционных политических кризисов разной остроты и, возможно, разного социального характера неизбежно в России до тех пор, пока не будут разрешены исторические противоречия и закончен переход от авторитаризма к демократии, может быть, уже вне рамок буржуазного общества. В начале XXI в. нарастание опасности для суверенитета России может опять изменить социальный характер нового революционного политического кризиса и, как это было в 1917 г., привести к политической победе не прозападные радикальные либеральные «демократические» партии, а радикальные партии социальной справедливости и к новому авторитаризму на период построения «нового демократического социализма». Политическое противостояние США и объединенному Западу требует от новой России усиления авторитаризма, а потребности преодоления системного экономического кризиса порождает необходимость ликвидации тотальной коррупции и демократизации. Разрешение этого исторического противоречия возможно лишь путем революционного политического действия независимо от его формы.

ческой системы охватывает длительный период и сопровождается рядом политических революций в узком смысле слова в форме массовых политических выступлений, ряда государственных переворотов, вооруженных восстаний или гражданской войны. Двоевластие является характерным признаком политической революции в узком смысле слова. Её предвещает революционный политический кризис, который, развиваясь, приобретает форму революционной ситуации, а та, в свою очередь, достигает высшей остроты в самой политической революции. Окончание политической революции является также концом революционной ситуации, но не всегда революционного политического кризиса, который может еще продолжиться некоторое время.

В истории России XVIII–XXI вв. можно выделить следующие политические революции в широком и узком смысле слова. Революционное формирование буржуазной политической системы (политическая революция в широком смысле слова) с середины XVIII в. до октября 1922 г. включало две буржуазные политические революции октября–декабря 1905 г. и февраля 1917 г. Революционное формирование авторитарно-бюрократической (социалистической) политической системы с февраля 1917 г. до конца 1930-х гг. включало Октябрьскую политическую революцию в России с октября 1917 г. до ноября 1920 г. Революционное формирование буржуазно-демократической политической системы началось с осени 1986 г. и продолжается в России до на-

стоящего времени. Оно включило в себя авторитарно-бюрократическую либеральную политическую революцию 1991–1993 гг., которая привела на современном историческом этапе к утверждению бюрократического авторитаризма с опорой на прозападную монополистическую буржуазию, многопартийной политической системы при однопартийном политическом режиме.

Политической перспективой современной России является революционный политический кризис. Его разрешение допускает следующие альтернативы: завершение перехода всей полноты государственной власти к монополистической буржуазии в форме авторитарного однопартийного или «демократического» двухпартийного политического режима, но также возможно в условиях резкого нарастании экспансии Запада против России установление авторитарного режима власти национально-ориентированной буржуазии или левых патриотических сил.

Схема 1

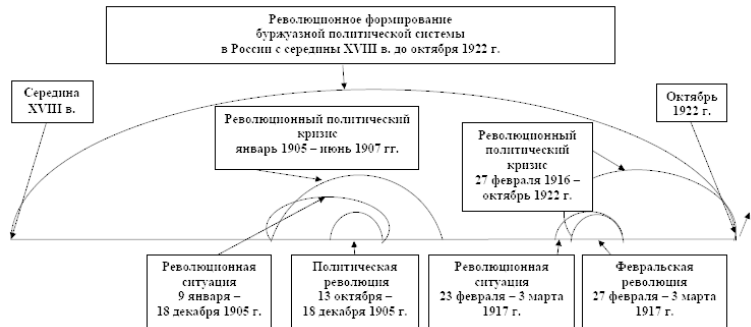

Схема 2

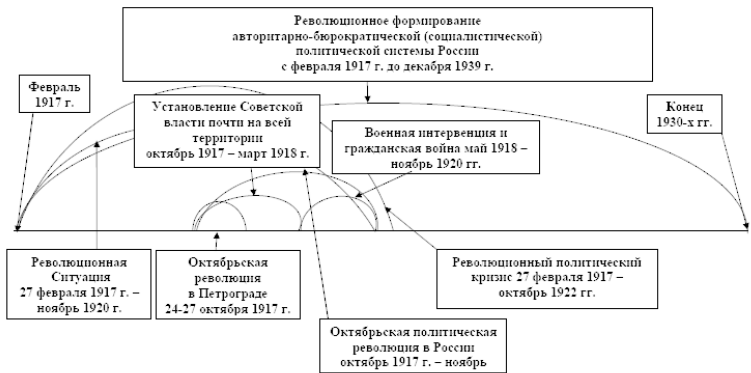
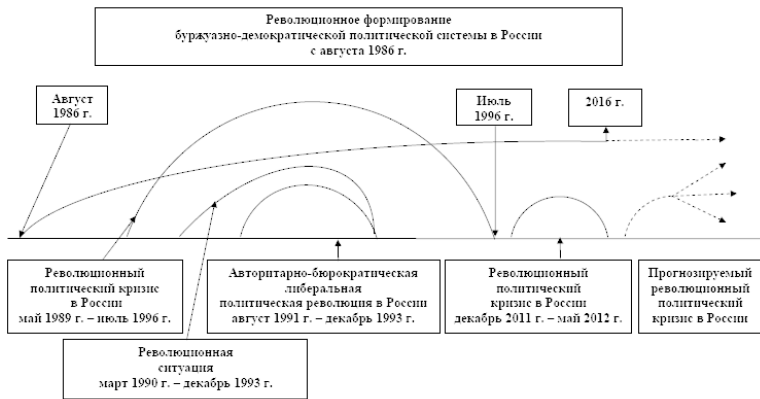

Схема 3

Источники и литература

1. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967.
2. *Ананченко А.Б.* Проблемы формирования советской политической системы. М., 2011. 255 с.
3. *Ананченко А.Б.* Становление политической системы Советской России (1917–1920 гг.): Историко-аналитическое исследование. Saarbrücken, 2011. 346 с.
4. *Астахов М.В.* Основы системного понимания исторического процесса // Самарский Центр аналитической истории и исторической информатики. Самара,

2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.scahi.ru/viewpage.php?page_id=7#%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 12.04.2016).

5. *Барг М.А., Черняк Е.Б.* Великие социальные революции XVII–XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. М., 1990. 256 с.

6. *Брежнев Л.И.* Великий Октябрь и прогресс человечества. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР... 2 ноября 1977 г. М., 1977.

7. *Бурдьё П.* Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с. [Электронный ресурс] URL: <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (дата обращения: 10.04.2016).

8. *Васильева Л.* Теория элит: социология политики. М.: Социум, 2011. 208 с.

9. *Волбуев О.В., Муравьев В.А.* Ленинская концепция революции 1905–1907 годов в России и советская историография. М., 1982. 242 с.

10. ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=196&uid=13842> (дата обращения 10.04.2016).

11. *Горбачев М.С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжестве, заседании

ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской соц. революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М., 1987.

12. *Григорьев А.А. В.И. Ленин в современной российской историографии*, 18 ноября 2011 г. URL: <http://vladislavvolkov.livejournal.com/23361.html>

13. *Демидов А., Федосеев А. Основы политологии. Учеб, пособие. М.: Высш. шк., 1995. 271 с.* [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Demid/13.php (дата обращения 01.04.2016).

14. *Джилас М. Новый класс. N-Y, 1957.* URL: <http://www.rulit.me/author/dzhilas-milovan/novyj-klass-get-390344.html>.

15. *Заболотная Г.М., Криницкий А.Я. Политология / Тюменский государственный университет // "Федеральные учебные курсы".* [Электронный ресурс] URL: <http://www.studfiles.ru/preview/965606/> (дата обращения: 02.04.2016).

16. *Зародов К.И. Три революции в России и наше время. 3-е изд. М., 1983. 640 с.*

17. *Изmozик В.С., Рудник С.Н. Февраль и Октябрь 1917 г. – этапы второй российской революции // Ленин в современном мире. М., 2009.* [Электронный ресурс] URL: <http://leninism.su/lenin-now/4186-lenin-v-sovremennom-mire-2009.html?showall=&start=10> (дата обра-

щения: 02.04.2016).

18. *Исаев Б.А., Баранов Н.А.* Современная российская политика: учебное пособие. Для бакалавров. СПб.: Питер, 2012. 448 с. [Электронный ресурс] URL: <http://nicbar.ru/Spetskurs.htm> (дата обращения: 13.04.2016).

19. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1–3. М., 1985–1987 [Электронный ресурс] URL: <http://vros.lav1985.livejournal.com/59136.html> (дата обращения: 14.04.2016).

20. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.

21. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 тт. Т. 1–5. М.: Политиздат, 1967–1980.

22. К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969.

23. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1957). Тезисы отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и НМЛ при ЦК КПСС // Коммунист. 1957. № 13. С. 3–9.

24. К 40-летию годовщины Февральской и Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС. М., 1957.

25. *Котеленец Е.А.* В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999. 224 с. [Электронный ресурс] URL: <http://leninism.su/lenin-now/4130-vi-lenin-kak-predmet->

istoricheskogo-issledovaniya.html?showall= (дата обращения: 13.04.2016)

26. *Ленин В.И.* Маевка революционного пролетариата, 1913 г. // Поли, собр. соч. Т. 23. С. 300.

27. *Ленин В.И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Поли. собр. соч. Т. 41. С. 69–70.

28. *Ленин В.И.* Крах II Интернационала // Поли. собр. соч. Т. 26. С. 219.

29. Ленинская теория социалистической революции и современность / Ред. кол.: П.Н. Федосеев и др. М., 1972. 526 с.; Изд. 2-е доп. М., 1975. 535 с.

30. *Макаренко В. 77.* Бюрократия и государство. М., 1987.

31. *Макаренко В.П.* Политическая бюрократия и народная разведка // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 111–139 [Электронный ресурс] URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.4/10.pdf> (дата обращения 17.04.2016).

32. *Маркс К.* Критические заметки к статье "Пруссака" "Король прусский и социальная реформа", 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 448.

33. *Пугачев В., Соловьев А.* Введение в политологию. 3-е изд. Учеб. для вузов. М., 2000. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Pugach/31.php (дата обращения: 17.04.2016).

34. Пятьдесят лет первой русской революции. Тезисы института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС. М., 1955.

35. Рождение государства // История первобытного общества. Эпоха классовообразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1988. С. 226–251.

36. Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. [Г.Д. Алексеева, Х.М. Астрахан, Н.Г. Думова и др.; отв. ред., В.П. Наумов]. М., 1979. 316 с.

37. Социальная революция // Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. Изд. 3. М., 1971. С. 193–225.

38. Социальная революция // Программа курса марксистско-ленинской философии для высших учеб., завед. / Мин. высшего и среднего специального образования СССР. М., 1987. С. 24.

39. *Троцкий Л.* Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? 1937. [Электронный ресурс] URL: <http://rovallib.com/book/trotskyivlev/predannava-revolvutsiva-cto-takoe-sssr-i-kuda-on-idet.html> (дата обращения: 14.04.2016).

40. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

41. Эволюция и революция в общественном развитии. Глава XII / Ю. Н. Сухарев, А.А. Федосеев // Диалектика общественного развития. Т. 4 / Отв. редактор тома В.Г. Маратов; Редакторы: В.Д. Комаров, В.С. Овчинников, В.Я. Суслев, Е.А. Шаповалов. М.: Мысль, 1984. С. 206–207.

«Конфликт ожиданий» в отношениях между Россией и Западом в начальный период новой российской государственности. 1991–1993

*Барсенков А. С.*²⁷

Тезисы доклада

Аннотация: Начало системной трансформации советского общества и выход из холодной войны во второй половине 1980-х гг. сопровождалось расчетами на заинтересованное и конструктивное взаимодействие России со странами Запада. Опыт 1991–1991 гг. показал, что бывшие противники по-разному видели перспективы отношений в условиях меняющегося мирового порядка. Становившийся очевидным «конфликт ожиданий» превращался в постоянно действующий фактор, и поныне определяющий характер двусторонних связей.

Ключевые слова: новая российская государственность, внешняя политика России, «конфликт ожиданий», «реаль-

²⁷ **Барсенков Александр Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

ный суверенитет».

Barsenkov A.S. "The conflict of expectations" in relations between Russia and West at the beginning period of the new Russian statehood. 1991–1993.

Abstract: The beginning of the systemic transformation of Soviet society and the way out of the Cold War in the second half of the 1980s accompanied by hopes for the interested and constructive cooperation between Russia and the West. An experience of 1991–1991 showed that the former enemies have seen different prospects of relations in a changing world order. It becomes apparent "the conflict of expectations" turned into a permanent factor, and still defines the character of bilateral relations.

Keywords: new Russian statehood, Russia's foreign policy, "the conflict of expectations", "real sovereignty".

Выступая в Государственной Думе Федерального Собрания 19 мая 2010 г., министр иностранных дел С.В. Лавров обратил внимание на то, что после завершения холодной войны сформировался конфликт ожиданий, «который стал характерным для состояния наших отношений с Западом и который мы только недавно начали преодолевать». На наш взгляд, концепт «конфликта ожиданий» может быть плодотворно использован при объяснении эволюции отечествен-

ной внешней политики в конце XX – начале XXI века. Он позволяет содержательно реконструировать то, как начиналась «притирка» друг к другу бывших противников в холодной войне, отношения между которыми не приобрели стабильный характер и поныне.

К 1992 г. большинство западных политиков, прежде всего руководство США, исходили из того, что СССР холодную войну проиграл, и его преемница Россия является побежденной страной. Из этого вытекало, что в отношениях с новым российским государством можно решить ряд важных задач. Прежде всего, это – изменение всей системы общественных отношений бывшего «тоталитарного государства», которое видели в утверждении рыночных отношений, демократического порядка и либеральной идеологии. В практическом плане это предполагало в первую очередь изменение отношений собственности, а также поддержку внутри России тех политических сил, которые стремились решительно расстаться с прошлым, ориентируясь при этом на опыт «цивилизованных» стран. Во-вторых, обеспечение своей безопасности США связывали с уменьшением военной, прежде всего, ядерной угрозы; отсюда – акцент на разоруженческой проблематике в двусторонних отношениях. В-третьих, предоставление необходимой, но весьма ограниченной экономической помощи контролируемым США международными финансовыми институтами осуществлялось на условиях, при которых России отводилось опреде-

ленное место в уже сложившейся глобальной экономике. В четвертых, в соответствии с концепцией «порабощенных наций» (1959 г.), поддерживалось возникновение на территории бывшего СССР новых независимых государств, а от России ожидали отказа от «имперских амбиций», под которыми понимали попытки сохранения влияния и тем более интеграционные интенции.

Свой «набор» ожиданий в отношении Запада к концу 1991 г. сложился и у новой политической элиты России. В ее представлении окончание холодной войны и «августовская демократическая революция» (антикоммунистическая) 1991 года делают Запад не только естественным партнером, но и союзником. Всерьез обсуждалась желательность и необходимость аналога «плана Маршалла» для России, «техническое» содействие в создании рыночных институтов при готовности власти начать реформы в «шоковом» режиме. Понимание того, что реформы будут тяжелыми, делало желательной политическую поддержку со стороны западных лидеров при разрешении и внутренних конфликтов. Рассчитывали на привилегированное внимание к России в сравнении с другими участниками Содружества Независимых Государств. В России надеялись на установление партнерских отношений с США и Западом в целом и в сфере безопасности. Российские лидеры в разных формах выражали готовность присоединиться к НАТО. В Москве полагали, что новая безопасность будет строиться вместе преодолевшей

идеологический раскол Европой, поэтому была готова к серьезным шагам в сфере сокращения вооружений.

Что касается будущих отношений на постсоветском пространстве, то в конце 1991 г. в России было мало позитивной определенности. Сохранение влияния в регионе связывали с вопросом о границах и возможностью регулировать цены на энергоносители. В общем плане полагали, что быстрый выход из кризиса и успешное проведение экономических реформ вновь сделают Россию привлекательной и соседи к ней потянутся сами.

Следует специально отметить, что социализация новых российских лидеров происходила в 1960 – 1970-е гг., когда СССР был единственным государством, с которым США были вынуждены считаться всерьез. Поэтому вопрос о международном влиянии страны в условиях меняющегося мирового порядка волновал и новых лидеров. Они придавали большое значение сохранению за Россией статуса «великой державы».

В 1992 г. кризисное состояние экономики было главным фактором не только хозяйственной, но и политической жизни стран. Поэтому усилия президента и главы российского МИДа были сосредоточены на мобилизации международной поддержки реформ. Предпринятые неординарные шаги не дали ожидаемых результатов и предложенная Западом «помощь для самопомощи» не привела к смягчению последствий радикальных перемен, оказавшихся весьма болезнен-

ными.

Одновременно постсоветское пространство превращалось в зону политической нестабильности. Вспыхнувшие вооруженные конфликты и другие проблемы потребовали российского вмешательства, что, с одной стороны, актуализировало вопрос о жизненной важности этого направления внешней политики, а, с другой, – породило тему «имперских амбиций» новой России.

Разгоравшаяся на территории бывшей СФРЮ гражданская война становилась важным индикатором угасания Ялтинско-потсдамской системы, в которой СССР играл одну из ключевых ролей. После 1991 г. ведущая роль в урегулировании конфликта постепенно перемещалась от ООН к НАТО и от ЕС к США. Россия столкнулась с неожиданным отношением к ее позиции в регионе традиционных интересов.

В 1993 г. одним из главных направлений внешней политики становится обеспечение поддержки российского президента по преодолению внутривнутриполитического кризиса и принятию новой Конституции. Характер противостояния и итоги преодоления кризиса получили неоднозначную оценку западных партнеров.

Итоги исторической динамики России в период «августовской республики» 1991–1993 гг. стали основой для корректировки взаимных ожиданий. В нашей стране начинается дрейф от доминировавшей доктрины «атлантизма», на Западе уточняются границы и формы «вовлечения России»

в сотрудничестве с «сообществом демократических государств».

Секция I

Война и революция: россия накануне и в годы Великой российской революции

Революция как мировоззренческая и концептуальная проблема пермских крестьян в декабре 1917 г.

*Волгирева Г.П.*²⁸

Тезисы доклада

Аннотация: Впервые показаны технологии большевиков в 1917 г. по воздействию на пермских крестьян и неприятие действий большевиков крестьянами.

Ключевые слова. Земельные комитеты, землеустроители, землемеры, агрономы, крестьяне, большевики.

²⁸ **Волгирева Галина Павловна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ).

Volgireva G.P. The Revolution as an outlook and a conceptual problem of Permian peasants in the December of 1917.

Abstract: For the first time shows the Bolsheviks technology in 1917 on the impact on farmers of the Permian and the rejection of actions of the Bolsheviks peasants.

Keywords: Land committees, surveyors, land surveyors, agronomists, farmers, the Bolsheviks.

Революцию как мировоззренческую и концептуальную проблему пермских крестьян отражают документы Пермского Губернского Земельного Комитета. После передачи дел из Землеустроительных Комиссий в Земельные Комитеты многие чины столыпинского землеустройства перешли на работу в Земельные Комитеты. Именно Земельные Комитеты в Пермской губернии обладали всей полнотой власти до октябрьского переворота. Последняя (четвертая) сессия Губернского Земельного Комитета состоялась 10 декабря 1917 г. Авторы документа «Из истории Земельных Комитетов в Пермской губернии» сообщают о проведении четвертой последней сессии: «Особенно ярко во всех докладах с мест подчеркивался рост большевистской агитации, исходящей из среды отдельных небольших групп людей, в большинстве случаев, *посторонних, приезжавших со стороны, к которым примыкали незначительные группы и местных жителей из среды возвратившихся с фронта солдат.* Все эти люди делали свое дело не столько словами, сколько *действиями с оружием в руках.* Они заставляли

население национализировать мельницы, выгоняя арендаторов, отнимали квартиры и мебель у служащих лесничеств, увольняли лесничих и проч. В течение декабря месяца таковым движением охвачены были прилежащие к г. Перми и железнодорожным линиям, отдельные части уездов Пермского, Оханского, Соликамского, Красноуфимского и отдельные районы Екатеринбургского уезда» [1, с. 34].

Документ описывает большевиков как «посторонних, приезжавших со стороны» с оружием в руках. Таким образом, новая власть была автократичной по своей природе и игнорировала все демократические процедуры. Именно они заставляли местных крестьян национализировать мельницы, выгонять лесничих с квартир. Также обратим внимание на то, что подобные факты наблюдались на территориях близких к железным дорогам в пяти уездах губернии и территориях близлежащих к губернскому городу.

Далее документ сообщает о жалобах на данные факты: *«В Губернскую Земельную Управу стали стекаться со всей губернии дела с жалобами.* Приезжали депутации от заводладельцев, лесовладельцев, арендаторы мельниц и проч. приезжали, *часто из далеких мест, и сами крестьяне. Последние старались узнать «по закону ли поступали они», взяв себе, под давлением и угрозами большевиков, мельницу. Некоторые из них просили отменить постановление большевиков «и выдать им на руки бумагу». Другие представители волостей приезжали вместе с из-*

знанными арендаторами мельниц и уверяли Управу, что своего арендатора они давно знают и не считают его «спекулятором» [1, с. 34–35].

Как видим, крестьяне пытаются узнать законы, по которым действуют большевики. При этом, они не признают их власть и требуют выдать им документы, отменяющие действия большевиков. Таким образом, крестьянам не были притягательны идеологические формы большевиков.

Картина декабря 1917 г. в документе описана так: «От последней сессии Губернского Земельного Комитета создавалось такое впечатление. Казалось, что на карту было поставлено все. Атмосфера в губернии сгущалась, словно перед какой-то ужасной грозой. Сыплются, как из рога изобилия, советские *декреты о земле, молчаливо остающиеся на наших столах без движения.* Правительства нет. Главный Земельный Комитет распущен. *Губернская Земельная Управа оставалась в губернии единственным учреждением. Сюда были обращены все взоры.* Сюда обращались все учреждения, работающие в губернии по земельному вопросу, сюда шли все должностные и частные лица, владельцы, представители крестьянских обществ и друг. *Земельная Управа являлась самым влиятельным органом в губернии. Не покладая рук, Губернская Управа продолжала интенсивно работать, вступая в открытую борьбу с большевистским невежеством.* В местных газетах печатались постановления IV сессии Губернского Земельного Ко-

митета, по уездам рассылались циркуляры по отдельным вопросам текущей земельной политики, *идущие в разрез с действиями большевиков*» [1, с. 39].

Как видим, декрет большевиков о земле оставался без движения по причине большевистского «невежества». Большевистское «невежество» в данном случае достаточно аккуратное понятие, которое оценивает действия большевиков. Но за ним стоит отказ принятия большевиками законных интересов собственников, среди которых были в первую очередь крестьяне. Добавим, Пермская губерния многоземельная. Местные крестьяне и до столыпинской реформы владели большими земельными участками от 15 до 40 дес. В период столыпинской реформы, в Оханском уезде, например, на банковских землях крестьяне – хуторяне брали земельные участки от 50 до 140 десятин.

Далее, документ сообщает: «Земельные Комитеты, объединив вокруг себя старые, казенные учреждения, тем самым дали возможность последним продолжать деятельность, целиком сохраняя их рабочий аппарат и *соблюдая историческую преемственность в работах*, столь ценную и нужную в момент великих реформ и коренных преобразований. *Земельные Комитеты... делали свое важное, государственное дело – в смысле предотвращения страны от невероятных разрушений. Для человека, кто беспристрастно наблюдал их работу, это ясно, как день. Но большевики, без конца «углублявшие» революцию, пу-*

стили насмарку все, что было сделано государственно-полезного Земельными Комитетами» [1, с. 40].

Как видим, авторы документа пребывают в явном заблуждении относительно понятий «исторической преемственности» в момент «великих реформ и коренных преобразований». Историческая преемственность характеризует устойчивость системы государственного устройства и поэтому является ценным и нужным понятием. Понятие же «коренные преобразования» не только исключает «историческую преемственность», но ведет к неустойчивости и разбалансированности системы на всех уровнях власти: концептуальном, идеологическом, законодательном, исполнительном и судебном. Авторы документа совершают ошибку в понимании текущего момента. Управление страной, после марта 1917 г., находилось уже не в балансирующем режиме, как это было в царское время, а в революционном, так называемом маневренном режиме, в результате которого всегда устанавливалась жесткая власть – диктатура, а не демократические институты.

Пермские крестьяне, обладая здоровым чувством меры, «нутром» почувствовали беззаконие большевиков и поэтому требовали отмены постановлений большевиков законным образом в Губернском Земельном Комитете.

Более того, данный документ отражает отношение крестьян к большевикам на четвертом Губернском Крестьянском съезде, проходившем в Перми 19 января 1918 г.:

«...неописуемая буря негодования и протестов, которые разразились со стороны крестьянства, когда получено было, 19 января 1918 г., на происходившем в г. Перми IV Губернском Крестьянском Съезде *известие о вооруженном занятии большевиками Губернской Земельной Управы*. 19 января 1918 г. Губернский Земельный Комитет объявлен был большевиками распущенным. Вооруженная стража продолжала оставаться в нем в течение 7 дней. Занятия остановились. После неоднократного обращения большевиков в Управу работать вместе и обещаний не «мешаться» в работу, Управа работать отказалась. *Появление большевиков на съезде было встречено оглушительным взрывом негодований* (не выразивших протеста, из 450 участников съезда, было около 80 человек – 18 %). *Огромным большинством голосов Съезд вынес резолюцию с протестом против действий советской власти*. Земельным Комитетам было *выражено доверие за работу, направленную к интересам и нуждам трудового крестьянства*, обещая на местах *оказать большевикам самое решительное противодействие в их вредной и губительной работе*. После закрытия Земельных Комитетов *население долгое время избегало большевистских земельных отделов, обходило их, старясь отыскать прежних работников Земельных Комитетов*. У крестьян *рождалось недоверие*, когда они встречали в Комитете людей, назначенных большевиками, никем не избранных» [1, с. 41–42]. Добавим из документа: «о са-

мих большевиках среди крестьян говорили так: «хорош у лисицы хвост, да она и сама хитра» [1, с. 40].

Таким образом, в Пермской губернии в декабре 1917 г. оплотом борьбы с большевизмом оказались Земельные Комитеты, в которых работали бывшие землеустроители, землемеры и агрономы из бывших Землеустроительных Комиссий, а также сами крестьяне, познавшие, благодаря столыпинской землеустроительной реформе, что значит быть хозяином своей земле. Более того, крестьяне, обещая губернскому съезду в январе 1918 г., на местах оказывать большевикам «в их вредной и губительной работе» решительное противодействие, уже в августе 1918 г. подняли вооруженное восстание в Сепычевской волости, к которым присоединились хуторяне банковских земель Сивинской и Екатерининской волостей Оханского уезда Пермской губернии. Дальнейший массовый саботаж в городах и уездах Пермской губернии на всех уровнях власти в 1918 – 1919 гг. получит название в документах советской элиты, Ленина и Сталина, – «Пермская катастрофа».

Источники и литература

1. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-469. Оп. 21. Д. 1. «Из истории Земельных Комитетов в Пермской губернии». Л. 23–45.

«Третьеиюньский» переворот и «новый» избирательный закон 1907 г., как результаты первой русской революции в оценке партии кадетов

*Щукин Д.В.*²⁹

Тезисы доклада

Аннотация: Цели и задачи: Итог первой русской революции 1905–1907 гг. – «третьеиюньский государственный переворот» и новый государственный строй в России начала XX века – думская монархия. Задачей выступает рассмотрение оценки акта государственной власти Российской империи (манифест от 3 июня 1907 г. и введение нового избирательного закона) со стороны представителей либерального движения России начала XX века (партией Народной Свободы – кадетами), выяснение их отношения к новому избирательному закону и созданной на его основе политической системе в стране.

Ключевые слова: Государственная Дума, партия кадетов,

²⁹ **Щукин Денис Васильевич** – доцент, кандидат исторических наук. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

фракция партии Народная Свобода, Российская империя, третьеиюньская политическая система, парламент, история России.

Schukin D.V. “Tretyeiunsky” take-over and “new” electoral law of 1907 as a result of the First Russian revolution according to estimate of party of cadets

Abstract: Goals & objectives: The result of the first Russian revolution of 1905–1907 – political system of the Third of June and a new form of government in the early XX century Russia – the Duma monarchy. The task is the consideration of evaluation act the state authorities of the Russian Empire (the Manifesto of June 3, 1907, and the introduction of a new electoral law) on the part of representatives of the liberal movement of Russia of the early twentieth century (party of National Freedom – party of cadets) and the elucidation of their attitudes to the new electoral law and the political system in the country.

Keywords: State Duma, party of cadets, fraction of party National Freedom, Russian Empire, political system of the Third of June, parliament, history of Russia.

«Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем их разбирать...»

П.Н. Миллюков

«Революцию похоронили. Ее гложут черви. Но революция обладает свойством быстро воскресать

и пышно развиваться на хорошо подготовленной почве...»

В.И. Ленин

Первая половина XX в. в истории России – время революций, которые становятся неким знаковым элементом реальности и жизненной практики общества эпохи «последнего императора» династии Романовых Николая II.

Утверждение о том, что войны и революции – это исторические процессы качественных изменений и образы перемен в общественном сознании на наш взгляд, несомненно. Однако революция – это ещё и «настроения».

Первая русская революция 1905–1907 гг. формирует в стране абсолютно новое «настроение» в сознании масс. Завершение данной революции – это смена настроений.

Итог первой русской революции – это «третьеиюньский государственный переворот». Высочайший манифест от 3 июня 1907 г. (в котором шла речь об изменении избирательного закона) окончательно определяет новый государственный строй в России начала XX в. – думскую монархию.

Решение Николая II о введении в стране нового избирательного закона (о чём также свидетельствует текст третьеиюньского манифеста 1907 г.) позволяет небезосновательно говорить о предпринятой самодержавием усилий в отношении реставрации своих позиций. Возникает вопрос – не является ли это некой «революционной попыткой» самой власти в данный период времени?

«Июньский вопрос 1907 г.» как результат революции меняет конфигурацию на политическом пространстве России начала XX в. и создаёт «новые правила» игры. Ключевое место в данной «игре» было отведено избирательной кампании по выборам депутатов в Государственную думу Российской империи третьего созыва (в дальнейшем ей самой). Факт появления после роспуска II Думы нового избирательного закона с изначально «заданным» характером только подтверждает это.

«Бесстыжий» по мнению министров избирательный закон 1907 г., составленный товарищем министра внутренних дел С.Е. Крыжановским, был рассмотрен уже в мае 1907 г. в Совете Министров с участием ряда членов Государственного совета и Государственной думы, а впоследствии, утвержденный Николаем II, 3 июня 1907 г. был введен в действие.

Практическая реализация данного закона в рамках выборной кампании в III Государственную думу Российской империи приводит к осуществлению такого положения, при котором, с одной стороны, ни одна из политических партий не получала устойчивого большинства в парламенте, а с другой – оно обеспечивало российскому правительству, во главе со П.А. Столыпиным, свободу манёвра в отношении думских фракций и возможность опираться то на правоцентристскую коалицию, то на коалицию левых и центра.

Интерес представляет оценка данного акт власти (манифест от 3 июня 1907 г. и введение нового избирательного

закона) различными политическими силами России начала XX в. и деятелями оппозиционных партий.

В рамках данного исследования предлагается на примере партии кадетов представить оценку этих действий государственной власти со стороны представителей либерального движения России начала XX в. и их отношение к новому избирательному закону, и созданной на его основе политической системе в стране.

Становление Советской власти в Рязанской губернии

*Агарее А. Ф.*³⁰

Тезисы доклада

Аннотация: Статья посвящена процессам становления Советской власти в Рязанской губернии. Анализируются причины, этапы и итога прихода к власти большевиков, исходя из конкретных местных условий. Делается вывод, что становление Советской власти в губернии проходило мирным путем, что во многом обуславливалось личными качествами местных руководителей.

Ключевые слова: большевизм, Рязанская губерния, революция 1917 г.

Agaryov A.F. The formation of Soviet power in Ryazan province.

³⁰ **Агарев Александр Федорович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Действительный член Академии Военных наук РФ. Заслуженный работник Высшей школы РФ. Лауреат Государственной премии РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Abstract: The article is dedicated to processes of formation of Soviet power in Ryazan province. Causes, phases and results of rising to power of Bolsheviks based on definite local conditions are analyzed. It is concluded that the formation of Soviet power in the province carried out by peaceful way that mostly was based on personality of local power managers.

Keywords: bolshevizm, Ryazan province, Revolution of 1917

С победой вооружённого восстания в Петрограде по всей стране начался переход власти в руки большевистских Советов. В разных местах он происходил по-разному. Степень сопротивления новой власти в каждой из губерний зависела от сложившихся местных политических условий и от личных качеств людей, которые участвовали в политической борьбе. Если в Москве, Киеве, Иркутске, Омске, Казани и некоторых других городах сторонники Временного правительства яростно сопротивлялись, то смена власти в Рязани произошла достаточно спокойно; вооружённой борьбы, можно сказать, почти не было. Это явилось результатом, грамотных действий таких людей, как лидер рязанских большевиков С.П. Середа и председатель Рязанского военно-революционного комитета А.С. Сыромятников, которые руководили установлением советской власти в Рязани.

В губернском центре о восстании в Петрограде узнали на следующий день. 26 октября в здании бывшего дворянского собрания на объединённом заседании исполнительного ко-

митета Совета рабочих и солдатских депутатов и представителей гарнизона был образован губернский Военно-революционный комитет (ВРК) в составе 8 человек, который взял на себя всю полноту власти в губернии. Среди избранных было 6 большевиков и 2 меньшевика. Последние сразу же заявили о своём выходе из ВРК, поскольку были против передачи власти в руки Советов. Тогда совещание провело довыборы комитета, в ходе которых в составе ВРК оказалось ещё три большевика: Н.В. Масалков, Л.Я. Корон (работал медником-жестянщиком, проводил агитационную работу среди железнодорожников) и С.П. Серeda [1, 125].

Председателем ВРК избрали большевика А. С. Сыромятникова. С.П. Серeda вошёл в состав комитета на правах заместителя председателя. Так было положено начало созданию в Рязани советского рабоче-крестьянского государственного аппарата.

ВРК обратился к солдатам Рязанского гарнизона и население города с призывом встать на защиту Октябрьской социалистической революции и получил поддержку. Так, например, уже 28 октября 1917 г. объединённое заседание солдатских комитетов 208-го пехотного запасного полка постановило: «Беспрекословно исполнять все распоряжения и приказания Военно-революционного комитета, без санкции которого не исполнять никаких приказаний, исходящих от начальников всех степеней» [Цит. по: 2, с. 188].

Должностные лица, представлявшие в губернии Времен-

ное правительство, естественно, стали оказывать противодействие новой власти. Например, начальник Рязанского гарнизона подполковник С.Д. Яковлев не признал ВРК и, чтобы воспрепятствовать активным действиям ВРК, приказал стянуть из уездов кавалерию. Губернский комиссар Временного правительства эсер Ф.К. Павлов также отрицательно отнёсся к деятельности ВРК и, рассматривая его как самочинную организацию, выразил готовность бороться с ним всеми находящимися в его распоряжении средствами [1, с. 126, 128].

А ВРК тем временем, опираясь на поддержку гарнизона, перешёл к активным действиям: в ночь на 30 октября он без кровопролития взял под свой контроль учреждения связи, арсеналы и банки. Тогда комиссар Временного правительства и его окружение решили подтолкнуть чиновников на саботаж новой власти. 31 октября служащие государственных учреждений провели общее совещание «в связи с выступлением большевиков и попытками их к захвату власти». В резолюции, принятой совещанием, выражалось доверие Временному правительству во главе с Керенским, и заявлялся протест против перехода власти в руки большевиков. Участники совещания заявили, что если большевики попытаются установить контроль над работой их учреждений, то их служащие прекратят работу. Подобные выступления происходили и в уездах [2, с. 189–190]. В ходе переговоров ВРК сумел убедить банковских и почтово-телеграфных служащие

перейти к политике нейтралитета.

Понимая, что за всеми этими действиями стоял губернский комиссар, ВРК выступил с предупреждением непосредственно в его адрес. 2 ноября в специальном отношении на его имя ВРК заявил: «Ввиду того, что Военно-революционный комитет образован по постановлению гарнизонного собрания и может быть распущен только им, Комитет заявляет, что Ваше требование о закрытии Комитета последним игнорируется.

Вместе с тем Комитет ставит на вид Комиссару, что его выступления в общественных собраниях и в печатных обращениях к населению носят характер преступного натравливания одной части населения на другую, преступного провоцирования гражданской войны» [2, с. 190].

Поддержку комиссару, члену своей партии, попытались оказать эсеры, активизировав свою деятельность как в уездах, так и в губернском центре. 2 ноября на общем собрании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов они выступили с предложением отказать в поддержке Совету народных комиссаров. Но большинство собрания их не поддержало, приняв следующее постановление: «Признать Временное пролетарское, крестьянское правительство, образованное в Петрограде 26 октября...» [1, с. 130].

11 ноября состоялось собрание Рязанского Совета рабочих депутатов, которое подтвердило свою поддержку Советской власти и приняло решение об образовании однородной

социалистической власти из представителей партий, входящих в Советы и о перевыборах Советов, которые должны быть проведены до 25 ноября [1, с. 132–133]. Решение о перевыборах Советов было связано со стремлением партии большевиков добиться их большевизации. В ходе перевыборов у неё были все шансы укрепить свою позицию.

Удар по контрреволюции нанёс и Совет солдатских депутатов Рязанского гарнизона, принявший решение об изъятии оружия у офицеров. 16 ноября полковой комитет 78-го пехотного запасного полка постановил: «Предложить всем офицерам полка сдать в распоряжение и учёт ротных и командных комитетов всё присвоенное офицерскому званию оружие» [Цит. по: 2, с. 193]. Прежний начальник гарнизона был отстранён от должности. В результате выборов, проведённых в частях Рязанского гарнизона, новым начальником Рязанского гарнизона стал член ВРК солдат 78-го пехотного полка А.А. Толин.

Прошли выборы командного состава в воинских частях. Началось создание Красной гвардии. Исполком общественных организаций был распущен. В конце ноября был лишён всех юридических и фактических прав губернский комиссар Павлов [2, с. 193].

Позиция большевистского ВРК, Советов рабочих и солдатских депутатов Рязани получала всё большую поддержку со стороны населения. Но противники Советской власти не теряли надежду. Они сделали ставку на

Учредительное собрание, выборы которого Временным правительством были назначены на 12 ноября 1917 г.

Источники и литература

1. Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.). Сборник документов /Архивный отдел УВД Рязанского облисполкома, Рязанский областной государственный архив, Рязанский областной партийный архив. Рязань: Издание газеты «Приокская правда», 1957.

2. *Фулин Ю.В.* Отречёмся от старого мира. Рязань: Московский рабочий. Рязанское отделение, 1987.

Социологический анализ исторических феноменов войны и революции в исследованиях Питирима Сорокина

*Марченкова Н.П.*³¹

Аннотация: В статье раскрываются особенности и значение творческой лаборатории русско-американского социолога П.А. Сорокина, исследовавшего в середине XX в. проблемы войны и революции. Прослеживается уникальное сочетание исторического и социологического анализа и синтеза, сущности и характера феноменов войны и революции. Представлен взгляд П.А. Сорокина на войну и революцию как закономерные явления и проблемы социальной жизни, влекущие за собой социокультурные деформации в обществе. Подчеркивается значение выявленных ученым закономерностей, которые помогают лучше понять анатомию и физиологию войны и революции, их взаимосвязь и взаимовлияние.

Ключевые слова: война, революция, социологический анализ, интегративный подход, теория факторов, социоло-

³¹ **Марченкова Наталия Петровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования МПГУ.

гия революции, военный социализм.

Marchenkova N.P. Sociological analysis of historical phenomena of the war and the revolution in Pitirim Sorokin's researches.

Abstract: Features and values of the Russian-American sociologist P.A. Sorokin creative laboratory, investigating in the middle of the XX century a problem of war and revolution, are unveiled in the article. The unique combination of the historical and sociological analysis and synthesis of essence and character of war and revolution phenomena is traced. P.A. Sorokin's view of war and revolution is presented, as the natural phenomena and problems of social life that cause sociocultural deformations in society. The value of the regularities revealed by the scientist is emphasized, that help to understand anatomy and physiology of war and revolution better, their interrelation and interference.

Keywords: war, revolution, sociological analysis, integrative approach, factors theory, revolution sociology, military socialism.

Понимание основных проблем войны и российской революции 1917 г. сегодня невозможно представить без оценок и анализа этого процесса со стороны передовой мыслящей эмиграции, одним из ярких представителей которой являлся Питирим Александрович Сорокин.

Идейное наследие выдающегося нашего соотечественника, ученого социолога с мировым именем Питирима Сорокина стало возвращаться к нам сравнительно недавно, лишь в постперестроечный период. Оно более всего изучается сегодня социологами, и менее всего проявляли интерес к его наследию историки. Между тем в творческой лаборатории П. Сорокина, которую еще предстоит осваивать нашим современникам, мы находим уникальное сочетание исторического и социологического анализа и синтеза сущности и характера войны и русской революции. С этой точки зрения, исторические феномены войны и революции с присущими им деталями и подробностями – объект историка, а социологические феномены войны и революции как типы отношений – объект социолога.

В социологическом творчестве П.А. Сорокина война и революция занимали важное место, наряду с социальными отношениями, экономикой, этикой, культурой и миром в целом. Его интересовали процессы становления и развития взглядов на войну и революцию как на явления и проблемы социальной жизни.

Зачем люди воюют? Это, пожалуй, один из главных вопросов истории и социологии, ставший особенно актуальным в XX столетии.

В отечественной литературе военно-социологическая сторона научной деятельности П. Сорокина еще слабо отражена, несмотря на то, что она представляет сегодня особый

интерес, поскольку помогает лучше понять анатомию и физиологию войны и революции, их взаимосвязь и взаимовлияние.

Военная проблематика в творчестве П. Сорокина имеет тем больший интерес, что сам он никогда не был военным, а являлся глубоким профессиональным ученым, представителем мирной «гражданской» науки. Но он являлся активным политическим деятелем, находясь в самой гуще революционных событий 1917 г., был не просто их наблюдателем, а участником, являлся членом Учредительного Собрания от партии социалистов-революционеров. Пережил две мировые войны и большое число региональных, локальных войн XX в. Поэтому как ученый, П. Сорокин всегда в поле зрения держал проблемы войны и мира.

С необходимостью размышлять о причинах и логике войны Сорокин столкнулся уже в начале своей научной карьеры, став непосредственным свидетелем перемен военного времени, революции и гражданской войны в России. Политическая деятельность в рамках партии эсеров также требовала определенности оценок происходящего. С началом Первой мировой войны Сорокин занял позицию «патриотов», считая долгом ученого-обществоведа «добровольное участие в обороне Отечества» и «работе в той области, где его специальные знания были бы более всего полезны» [Сорокин 1991: 77].

Проблемой социологии войны П. Сорокин начал зани-

маться еще в студенческие годы (1910–1914 гг.). Он тонко чувствовал военные конфликты современности, жадно искал пути к миру. Первые его работы посвящены анализу «социальной составляющей», последствий, «эффектов», оценок результатов войны. По мнению Сорокина, мир и война являются двумя сторонами одного социокультурного процесса и имеют симметричные по структуре механизмы функционирования и развития. [Сорокин 2000: 21]. Такой подход был обусловлен его гуманитарным, патриотическим мироощущением, позитивистским взглядом на мир и твердой верой в светлое будущее России.

Как социолог П. Сорокин не вдавался в существо военных столкновений, его интересовала проблема влияния войны на человека и все сферы общественной жизни. В 1912–1914 гг. будучи сотрудником кружка по уголовному праву в Санкт-Петербурге, осенью 1914 г., он сделал доклад на тему: «Социальная роль войны и ее судьбы», вызвавший бурную полемику. [Сорокин 1991: 79]. В результате в 1915–1917 гг. появилась целая серия публикаций П. Сорокина о войне и отношении к ней различных русских философско-социологических школ. Наибольший интерес представляли следующие публикации П. Сорокина: «На распутье трех дорог. Война и отношение к ней русской общественной мысли». (1915 г.); «Причины войны и пути к миру» (1917 г.); «Основы будущего мира» (1917 г.); «Вечный мир и всемирное единение народов» (1917 г.) и др.

При объяснении причин войны и революции он применял теорию факторов: они не могут быть сведены к какому-либо одному фактору, например, экономическому или политическому, а представляют результат взаимодействия многих факторов, каждый из которых нуждается в самостоятельном изучении.

В статье «На распутье трех дорог. Война и отношение к ней русской общественной мысли» П. Сорокин выделил три основных направления, которые сложились к 1915 г.: 1) «оборона страны без коренных внутренних реформ»; 2) «поражение в пользу внутренних реформ»; 3) «успешная оборонительная война на основе внутренних реформ». По его мнению, единственно правильным с точки зрения интересов справедливости, демократии и социализма, заповедей права и морали, достоинства народа и личности, является третий путь, гласящий: «внутренняя реформа для успешной обороны или успешная оборона вместе с внутренним обновлением и на его основе». [Сорокин 1915: 489–491]. Вывод П. Сорокина состоял в следующем: все силы русского общества должны быть использованы для победы над врагом, но чтобы могли быть использованы все эти силы, нужно одновременно и внутреннее обновление. [Сорокин 1915: 502]. Значительная часть общества в те годы правильно поняла это, почти все социалисты и рабочие партии союзных с Россией стран, а также многие из российских социалистов. П. Сорокин указывал, что выражением и обоснованием этой позиции с со-

циалистической точки зрения, являлись статьи Г.В. Плеханова. Он отмечал, что вспоминая слова Плеханова, можно сказать: «Я сочувствую своей Родине, когда она подвергается нападению, и не сочувствую ей, когда она нападает». [Сорокин 1915: 503].

Проблемы войны как социального явления, негативные последствия милитаризации общества нашли отражение в статьях П. Сорокина, опубликованных в 1922 г. в журналах «Экономист» и «Артельное дело». В статье «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию» дана характеристика тех изменений, которые война вызывает в составе населения воюющих и отчасти нейтральных стран. Основные следствия войны, по мнению П.А. Сорокина, состоят в уменьшении населения и в изменении его качественного состава, или в своеобразном отборе, производимом войной. «В войнах гибнут самые здоровые и самые трудоспособные возрастные группы». [Сорокин 1922: 77-107]. Изменение поведения населения, вызываемое войной, порождает нередко социальные катаклизмы и всегда проявляется в крупнейших сдвигах в общественной жизни.

В статье «Война и милитаризация общества», анализируя влияние войны на общественную организацию, П.А. Сорокин делает вывод о том, что одним из следствий войны является изменение социальной организации воюющих стран в сторону приближения ее к типу военно-социалистического общества. [Сорокин 1922: 3-10]. Термин «военно-социали-

стическое общество» был позаимствован П.А. Сорокиным у В.И. Ленина. По мнению П. Сорокина, идеально-предельным военно-социалистическим обществом является такое, где 1) объем вмешательства, опеки и регулировки жизни, поведения и взаимоотношений граждан со стороны власти безграничен; 2) объем автономии «самоопределения» его членов в области своего поведения и взаимоотношений ничтожен, близок к нулю. Спрашивается: почему же война влечет за собой такие изменения общественной организации? Первая причина, по мнению П. Сорокина состоит в том, что такая «милитарная социализация общества» требуется во время войны в интересах самосохранения самого общества. Рядом с этой причиной, подчеркивал П. Сорокин, появляются и другие причины. Война и военное обучение вообще резко меняет формы поведения населения воюющих стран. Люди приучаются к поведению, противоположному поступкам, прививаемым мирной жизнью. «Централизация и всестороннее регулирование сверху – душа всей военной организации и всей войны». Народ, часто воюющий, содействует приближению его организации к типу военно-социалистического общества, «непрерывно дрессируется в этом направлении». [Сорокин 1922: 5].

Подтверждение положения о связи войны и военного социализма, на взгляд П. Сорокина, давали последние годы, начиная с 1914 г. С начала войны во всех воюющих странах стал расти и военный социализм. Воюющие общества,

образно говоря, стали свертываться под влиянием усиливающегося давления военной пружины.

Этот сдвиг общественной организации и общественной жизни в сторону военного социализма выразился в следующих областях: 1) в области политико-правовой: расширение функций, компетенции, полномочий и прав власти; и ограничения прав автономии поведения граждан; 2) то же произошло и в области экономической жизни страны. Место хозяйства, регулируемого автономной волей частных лиц, заняло «принудительно-регулируемое хозяйство»; 3) то же произошло и с психологией и идеологией масс. Место мирной психологии с его отвращением к крови и насилию стала занимать психология милитаризма; 4) колоссальным образом возросла централизация, бюрократизация и милитаризация учреждений. [Сорокин 1922: 6].

П. Сорокин отмечал необратимость воздействия войны на уровень индивидуального сознания. Война, «вместо уважения к личности, проповедует и требует убийства, вместо уважения чужих прав – полного нарушения их, вместо любви – прививает злобу, вместо мирного труда – требует разрушения. Все это не проходит даром ни для народа, ни для власти, ибо всякий наш поступок рикошетом отражается на нас самих и исподволь переделывает нас». [Сорокин 1922: 9].

Соответственно и причину революции Сорокин видел в ущемлении базовых инстинктов и потребностей человека. В работе «Социология революции», написанной уже в праж-

ский период эмиграции и впервые опубликованной в США в 1925 г., он перечисляет следующие предпосылки революции: «1) рост ущемления главных инстинктов; 2) массовый характер этого ущемления; 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов...». [Сорокин 2005: 323].

В опубликованном в России впервые только в 2005 г. фундаментальном исследовании «Социология революции» Сорокин первый и, пожалуй, на сегодня единственный, кто дерзнул дать масштабное полотно русской революции в сравнительно-историческом контексте со всеми мировыми революциями. По сути, в этом уникальном труде представлена на солидном документальном материале вся анатомия и физиология русской революции начала XX в., все основные виды и формы социокультурных деформаций в революционном процессе. Несомненной заслугой П. Сорокина как историка и социолога является глубокое осмысление социокультурных основ русской революции, которые он затрагивал также в книге «Современное состояние России» (1923 г.), в статье «Россия после НЭПа» (1923 г.), фундаментальном исследовании «Голод как фактор» (1922 г.) и наконец, в работе «Социология революции» (1925 г.). Сам термин «социология революции» именно П. Сорокин ввел в научный оборот. Масштабное исследование русской революции 1917–1923 гг. и всех основных революций в других странах поз-

волило ученому выделить закономерности и специфические особенности мирового революционного процесса, и сопровождающих его деформаций.

«Всякая революция, по мнению П. Сорокина, описывая полный цикл своего развития, проходит три типичных фазы. Первая фаза, как правило, быстротечна. Она отмечена радостью по поводу освобождения от гнета старого режима и великими надеждами на реформы, которые обещают все революции. Эту первоначальную стадию можно назвать лучезарной: ее власть гуманна и великодушна, действия мягки, нерешительны и довольно бессильны. В человеке начинает просыпаться «звериное начало». Эта короткая увертюра сменяется обычно второй, разрушительной фазой. Революция превращается теперь в неистовый ураган, который разрушает все без разбору на своем пути. Он безжалостно выкорчевывает не только устаревшие, но и полнокровные институты, которые он разрушает наравне с мертвыми или отжившими свое ценностями; он убивает не только паразитарную старорежимную властвующую элиту, но также и множество творческих личностей и групп. На этой стадии революционная власть безжалостна, тиранична и кровожадна. Ее действия в основном разрушительны, ее методы – насилие и террор. Если ураганная фаза не разрушит нацию до основания, революция постепенно перерастает в третью, конструктивную фазу. Все контрреволюционные силы уничтожены, начинается строительство нового порядка, новой культуры,

нового человека. Этот новый порядок создается не только на основе революционных идеалов, но предусматривает и реставрацию наиболее жизненных дореволюционных институтов, ценностей и тех особенностей быта, которые на время были разрушены во второй фазе революции и которые ожидают и восстанавливаются независимо от желаний революционной власти. Таким образом, послереволюционный порядок обычно представляет собой смешение новых порядков и нового образа жизни со старыми, жизненными и продуктивными порядками дореволюционного времени. Примерно с конца 20-х гг. начался переход русской революции к этой продуктивной фазе, которая в настоящее время достигла своего полного развития». [Сорокин 2005: 30].

П. Сорокин отмечает высокую степень социальной мобильности в период революции. «Революция напоминает мне крупное землетрясение, которое опрокидывает вверх дном все слои на территории геологического катаклизма... Никогда в нормальные периоды русское общество не знало столь сильной вертикальной мобильности. Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе. В результате все ее члены *en masse* были подняты до статуса, занимаемого ранее царской аристократией...». [Сорокин 1992: 375,381]. П. Сорокин отмечает, что лучше всех после революции живет-

ся «политическим горлопанам и демагогам: постоянные выступления на митингах, революционные речи, лозунги, призывы создают им репутацию непримиримых борцов за правое дело. А это и есть общественная карьера, а стало быть, власть, деньги, привилегии. Вот еще один парадокс, точнее сказать, тупик революции: она выталкивает на общественную сцену не самых работающих, а самых говорливых. Трибуны, а не специалисты – истинные герои революции». [Сорокин 2005: 489]. В исследованиях П. Сорокина четко прослеживаются особенности социокультурных деформаций в революции. Он констатирует: «Война, голод и революция резко изменили и психику, и поведение русских граждан, особенно молодого поколения... На субъективном языке это характеризуется нравственной, умственной и социальной деградацией... Изменились поведение (и психика) и взрослого, и молодого поколения в нравственном отношении. Об этом свидетельствует движение преступности в нашем отечестве за эти годы». В доказательство П. Сорокин приводит убедительную статистику роста преступности в России за 1917 – 1918 гг. по сравнению с предшествующими годами. [Сорокин 2005: 48].

Раскрывая фактор влияния войны, Сорокин дает свою оценку причин революции и гражданской войны в стране. «Революция провозгласила в октябре «мир». На деле же из него получилась зверская и беспощадная война, беспощадная и бессердечная, в течение трех лет, после того

как остальные народы перестали воевать. После ее окончания вся общественно-политическая жизнь милитаризована вплоть до обучения и посещения собраний и лекций в порядке военной дисциплины. Милитаризация всей социальной жизни от фабрик и заводов до школ». [Сорокин 2005: 310,464]. В работе «Современное состояние России» П. Сорокин приходит к выводу о том, что освободиться от влияния войны и революции никому не дано. «Три с половиной года войны и три года революции, «сняли» с людей пленку цивилизации, разбили ряд тормозов и «оголили» человека. Такая «школа» не прошла даром... Преступления для значительной части населения стали «предрассудками». Жизнь человека потеряла ценность. Моральное сознание оупело. Ничто больше не удерживало от преступлений». [Сорокин 2005: 496,499].

Первая мировая война и революция 1917 г. вызвали у П. Сорокина глубокий кризис философских, социологических, психологических взглядов на войну и окружающий мир. Он писал: «Первая мировая война пробила первые бреши в позитивистском, «сциентистском» и гуманистическом мироощущении, которое я имел до войны. Революция 1917 г. разбила вдребезги мои взгляды на мир вместе с характерной для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепций исторического процесса как прогрессивных изменений, эволюции к более лучшему обществу». [Сорокин 1992: 150].

Происходит изменение его мировоззрения. Пожар первой мировой войны, революция 1917 г. и гражданская война в России (1918–1920 гг.) не могли не повлиять на его научные взгляды. Эти события дали ему богатый эмпирический материал, предоставили ему возможность проверить правильность своих интуитивных, рациональных, эмпирических представлений о войне, как сложном социальном процессе.

В 20-е гг. на первый план П.А. Сорокина выходят исследования реальных последствий результатов первой мировой и гражданской войны. Разрушительные процессы дают о себе знать и после войны. В центре внимания ученого социальная роль войны: 1) изучение влияния войны на состав населения (количество и качество); 2) особенности морально-правового поведения людей в условиях войны; 3) характер изменения общественных отношений; 4) закономерности изменений социальной структуры общества; 5) милитаризация народного хозяйства, находящегося в состоянии ведения войны. С начала войны, считает он, человека начинает окружать новая социальная среда, меняются правовые и нравственные нормы поведения, меняется общественное сознание, являясь противоположностью мирной жизни. «Мирная жизнь тормозит акты убийства, насилия, зверства, лжи, грабежа, подкупа, обмана, разрушения. Война, наоборот, изменяет к худшему морально-правовое поведение людей, деформирует социальную структуру общества, пожирает луч-

ших людей, пожирает и их потомство» [Сорокин 2005: 496], способствуя тем самым деградации народа. Война, а с ней и революция, «биологизируют поведение людей», уничтожают социальные тормоза поведения, растет количество душевнобольных, растут животные инстинкты и рефлексy. [Сорокин 2005: 311].

Существенное значение в творчестве П.А. Сорокина о российских революционных событиях приобретает характеристика таких факторов как война и голод. Они, по исследованию Сорокина, послужили главными факторами, оказавшими влияние на состояние всех сфер жизни российского общества в период революции и гражданской войны в России. В своей работе «Современное состояние России» он рассматривает значение и действие демографического, социально-психологического, морально-правового, политического, идеологического, экономического, национального факторов, факторов религии и образования. «Война и революция с их неизбежными спутниками: голодом и эпидемиями – «славно поработали». [Сорокин 2005: 448]. Война, по его образному выражению, похожа на огородника, который выпалывает с гряд лучшие овощи и оставляет сорную траву.

П.А. Сорокин исследует влияние голода и войны, прежде всего, на изменение в численном и качественном составе российского населения. В ходе данного исследования он приходит к выводу о том, что революционные события не только уменьшили численность населения, но и губитель-

ным образом сказались на его качественном составе, что, по его мнению, выразилось в увеличении процента «дефективного» (в умственном, моральном и физическом плане) населения.

Рассматривается им и состояние политической и экономической сферы общественной жизни в стране в период революции. Сорокин подчеркивает разрушительный характер революции и гражданской войны, который усугублялся влиянием масштабного голода, сопровождавшегося распространением самых тяжких, с точки зрения человеческой морали, преступлений. Моральное и правовое состояние общества исследуется П. Сорокиным с особой тщательностью. В ходе этого исследования он делает вывод о том, что фазы развития революции в России в значительной степени оказывали влияние не только на материальное положение, но и на нравственное состояние людей, и, что по мере угасания революции в стране восстанавливаются моральные нормы поведения людей, отодвинутые революцией на второй план. Преступность по его убеждению является главным показателем морально-правового состояния российского общества.

Наиболее законченное глубокое и системное осмысление П. Сорокиным воздействия войны и революции на состояние общества содержится в более поздних его работах, в частности, в недавно изданной у нас книге «Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, со-

циальную организацию и культурную жизнь», которая была опубликована в годы Второй мировой войны (1942 г.). Книга представляет большой интерес для наших соотечественников, так как во многом обобщает почти 25-летнее исследование и размышления автора о социальных катастрофах («четырёх монстрах», по образному выражению П.А. Сорокина), современником и очевидцем которых ему довелось быть. Эти «четыре монстра» суть войны, революции, голод и эпидемии. [Сорокин 2012: 17].

Социологический анализ войн, революций, голода и эпидемий позволил Сорокину высказать о них немало новых и оригинальных суждений. Правда в начале XXI в. ответы Сорокина вряд ли кого могут удивить. Но в первой половине прошлого века было немало людей, веривших в революцию, идеализирующих войну, работавших на войну, делающих революцию (в России было даже целое сословие «профессиональных революционеров»). Сорокин выявляет тесную связь войны и революции, как сообщающихся сосудов. «Фактор войны – важное дополнительное условие революции, а революция, в свою очередь, – фактор войны». [Сорокин 2012: 225]. В ходе их анализа ученый обнаруживает две закономерности, которые можно было бы назвать «законами Питирима Сорокина». Логика рассуждений Сорокина сводится к следующему: все революции, все войны, все преступления, все насилия, вся несправедливость – все это происходит потому, что люди сами хотят всего этого. К, сожа-

лению, отмечает Сорокин, «пока люди таковы, каковы они есть, катастрофы являются великими воспитателями человечества», поэтому войны и революции «не являются исключительным злом: наряду с разрушительными и пагубными функциями они играют и конструктивную положительную роль в истории культуры и творческой деятельности людей». [Сорокин 2012: 14].

В результате аргументации ученого прослеживается первая закономерность: закон поляризации в обществе в период войн и революций. С фактами в руках П. Сорокин доказывает, что в любом социальном обществе люди разделяются на «святых» и «грешников», на тех, кто бескорыстно и самоотверженно приносит себя в жертву, и тех, кто на этом бедствии наживается, одни «ведут себя как настоящие герои, а другие как преступники и негодяи». [Сорокин 2012: 146,177].

Другая закономерность: закон обратной селекции. Каждый из «монстров» убивает лучших, оставляя худших. Самый серьезный счет, который Сорокин предъявляет войнам и революциям, состоит в том, что они не просто уменьшают количество населения, но и ухудшают его качество, происходит напрасная трата генофонда нации. На войне лучшие первыми бросаются в атаку, уходят добровольцами и гибнут. П. Сорокин отмечает, что «крупномасштабные войны обычно сопровождаются голодом и эпидемиями, которые прибавляют свои жертвы к числу павших на поле боя... Прямые

потери в Первой мировой войне составили приблизительно 20 млн. убитыми и ранеными». [Сорокин 2012: 74].

Однако, П. Сорокин, следуя диалектическому анализу, предупреждает об опасности одностороннего подхода к оценке селективной роли войны и революции, «как исключительно негативной или исключительно позитивной», что «воздействия этих сил на самом деле чрезвычайно сложны и имеют как положительные, так и отрицательные стороны». Кроме того, «отрицательный отбор войны и революции компенсируется, положительным отбором, производимым голодом и эпидемиями, которые эти же самые войны и революции и порождают». [Сорокин 2012: 80,81]. Ученый приводит сравнительные цифры людских потерь. Например, «во время русской революции из 15–17 млн. жертв, умерших в течение 1918–1922 гг., только 2 или 3 млн. погибло в сражениях или было расстреляно карательными отрядами коммунистических и антикоммунистических сил. Остальные 12 или 14 млн. умерли от голода и эпидемий, которые терзали страну в эти годы... Два последних фактора поработали так эффективно и с таким огромным размахом, что только тот, кто физически был здоров и хорошо обеспечен «антителами», имел хоть какой-то шанс на выживание... в царстве голода и смерти». По мнению П. Сорокина, «этот позитивный отбор, осуществленный голодом и эпидемиями, позволяет понять, почему российское население стало оправляться так быстро, как только общие условия жизни начали улучшаться

после окончания Гражданской войны в 1921 г. и введением так называемой новой экономической политики». [Сорокин 2012: 82].

Значительное место в изучении последствий первой мировой войны и революции П. Сорокин уделял анализу демографического фактора. Действие данного фактора в работе раскрывается через анализ изменения количественного и качественного состава населения страны в революционную эпоху. Характеристика данных осуществляется на основе метода демографического баланса. Явления общественной жизни в стране в этот период П. Сорокин изучает на основе показателей рождаемости, смертности, естественного прироста и связанных с ним показателей брачности и т. п. Ученый придавал большое значение произошедшим изменениям в численности и составе населения, поскольку война и революция унесли жизни большого количества людей. Эти изменения он выделяет в «самую важную графу». При этом, кривая смертности в 1918–1922 гг. была значительно выше, чем в 1914–1918 гг. Опираясь на конкретные данные, П. Сорокин делает вывод, что революция по показателям смертности работала интенсивнее войны: «общее количество жертв русской революции 1918–1922 гг. оценивается от 13 до 17 млн. человек, или от 9 до 13 % населения». По мнению Сорокина, русская революция сопровождалась эпидемиями и голодом, «количество жертв голода и эпидемий за первые 5 лет, прошедших с начала революции, исчисля-

ется миллионами», «революции соревнуются с эпидемиями и голодом в массовом убийстве людей». [Сорокин 2012: 74].

В изучении состояния российского общества в эпоху войны и революции П.А. Сорокин опирался на солидную источниковую базу и применял целый ряд статистических методов (выборочный, корреляционный, факторный анализ и др.), широко используемых в социологической науке. Сбор и анализ статистических данных о положении дел в стране П. Сорокин осуществлял как на основе официальной статистической информации (данных переписи 1920 г., советских статистических изданий и др.), так и на основе данных, собранных им самим и его помощниками в 1920–1921 гг. [Сорокин 2005: 414–416]. Анализ этих статистических данных являлся для ученого важным инструментом для изучения социальных явлений в обществе в период первой мировой войны, революции и гражданской войны. Данные методы в исследовании революционных событий помогли ему раскрыть содержание предложенного им комплекса социальных факторов, связанных с состоянием жизни общества и его развитием в экстремальных условиях. Война и голод у Сорокина неразрывно связанные явления, которые обнаруживают эту связь во всех сферах общества в период революции (социально-политического, экономического и социокультурного характера).

Кроме того, в годы войны значительно вырастает техническая эскалация разрушения. По свидетельству П.А. Соро-

кина, первая мировая война началась винтовками и пушками, а закончилась авиацией, танками и газами. Но в то же время, человек обнаружил слабость своих общественных отношений, угнетение, уязвимость здоровья, материального и духовного неблагополучия. (Сравнение: при силе техники, слабость человеческих отношений). Ученый, прежде всего, обращал внимание на деформацию социальных отношений в условиях войны и революции, которые приводят к разрушению социокультурного пространства. Процесс перехода от одной суперсистемы к другой, по замечанию П. Сорокина, всегда сопровождается: 1) культурным кризисом; 2) радикальным изменением социальных институтов и норм; 3) смертью нравственных ценностей и правовых норм. [Сорокин 1997: 116–117].

Исследования П.А. Сорокина в области социологии войны и революции были необходимы, прежде всего, для формирования верных представлений о путях достижения и сохранения мира. Война и мир являются, по его мнению, двумя сторонними одного социального процесса, имеющие симметричные по структуре механизмы, которые отличаются друг от друга противоположными знаками направленности. Симметричность этих механизмов позволяет таким разным процессам превращаться из одного в другой. Не изучив одно, нельзя понять и другое. В соответствии и этими установками им оценивается война и ее социальная роль следующим образом: «Что война – зло, это не требует доказательств. Но раз

она существовала на протяжении всей истории и существует в современных условиях, по-видимому, она играет какую-то важную роль в жизни человечества. И эта роль не только отрицательная, но и положительная». [Сорокин 2012: 80]. Эта роль понималась как создание, расширение и поддержание солидарности среди враждебных социальных групп. По мере выполнения войной своей исторической миссии объединения человечества во всемирном масштабе война все более, по его мнению, будет приближаться к своему концу.

Исходя из того, что в современных ему условиях «война экономически невыгодна для победителя при самом победоносном исходе», П.А. Сорокин развивал идею о сокращении постоянных армий и вооружений во всех государствах, расширении социального контроля демократических сил при решении вопросов войны и мира. Есть две альтернативы: или войны будут продолжаться, если не изменить ситуацию, если будет эксплуатация, социальная несправедливость, жестокость, насилие и т. д. Для того, чтобы они перестали быть, надо изменить социокультурную среду, преодолеть насилие. Он выдвигает идею дружбы, быстрее изменения социальных условий жизни. [Сорокин 1997: 118].

Война и кризисы были для П. Сорокина не только предметом аналитического внимания, но и своего рода «мотором» мировоззренческой эволюции. Именно осознание их горьких уроков пробудило в нем потребность в исследовании и популяризации общественной роли неэгоистических

(альтруистических) начал в человеке. Поэтому в конце своего творческого научного пути в поисках выхода человечества из войн и конфликтов П. Сорокин разрабатывает идею распространения и культивирования в общественных отношениях «творческого созидательного альтруизма». [Сорокин 2012: 194]. Альтруизация общественных отношений сама по себе не возникнет. Ученый считал, что необходима научная разработка этой проблемы, изучение различных методик самосовершенствования и облагораживания поведения людей, возрождение социальных институтов и культуры на принципах альтруизма. С этой целью сразу после Второй мировой войны в 1946 г. он возглавил в Гарвардском университете научный центр по изучению альтруизма. Под руководством П.А. Сорокина исследовательский центр занимался изучением факторов, методик и техник морального воспитания и перевоспитания человека. [Сорокин 1991: 215–216].

Проблема неэгоистической, альтруистической любви отрицается большей частью современной науки как идеалистическая и нереализуемая. Можно обнаружить сколько угодно сочинений о ненависти, преступлениях, насилии, войнах, агрессии, международных конфликтах, считаемых совершенно законными объектами научного анализа, но недостает научных исследований о любви, дружбе, героизме и творчестве. Между тем, теория творческой неэгоистической любви в разработке П. Сорокина при всей ее идеалистичности, на первый взгляд, имеет огромное значение как поста-

новка мировой, общечеловеческой проблемы гуманизации общественных отношений, забота о формировании альтруистической культуры. Данная теория при всей своей идеалистичности четко высвечивает скрытые резервы и возможности интегральной концепции социального регулирования кризисных ситуаций в международных отношениях. В условиях современного противостояния интересов на почве все большего возрастания политического и экономического эгоизма, военных угроз XXI в., когда чисто политические меры различных международных демократических институтов не дают желаемых результатов для мировой общественной гармонии, есть смысл обратиться к идейному наследию П.А. Сорокина, в частности, о роли и значении альтруизма как нравственного императива.

Исторические исследования проблем войны и революции в России в первой четверти XX в. могут быть существенно продвинуты с использованием и учетом социологического анализа, данного в трудах нашего гениального соотечественника, возвращенного к нам из дальнего русского зарубежья.

Источники и литература

1. *Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // *Экономист.* 1922. № 1. С. 77–107.

2. *Сорокин П.А.* Война и милитаризация общества. // Артельное дело. 1922. № 1–4. С. 3–10.
3. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М., 1997. 245 с.
4. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. 236 с.
5. *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Пер. с англ. Сыктывкар, 1991. 304 с.
6. *Сорокин П.А.* На распутье трех дорог: Война и отношение к ней русской общественной мысли. – Ежемесячный журнал. Пт. 1915. № 9-10 // Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб: Алетейя, 2000.
7. Питирим Сорокин. Новые материалы к научной биографии. М., 2012. 232с.
8. *Сорокин 77.* Пути к миру – «Воля народа». 1917. 29 апреля, № 1 // Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб: Алетейя, 2000.
9. *Сорокин П.А.* Социология революции. М.: РОССПЭН: Территория будущего, 2005. 704 с.
10. *Сорокин П.А.* Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. Пер. с англ. СПб., 2012. 336 с.
11. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 405 с.

Изучение взглядов генерала М.В. Алексеева на стратегию борьбы с большевистской властью в научных трудах и публицистике историков С.В. Карпенко и В.Ж. Цветкова (опыт сравнительного анализа)

*Лушкин А.Ф.*³²

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ современных подходов к изучению стратегических взглядов генерала М.В. Алексеева на борьбу с большевистской властью в период с ноября 1917 г. по сентябрь 1918 г. Для сравнительного анализа были выбраны монографии историков С.В. Карпенко и В.Ж. Цветкова, а также их интервью на Он-лайн ТВ. Сделан вывод, что С.В. Карпенко первостепенное внимание уделяет экономическому аспекту стратегических планов М.В. Алексеева, в то время как В.Ж. Цветков первостепенное внимание уделяет политическому аспекту стратегии М.В. Алексеева.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое дви-

³² **Лушкин Алексей Федорович** – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.

жение, государственное строительство, экономическая политика, М.В. Алексеев, историография

Lukshin A.F. The study of General M.V. Alexeev's views on the strategy of the struggle against the Bolshevik power in scientific works and journalism of historians S.V. Karpenko and V.Zh. Tsvetkov (Experience of the comparative analysis)

Abstract: The article presents a comparative analysis of modern approaches to the study of General M.V. Alekseev's strategic views on struggle against the Bolshevik power in the period from November 1917 to September 1918. Historians S.V. Karpenko's and V.Zh. Tsvetkov's monographs as well as their interview on Online TV were selected for the comparative analysis. In the result of the study it was concluded that S.V. Karpenko gave priority to economic dimension of M.V. Alekseev's strategic plans. V.Zh. Tsvetkov, on the contrary, pays primary attention to the political aspect of M.V. Alekseev's strategy.

Keywords: Russian Civil War, White movement, state building, economic policy, M. V. Alekseev, historiography.

Изучение биографий военно-политических руководителей Белого движения в годы Гражданской войны – прежде всего генералов М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, Н.Н. Юденича, Е.К. Миллера и ад-

мирала А.В. Колчака – не теряет своей актуальности и находится в фокусе многих исследователей истории антибольшевистской борьбы вот уже три десятка лет. В разработке этой проблематики в той или иной мере участвуют не только историки Гражданской войны и Белого движения, но также и специалисты по различным областям исторического знания – краеведению, источниковедению, истории государственных учреждений, истории государства и права, экономической истории, а также специалисты в области политических наук. Это обстоятельство очень важно, поскольку оно отражает, с одной стороны, продуктивность и многогранность биографического подхода к изучению истории, с другой – тенденцию современной науки к междисциплинарным исследованиям. В качестве примера плодотворности такого междисциплинарного подхода при изучении политической истории Гражданской войны и Белого движения можно указать на работы В.Д. Зиминной.

В этой связи представляется важным подчеркнуть перспективным применение метода «коллективной биографии» по отношению к военно-политическим руководителям Белого движения. Этот метод стал использоваться в российской исторической науке с целью создания «коллективного портрета» относительно недавно, и применительно к военно-политическому руководству Белого движения в этом направлении сделаны только первые шаги. Самым удачным опытом применения метода «коллективной биографии» следует, на

наш взгляд, признать раздел в опубликованной в 2006 г. книге В.Д. Зиминной «Белое дело взбунтовавшейся России», который она назвала «Российские наполеоны».

С другой стороны, историческая публицистика, как в печатной форме, так и в электронной, с 1990-х гг. активно и широко использует результаты биографического изучения истории Белого движения. Представляется, что эта особенность историографической ситуации настоятельно требует обобщения как накопленного опыта изучения биографий и политических портретов военно-политического руководства Белого движения, так и характера его отражения в исторической публицистике. Важно подчеркнуть, что именно публицистика активно транслирует в общество накопленный профессиональными историками фактический материал и результаты анализа и обобщения этого материала, а также оценки личностей руководителей Белого движения.

Необходимо особо отметить, что период Гражданской войны в России характеризуется множеством глубоких кризисных явлений в экономике, социальной сфере, политике, идеологии, вооруженных силах и государственном аппарате, включая, как показано в работах С.В. Карпенко, и невиданную прежде коррупцию, а также «неожиданными» поворотами «военного счастья». А с другой стороны, этот период характеризуется резко возросшей в ситуации «смуты» личностными качествами военно-политических руководителей и вообще ролью личностей, возглавлявших как вооружен-

ную борьбу с политическим противником, направлявших военное и государственное строительство и, наконец, руководивших осуществлением внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Каждому из руководителей Белого движения пришлось искать пути и средства борьбы с разложением войск и коррупцией в государственном аппарате. Поэтому рассмотрение биографий военно-политических руководителей и анализ их взглядов и проявлений их личности в различные критические моменты и на различных поворотных пунктах их жизненного пути позволяет вскрыть мотивы их поступков и принятых решений.

Вместе с тем, сравнительный анализ биографий различных руководителей Белого движения позволяет выявить как общее, сходное, повторяющееся в их жизни в ситуации хаоса событий революции и Гражданской войны, так и своеобразное, неповторимое, уникальное. А это, в свою очередь, дает возможность выяснить их путь военно-политической карьеры, взаимосвязь между пройденными ступенями этой карьеры и воздействием их личности на процессы становления, развития и гибели белой государственности, что имеет исключительную научную и политическую актуальность.

По этому перспективному пути пошли некоторые историки Белого движения, среди которых выделяются С.В. Карпенко и В.Ж. Цветков. В настоящей статье предпринята попытка сравнительного анализа результатов изучения этими историками взглядов генерала М.В. Алексева, основателя

Добровольческой армии, на стратегию борьбы с большевистской властью. Результаты этого изучения представлены обоими историками как в научных монографиях и статьях, так и в их публицистике, причем не только в печатной, но и электронной.

Выделим для сравнения три вопроса, которые представляются нам наиболее важными в стратегических взглядах генерала М.В. Алексеева: 1) соотношение экономической и военной победы над большевистской властью, экономический фундамент победы военной, политической и идеологической; 2) значимость и цена финансовой и материальной помощи со стороны союзников по Антанте; 3) направление наступательной операции Добровольческой армии летом 1918 г.

С.В. Карпенко в своей книге «Генералы и смута» посчитал крайне важным очень подробно охарактеризовать мысли, которые генерал М.В. Алексеев конспективно набрасывал в своей записной книжке в октябре-ноябре 1918 г. Исходя из анализа отрывочных записей в записной книжке генерала М.В. Алексеева и его писем разным лицам, историк приходит к заключению, что стратегический план генерала М.В. Алексеева по борьбе с большевистской властью, который он начал разрабатывать сразу после октября 1917 г., состоял в создании на части территории России государственности, способной одолеть власть Советов, которую спешно создавали большевики.

Зачаток этой антибольшевистской государственности генерал М.В. Алексеев увидел в Юго-Восточном союзе казачьих областей: этот союз прежде всего Дона, Кубани и Терека имел и «суверенное правительство», и «права самостоятельного государства», и «благоприятное территориальное положение». При этом он считал, что главная экономическая задача союза – «изоляция от финансовой разрухи России», создание устойчивой, не подверженной инфляции, финансовой системы. Главная социальная задача, считал он, «привлечь на свою сторону местное крестьянское население», а главная политическая – «создать прочное государство». Таким образом, генерал М.В. Алексеев, как показывает в своей книге С.В. Карпенко, связывал вместе экономические, социальные и политические задачи.

При этом, как подчеркивает С.В. Карпенко, генерал М.В. Алексеев дальновидно стремился избежать ситуации, когда тяжесть содержания формируемой, а затем воюющей антибольшевистской армии подорвет экономику казачьих областей, и без того пораженную общероссийским кризисом. Поэтому одновременно с формированием армии и началом военных действий он предполагал сделать все возможное для экономического возрождения Юго-Восточного союза, без чего, считал он, рассчитывать на его превращение в базу антибольшевистского движения, не приходилось. По мнению С.В. Карпенко, за годы возглавления Ставки, когда генерал М.В. Алексеев распоряжался огромными людскими, мате-

риальными и финансовыми ресурсами, он приучился соизмерять потребности воюющей армии с экономическими возможностями страны. И именно поэтому он отчетливо сознавал, что очень важно сохранять баланс между снабжением армии и обеспечением устойчивости экономики в тылу. Он понимал, что это очень опасно – разорять тыл ради фронта, ибо это неминуемо приведет к экономической катастрофе, вспышке недовольства населения, росту большевизма и, в конечном итоге, не позволит создать многочисленную боеспособную армию. В результате анализа источников С.В. Карпенко пришел к выводу, что генерал М.В. Алексеев в конце 1917 г. хорошо понимал важность экономической победы над большевизмом, и что победа экономическая создать условия для военной победы.

Историк В.Ж. Цветков в своей книге «Генерал Алексеев», выпущенной издательством «Вече» в серии «Путь русского офицера» в 2014 г., в принципе согласился с этим заключением С.В. Карпенко. Однако в отличие от своего коллеги В.Ж. Цветков, описывая начало работы генерала А.М. Алексеева на Дону в ноябре 1917 г., первостепенное внимание обращает на его роль в «создании системы управления на белом

Юге» и в строительстве антибольшевистской вооруженной силы и государственного аппарата при ней. В.Ж. Цветков пользовался практически теми же источниками, но взгляды генерала М.В. Алексеева на экономику казачьих об-

ластей он сводит к формуле, что «экономическая стабильность» должна была «обеспечить политическую стабильность».

В.Ж. Цветков, цитируя и анализируя разнообразные источники, гораздо более подробно, чем это делает С.В. Карпенко, разбирает планы и первые практические меры генерала М.В. Алексеева по созданию военных и политических структур Добровольческой армии, что сам генерал считал первым шагом к «спасению государства». Как показывает В.Ж. Цветков, М.В. Алексеев формировал новую армию практически «с нуля», решал многообразные проблемы ее снабжения в неимоверно трудных материальных условиях, когда не было ни денег, ни обмундирования, ни вооружения, ни боеприпасов.

Поскольку В.Ж. Цветков не стал углубляться в планы генерала М.В. Алексеева относительно экономической победы над большевистской властью, он не уделит внимания одному очень важному, принципиальному вопросу, на котором особо останавливается С.В. Карпенко. Это вопрос о том, за счет чего создать на антибольшевистском юге России устойчивую финансовую систему в условиях тяжелого экономического кризиса. Как показывает в своей книге С.В. Карпенко, генерал М.В. Алексеев планировал создать устойчивую, не подверженную инфляции, финансовую систему и пополнять бюджет Добровольческой армии за счет «выпуска государственного займа» и получения иностранного кредита под

обеспечение «богатствами природы» и «ценностями». Генерал М.В. Алексеев подчеркивал свою мысль, которую считал исключительно важной: «Средства – заем, а не помощь». Таким образом, в своих стратегических планах он делал серьезную ставку на получение от союзников по Антанте больших денежных кредитов, а не поставок различных материалов. То есть генерал М.В. Алексеев предполагал, что освобожденная от большевиков Россия окажется в еще большей экономической зависимости от своих союзников. Очевидно, он был уверен, что Россия в будущем за счет своих природных богатств, а также за счет восстановления сельскохозяйственного и промышленного производства сумеет рассчитаться со своими западными кредиторами.

В начале лета 1918 г., когда Добровольческая армия уже превратилась в серьезную боевую силу, и когда решался вопрос о том, в каком направлении вести наступательную операцию, генерал М.В. Алексеев тщательно рассчитывал выгоды и опасности возможных направлений.

Как отмечает С. В. Карпенко, в конце весны 1918 г. близкое присутствие германских войск, оккупировавших часть Донской области, сепаратизм нового Донского атамана генерала П.Н. Краснова и отсутствие своей базы предельно сужали для нового командующего Добровольческой армии генерала А.И. Деникина выбор стратегии, сводя его к выбору между походом на Царицын и походом на Екатеринодар. Движением к Царицыну, опасался генерал А.И. Дени-

кин, армия сама себя загонит в ловушку: с севера и юга ей будут угрожать красные, с запада – германские дивизии, с востока путь преградит Волга. И если немцы вынудят Краснова соблюсти «нейтралитет», то они без особого труда сбросят Добровольческую армию в Волгу. Но даже если она возьмет Царицын, то из-за своей малочисленности она не сможет пробиться к Саратову, но при этом оставит большевикам и германцам весь казачий юго-восток России, богатый зерном, продовольствием, лошадьми, повозками, а также людскими ресурсами отменного боевого качества (казаки и горские народы). Однако генерал М.В. Алексеев, «верховный руководитель» армии, крайне разочарованный результатами 1-го Кубанского похода и страшным безденежьем, считал «невозможным и бесцельным повторение похода» на Кубань. При этом и выход к Волге поначалу не казался ему лучшим вариантом: поход на Царицын и далее на Саратов он считал «непосильным предприятием» для армии. Однако уже в июне 1918 г. генерал М.В. Алексеев стал склоняться к волжскому направлению: как убедительно показывает С.В. Карпенко в статье на эту тему, его воодушевили сведения о победах Чехословацкого корпуса и намерении Антанты воссоздать на Волге фронт против Германии, а также надежды на то, что в составе этого нового Восточного фронта армию начнут финансировать и снабжать страны Антанты.

Следует отметить, что С.В. Карпенко раскрывает колебания М.В. Алексеева в вопросе выбора стратегического на-

правления через призму его личных и служебных отношений с генералом А.И. Деникиным, который и сам понимал стратегическое значение Царицына, но считал, что после в тот момент важнее занять Кубань, Ставропольскую и Черноморскую губернии. И только потом выходить на Волгу, опираясь на свою собственную, Северокавказскую, базу. И генерал М.В. Алексеев, в конце концов, с ним согласился, поскольку в течение лета убедился в отсутствии у союзников по Антанте серьезных намерений направить свои войска в Россию для воссоздания на Волге Восточного фронта.

Взгляды генерала М.В. Алексеева на перспективы волжского направления наступательной операции Добровольческой армии летом 1918 г., как и перемену этих взглядов В.Ж. Цветков оценивает сходным образом. Однако внешнеполитические, внутривойсковые и военные факторы в масштабах всей России, которые влияли на размышления и заключения генерала М.В. Алексеева по вопросу выбора стратегического направления операций Добровольческой армии, рассмотрены в книге В.Ж. Цветкова гораздо шире и обстоятельнее, чем в работах С.В. Карпенко.

В этой связи важно отметить одно существенное обстоятельство: одновременно с работой над биографией генерала М.В. Алексеева историк В.Ж. Цветков написал и опубликовал три фундаментальных монографии о государственном и правовом строительстве на территориях, которые занимали белые армии. Вероятно, именно поэтому взгляды генера-

ла М.В. Алексеева на стратегию борьбы с большевистской властью В.Ж. Цветкову удалось вписать в очень широкий контекст, и именно поэтому ему удалось очень удачно связать воедино политическую и военную стратегию генерала М.В. Алексеева. В частности, В.Ж. Цветков подробно и всесторонне рассматривает восприятие генералом М.В. Алексеевым присутствия немецких войск на Украине и на Дону, а также влияние «германского фактора» на развитие его стратегических взглядов. Не менее важным стало раскрытие В.Ж. Цветковым влияния стратегических взглядов генерала М.В. Алексеева на его практическую деятельность по созданию военных и политических структур, ставших основой белой государственности на юге России, особенно местных Центров Добровольческой армии.

Примечательна оценка трудов В.Ж. Цветкова, которую С.В. Карпенко дал в своей рецензии на монографии своего коллеги: в плане изучения Белого движения как совокупности политических режимов со своим уникальным опытом государственно-правового строительства В.Ж. Цветков стал продолжателем дела В.Д. Зиминной.

Свои взгляды на военно-политические и экономические взгляды генерала М.В. Алексеева, и его роль в создании Добровольческой армии историк С.В. Карпенко кратко изложил в интервью сетевому телеканалу Онлайн ТВ 6 октября 2014 г. Темой и содержанием интервью, которое брал известный телеведущий С. Варшавчик, стали шансы на победу

и причины поражения Белого движения в 1919 г. Отвечая на вопросы, С.В. Карпенко основное внимание уделил экономическому кризису, который оказывал разлагающее влияние на белые войска, и попыткам правительств А.И. Деникина и А.В. Колчака решить финансовые, и прочие экономические проблемы. При этом С.В. Карпенко особо подчеркнул то обстоятельство, что генерал М.В. Алексеев гораздо лучше других вождей Белого движения понимал важность экономической политики антибольшевистской власти, понимал необходимость победить большевиков не только силой оружия, но одержать над большевистской властью победу экономическую. И отношение генерала А.И. Деникина и адмирала А.В. Колчака к экономике и экономической политике как к чему-то «второстепенному» по сравнению с военным строительством и руководством военными операциями сыграло свою отрицательную роль в судьбе Белого движения.

Заметим, что с такой оценкой генерала М.В. Алексева и его взглядов на экономику согласился в своей книге В.Ж. Цветков.

В свою очередь В.Ж. Цветков 23 февраля 2015 г. также дал интервью сетевому телеканалу Онлайн ТВ. Темой интервью, которое также брал телеведущий С. Варшавчик, стали жизненный путь генерала М.В. Алексева, его заслуги перед Россией. Отвечая на вопросы телеведущего, В.Ж. Цветков больше всего внимания уделил политическим взглядам и высоким нравственным качествам генерала М.В. Алек-

сеева, его жизненному пути и военной карьере, его здравомыслию, его роли в самых ярких и значимых событиях Русско-японской и Первой мировой войн, революционного 1917 г. и Гражданской войны. В.Ж. Цветков особое внимание уделил раскрытию полководческого и стратегического талантов генерала М.В. Алексеева, которые, по его мнению, проявились, в частности, в его понимании исключительной важности создания экономической и социальной базы формирования антибольшевистской армии на юге России.

Таким образом, историки С.В. Карпенко и В.Ж. Цветков отдают предпочтение различной проблематике, с разных тематических направлений подходят к изучению личности и исторической роли генерала М.В. Алексеева. Однако при этом самое примечательное состоит в том, что их научные, научно-популярные и публицистические работы дополняют и развивают друг друга, а их выводы относительно исторической роли генерала М.В. Алексеева и его взглядов на стратегию борьбы с большевистской властью в период с ноября 1917 по август 1918 гг. в значительной мере сходны.

Источники и литература

1. Белые генералы: Корнилов, Краснов, Деникин, Врангель, Юденич. Ростов н/Д, 1998.
2. *Евдокимова Т.В., Стризов А.Л.* Метод коллективной биографии и исторический портрет политической элиты

Веймарской республики // Вестник Томского государственного университета: История. 2012. № 3(19). С. 87–88.

3. *Зими́на В.Д.* «Белое дело» взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданский войны 1917 – 1920 гг... М., 2006. С. 117–173.

4. *Зими́на В.Д.* Гражданская война 1918–1922 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2(11). С. 258–279.

5. Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... М., 2003.

6. *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 11–69.

7. *Карпенко С.В.* Волга в стратегических планах командования Добровольческой армии в 1918 г. // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Ярославль, 2011. С. 101–105.

8. *Карпенко С.В.* Государственность Белого движения: из истории изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 2(36). С. 68.

9. *Карпенко С.В.* Диктаторская власть белых генералов и коррупция (Юг России, 1918 – 1920 гг.) // Власть. 2013. № 7. С. 163–167.

10. *Карпенко С.В.* Экономический кризис и коррупция: из истории тыла белых армий юга России (1918 – 1920 гг.) // Экономический журнал. 2015. № 1(37). С. 108–135.

11. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917 – 1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008.
12. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009.
13. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России, 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. I. М., 2013.
14. *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М., 2014. С. 383 – 389, 432–511.
15. *Цветков В.Ж.* Михаил Васильевич Алексеев // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 23–48.

Историография деятельности Б.В. Савинкова и его организаций в Польше в период Гражданской войны в Советской России

*Костерин С.В.*³³

Аннотация: Предпринимается попытка на основе привлечения отечественных и зарубежных исследований по теме русской эмиграции «первой волны» провести историографический анализ проблемы деятельности Б.В. Савинкова и его антибольшевистских организаций в Польше. Делается вывод о том, что деятельность Б.В. Савинкова и его организаций в Польше, в особенности военная составляющая изучена подробно. Но многие отечественные историки продолжают придерживаться советской парадигмы и дают негативные оценки деятельности его организаций. Также недостаточно внимания уделяют организационной структуре савинковских организаций и их благотворительной деятельности.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, историография Гражданской войны в России, антибольшевистские организации в Польше.

³³ **Костерин Сергей Владимирович** – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.

Kosterin S.V. The historiography of the activity of B.V. Savinkov and his organizations in Poland in period of the Civil War in the Soviet Russia

Abstract: The author tries to carry out the historiographical analysis of the problem of the activities of B.V. Savinkov and his anti-Bolshevik organizations in Poland on the basis of attracting domestic and foreign studies on the topic of Russian emigration of the “first wave”. It is concluded that the activities of B.V. Savinkov and its organizations in Poland, especially the military component is studied in detail. But many local historians have continued to follow the Soviet paradigm and give negative assessments of the activities of its organizations. Also not enough attention is paid to the organizational structure of Savinov’s organizations and their charitable activities.

Keywords: The Russian abroad, the historiography of the Civil War, anti-Bolshevik organizations in Poland.

Отечественную и зарубежную историографию проблемы, в которой освещается история деятельности Б.В. Савинкова и его организаций в Польше в период Гражданской войны в Советской России условно можно условно разделить на два периода: советский и современный (новейший) начавшийся с конца 1980-х гг.

История Российского Зарубежья, начала привлекать вни-

мание отечественных историков и публицистов, начиная с 1920-х гг. В этот период издаётся значительное количество публицистических работ, преследовавших в основном пропагандистские цели. Работы писались на основе информации из периодической эмигрантской и советской печати и воспоминаний очевидцев. Российское Зарубежье рассматривалось как очаг контрреволюции, указывалось на необходимость построения бесклассового общества и борьбы с противниками большевиков. Таким образом, история становится инструментом идеологической борьбы. В 1920-х гг. отечественная историческая наука переживавшая кризис подверглась властями фактическому уничтожению. Получила распространение революционная марксистско-ленинская идеология имевшая малое отношение к науке. Создавались условия для подчинения учёных власти, происходило их приспособление к новым советским реалиям. В этот период не имелось исследовательских работ по истории Российского Зарубежья, но эмиграция привлекала публицистов как явление злободневное, антибольшевистское. Задачей официозных публицистов стало освещение русской эмиграции в резко негативном свете. Такая позиция определила отношение исследователей к русской эмиграции «первой волны» вплоть до начала преобразований конца 1980-х гг.

В историографии 1920-х гг. посвященной русской белой эмиграции можно выделить 3 вида работ – воспоминания [8, 21], публицистические брошюры [29, 16, 5] и статьи в жур-

налах [4].

К первым, появившимся в 1920-х гг., работам о белой русской эмиграции относятся книги Н.Н. Алексеева, В. Белова, А. Бубнова, Н.Л. Мещерякова и других авторов [18, 19]. Работу сменовеховца и бывшего эмигранта В. Белова и видного деятеля наркомпроса, первого руководителя Главлита Н.Л. Мещерякова объединяет вывод о всеобъемлющем кризисе русской эмиграции. Главное внимание в них уделяется психологическому и нравственному «разложению» русских эмигрантов, тяжёлым бытовым условиям их жизни. В. Белов отмечает русофобию в Польше, национальные и религиозные притеснения русских польским правительством и прогнозирует перерождение и исчезновение русской эмиграции [3].

Пропагандистский характер литературы издававшейся в 1920-х гг. и относящейся к деятельности Б.В. Савинкова и его организаций ярко проявился в воспоминаниях П. Селянинова-Опперпута, который являлся бывшим участником руководящего органа Народного Союза Защиты Родины и Свободы. Воспоминания писались автором во время нахождения в тюрьме ОГПУ и издавались в Берлине на средства ОГПУ. П. Селянинов-Опперпут даёт резко негативную характеристику руководителям Народного Союза Защиты Родины и Свободы, в том числе Б.В. Савинкову и его брату есаулу В.В. Савинкову. При этом автор не забыл подчеркнуть собственные заслуги в деле организации подпольной

работы Народного Союза в Гомеле, где он возглавлял один из областных комитетов Союза – Западный областной комитет. П. Селянинов-Опперпут приписывает Б.В. Савинкову и его брату антисемитизм, безалаберное отношение к работе возглавляемой им организации. Кроме того братьям Савинковым приписывается желание любыми способами получить финансирование от иностранных правительств, в том числе ценой фальсификации разведывательных данных получаемых ими от агентов Народного Союза Защиты Родины и Свободы из Советской России и передававшихся затем Народным Союзом польским и французским спецслужбам [21].

Зарубежные исследования по истории русской эмиграции не имеют выраженной идеологической окраски и негативного отношения к ней. В 1924 г. в Вене вышло одно из первых исследований осветившее роль Б.В. Савинкова в среде русской эмиграции и обстоятельства его появления в Польше в 1920 г. В нём Б.В. Савинков показан фигурой, стоящей особняком в российской эмиграции того времени [31].

В 1930-1950-е гг. отечественная историческая наука, находившаяся под контролем руководства ВКП (б) и лично И.В. Сталина, призвана была утверждать историческую правоту большевиков. В среде историков утвердилось мнение руководства компартии, что русская эмиграция, в особенности её военная составляющая, является одной из наиболее организованных и опасных антисоветских сил, а ис-

тория эмиграции вовсе не заслуживает внимания. Препятствовало изучению истории эмиграции и отсутствие доступа к источникам. Так переданный в 1946 г. чехословацким правительством в дар АН СССР Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА) был передан ЦГАОР и по указанию НКВД засекречен. Эмигрантские печатные издания, в подавляющей своей массе признававшиеся опасными и вредными для советской власти, передавались Главлитом, осуществлявшим цензурный надзор в советском государстве, в спецхраны библиотек или уничтожались. Однако в этот период издавались работы способствовавшие расширению исторического знания [6, 15, 17].

Положение изменилось во второй половине 1950-начале 1960-х гг., когда начался процесс интенсификации научных исторических исследований, начало которого положили решения XX съезда КПСС. В этот период российская эмиграция после долгого перерыва становится объектом научно-исторических исследований. Итогом стали монографии 1970-х-начала 1980-х гг. Г.Ф. Барихновского, Г.З. Иоффе, В.В. Комина, Ю.В. Мухачева, Л.К. Шкаренкова существенно расширившие информационное поле в области истории российской эмиграции «первой волны» [11, 13]. В своих монографиях советские историки находили связи, между внутренней контрреволюцией и белой эмиграцией.

Несмотря на то, что исследователи изучавшие историю эмиграции в 1970 – начале 1980-х гг. основное внимание

уделяли общим проблемам и наиболее значительным эмигрантским организациям, они кратко освещали и деятельность Б.В. Савинкова в Польше и его организаций, в контексте изучения эмиграции в целом. Однако авторы не уделяли должного внимания организационной структуре и политической программе савинковских организаций и подробно не освещали их деятельность. Причиной этому стало то, что программы савинковских организаций имели антисоветский пропагандистский характер, кроме того не имелось доступа к необходимым источникам. В работах Г.Ф. Бариховского и Л.К. Шкаренкова односторонне освещена деятельность Б.В. Савинкова и его организаций в Польше, подчёркнуто финансирование польскими властями их антибольшевистской деятельности и их сотрудничество с польскими и французскими спецслужбами, но не освещена их благотворительная деятельность в отношении интернированных в Польше антибольшевистских войск [2, 30]. Особенность монографии

Ю.В. Мухачева в том, что он затрагивает идеологию «третьей России» (крестьянской России) взятую Б.В. Савинковым на вооружение для антибольшевистской пропаганды среди российских крестьян [20]. К числу заслуг Л.К. Шкаренкова в исследовании рассматриваемой проблемы относится впервые привлечение им в изданной 1981 г. монографии «Агония белой эмиграции» обширного материала РЗИА, который освещает, в том числе деятельность Б.В. Савинкова в Польше.

Зарубежные специалисты также исследовали деятельность Б.В. Савинкова и его организаций. В 1968 г. появилось исследование польского ученого Л. Гросфельда о первых переговорах Б.В. Савинкова с Ю. Пилсудским в январе 1920 г. и их последующей переписки. Труд А. Юзвенко, посвященный складыванию отношений между русской эмиграцией и Польшей освещает первые встречи Ю. Пилсудского с Б.В. Савинковым и их последующие контакты [32].

Таким образом, исследователи в советский период проделали работу, результатом которой стало краткое, схематичное изложение истории деятельности Б.В. Савинкова и его организаций в Польше. При рассмотрении истории русской эмиграции в Польше отечественные исследователи в советский период уделяли внимание организациям Б.В. Савинкова, как наиболее крупным и враждебным советской власти. Советские историки стремились негативно осветить личность Б.В. Савинкова и его деятельность, особо акцентируя внимание на фактах финансирования его организаций польскими и французскими спецслужбами и его сотрудничества с ними. Несмотря на то, что в научный оборот был введён фактический материал, в указанных исследованиях в недостаточной степени освещалась деятельность Б.В. Савинкова и его организаций в Польше. Советские исследователи обходили стороной как благотворительную деятельность савинковских организаций, так и деятельность не политических, благотворительных организаций русских эмигрантов

в Польше, что обусловлено долгим отсутствием широкого доступа историков к необходимым архивным документам. Негативную роль также сыграла необходимость следования советской идеологии, в соответствии с которой к белоэмигрантам необходимо было относиться как к «врагам народа», образ русской эмиграции демонизировался, а её угроза гипертрофировалась.

Тектонические изменения в российском обществе конца 1980-х-начала 1990-х гг. открыли для науки новые возможности. Отход от марксистско-ленинских идеологических догм и возможность доступа к ранее засекреченным архивным документам позволили учёным сформировать принципиально новые подходы к изучению истории. Данный этап в развитии отечественной историографии Российского Зарубежья явился переходным от негативного и идеологизированного восприятия русской эмиграции «первой волны» к более объективному и полному её освещению и анализу. Не стала исключением и история деятельности Б.В. Савинкова и его организаций в Польше. Появившиеся в новейший период исследования позволили по-новому осмыслить и дать более объективную оценку деятельности Б.В. Савинкова в период Гражданской войны в Советской России.

В новейший период отечественные исследователи, продолжавшие изучать деятельность организаций Б.В. Савинкова, привлекали новые источники, что оказало положительное влияние. Так с 1988 г. появилась возможность работать с

материалами так называемого «Пражского архива» – РЗИА. В результате в новейший период впервые появились специальные исследования, посвященные деятельности организаций Б.В. Савинкова. Но в работах Д.Ю. Алексеева, Д.Л. Голикова, А.В. Жукова, Т.М. Симоновой, Е.А. Хворых, В.Ж. Цветкова освещается, прежде всего, военная составляющая деятельности савинковского Русского Политического Комитета и Народного Союза Защиты Родины и Свободы, организация антибольшевистских военных формирований в Польше и их военные действия после советско-польской войны [1, 7, 27, 28]. В исследованиях продолжается заостряться внимание на финансировании польскими и французскими властями деятельности савинковских организаций и таким образом продолжается традиция советских историков.

Д.Л. Голиков, оставшийся верным советской традиции восприятия белой эмиграции, затронул в книге «Правда о врагах народа» антибольшевистскую деятельность Б.В. Савинкова и его организаций в Польше и дал её негативную оценку. Также негативную оценку получила деятельность военных формирований, созданных при участии Б.В. Савинкова и его организаций для борьбы с большевиками. Д.Л. Голиков использовал советские официозные опубликованные источники: газеты, протоколы допросов и советскую историческую литературу, что не могло привести к объективному и всестороннему освещению исследуемых им событий [7].

Работа Г.З. Иоффе «Революционер: жизнь и смерть Бори-

са Савинкова» посвящена, в том числе борьбе Б.В. Савинкова с большевиками в период Гражданской войны и эмиграции [12]. Г.З. Иоффе не обошёл стороной савинковские организации в Польше, хотя изучал, прежде всего, личность и биографию Б.В. Савинкова на широком общеисторическом фоне. Нахождение автора вдали от родины не позволило ему привлечь достаточную источниковую базу для освещения деятельности савинковских организаций в Польше. Использование только личного фонда Б.В. Савинкова и малочисленных опубликованных документов, сделало невозможным показать полномасштабную картину деятельности Б.В. Савинкова и его организаций в Польше [12].

В исследованиях Т.М. Симоновой освещается правовое и материальное положение русских беженцев в межвоенной Польше и влияние польской политики «прометеизма» на отношение польского правительства к русской эмиграции. Т.М. Симонова исследовала историю, причины и условия создания Б.В. Савинковым военных формирований в Польше, а также деятельность советской дипломатии по противодействию антибольшевистской работе Б.В. Савинкова [23, 24, 25, 26]. Т.М. Симонова обобщила свои исследования в монографии, где пришла помимо прочего к выводу о руководящей роли французского командования в создании «отряда русских беженцев», и о том, что руководить их созданием У. Черчилль выбрал Б.В. Савинкова [26].

А.В. Жуков кратко, реферативно осветил деятельность

савинковского Народного Союза Защиты Родины и Свободы, процесс формирования российских вооруженных отрядов в Польше и впервые привлёк документы архива Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына освещающие деятельность военных формирований Б.В. Савинкова [9, 10].

В зарубежной историографии новейшего периода наиболее полно деятельность Б.В. Савинкова рассматривается в монографиях З. Карпуса 1991 и 1999 гг. Первая посвящена русским и украинским военнопленным и интернированным в Польше, вторая формированию в Польше русских, украинских, белорусских и казацких отрядов. В этих монографиях детально показана роль савинковских организаций в создании русских отрядов и их участие в борьбе против большевиков. В 2001 г. вышло обширное исследование А. Новака «Польша и три России» широко освещающее первоначальные переговоры Б.В. Савинкова с Ю. Пилсудским в январе 1920 г. и перспективы развития проекта «третьей России» в начале 1920 г. [33, 34, 35]

Таким образом, деятельность организаций Б.В. Савинкова в Польше, в особенности её военная составляющая изучена подробно. Но некоторые отечественные историки продолжают работать в рамках советской парадигмы, что предопределяет негативную оценку антисоветской деятельности организаций Б.В. Савинкова. Кроме того исследователи до настоящего времени уделяют недостаточно внимания организационной структуре и благотворительной деятельности ор-

Источники и литература ³⁴

Исторические науки. 1999. № 1. С. 69–81.

2. *Барихновский Г.Ф.* Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции в (1921-1924-е гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.

3. *Белов В.* Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.-Иг.: Государственное издательство, 1923.

4. Белый барон // Огонёк. 1928. № 19.

5. *Владимиров Л.* Возвратите их на родину! Жизнь врагелевцев в Галлиполи и Болгарии. М., 1924.

6. *Генкина Э.Б.* Из истории борьбы партии за укрепление идеологического фронта // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 16–38.

7. *Голинков Д.Л.* Правда о врагах народа. М.: Алгоритм, 2006.

8. *Гурович И.* Записки эмигранта. П.-М., 1923.

9. *Жуков А.В.* Развёртывание борьбы против большевиков: Подготовка белоэмигрантов в Польше (1920–1930 гг.) // Управление мегаполисом. 2014. № 5. С. 58–63.

10. *Жуков А.В.* Формирование российского военного зарубежья в Польше (1917–1922) // Учёные труды Российской

³⁴ *Алексеев Д.Ю.* Б.В. Савинков и его деятельность по формированию русских войск в Польше в 1920-м году // Вестник молодых учёных.

академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3. С. 100–104.

11. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977.

12. *Иоффе Г.З.* Революционер: жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. № 1. С. 87–98; № 2. С. 66–80; № 3. С. 72–86; № 4. С. 86–92; 2010. № 1. С. 89–106.

13. *Комин В.В.* Политический и идейный крах российской монархической контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977.

14. *Кон Ф.* Почему убит Войков. М.-Л., 1927.

15. *Коротков И.С.* Разгром Врангеля. М., 1955.

16. *Лунченков И.* За чужие грехи (казаки в эмиграции). М. – Л., 1925

17. *Мамай И.* Коммунистическая партия в борьбе за идейно-политическое воспитание масс в первые годы нэпа. М., 1955

18. *Мещеряков Н.Л.* На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции. М.: ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ГИЗ, 1922.

19. *Мещеряков Н.Л.* Наши за границей // Красная новь. 1921. № 1. С. 275–285.

20. *Мухачев Ю.В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М.: Мысль, 1982.

21. *Селянинов-Опперпут И.* Народный Союз Защиты Родины и Свободы (воспоминания). Берлин, 1922.

22. *Симонова Т.М.* Белые формирования в Польше («Отряд русских беженцев») в 1919–1921 годах // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 39–57.
23. *Симонова Т.М.* Ликер «Слезы Карахана». История одной мистификации // Родина. 2007. № 10. С. 89–93.
24. *Симонова Т.М.* «Мы бесподданные безгосударственники...». Россияне в межвоенной Польше // Родина. 2007. № 2. С. 75–81.
25. *Симонова Т.М.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.
26. *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М.: Квадрига, Зебра Е, 2013;
27. *Хворых Е.А.* Организация и боевые действия Русской народной добровольческой армии // Белая Гвардия. Альманах. Антибольшевистское повстанческое движение. М.: Посев, 2002. № 6. С. 194–201.
28. *Цветков В.Ж.* Белое движение и «польский вопрос» [Электронный ресурс] URL:<http://rusk.ru/st.php?idar=41018> (дата обращения 14.04.2016).
29. *Членов С.Б.* Убийство В.В. Воровского и буржуазное правосудие. Харьков, 1924
30. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987.
31. *Hans von Rimscha.* Der russische Bürgerkrieg und die

russische Emigration 1917–1921. Jena, 1924.

32. *Juzwenko A.* Polska a «biała» Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 R.). Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1973.

33. *Karpus Z.* Jency i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924. Toruń, 1991.

34. *Karpus Z.* Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Toruń, 1999.

35. *Nowak A.* Polska i trzy Rosje. Kraków, 2001.

Коалиция уходит в подполье. К истории взаимодействия Партии народной свободы и социалистов после Октября 1917

*Кудряков В.В.*³⁵

Аннотация: После Октябрьской революции политические оппоненты большевиков – кадеты, энесы, эсеры и различные меньшевистские организации, создали «Комитет спасения родины и революции» и подпольное Временное правительство. Разнородность собранных здесь политических сил полностью парализовала эти структуры изнутри и не позволила им организовать эффективную борьбу с овладевшей властью РСДРП(б). Их ликвидация большевистскими властями повлекла сосредоточение дальнейшего противостояния вокруг Учредительного Собрания. Организованный для его защиты «Союз» также не смог выполнить возлагавшиеся на него функции. Либерально-демократическая модель развития России оказалась нежизнеспособной.

Ключевые слова: Комитет спасения родины и революции, подпольное Временное правительство, Союз защиты Учре-

³⁵ Кудряков Василий Валерьевич – кандидат исторических наук; Российский государственный архив экономики; специалист, г. Москва.

дательного Собрания, политические партии.

Kudryakov V.V. Coalition goes into hiding. On the history of the interaction between the Constitutional Democratic Party and the Socialists after October 1917.

Abstract: After the October revolution, the political opponents of the Bolsheviks – the Cadets, Popular Socialists, Socialist-Revolutionaries and various Menshevik organizations, created the "Committee of Salvation of the Motherland and the Revolution" and the underground Provisional government. The heterogeneity of the political forces gathered here totally paralyzed these structures from the inside and did not allow them to organize an effective fight against RSDLP(b) who had seized the power. Their liquidation by the Bolshevik authorities, led to the concentration of further confrontation around the Constituent Assembly. "The Union for the protection of the constituent Assembly" also failed to fulfill its responsibilities. The liberal-democratic model of Russia's development proved to be unsustainable.

Keywords: Committee of Salvation of the Motherland and the Revolution, underground Provisional Government, Union for the Protection of the Constituent Assembly, political parties.

События, развернувшиеся в левой части политического спектра в 1917 г., оказали судьбоносное влияние на весь по-

следующий ход российской истории. Поэтому исследование взаимоотношений между различными политическими силами в период революции неизбежно выходит за рамки изучения политико-партийной системы и охватывает целый комплекс проблем внутренней и внешней политики государства, включая ряд аспектов, которые обусловили социально-политические сдвиги, в корне изменившие развитие российского государства и общества.

Не вызывает сомнений, что они явились результатом значительного количества факторов, и не последнее место среди них сыграло взаимодействие ПНС и социалистических партий, поэтому представляется необходимым проанализировать отношение различных левых групп к соглашениям с конституционными демократами и позицию лидеров кадетов к альянсу с социалистами в первые дни после большевистского переворота. После разгона Предпарламента в столице в распоряжении у оппонентов РСДРП(б) оставалось еще одно важное представительство – Городская дума Петрограда, которая вслед за падением Зимнего дворца оказалась вынуждена перейти от обсуждения способов защиты Временного правительства к созданию нового центра борьбы с большевиками. Последний был образован из представителей всех ее фракций кроме РСДРП(б) и делегатов от ВЦИК 1-го созыва [11, с. 566]. Общая численность «Комитета спасения родины и революции» на первых заседаниях составляла 15 человек. От ПНС в него вступили В.Д. Набоков,

гр. С.В. Панина и кн. В.А. Оболенский. Уже вопрос о наименовании вновь созданного органа вызвал столкновение между конституционными демократами и меньшевиками. Меньшевики решительно выступили против слова «родина» в названии Комитета. Однако благодаря поддержке представителей группы «Единство», энесов и правых эсеров кадеты смогли одержать верх. [11, с. 557–558].

26 октября Комитет спасения родины и революции, председателем которого стал Н.Д. Авксентьев, принял решение бойкотировать большевиков в правительственных учреждениях и отправить своих представителей на встречу с английским послом Бьюкененом. В состав делегации вошли меньшевик А.А. Исаев, к.-д. В.Д. Набоков и эсеры Г.И. Шрейдер и Н.Д. Авксентьев. Такой подбор лиц для данной миссии И.И. Минц объясняет стремлением «создать впечатление, что большевики изолированы, против них все партии» [9, с. 112]. Это представляется весьма вероятным, тем более, если учитывать свидетельство В.Д. Набокова: «Поездка... имела целью «успокоить» посла, уверить его, что успех большевистского восстания – чисто кажущийся» [10, с. 87]. Однако визит к Бьюкенену оказался едва ли не последней согласованной акцией Комитета.

Начиная со второго дня существования организации, к ней начали примыкать делегаты все большего количества «демократических» структур, причем в политическом отношении подавляющую их часть составляли различные социа-

листы. К 28 октября в ряды спасителей родины и революции вступили представители нескольких фронтовых групп, Совета Российской республики, ЦИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов, фракций с.-р., с.-д. (меньшевиков), народных социалистов, группы «Единство», II съезда Советов [22, Л.1]. Общий рост численности Комитета никак не отразился на количестве состоящих в нем к.-д. Если в момент образования этого органа они составляли до 20 % от его состава, то теперь их удельный вес понизился до ничтожного. Социалисты развернули целую кампанию с целью устранения кадетов от реального участия в работе [20;Л.211(об.)]. В итоге ни одного члена ПНС не избрали в бюро Комитета спасения родины и революции, а ведь именно здесь протекала реальная подготовка антибольшевистского восстания [11, с. 560–561].

На его пленарных заседаниях, где присутствовали конституционные демократы, основная часть времени расходовалась на споры между различными группами социалистов о возможности компромисса с большевиками [11, с. 558]. Меньшевики предлагали создать однородное социалистическое правительство при посредничестве Викжеля [12, с. 45].

В Комитете Викжель представляли Л. Мартов и А.С. Мартынов. Хотя они обладали только правом совещательного голоса, это не помешало им внести смуту в ряды противников большевиков и ослабить решительность в деле борьбы с захватчиками власти [11, с. 559]. Данная тенденция прекрасно

иллюстрируется числом агитаторов, которых Комитет спасения родины и революции отправил в войска и на заводы для ведения агитации. В первый день их количество достигло 120 человек, во второй снизилось до 70, в третий до 20, а в четвертый не превысило нуля [20, Л. 211 (об.)]. Естественно, колебания, проявляемые органом, созданным для борьбы с большевиками, совершенно не устраивали Партию народной свободы. Еще 26 октября утром в доме гр. С.В. Паниной на заседании ЦК ПНС [10, с. 87] прозвучали призывы о необходимости решительной борьбы с Лениным и его сторонниками. Они отразились в воззвании, опубликованном 27 октября. В нем сообщалось о том, что насильники-большевики попытались прервать преемственность революционной власти и, «опираясь на воинские части, ими обманутые и забывшие свой долг», арестовали Временное правительство. Далее ЦК передавал «горячий привет» и «нравственную поддержку» товарищам по партии, переместившимся из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость, а также отмечал величайшую опасность, которой подвергались целостность и достоинство государства вкупе с правами и свободами граждан. К народу обращалось воззвание «не признавать власти насильников» и «не подчиняться их распоряжениям» [15, с. 409].

Уже на одном из первых заседаний «Комитета спасения родины и революции» гр. С.В. Панина в соответствии с постановлением ЦК к.-д. внесла предложение «войти в сношения с оставшимися на свободе товарищами министров и че-

рез них добиться подчинения себе всего штата чиновников центральных петербургских учреждений [5, с. 30–31]. «Комитет спасения» поддержал идею саботажа.

Кадеты также приняли участие в деятельности подпольного Временного правительства. Его первое заседание протекало 28 или 29 октября на Бассейной улице в квартире А. Демьянова, пригласившего к себе всех товарищей министров. Как глава Малого Совета министров, он занял место председателя и предложил обсудить сложившееся политическое положение. Это имело не самые лучшие последствия. Собравшиеся здесь представители различных партий занялись агитацией и стали произносить речи «буквально митингового характера», словно пытаясь соблазнить друг друга «своими политическими credo» [3, с. 36]. Ситуацию дополнительно усугубляло то обстоятельство, что «Демьянов в качестве председателя не умел ни ставить вопросы, ни конкретизировать прения» [10, с. 90–91]. В итоге Малый Совет министров, который после ареста членов Временного правительства номинально возглавлял систему исполнительной антибольшевистской власти, погряз в пустом многословии. После возвращения из Москвы единственного оставшегося на свободе министра председательство перешло к нему. Занимая место, С.Н. Прокопович заявил о своих диктаторских намерениях, но ситуации это не изменило [3, с. 40–41]. Большевики выпустили из Петропавловской крепости министров-социалистов, оставив «буржуазных ми-

нистров» под стражей. Кадеты осудили партнеров по коалиции за их согласие «выйти из тюрьмы, покинув там своих товарищей» [11, с. 559]. Они твердо считали, что представители левых партий из чувства солидарности должны были отказаться от предоставленной свободы. В итоге на заседании подпольного Временного правительства разыгралась мелодраматическая сцена: терзаемый угрызениями совести министр внутренних дел меньшевик А.М. Никитин призвал других министров-социалистов отправиться в Смольный и потребовать либо освободить кабинет в полном составе, либо вновь заключить под стражу уже освобожденных его членов [10, с. 90]. Однако эмоциональное предложение Никитина не встретили сочувствия ни у недавних товарищей по заключению, ни у большинства собравшихся. Оно было признано вредным, так как «без практической надобности разрушало Совет министров» [3, с. 41]. Непросто складывались отношения между подпольным Временным правительством и «Комитетом спасения родины и революции». Первая попытка А. Демьянова пригласить его главу успехом не увенчалась [3, с. 36–37]. Тем не менее, благодаря партийным связям, объединявшим членов этих центров, и участию ряда лиц в обеих структурах им удалось договориться о встрече, которая произошла в доме у гр. С.В. Паниной. Важнейшим ее результатом стало признание Комитетом подпольного Временного правительства в качестве существующей всероссийской власти [3, с. 46]. Возможно, не последнюю

роль тут сыграло то обстоятельство, что Малый Совет министров в царившей в Петрограде неразберихе сохранил возможность эмиссии. Причем новые денежные знаки ему удалось выпустить даже без ведома большевиков [3, с. 39].

В начале ноября «Комитет спасения» решил издать ряд брошюр для распространения среди солдат гарнизона. Поскольку все средства Комитета уже были исчерпаны, он обратился к своему правительству с просьбой ассигновать на это начинание 300–400 тысяч рублей [3, с. 47]. Когда вопрос поставили на обсуждение, графиня С.В. Панина заявила, «что будет голосовать против выдачи денег Комитету». Глава кабинета С.Н. Прокопович поддержал ее, заявив: «Мы не имеем права тратить народные деньги на партийную борьбу» [3, с. 49]. Таким образом, отказ был предрешен. Вероятно, данная позиция имела веское обоснование. Во-первых, лидеры ПНС крайне отрицательно относились к раскладу сил в «Комитете спасения родины и революции», а во-вторых, последний постепенно все больше утрачивал свой первоначальный смысл и дееспособность. Провалив подготовку восстания [9, с. 151], втянувшись посредством Викжеля в переговоры с большевиками, Комитет продолжал расти как на дрожжах. Его состав пополнился делегатами от Центрофлота, Бунда, почтово-телеграфного союза, Союза банковских служащих и ряда других организаций. К 8 ноября на его собрании присутствовало уже 115 человек [2, с. 21–22], по-прежнему споривших о возможности общесоциалистического компромис-

са. Реального значения этот орган, все более напоминающий предпарламент и проводящий «конспиративные» заседания на верхнем этаже здания петроградской думы [11, с. 563], иметь уже не мог. Когда 10 ноября [5, с. 36.] большевики решились его разогнать, они скорее помогли своим деятельным противникам начать реальную организационную работу, чем воспрепятствовали «коалиции всех живых прогрессивных сил страны» оборонять отечеств [22, Л. 8].

Подпольный Совет министров пережил Комитет на 10 дней, и чуть было не попал в полосу еще одного правительственного кризиса. Проблема заключалась в том, что бастующие чиновники изъявили желание получить свою зарплату на неделю раньше обычного срока, учитывая нестабильное положение кабинета. В правительстве вспыхнули ожесточенные споры, возможно ли «допустить нарушение закона о порядке выдачи жалованья». Большинство склонялось к мысли о допустимости этого. Тогда С.Н. Прокопович, оказавшийся в стане побежденных, заявил, что складывает с себя звание председателя Совета министров. Согласие остаться на посту он обуславливал следующим компромиссным решением: деньги на зарплату чиновникам выписываются из казначейства и передаются в министерство немедленно, но сама выдача жалованья производится в установленный срок. На эту комбинацию согласились все политические силы, задействованные в переговорном процессе [3, с. 48].

Несколько дней спустя после счастливого разрешения се-

го сложного государственно-правового вопроса кабинет «решил заявить о себе». Он обратился к народу с воззванием, призывая его сплотиться вокруг Учредительного Собрания» [3, с. 52]. 17 ноября воззвание «к гражданам армии и тыла» было опубликовано в ряде газет. Большевики немедленно запретили их дальнейший выпуск [13, с. 353] и обратили внимание на подпольное Временное правительство, что имело своим следствием постановление СНК от 20 ноября арестовать всех его членов. В такой ситуации последние предпочли покинуть столицу [5, с. 36].

28 ноября должно было, согласно первоначальному плану, открыться Учредительное Собрание. Власть отнюдь не жаждала участия в нем своих главных политических оппонентов, хотя исход выборов оказался крайне неудачным для кадетов и лишь 15 представителей Конституционно-демократической партии стали депутатами нового законодательного учреждения [14, с. 299]. По образному выражению Ф.И. Родичева, «в Учредительном Собрании к.-д. было только на семена» [16, с. 144].

27 ноября у гр. С.В. Паниной собрался ЦК. На заседании обсуждалась тактика ПНС в первый день работы «хозяина земли русской». Хотя многие понимали его бесперспективность и не связывали с ним больших надежд, при открытии Учредительного Собрания было решено провозгласить специальную декларацию. Она содержала требования установления норм элементарной свободы, грубо попираемых боль-

шевиками [4, с. 58].

28 ноября в 7.30 утра представители последних явились и арестовали саму графиню, Ф.Ф. Кокошкина, А.И. Шингарева, а позже пришедшего сюда кн. П.Д. Долгорукова. При чем, если гр. С.В. Панину взяли под стражу за отказ передать большевикам казенные суммы министерства просвещения, где она была товарищем министра накануне октябрьского переворота, то прочим заявили, «что они арестовываются в силу нежелания «признавать власть народных комиссаров» [18, с. 65]. Лишь своевременно принятые меры позволили другим кадетским депутатам избежать судьбы своих товарищей.

Мощные демонстрации, развернувшиеся в Петрограде в поддержку Учредительного Собрания, позволили его членам, несмотря на большевистские оцепления, вступить в Таврический дворец. Здесь выяснилось одно прискорбное обстоятельство. Из лиц, которым надлежало разрешить вопросы дальнейшего государственного строительства, в наличии, по различным сведениям, оказалось от 45 [1, с. 335] до 60 человек. Среди них было лишь четыре кадета: П.И. Новгородцев, Ф.И. Родичев, Н.И. Астров и Н.Н. Кутлер [20, Л. 66]. Собравшиеся признали отсутствие кворума, но сочли возможным ускорить созыв Учредительного Собрания. Для этого депутаты открыли «частное совещание». В начале его единственного заседания произошло избрание президиума. Пост председателя в нем занял глава ПСР В.М. Чернов, а

его товарищами стали правый эсер А.А. Аргунов и кадет П.И. Новгородцев. Далее на трибуну поднялся Ф.И. Родичев и, огласив декларацию ПНС, призвал собравшихся признать арест депутатов «преступным посягательством на Учредительное Собрание». После непродолжительных прений это предложение было принято.

В тот же день СНК, отложив иные насущные дела, обсуждал участь взятых под стражу кн. П.Д. Долгорукого, Ф.Ф. Кокошкина, А.И. Шингарева и гр. Паниной [4, с. 62]. Только к 12 часам ночи большевики решили принять декрет об объявлении кадетов партией «врагов народа» [18, с. 65]. Подобная насмешка над законом и начало ничем не прикрытых репрессий против политических оппонентов вызвали бурю негодования в кругу даже социалистической общественности. Уже 29 ноября Центральный и петроградский комитеты Трудовой народно-социалистической партии выступили с протестом против большевистских гонений на кадетов и умаления прав Учредительного Собрания, призвав «всех товарищей и граждан к неисполнению декрета насильников». В Москве с.-д. группа «Единство» приняла резолюцию, в которой выражалось негодование «по поводу возмутительного посягательства..., учиняемого захватчиками власти», и содержалось требование «невмешательства... в деятельность Учредительного Собрания и немедленного освобождения арестованных депутатов» [20, Л. 76 (об.)].

На заседании бюро фракции эсеров Учредительного Со-

брация 30 ноября было объявлено: «...силу чистоты принципов мы должны [выступить] против ареста кадетов» [21, Л. 8]. Подобное настроение царило и на заседании петроградского Военного Совета партии социалистов-революционеров, где городской голова Г.И. Шрейдер призывал защищать кадетов и не признавать власти большевиков и их законов [21, Л. 8 (об.)].

К этому времени следует отнести активизацию контактов ПНС и ПСР, явившихся следствием воздействия нескольких факторов. Большевистская власть продемонстрировала полное нежелание считаться с оппозицией, и стало очевидной ее готовность перейти к открытым репрессиям против любых политических оппонентов. Результаты выборов в Учредительное Собрание доставили с.-р. такое преимущество, что о конкуренции с кадетами внутри «хозяина земли русской» говорить не приходилось, и это сглаживало трения между партиями. Обе они надеялись использовать полноправное представительство для создания новой антибольшевистской власти. Наконец, для координации действий обеим сторонам было необходимо иметь информацию о планах друг друга. Поэтому ЦК ПНС назначил своего представителя для участия в заседаниях бюро фракции эсеров Учредительного Собрания. Им стал кн. В.А. Оболенский. ПСР, в свою очередь, выделил комиссию в составе Я.Т. Дедусенко, Святицкого и Колерова, которым надлежало наладить контакты с кадетами и другими антибольшевистскими фракциями Учреди-

тельного Собрания [21, Л. 107]. Надо отметить, что социалисты-революционеры «чрезвычайно любезно» приняли кадетского представителя и предоставили ему право совещательного голоса на заседаниях бюро. Параллельно кн. В.А. Оболенский вел переговоры с лидерами эсеров по вопросам дальнейшей политической стратегии [11, с. 566–567].

Информируя свой Центральный комитет обо всем увиденном и услышанном, князь не упустил из виду господствовавшую в руководящих кругах ПСР растерянность. Действительно, расклад сил в Учредительном Собрании выдвигал с.р. на роль главных противников большевиков, что, учитывая внутрипартийные разногласия, отсутствие поддержки в войсках и просчеты в организационной работе, делало положение социалистов-революционеров совершенно отчаянным. Однако не все эсеры предавались унынию. Многие вели реальную деятельность по подготовке сопротивления РСДРП(б).

22 ноября был создан Союз защиты Учредительного Собрания. 23 ноября Бюро ЦИК 1-го созыва одобрило его образование [13, с. 317]. Помимо социалистов-революционеров, в организацию вступили энесы, меньшевики-оборонцы и кадеты [17, с. 36]. В отличие от Комитета спасения родины и революции, новый центр действовал достаточно энергично. Он издал множество листовок и обращений, организовал три рабочих конференции, на которых протекала яркая антисоветская агитация. Опасаясь нежелательных для себя послед-

ствий, большевики арестовали участников последней конференции. Союз также провел активную пропагандистскую кампанию, ориентированную на средние городские слои, и добился массовых демонстраций в поддержку Учредительного Собрания. В его составе функционировал военный отдел, но из-за тщательной слежки и прослушивания телефонов успехи в области конспиративной работы следует признать неудовлетворительными [17, с. 36–37].

Помимо сотрудничества в межпартийном органе, нацеленном в первую очередь на агитацию среди населения, эсеры попытались развернуть деятельность по подготовке вооруженной опоры для народного представительства. Основной упор при выполнении этой задачи делался на Военную Комиссию. Последняя была реорганизована. Ее состав увеличился, а руководство получило автономию от ЦК [17, с. 39]. Работа данного подразделения ПСР строилась в нескольких направлениях. Первая его цель заключалась в выделении из петроградского гарнизона наиболее боеспособных и антибольшевистски настроенных частей с последующей их подготовкой для выступления в поддержку Учредительного Собрания. По словам председателя Военной Комиссии Б. Соколова, нужные качества удалось обнаружить в Преображенском и Семеновском полках, а также в броневом дивизионе, дислоцированном в месте расположения Измайловского полка [17, с. 41]. Сложно обвинять Б. Соколова в искажении истины, но ситуация представляется не столь од-

нозначной. Например, на митингах в начале декабря Измайловский полк выносил большевистские резолюции [21, 4]. Из 3000 личного состава Семеновского полка на манифестацию в поддержку Учредительного Собрания, проводившуюся в середине месяца, выступило лишь 200 человек, и те – под давлением полкового комитета. О настроениях Преображенского полка сами эсеры судить затруднялись. Он маршировал под знаменем с лозунгом «Да здравствует Учредительное Собрание», а в его нижней части красовалась надпись «Вся власть Советам» [21, Л. 66].

Конечно, с.-р. организовали в этих частях серьезную пропагандистскую работу [21, Л 62 (об.)], добились проведения в ротные и полковые комитеты некоторых своих людей, перебросили с фронта и распределили в данных подразделениях свыше 600 офицеров и солдат из числа убежденных сторонников ПСР [17, с. 41]. Тем не менее ситуация в некогда первой гвардейской бригаде вызывала беспокойство в ЦК социалистов-революционеров и не казалась лидерам партии однозначно благоприятной для осуществления предстоящего выступления. Положение усугублялась провалом работы Военной Комиссии в других направлениях. Она попыталась сформировать из петроградского пролетариата рабочие дружины на манер большевиков, но сделать это удалось лишь на бумаге, и в случае реальных столкновений надеяться на них не приходилось [17, с. 44]. Еще одно начинание по организации летучих отрядов из солдат-эсеров, вызванных с фрон-

та, также провалилось [13, с. 316]. Для обороны «хозяина земли русской» начала создаваться офицерская организация полковника Ткаченко, но последняя не могла кардинально изменить общего положения [7, с. 21.], так как она функционировала в Москве, и пик ее активности пришелся на весну – начало лета 1918 г. [6, с. 8].

Невзирая на неоднозначные результаты своей деятельности, Военная Комиссия готовилась 5 января провести вооруженное выступление. Предполагалось, что свою лепту в него внесен Военный отдел «Союза защиты Учредительного Собрания». Для координации совместных усилий обе организации провели ряд совместных заседаний, выбрали общий штаб и разработали план боевого выступления антибольшевистских частей [2, с. 108].

Растерянность, царившая в эсеровской фракции, отсутствие уверенности в успехе задуманного, безусловно, способствовали отказу от внепарламентской борьбы. Когда в конце декабря лидерам ПСР была изложена диспозиция, разработанная Союзом и Комиссией, она встретила недоверчивое и отрицательное отношение [17;С.55]. Третьего января ЦК принял постановление, которым вооруженное выступление категорически запрещалось «как несвоевременное и ненадежное деяние» [17, с. 60.]. Мотивы этого решения изложил член эсеровского Центрального комитета М. Вишняк: «... из нашей памяти не изгладился опыт октябрьских дней, когда... демократия оказалась бессильной предотвра-

тить большевистский захват власти. Идти на риск немедленного вооруженного столкновения представлялось нам тем более легкомысленным, что оно выбивало из антибольшевистских рук козырь, которым являлось Учредительное Собрание, если бы ему удалось закрепиться, и даже в случае его насильственного упразднения» [1, с. 347–348].

Руководствуясь такой логикой, социалисты-революционеры подошли к 5 января. Последствия этого хорошо известны. Несмотря на грозную резолюцию «всеми... средствами защищать Учредительное Собрание от всяких насилий, откуда бы они не исходили» [21, Л. 58 (об.)] реально ПСР ничего предпринять не отважилось. Отношение кадетов к происходившим в столице событиям отразилось в дневнике А.В. Тырковой-Вильямс, охарактеризовавшей 5 января как тягостный и душный день [19, с. 76].

Вскоре после разгона «хозяина земли русской» Комитет, взявший на себя его защиту, также прекратил существование в силу ареста большинства своих членов. Депутатов Учредительного Собрания Ф.Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева после перевода из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу зверски убили большевистские бандиты, что вызвало большой резонанс. Даже ЦК РСДРП(б), который сложно заподозрить в симпатиях к кадетам, вынес гневную резолюцию, содержащую осуждение этого преступления [8, с. 116].

Ликвидация Учредительного Собрания знаменует конец

первого этапа антибольшевистской борьбы. Во всероссийском масштабе идея левого блока оказалась нежизнеспособной. Ее носители вышли из глубин освободительного движения, которое вплоть до первой революции объединяло всю радикальную оппозицию Российской империи. Стремление многих кадетов и социалистов создать левый альянс диктовалось их желанием мобилизовать широкие общественные силы для осуществления крупных государственных преобразований. Первая мировая война создала условия, необходимые для реализации этих задач, однако ожесточенная борьба за власть между ПНС и социалистическими партиями, предопределила распад левого альянса и либерально-демократический вариант развития России оказался неосуществим.

Источники и литература

1. *Вишняк М.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.
2. *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.-Л., 1927.
3. *Демьянов А.* Записки о подпольном Временном Правительстве // Архив русской революции. Т. 7. М., 1991.
4. *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Мадрид, 1964.
5. *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.

6. *Зензинов В.М.* Борьба российской демократии с большевиками. // Вопросы истории. 2006. № 6.
7. *Мельгунов С.А.* Воспоминания и дневники. Вып. II. Ч. 3. Париж, 1964.
8. *Меньшевики в 1918 году.* М., 1999.
9. *Миц И.И.* История Великого Октября. Т. 3. М., 1973.
10. *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991.
11. *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
12. *Подболотов П.А., Спирин Л.М.* Крах меньшевизма в советской России. Л., 1988.
13. *Поликарпов В.Д.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976.
14. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное Собрание. М., 1997.
15. *Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии.* Т. 3. М., 1998
16. *Родичев Ф.И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983.
17. *Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного Собрания // Архив русской революции. Т. 13. М., 1992.
18. *Шелохаев В.В.* Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. 1999. № 5.
19. *Шелохаев В.В. А.В. Тыркова* // Вопросы истории. 1998. № 3.

20. Государственный архив Российской Федерации Ф. 539 (Водовозов В.В.) Оп. 1. Ед. хр. 959.

21. Российский Государственный архив социально-политической истории Ф. 274 (Центральный комитет партии социалистов-революционеров) Оп. 1. Ед. хр. 45.

22. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга Ф. 9618 (Редакция истории Ленсовета) Оп. 1. Ед. хр. 232.

Чрезвычайное законодательство Российской империи и опыт его применения для борьбы с революционным террором. Критический анализ

*Домрин А.Н.*³⁶

Аннотация: Во всем массиве законодательства Российской империи трудно найти другой закон, который был столь же неверно истолкован и столь же искажен в комментариях, как «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Поразительно совпадение взглядов о данной законодательной мере революционеров-террористов и некоторых зарубежных ученых. Владимир Ленин), например, назвал Положение 1881 г. «фактической российской конституцией», а небезызвестный Ричард Пайпс (Пипеш) «самой важной частью законодательства в истории царской России» и ее «настоящей конституцией». Не мифическая «жесткость» или «жестокость» российского чрезвычайного законодательства

³⁶ Домрин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» и МПГУ.

и его применения, и не столь же мифический «административный произвол» в реализации этого законодательства ускорили трагический конец Российской империи, а благодушные и неэффективные власти (в первую очередь, Государственной Думы) и их неспособность оценить степень реальной угрозы, которую представлял для государства и общества революционный террор.

Ключевые слова: законодательство, чрезвычайные полномочия, Российская империя, терроризм, военное положение, национальная безопасность

Domrin A.N. Emergency Legislation of the Russian Empire and Its Implementation against Revolutionary Terror. The critical analysis.

Abstract: In the whole body of the Russian Imperial legislation, one can hardly find a statute that has been as much misinterpreted and misrepresented by either Russian (and Soviet) or Western commentators as the law “On Measures for the Preservation of the State Order and Public Tranquility” (О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия), also known as the Emergency Law of 1881. The coinciding views of Bolsheviks and some foreign scholars on this law is astonishing. Vladimir Lenin), for instance, called it “Russia’s de facto constitution,” and notorious Richard Pipes called it “the most important

piece of legislation in the history of imperial Russia... the real constitution under which... Russia has been ruled ever since.” Thanks to, first, the lack of political will by the tsarist regime and its shy unwillingness to decisively fight grave enemies of the Russian society, and second, a fatal misunderstanding of national interests of Russia by the Provisional Government (February-October 1917), the mechanism of self-preservation of the Russian state was never effectively implemented and was ultimately destroyed – with Russia herself.

Keywords: legislation, emergency powers, Russian Empire, terrorism, martial law, national security

Законодательство стран мира предусматривает два принципиально отличных вида особых или исключительных режимов:

- санкционирование введения временного приостановления действия **некоторых**, но не названных статей конституции **в случае возникновения** каких-то чрезвычайных обстоятельств;
- либо предварительная, **заранее** установленная регламентация **определённых** – и также временных – ограничений, затрагивающих конституционный статус личности.

Первый вид обеспечивает большую свободу действий органов государственной власти и управления, однако также несёт большой риск злоупотреблений чрезвычайными полномочиями. Второй вид исключительных режимов является

более прогрессивным, поскольку заранее определяет **границы** отступлений от нормального конституционного режима при наступлении чрезвычайных обстоятельств.

В России традиционно применяется второй способ регулирования правового режима чрезвычайного положения (ЧП), включая «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

Во всем массиве законодательства Российской империи трудно найти другой закон, который был столь же неверно истолкован и столь же искажен в комментариях, как «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. [13].

Поразительно совпадение взглядов о данной законодательной мере революционеров-террористов и некоторых зарубежных ученых. Владимир Ленин), например, назвал Положение 1881 года «фактической российской конституцией» [8, с. 114], а неизвестный Ричард Пайпс (Пипеш) «самой важной частью законодательства в истории царской России» и ее «настоящей конституцией» [23, р. 305].

Другой американский историк (Джонатан Дэйли) утверждает, что «правители России чувствовали себя некомфортно из-за содержания» Положения 1881 г., «тем более, что у них не было европейских образцов для подражания» в данной сфере законодательного регулирования. [19, р. 602–603]. Статья легла в основу последующей монографии Дж. Дэй-

ли “Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905” (Northern Illinois University Press, Russian Studies Series, 1998)].

Ничего подобного! Принятие специального законодательства, регламентирующего чрезвычайные полномочия, было характерно для государств Европы того времени. Франция – традиционный «образец для подражания» России – приняла свой первый закон о чрезвычайном положении в 1849 г., Пруссия – в 1851-м, Австро-Венгрия – в 1869-м, а Испания в – 1870-м. Французский закон неоднократно применялся на протяжении всей второй половины девятнадцатого века, в том числе в 1871–1876 гг., когда почти вся территория страны находилась на «осадном положении» и что сопровождалось репрессиями, несопоставимыми по своим масштабам с мерами, применявшимися в России.

Ещё в 1852 г. в своей знаменитой работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс саркастически писал: «Добропорядочные республиканцы» в свою очередь сделали изобретение, само проложившее себе дорогу по всему континенту, но с не остывающей любовью всё снова возвращавшееся во Францию, пока оно не приобрело теперь права гражданства в половине французских департаментов. Это изобретение – *осадное положение*. Превосходное изобретение, периодически применяемое в каждом из следующих друг за другом кризисов в ходе французской революции» [9, с. 135].

Напомню, что «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. предусматривало введение двух видов исключительного положения: «чрезвычайной охраны» и «усиленной охраны».

Положение **усиленной охраны** могло быть введено в тех случаях, «когда проявления преступной деятельности лиц, злоумышляющих против общественного порядка и общественной безопасности, принимают... столь угрожающий характер, что вызывают необходимость особых мероприятий, направленных к прекращению сих проявлений».

Положение **чрезвычайной охраны** объявлялось, «когда такими посягательствами население будет приведено в тревожное состояние, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка».

Положение **усиленной охраны** вводилось министром внутренних дел либо генерал-губернаторами, после чего им надлежало представить эту меру на Высочайшее благоусмотрение через Комитет министров.

Положение **чрезвычайной охраны** вводилось только Высочайше утвержденным решением Комитета министров по представлению министра внутренних дел. Такое положение могло быть введено не более чем на год, после чего оно могло быть продлено только новым решением Комитета министров.

При введении положения **усиленной охраны** генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники получали новые дополнительные полномочия, в том числе:

1. Право издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения порядка и безопасности, устанавливать нарушения и накладывать взыскания (арест до 3-х месяцев и штраф до 300 рублей) в административном (внесудебном) порядке.

2. Право воспрещать различные народные, общественные и частные собрания.

3. Право делать распоряжения о закрытии торговых и промышленных заведений.

4. Право воспрещать отдельным личностям пребывание в объявленных на положении об усиленной охране местностях (административная высылка). Высылка также могла производиться в определенную местность; до момента высылки наказуемый мог содержаться под арестом. Срок высылки составлял от 1 года до 5 лет. Высылка должна быть согласована с министром внутренних дел, при котором для обсуждения данных вопросов имелось Особое совещание.

Генерал-губернаторы, а там, где их не было – министр внутренних дел, получали право передавать на рассмотрение военных судов дела, подсудные обычным судам, в видах ограждения общественного порядка и спокойствия; а также давать распоряжения о рассмотрении дел судами при закрытых дверях, во избежание возбуждения умов и нарушения

порядка.

Местные полицейские органы (исправники, полицмейстеры, начальники местных жандармских управлений и их помощники) получали право:

- арестовывать на срок не более 2 недель всех лиц, внушающих подозрение в совершении государственных преступлений, а также в принадлежности к противозаконным сообществам;
- производить во всякое время и во всех помещениях обыски;
- налагать аресты на имущества, указывающие на преступность действий или намерений заподозренных лиц.

Положение **чрезвычайной охраны** еще более расширяло права тех же должностных лиц.

Генерал-губернаторам могли быть присвоены права командующих армиями в военное время.

В местностях, где не было генерал-губернаторов, могли быть назначены специальные лица, именуемые главноначальствующими. Кроме прав генерал-губернаторов при положении усиленной охраны, эти лица также получали:

1. Право передавать военному суду дела лиц, совершивших «известные» преступления (закон намеренно употребляет неопределенное выражение);
2. Право налагать секвестр на недвижимые и арест на движимые имущества, если доходы с них употреблялись на преступные цели;

3. Право подвергать заключению в крепости, тюрьме или аресту на срок до 3-х месяцев или штрафу до 3000 рублей в административном порядке; как за нарушение обязательных постановлений, так и за проступки, изъятые из ведения судов;

4. Право устранять от должности на время действия положения чиновников всех ведомств (кроме лиц первых трех классов), а также служащих по выборам в сословных, земских и городских учреждениях;

5. Право приостанавливать и закрывать собрания сословных, земских и городских учреждений;

6. Право приостанавливать периодические издания на время действия положения;

7. Право закрывать учебные заведения на срок не более одного месяца.

Как правило, в «главноначальствующих» на время положения чрезвычайной охраны переименовывались действующие губернаторы.

Выдающийся российский правовед, автор фундаментального пятитомного исследования пенитенциарной системы России Михаил Гернет (1874–1953) пишет о том, что в период революционных потрясений 1905–1907 гг. из 87 губерний и областей Российской империи 60 находились в режиме усиленной или чрезвычайной охраны; еще в 25 из них действовало военное положение. Однако к 1914 г. состояние военного положения было отменено по всей стране; режим

чрезвычайной охраны действовал лишь в Ялте, где отдыхала царская семья; усиленной охраны – в крайне ограниченном числе местностей. [4, с. 90]. Естественно, ситуация изменилась с началом Первой мировой войны.

Было ли оправдано широкое применение чрезвычайного законодательства в период 1905–1907 гг.? Думаю, что есть, по крайней мере, две причины, позволяющие дать утвердительный ответ.

Регулярные полицейские силы в царской России были катастрофически ограничены в своих полномочиях и хронически недоукомплектованы. На рубеже двадцатого века самая большая страна в мире – одних крестьян было более 90 миллионов – охранялась только 8456 полицейскими! В среднем в 1900 г. средний участок полицейских в России составлял примерно 2900 квадратных километров с населением от 50 тыс. до 100 тыс. человек! [25, р. 10–11]. В 1914 году во всей Российской империи насчитывалось менее 15 тысяч жандармов [22, р. 235, 240]. Для сравнения в те же самые годы во Франции было на 40 процентов больше полицейских, чем в России, хотя население страны было в три раза меньше российского, а территория – в сорок раз (!) меньше территории Российской империи [18, р. 9].

Чему удивляться, если известная террористка Вера Фигнер, «символизировавшая», по словам другого знаменитого террориста Бориса Савинкова, «лучшие традиции революционного движения» [12, с. 195] в своих мемуарах «За-

печатлённый труд» 1921 года гордо заявляла: «В самом Петербурге пропаганда, агитация и организация велись в самых широких размерах; отсутствие полицейских придинок и жандармских облав... очень благоприятствовало работе среди учащейся молодёжи и рабочих» [17, с. 174].

Н.К. Крупская подтверждает, что в годы ее преподавания в Петербургской воскресной вечерней школе для взрослых за Невской заставой на Шлиссельбургском тракте (1891–1896) «в школе можно было говорить обо всем;... надо было только не употреблять страшных слов «стачка», «революция» и т. д., тогда можно было касаться самых насущных вопросов». [Цит. по: 5, с. 105–106].

Кроме того, пенитенциарная система России была слишком мягкой и неэффективной. Типичной, например, была биография Феликса Дзержинского. Между 1897 и 1917 гг. (точнее, в 1897, 1900, 1905, 1906, 1908 и 1912 гг.) он был арестован шесть раз, три раза приговорен к ссылке в Сибирь и всякий раз бежал, однажды всего через неделю после начала отбывания пожизненного заключения [21, р. 22–23]. В 1902–1913 гг. Иосиф Сталин шесть раз приговаривался к ссылке и в четырех случаях из них бежал.

В течение одного года, с октября 1905-го, был совершен 1 951 грабеж.

Всего за один год, начиная в октябре 1905-го, в стране произошел 1951 «экс» (или «экспроприаций», как грабежи было принято называть в то время), из которых 940 были

направлены против государственных и частных финансовых учреждений. Было похищено семь миллионов рублей – астрономическая сумма, принимая во внимание, что в Сибири баран (в зависимости от возраста) стоил 20–30 копеек. В 1691 случае никто не был задержан, что прибавило революционерам смелости в совершении новых нападений [20, р. 21–22. Русское издание: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997].

Вторая причина еще более важна.

«Первая российская революция» стала самым кровавым временем российской истории, за исключением периодов ведения Российской империей боевых действий с иностранными захватчиками. Критики России никогда не упускали возможности напомнить своим читателям о том, что только за семь месяцев с августа 1906 г. по апрель 1907 г. полевые суды вынесли 683 смертных приговора.

Полевые суды не были единственной инстанцией, уполномоченной решать дела особой важности. По подсчетам д.и.н. Сергея Степанова, общее число смертных приговоров в 1906–1907 гг. составило 1102, а в 1906–1909 гг. – 2694 [15, с. 34]. Цифры Петра Кошеля меньше: 245 в 1906 г., 624 – в 1907, 1340 – в 1908, 540 – в 1909 [7, с. 82]. После пика 1907–1909 гг. число смертных приговоров сократилась до 116 в январе-марте 1910 г. [24, р. 37].

Конечно, это еще не значит, что все смертные приговоры приводились в исполнение. Они часто заменялись тюрем-

ными сроками. Так, согласно официальным данным «Русских ведомостей», из 71 смертного приговора, вынесенного в марте 1910 г., приведены в исполнение был только 15 [10, с. 726].

И всё же 2694 смертных приговора в 1906–1909 гг. – цифра беспрецедентная для дореволюционной России, превышающая общее число приговоренных к смерти и казненных за всю предыдущую тысячелетнюю историю страны. Хотя и в четыре раза меньше, чем порядка 11 тысяч убитых в боях и расстрелянных всего за одну неделю при введении военного положения в Париже в июне 1848 г. [14; 2; 11].

Но давайте сравним эту цифру с числом жертв революционного террора!

Только за 16 месяцев с февраля 1905 г. по май 1906 г., по официальным данным, были убиты 1273 «эксплуататоров» и «царских собак», включая восемь губернаторов и генерал-губернаторов, пять вице-губернаторов и советников, четыре генерала, 51 помещик, 54 предпринимателя, 29 банковских служащих, 554 полицейских, 265 жандармов, 257 охранников, 85 гражданских служащих, 12 церковнослужителей. [Подробнее см.: 1, с. 119–125].

В 1906–1909 гг. эта цифра достигла 5946 [15, с. 34]. А в целом число жертв революционного террора начала XX в. превысило 17 тысяч человек, включая министра народного просвещения (профессора римского права и ректора МГУ) Николая Боголепова, министров внутренних дел Дмитрия

Сипягина и Вячеслава фон Плеве, великого князя Сергея Александровича и

– после девяти предыдущих покушений – премьер-министра и министра внутренних дел Петра Столыпина.

Было бы неверно игнорировать еще такую существенную деталь, как девиантный и дегенеративный состав значительной части «пламенных революционеров». Целая глава примечательной монографии Анны Гейфман

– глава 5 «Изнанка революции» – была посвящена данному вопросу. Приведу лишь несколько цитат.

«Некоторые лидеры экстремистов, несомненно знавшие о связи психических заболеваний с насилием, привлекали к террористической деятельности эмоционально неполноценных лиц, которых медицинские эксперты того времени признавали «безусловными дегенератами»... Личность Камо представляет яркий пример человека, чье умопомрачение стало катализатором жажды насилия, в ситуации того времени принявшего революционную форму... Для некоторых терроризм предоставлял возможность... порвать с жизнью, полной эмоциональных стрессов, комплексов, слабостей и конфликтов... Значительное число активных российских террористов еще до 1905 года совершали попытки самоубийства... Несмотря на внутренние мучения, заставлявшие их желать смерти как избавления, многие из них отказывались от идеи бессмысленного самоуничтожения. Вместо этого они занимались революционным террором, кото-

рый мог закончить их жизнь, придав самоубийству ореол героического деяния. Другие, тоже хотевшие умереть, но по тем или иным причинам не способные покончить с собой, обнаруживали, что им удается хоть на время освободиться от чувства неудовлетворенности, смятения, отчаяния и тревоги путем переноса ненависти на других, и они убивали государственных чиновников, офицеров полиции, осведомителей и всех, кого можно было считать угнетателем или эксплуататором... У многих убийц и экспроприаторов происходили нервные срывы различной степени тяжести, нередко требующие лечения... Радикалы сами считали многих своих товарищей «буйными и неуравновешенными», «истеричными», «склонными к самоубийству», а некоторых признавали просто «совершенно ненормальными»... Многие оказались неспособны перенести заключение и заканчивали свои дни в психиатрических лечебницах... Многочисленные случаи революционного насилия, в которых экстремисты проявляли признаки поведения, классифицируемого как садизм, лучше всего иллюстрируют распространенность душевных расстройств среди террористов. Тенденция к эмоциональной патологии среди экстремистов получила новый импульс после 1905 года...» [20, р. 167–172]. Внушительный список профессиональных революционеров, совершивших самоубийства или закончивших жизнь в психбольницах приводится в работе А.И. Суворова «Политический терроризм в России XIX – начала XX вв. Истоки, структура, особенно-

сти» [16, с. 54–61].

Классик русского государственоведения Николай Коркунов (1853–1904) писал на рубеже веков: «В жизни каждого государства бывают такие критические моменты, когда от данной минуты зависит целостность и даже само существование государства, когда государству невозможно считаться с отдаленными общими целями, а надо спасать себя во что бы то ни стало». И заканчивал: «Самоограничение власти правом не может доходить до того, чтобы государство принесло в жертву этому принципу собственное свое существование» [6, с. 148].

Не мифическая «жесткость» или «жестокость» российского чрезвычайного законодательства и его применения и не столь же мифический «административный произвол» в реализации этого законодательства ускорили трагический конец Российской империи, а благодушие и неэффективность властей (в первую очередь,

Государственной Думы) и их неспособность оценить степень реальной угрозы, которую представлял для государства и общества революционный террор.

Максима Н.М. Коркунова «самоограничение власти правом не может доходить до того, чтобы государство принесло в жертву этому принципу собственное свое существование» в полной мере сохраняет свою актуальность по наш день.

Источники и литература

1. *Анисимов Н.Н.* Охранные отделения и местная власть царской империи в начале XX в. // Советское государство и право, 1991, No. 5.
2. *Буржен Ж.* Репрессия после июньских дней // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956.
3. *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
4. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М.: ГИЮЛ, 1956. Т. 5.
5. *Грейзъ О.* Красная фурия, или Как Надежда Крупская отомстила обидчикам. М.: Алгоритм, 2008.
6. *Коркунов Н.М.* Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Часть 1. Государство и его элементы. СПб.: тип. М. Меркушева, 1906.
7. *Кошель П.А.* История наказаний в России. История российского терроризма. М.: Голос, 1995.
8. *Ленин В.И.* Три запроса. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1961. Т.21.
9. *Маркс К, Энгельс Ф.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1957. Т.8.
10. *Миронов Г.Е.* История государства российского. Историкобиографические очерки. М.: Книжная палата, 1995.
11. *Молок А.И.* Некоторые вопросы истории июньского

восстания 1848 г. в Париже // Вопросы истории. 1952. No. 12.

12. Письмо Б.В. Савинкова В.И. Фигнер. Публикация Р. Городницкого и Г. Кана // Минувшее. Исторический альманах. Выпуск 18. М.-СПб: Atheneum-Феникс, 1995.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1885. Т. I. No. 350.

14. Революция 1848 года во Франции в воспоминаниях участников и современников. М.-Л., 1934.

15. *Степанов С.А.* Загадки убийства Столыпина. М.: Прогресс-Академия, 1995.

16. *Суворов А.И.* Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Социологические исследования. 2002. No.7.

17. *Фигнер В.* Запечатлённый труд. Воспоминания в двух томах. М.: Мысль, 1964. Т.1.

18. *Daly J. W.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905. Northern Illinois University Press, Russian Studies Series, 1998.

19. *Daly J. W.* On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia // Slavic Review. Vol. 54 (1995).

20. *Geifman A.* Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton University Press, 1993.

21. *Legget G.* The Cheka: Lenin's Political Police. Oxford University Press, 1987.

22. *Lieven D.* The Security Police, Civil Rights, and the Pate

of the Russian Empire, 1855–1917 // Civil Rights in Imperial Russia (Olga Crisp & Linda Edmonson, eds.), 1989.

23. *Pipes R.* Russia Under the Old Regime. Scribner, 1974.

24. *Raws on D.* The Death Penalty in Late Tsarist Russia: An Investigation of Judicial Procedures // Russian History (Spring 1984).

Weissman, Neil B. Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914. New Brunswick: Rutgers University Press, 1981.

Октябрь 1917 г. в пространстве исторической памяти: от мемориализации к забвению

*Глухарев Н.Н.*³⁷

Аннотация: Интерпретация событий Октября 1917 г. в современной России зачастую несет в себе ярко выраженную идеологическую окраску. В СССР образ Октябрьской революции стал центральной основой легитимации нового политического и социально-экономического строя и в связи с этим подвергся широкой мемориализации, заняв главное место в исторической памяти советского общества. В постсоветский период представления об октябрьских событиях претерпели серьезную трансформацию. В статье предпринимается попытка показать факторы, воздействующие на историческую память российского общества о событиях Октября 1917 г., приводящие не только к их переоценке, но и к активизации механизмов их забвения и вытеснения из коллективной памяти.

Ключевые слова: историческая память, Октябрь 1917 г., Октябрьская революция, мемориализация, забвение.

³⁷ Глухарев Николай Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедр новейшей отечественной истории МПГУ.

Glukharev N.N. An October of 1917 in the space of historical memory: from memorialization to neglect.

Abstract: The interpretation of the events of October 1917 in Russia today often carries a pronounced ideological coloration. In the USSR, the image of the October Revolution was the central basis for the legitimation of the new political and socio-economic system and therefore was widely memorialization, occupying first place in the historical memory of Soviet society. In the post-Soviet ideas about the October events have undergone a major transformation. The paper attempts to show the factors that affect the historical memory of the Russian society about the events of October 1917, leading not only to their re-evaluation, but also to activate the mechanisms of their neglect and repression of collective memory.

Keywords: historical memory, in October 1917, the October Revolution, memorialization, oblivion.

События Октября 1917 г. в Петрограде, приведшие к становлению в России совершенно нового типа государственности и формированию нового типа общества, относятся к наиболее дискуссионным и политизированным страницам истории XX в. Интерпретация этих событий в советский период имела большое значение в контексте легитимации новой власти, превратившись в «миф основания», ключе-

вой элемент исторического нарратива. Образ Октября, сложившийся в первые советские десятилетия в рамках концепции Великой Октябрьской социалистической революции (ВОСР), обладал колоссальным символическим значением. Исходя из теории «двух революций», Октябрьская революция толковалась не только как начало «триумфального шествия советской власти» и логичное завершение революционного процесса в России, но и как важнейший шаг человечества к новому справедливому обществу, светлому будущему коммунизма. Согласно марксистско-ленинскому пониманию истории и концепту «революции», в российских революциях подчеркивался классовый характер. Революция Октября 1917 г., признаваемая социалистической, в отличие от февральской – буржуазно-демократической, знаменовала собой новый этап развития всего человечества, выставляя порожденное ей советское государство в авангард мирового прогресса.

Образ Октября 1917 г. приобрел универсально-всеохватный характер. Сакрализации подверглись и сам образ ВОСР, и герои-революционеры, и разнообразные революционные символы (от крейсера Аврора до революционного Красного знамени). Важнейшей частью официальной политики памяти стали памятные даты, относящиеся к революции, и связанные с ними праздничные ритуалы – 7 ноября, годовщина

Октябрьской революции, стало главным днем советского исторического календаря. Мемориализация Октября 1917 г.

широко затрагивала повседневное пространство человека: революционные образы проникали в топонимику разных уровней, в разнообразную символику, окружавшую советского человека.

Трансформация официального дискурса после распада СССР, связанная с переоценкой советского прошлого, привела к существенному пересмотру образа Октябрьской революции. С одной стороны, возникла тенденция низведения ее до статуса «переворота», с другой стороны, в случае сохранения ее оценки как судьбоносного, ключевого события отечественной истории, происходила замена ее знака с положительного на отрицательный. Из шага к более справедливому прогрессивному обществу Октябрь 1917 г. стал трансформироваться в событие-трагедию, прервавшее «нормальное» развитие России. Подобная трактовка актуализировалась в связи с реформаторской деятельностью российских властей, предлагавших обществу аналогии из дореволюционной истории начала XX в. Так, в связи с подготовкой проекта новой конституции в 1993 г. Б.Н. Ельцин высказался о преемственности текущего демократического строительства по отношению к процессам, запущенным Временным правительством, но прерванным большевиками в Октябре 1917 г. [3, с. 4]. Революционные символы и места памяти в начале 1990-х гг. подвергались не только десакрализации, но и в целом ряде случаев прямому уничтожению (переименование улиц, городов, демонтаж памятников революционерам и пр.).

События Октября 1917 г. стали часто фигурировать в дискуссиях политиков, среди которых одни – представители коммунистических и левых движений – настаивали на прежних трактовках (в общих чертах), тогда как другие – как либералы, так и правые радикалы – настойчиво предлагали считать Октябрь 1917 г. исторической «катастрофой». Характерно предложение одного из архитекторов перестройки А.Н. Яковлева переименовать день 7 ноября в День скорби и покаяния, призывавшего граждан в этот день не ходить на демонстрации левых сил, а остаться дома и «выпить рюмочку» за своих родственников, погибших из-за войн и репрессий большевистской власти [1]. Понимание властями воспоминаний об Октябрьской революции в рамках «коллективной травмы» привело к официальным попыткам подтолкнуть общество к снижению градуса разворачивающихся дискуссий. Указом президента Б.Н. Ельцина в 1996 г. день 7 ноября был переименован из «Годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» в «день согласия и примирения» в целях «смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества» [13].

Однако как показала практика, интерпретация коллективного прошлого в общественном дискурсе продолжала развиваться в прежних идейных конструкциях. Содержание празднования устоявшейся в коллективном сознании памятной даты не изменилось, однако праздничные ритуалы, проводимые 7 ноября, были окончательно монополизирова-

ны левой, «народно-патриотической» оппозицией. В связи с этим власть, не решаясь на обострение дискуссий вокруг Октября в неоднозначных политических условиях, склонилась к тактике замалчивания проблемы и отстранении от активного участия в обсуждении роли события в отечественной истории. Освещение Октябрьской революции официальными средствами массовой информации в мемориальном контексте носило все более поверхностный характер, зачастую приобретая иронические нотки. Накануне 80-летия революции президент в своем обращении к гражданам призвал народ вместо празднования 7 ноября заняться насущными делами – квасить капусту и готовиться к зиме [6, с. 58].

Несмотря на то, что в 2000-е гг. наметилась тенденция государственной политики памяти на «встраивание» советского прошлого в непрерывный исторический процесс, место Октябрьской революции в нем не было окончательно определено и сформулировано. В условиях продолжавшихся дискуссий о месте и значении Октября 1917 г. в истории нашей страны официальная политика памяти не спешила ставить точку в трактовках о событии, обладавшем серьезным раскалывающим общественное мнение потенциалом, и продолжила вектор на задействование механизмов вытеснения образов революции с первых мест из исторической памяти.

В 2000 г. была предпринята попытка изобретения нового ритуала в праздновании 7 ноября и, тем самым, изменения его содержания, при сохранении даты как памятной. Еще в

1995 г. федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» (от 13.03.1995 № 32-ФЗ) был учрежден день воинской славы, связанный с военным парадом, состоявшимся 7 ноября 1941 г. на Красной площади во время битвы под Москвой и приуроченный к 24-ой годовщине ВОСР. В год вступления в должность нового президента РФ В.В. Путина 7 ноября 2000 г. на Красной площади был проведен первый торжественный марш ветеранов ноябрьского парада 1941 г. В последующие годы такие парады стали проводиться ежегодно, с элементами исторической реконструкции (форма, техника). Несмотря на то, что парад 1941 г. был напрямую связан с Днем Октябрьской революции, в новой России реконструкция марша встраивается в «военный миф» 1941–1945 гг. и связывается исключительно с памятью о героических усилиях нашей страны в борьбе с гитлеровскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

Важнейшим шагом в активизации механизмов вытеснения из коллективной памяти образа Октябрьской революции как источника современного состояния российского общества, доставшегося в наследство от мощной мемориальной политики СССР, стала окончательная отмена 7 ноября (в том числе и в качестве несостоявшегося дня согласия и примирения), как общегосударственного выходного дня в 2004 г., тем самым низводя его значение до рядовой памятной даты, хотя и закрепленной в этом качестве в тексте закона «О днях воинской славы и памятных датах России».

Отказ от работы над трансформацией образа Октября 1917 г. и стремление акторов государственной политики вытеснить его из исторической памяти по причине «неактуальности» потребовал предпринять создание нового, заменяющего исторического символа, обладающего таким же мощным воздействием на самосознание общества. Так родился «День народного единства» 4 ноября, посвященный памяти об освобождении Москвы от польских интервентов в 1612 г. народным ополчением под руководством К. Минина и Д. Пожарского. История народного ополчения показывает пример соединения усилий разных социальных слоев общества во имя общей цели – и этот символический смысл должен способствовать объединению общества сегодня, в эпоху новых международных противоречий, сохранения старых и появления новых внешних угроз безопасности России. Символ революции, напротив, подчеркивает разобщенность общества и власти, борьбу внутри него, способен нести в себе «заряд» разрушительных идей, актуализирует непримиримую борьбу социальных групп, борьбу народа и правительства, власти и оппозиции. Опасность данного символа возрастает при наличии внутренних противоречий в социальном, экономическом и политическом развитии страны, обнажившихся со всей остротой в 1990-е гг. и до конца не преодоленных сегодня. Только одно наличие и рост социального неравенства сегодня создают благоприятные условия для актуализации образа Октябрьской революции 1917 г., сформирован-

ного в советский период, что может привести к использованию его (или его элементов) разного рода антигосударственными политическими силами. «Революционные» ценности, аккумулированные в образе Октября, таким образом, не могут разделяться и тем более поддерживаться современным государством.

Определяющее влияние на государственную политику памяти по вопросу об Октябрьской революции, по мнению ряда авторов, сыграли так называемые «цветные революции», охватившие постсоветское пространство в первой половине 2000-х гг. Так, например, само радикальное решение о замене праздника 7 ноября на 4 ноября непосредственно связано с уроками «оранжевой революции» на Украине, завершившейся в конце декабря 2004 г. [6, с. 77–78]

В связи с периодическими обострениями проблемы «цветных революций», в которых нетрудно сегодня проследить влияние Запада, характерным представляется новый всплеск дискуссий относительно истории Октября 1917 г. как переворота, также профинансированного извне антироссийскими силами. Прежде всего, речь идет о так называемых «немецких деньгах» для революции большевиков, о которых до сих пор не утихают споры в научной и публицистической литературе. Любопытно, что 22 декабря 2004 г. телеканал Россия показал документальный фильм Е.Н. Чавчавадзе «Кто заплатил Ленину?», разрекламированный как первое документально обоснованное научно-популярное изло-

жение версии о внешнем финансировании большевистского переворота. Автор фильма в одном из своих интервью призналась: «Мы считаем, что первая «цветная революция» произошла именно тогда, в 1917 году. Ее можно назвать великой по ее последствиям, но они катастрофические» [10]. Представляется важным, что фильм был повторно показан в ноябре 2007 г. к 90-летию Октября, а также – в 2014 г., на фоне разворачивания украинского кризиса, запущенного очередной «цветной революцией». В этот же год ранее, к годовщине рождения В.И. Ленина, данная тема неоднократно затрагивалась в официальном издании правительства РФ – «Российской газете» (статьи «Революция из пробирки» от 3 апреля и «Деньги на колыбель революции» от 22 апреля). Данные материалы вызвали широкий, в том числе критический, отклик аудитории.

В связи с подготовкой концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории для школы в 2013 г. тема Октября 1917 г. вновь оказалась в центре общественного обсуждения, по-прежнему сопровождающегося множеством спекуляций. В конечном итоге в новой концепции, заказчиком которой выступило руководство страны, а создателями – ведущие российские историки и педагогические работники, было предложено считать Октябрь 1917 г. не самостоятельной революцией, а лишь одним из этапов «Великой русской революции». «Первоначально мы не хотели упоминать словосочетание "Великая Октябрьская со-

циалистическая революция". И в концепции осталось "Великая русская революция", – рассказывал один из разработчиков концепции доктор исторических наук С.В. Журавлев, – ...Очень многие наши граждане выступали за то, чтобы оставить упоминание Октябрьской революции. В результате в концепции говорится о Великой российской революции, прошедшей несколько этапов – в феврале 1917 года (раньше называлась Февральская революция), в октябре (Октябрьская революция) и гражданская война 1917 – 1923 годов как продолжение этих событий» [8]. В изданных в 2015–2016 гг. школьных учебниках в соответствии с новым историко-культурным стандартом, действительно, исчезло упоминание об Октябре 1917 г. как о самостоятельной революции [4, с. 36–43]. «Растворение» Октября 1917 г. в длительном едином революционном процессе не отрицает сам факт последовавших за ним глобальных преобразований. Однако из события, считавшегося в прежнем официальном дискурсе «сакральной» точкой отсчета в движении страны на пути к единственно справедливому, социалистическому типу общества, Октябрь 1917 г. в логике текста учебника однозначно объясняется лишь как взятие власти одной из действовавших в то время политических сил.

Следует отметить, что, при всем неудобстве советского образа Октябрьской революции для нынешнего государства, власти отказались от наиболее радикальных способов атаки на историческую память, применяемых в ряде постсо-

ветских республик, стараясь придерживаться в этом вопросе более сбалансированного подхода. Была остановлена волна антикоммунистических переименований начала 1990-х гг. и борьба с памятниками советской эпохи, приверженцы прежних интерпретаций Октября 1917 г. как великой и социалистической революции имеют возможность в рамках закона открыто высказывать свои позиции. При этом руководство страны апеллирует к научному сообществу, призывая к объективизации, научному осмыслению проблем истории Октября 1917 г., исключая, однако, данное событие из прочих сфер мемориальной политики. «У нас в 2017 году – столетие Великой Октябрьской социалистической революции, или кто-то говорит об октябрьском перевороте, но, во всяком случае, это событие почти 100 лет назад произошло. Это требует глубокой объективной профессиональной оценки», – заявил президент В.В. Путин на встрече с молодыми историками в 2014 г. [11].

Историческая память современного российского общества демонстрирует давнюю раздвоенность представлений о событиях Октября 1917 г. Интересными представляются данные опросов общественного мнения молодежи на завершающем этапе перестройки в СССР: в 1989 г. только 37 % опрошенных посчитали, что ВОСР была необходима, 25 % были уверены в ее преждевременности, а 34 % – в том, что она была не нужна [7, с. 14]. Спустя более 10 лет, в 2002 г. (согласно данным ВЦИОМ), 33 % респондентов высказа-

лись, что Октябрьская революция дала толчок социальному и экономическому развитию народов России, 27 % – согласились, что она открыла новую эру в истории народов России, 18 % – отметили, что революция затормозила их развитие, но лишь 9 % опрошенных признали эти события катастрофой [2]. Похожие результаты дало исследование ВЦИОМ 2012 г., однако число сторонников понимания Октября как катастрофы увеличилось до 18 %. При этом, оценивая революцию как историческое явление, россияне разошлись во мнениях: 40 % считают ее неизбежностью, имеющей одновременно положительные и отрицательные стороны, а 37 % считают, что оправдать революцию невозможно [12].

На фоне подобного разброса мнений, в публичном информационном пространстве заметно последовательное снижение информационной активности в освещении как мемориальных акций, по-прежнему проводимых 7 ноября сторонниками левых сил, так и в упоминаниях о дате как о памятной, посвященной Октябрьской революции [9]. Федеральные каналы, как правило, стали ограничиваться предельно короткими сюжетами (до 30 сек.), упоминающими о митингах, проводимых в честь 7 ноября коммунистами, часто помещая такие сюжеты в конец выпуска. Например, наиболее популярная среди зрителей новостная программа Первого канала «Время», вышедшая в эфир 7 ноября 2014 г., в отличие от предыдущего года, не содержала освещение ме-

мориальных акций ко дню революции в России, ограничившись упоминанием митинга в украинском Харькове, посвященному Октябрю 1917 г. и сопровождавшегося столкновениями с националистами. В эфире программы от 7 ноября 2015 г. подробно освещался ежегодный парад на Красной площади, но уже ни слова не было произнесено о годовщине Октябрьской революции и связанных с ней акциях.

Октябрь 1917 г. все еще занимает существенное место в исторической памяти нашего общества, но смысл и содержание данного события все больше ускользают от понимания современных россиян, прежде всего молодежи. Этому способствует активизация механизмов деактуализации и вытеснения образа Октября 1917 г. из коллективной памяти, запущенных официальной политикой памяти еще в 1990-е гг. Данный процесс, на наш взгляд, нельзя считать полезным для формирования адекватного восприятия прошлого у новых поколений. Возможно, он еще может приобрести и обратный характер, а образ Октября 1917 г. может вновь подвергнуться трансформации в официальном дискурсе в зависимости от актуальных целей современной политики. Министр иностранных дел С.В. Лавров в феврале 2016 г. отметил, в каком ключе уместно вспомнить сегодня о предстоящем юбилее – столетии русской революции: «Сейчас остро стоит задача выработки сбалансированной, объективной оценки тех событий, тем более в условиях, когда, особенно на Западе, находится немало желающих использовать эту да-

ту для новых информационных атак на Россию, представить революцию 1917 г. в виде какого-то варварского переворота, чуть ли не столкнувшего под откос последующую европейскую историю» [5].

Тем не менее, новые условия для научного изучения истории революции позволяют сохранить надежду на возможность ее осмысления вне политико-идеологических моделей. Забвение уроков Октября 1917 г. обществом, находящимся в непростой социально-экономической и внешнеполитической ситуации, может негативно сказаться на его развитии в будущем, и тем важнее становится задача поддержания памяти об этом эпохальном событии накануне его столетия, но лишь на основе популяризации достижений подлинно научной историографии.

Источники и литература

1. *Владимиров Д.* Александр Яковлев: Есть только правда между прошлым и будущим // Российская газета. 2003. № 244. 2 декабря.
2. ВЦИОМ. Пресс-выпуск: Россияне об Октябрьской революции (5.11.2002) [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.m/index.php?id=236&uid=175> (дата обращения 15.05.2016)
3. *Ельцин Б.Н.* О демократической российской государственности и проекте новой Конституции // Обозреватель –

Observer. 1993. № 15.

4. История России. 10 кл. Учеб, для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2016.

5. *Лавров С.В.* Историческая перспектива внешней политики России [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (дата обращения 15.05.2016)

6. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

7. Образ прошлого и образ будущего в сознании студентов. Аналитическая записка по материалам социологического исследования (ноябрь-декабрь 1989 г.). М.-Минск, 1990.

8. Октябрьская революция в новом учебнике истории превратилась в этап Великой русской революции [Электронный ресурс] URL: <http://www.interfax.ru/mssia/338077> (дата обращения 15.05.2016)

9. Освещение федеральным телевидением празднования Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 2010 года [Электронный ресурс] URL: http://www.kprf.org.ru/archiv/vestnik146/image/Vestnik_146_3.pdf (дата обращения 15.05.2016)

10. Плод веры. Вице-президент Российского фонда культуры, режиссер, продюсер, сценарист Елена Чавчавадзе / Телеканал «Союз» [Электронный ресурс]

URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/plod-very-vitse-prezident-rossiyskogo-fonda-kultury-rezhisser-prodyuser-stsenarist-elena-chavchavadze-chast-1> (дата обращения 15.05.2016)

11. Путин призвал профессионально оценить Октябрьскую революцию (05.11.2014) [Электронный ресурс]
URL: <http://polit.ru/news/2014/11/05/centenary/> (дата обращения 15.05.2016)

12. Россияне против революций: опрос (6.11.2012) [Электронный ресурс] URL: <http://www.iarex.ru/news/30852.html> (дата обращения 15.05.2016)

13. Указ Президента Российской Федерации от 7 ноября 1996 г. № 1537 «О Дне согласия и примирения».

Модели исторической политики в дискурсе о Великой русской революции

*Бубнов А.Ю.*³⁸

Аннотация: Работа направлена на анализ альтернативных моделей исторической политики существующих по отношению к проблеме Русской революции. Используются подходы, выработанные в рамках методологии *memory studies*. Рассматриваются возможности реинтерпретации Русской революции в рамках «долгой истории». С этой точки зрения, «Великая русская революция», должна пониматься как длительный процесс трансформации общества от традиции к модерну.

Ключевые слова: историческая политика, Великая русская революция, миф основания, *memory studies*.

Bubnov A. Yu. Models of historical politics in the discourse about the Great Russian revolution.

Abstract: The work is aimed at analysis of alternative models

³⁸ Бубнов Александр Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

of historical policy available in relation to the problem of the Russian revolution. Use the approaches in the methodology of memory studies. The possibilities of reinterpreting the Russian revolution during the "long history" are considered. From this point of view, the "Great Russian revolution" should be understood as a long process of transformation of society from tradition to modernity.

Keywords: historical politics, the Great Russian revolution, foundation myth, memory studies.

В современной науке сложилось новое междисциплинарное направление memory studies, занимающееся исследованием проблем коллективной памяти и исторической политики. Проблематика memory studies, идущая от работ М. Хальбвакса и А. Ассман по исследованию коллективной памяти, изначально содержала ряд неопределенностей. Это были споры связанные с природой коллективной памяти, спонтанной или производной от символов и нарративов, существующих в публичном пространстве, попытки разграничения индивидуальной и коллективной памяти, демонстрирующие сложность построения единой теории репрезентации прошлого. Один из наиболее важных аспектов проблематики политического использования прошлого, это конкуренция различных версий интерпретации прошлого, и ее влияние на общественное сознание.

Преобладающий научный подход в рамках memory studies

можно охарактеризовать как лево-либеральный (в анамнезе марксистский), подразумевающий анализ деятельности политических акторов по конструированию коллективных представлений о прошлом. В радикальном варианте это работа по «подсвечиванию» манипулятивных техник и мифотворчества власти по отношению к массовому сознанию.

Таким образом, в лево-либеральном подходе речь идет преимущественно о преднамеренных действиях по политическому использованию истории, то есть об исторической политике. Историческая политика может варьироваться в таком случае от морально негативной – манипуляция обществом со стороны диктаторских режимов, до исторически оправданной – деконструкция мифологии созданной режимом, как дело живущего в условиях конкуренции гражданского общества. Критики такой односторонней политизации процессов происходящих в коллективной памяти, справедливо указывают на устойчивые факторы менталитета и политической культуры народа, не сводимых к деятельности тех или иных заинтересованных лиц.

Другой подход состоит в признании того факта, что общество неизбежно расколото, и выработка исторических нарративов осуществляется конкурирующими политическими силами. Историческая политика в таком может рассматриваться, не как однонаправленное действие власти на конструктор «страдающего народа», а как практика общественного согласия и поиск разумного компромисса [3, с. 57–61]. С этой точ-

ки зрения я и попытаюсь рассмотреть модели исторической политики.

Ключевая особенность русской революции 1917 г. в рамках исторического метанарратива советского периода, определяется в *memory studies* как миф основания. Особенность такого рода конструкций подразумевает определения места разрыва со Старым Порядком и рождение новой истории страны, которая выступает теперь как реализация заложенных в момент основания идей и принципов. Уклониться от вызова предлагаемого мифом основания невозможно, здесь необходимо встать либо на позиции контрреволюции и провозгласить момент революции ложным стартом, либо укреплять миф основания, изобретая различные объяснения тех или иных неудач и промахов. В силу этого России на официальном уровне предстоит определяться, что делать с этим наследием, поскольку пауза, взятая в начале 2000-х, неприлично затянулась.

Именно с этой ситуацией связана большая часть дискуссий вокруг революции и конкуренция различных моделей исторической политики. Одна из дилемм, стоящих перед современным российским обществом, выбор модели исторической политики в отношении 1917 г. – реинтерпретация опыта революции или его отрицание (той или иной степени полноты). Набор моделей исторической политики не бесконечен и в самом общем виде сводится к обновленным версиям позиций высказанных политическими силами, разо-

шедшимися в процессе революции. Мы можем выделить две версии «белого мифа»: монархически-консервативную и февралистскую (лево-либеральную), две версии «красного мифа»: марксистскую и неосоветскую, и располагающуюся между красным и белым – евразийскую.

Подход принятый современной российской властью, интерпретация революции как краха государственности и национального предательства, актуализирует по большей части монархически-консервативную версию и подразумевает отрицание позитивного опыта революции, достойного коммеморации [4]. Как отмечает О. Малинова, такая модель несет существенные издержки, альтернативой при этом может быть частичная реинтерпретация, смена акцентов, корректировка оценок, но не полный отказ от символического капитала и наработанной традиции коммеморации [2, с. 86–87].

Однако после распада СССР российской властью предпринимались попытки актуализировать другую альтернативу в виде глорификации Февральской революции. Размышляя о причинах такого выбора первого поколения постсоветских элит, О. Малинова указывает на инерцию советской интерпретации русской истории, которая рассматривала эту последнюю как перманентный процесс революционно-освободительной борьбы с самодержавием: «Критическая реинтерпретация «главного события XX века» меняла оценки с плюса на минус, не пересматривая связи событий, заданные

прежним нарративом» [2, с. 39].

Но февралистская модель реинтерпретации революции 1917 г. была отброшена в 2000-е, по вполне понятным причинам. Февраль слишком мал по времени и по своим историческим достижениям. В качестве точки разрыва со Старым порядком Февраль, казалось бы, должен исключать Великие реформы 1861 г. и парламентский опыт дореволюционной России, значительно более весомый, чем его собственный. Наконец, в ходе гражданской войны, февральская либерально-демократическая альтернатива была отвергнута обществом. Как отмечает В.И. Коваленко, «основные узлы натяжения в политической сфере завязывались уже не вокруг дилеммы «Февраль» – «Октябрь», но реализовали себя в плоскости левой или правой диктатуры» в выборе между большевиками или добровольцами [1, с. 27].

Реализуясь на практике такой вариант, это было бы масштабное закрепление в исторической памяти образа России как несостоявшегося государства. Безусловно, существует особый класс мифов использующих символику жертвы и поражения в конструировании национальных идентичностей. Можно вспомнить Холокост, или менее его удачный аналог в сфере нацбилдинга – Голодомор. Но этот рецепт по-разному работает в разных смысловых контекстах и не подходит крупным, постимперским нациям [7, р. 260].

С красными мифами ситуация сложнее. Интерпретация Октября как исторического прорыва, вполне укладывается

в характерный для России фрейм национальной славы и на очевидном уровне дает российскому обществу существенные преимущества по сравнению с фреймом жертвы. Кроме того миф о Великом Октябре был полезен тем, что вписывал Россию в контекст мирового левого движения и тем самым обеспечивал легитимацию политики СССР со стороны влиятельных сил внутри Запада. Но в постсоветском мире ситуация изменилась на прямо противоположную. Революция, как показали события Арабской весны или Евромайдана, это всего лишь культурный конструкт, существенно зависящий от его восприятия на Западе. Европейские левые проделали существенную эволюцию в восприятии революций, как у себя, так и в СССР. Об этом хорошо пишет Ф. Фюре в своей работе о французской революции: «Следовало бы написать с этой точки зрения историю отношений французских левых интеллектуалов к советской революции и показать, что феномен сталинизма берет свое начало в якобинской традиции, прямо перенесенной из одного времени в другое (двойная идея начала истории и нации-вождя была лишь переложена на советскую тему). В течение длительного периода, который далеко еще не закончился, слово «извращения» в противопоставлении с остающимися чистыми изначалами, помогало спасать сверхидею Революции. Но и этот двойной засов начал ломаться: сначала ставший фундаментальным источником советской истории труд Солженицына поставил вопрос о ГУЛАГе и глубинных замыслах революционеров. И

тогда русский опыт с неизбежностью, как бумеранг, ударил по своему французскому «происхождению» [5, с. 21].

Хороший материал для размышления дает сравнение с формированием «мифа основания» современной Франции на основе Великой французской революции. Французская революция лежит в основе генеалогии Пятой республики и ее предшественниц, которые выступают как результат практической реализации заложенных революцией идей свободы и равенства (с братством сложнее). Модель эта, опирающаяся на великий исторический нарратив, сформированный историками XIX в. Ф. Гизо, А. Тьером, Ф. Мунье, Ж. Мишле, окончательно утвердилась вместе со становлением Третьей республики. В российском контексте аналогичным действием является продвижение концепции «Великой русской (или российской) революции», как попытки объединить красный и белый мифы. Но эта конструкция, если она понимается как фиксация на самих событиях революции в их восприятии и интерпретации современниками, несет в себе очевидную противоречивость. Февраль не смог создать устойчивую систему власти, а отрицающий его Октябрь был скомпрометирован ГУЛАГом.

Еще одна возможность реинтерпретации заключается в признании позитивного значения «Великой русской революции» для других стран. Тезис этот формулируется одним из ведущих российских специалистов в области исторической политики так: «... в случае отказа от тотального отрицания

советского прошлого и его тщательной критической «проработки» тезис о мировом значении опыта СССР мог бы стать важной составной частью обновленных фреймов коллективной памяти о революции» [2, с. 61]. Однако здесь есть свои трудности. Тезис о мировом значении опыта СССР в современном контексте вероятнее всего ведет к выводу о том, что Запад добился построения социального государства на реформистских путях, а революционный опыт СССР был использован как отрицательный урок ложного пути с большими издержками. Даже подвариант с испугом буржуазных кругов перед мировой революцией и вынужденными реформами (которые оказались в итоге более успешными) – рассказывает все тот же сюжет о поучительном уроке. Если учитывать при этом контекст ГУЛАГа, то речь идет о создании национального мифа вокруг фрейма «жертвы ради другого», что является плохим основанием идентичности (нация-лузер на опыте которой учились более умные).

Но возможен и другой подход. Обозначим его как зрелую постревизионистскую модель, идущую на смену избыточному ревизионизму, ставшему обратным движением маятника после компрометации советского метанарратива. Приемлемой альтернативой советскому и февралистскому варианту, на мой взгляд, является концепция «долгой революции», которую, применительно к французскому аналогу, можно найти у Ф. Фюре [5, с. 13–18]. По его мнению, совпадение революционного идеала с исторической действительностью, что

можно считать строгим критерием для окончания революции, произошло окончательно в конце XIX в. вместе со слиянием республиканской и деревенской Франции. А окончательный триумф республиканизма, если его считать ключевым достижением революции, связан с падением режима Виши, когда оказались скомпрометированы сотрудничеством с фашизмом и маргинализированы традиционалистские, монархические силы, весь XIX в. оспаривавшие право на иную версию мифа основания. В модели «долгой истории» возможна реинтерпретация Революции в соответствии с фреймом преемственности. Главный итог ВФР по Фюре, который в данном случае отсылается к традиции заложенной Токвилем, состоит в том, что: «... Революция расширяет, сплачивает и доводит до возможного совершенства административное государство и уравнительное общество, развитие которых было делом старой монархии. Из этого факта следует абсолютное разделение объективной истории Революции, ее «смысла» или результата, и того смысла, который вкладывали в свои действия сами революционеры» [5, с.31].

Можно применить эту модель к отечественной истории, используя логику сопоставления больших (столетних) циклов русской и французской революции [6]. Русская революция с «объективной» точки зрения представляет собой ускоренное движение в направлении, заложенном еще монархией, на построение административного государства и индустриальной экономики в эгалитарном обществе. Про-

цесс этот проходит через ряд этапов. На первом этапе, который продолжается до Великой отечественной войны, происходит слияние «революционной» и «народной» России, принятие революции крестьянской массой. На втором этапе, созданное революцией городское общество вступает в ценностный конфликт с «крестьянским коммунизмом» советского строя. Это противоречие разрешается в ходе событий вызванных Перестройкой и крушением советского проекта. С точки зрения исторической политики, современная Россия находится в аналогичном историческом времени с Третьей французской республикой, когда после катастрофы имперского проекта происходит стабилизация ценностного расколотого общества на основе демократических процедур. Однако эта стабилизация должна быть подкреплена выработкой и укреплением новой национальной идентичности, способной компенсировать раскол. Но пойти французским путем, взяв в качестве мифа основания революции как событие, у России уже не получится. Расхождения в исторических циклах двух «великих крестьянских революций» достаточно велико. Революционный проект в России был доведен до логического конца. Якобинская диктатура, проявив гибкость и волю, сама преобразовалась в Термидор и красную Империю. Последняя же пала не от иностранного вторжения (как во французском аналоге), а в результате исчерпания «жизненных сил» собственной идеологии. Следовательно, России придется создавать более сложную модель исто-

рической политики, в которую «долгая история Революции» войдет как составная часть. Нарратив «долгой истории Революции» обеспечивает признание исторической значимости события на самом общем уровне, способствующем примирению «белых» и «красных». Но за пределами этой рамки консенсуса возможна любая критика, в том числе критика последствий, методов революции и разбор персональной ответственности.

Источники и литература

1. *Коваленко В.И.* Историческая память как категория политической науки: к осмыслению уроков революции 1917 года // Историческое место советского общества. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. ред. А.Б. Ананченко. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. 222 с.

2. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

3. *Марков Б.В., Шавелёв С. 77., Бубнов А.Ю. и др.* Критика тоталитарного опыта. М.: Флинта, 2011.

4. *Путин В.В.* Выступление на открытии памятника героям Первой мировой войны // Портал «Президент России». 2014. 1 августа. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46385>

5. *Фюре Ф.* Постигение Французской Революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.

6. *Черняховский С.Ф.* Революция-Реставрация-Революция // Политический класс. М., 2005. № 2

7. *Mock S.* Symbols of Defeat in the Construction of National Identity. N. Y, etc.: Cambridge University Press, 2012.

Послеоктябрьская волна научной эмиграции: причины, масштабы, география

*Агамова Н. С., Аллахвердян А.Г.*³⁹

Аннотация. Целью исследования является комплексный анализ причин и масштабов эмиграции после революционных событий 1917 г., адаптация россиян в различных странах европейского и американского континентов. Акцент сделан на эмиграции научно-технической интеллигенции – составной части общей эмиграции из России. Главным побудительным мотивом для выезда наших соотечественников за границу являлась неудовлетворенность социально-политической обстановкой в 1920-х годах. Об этом свидетельствуют судьбы многих деятелей науки и техники, покинувших Россию после прихода большевиков. Здесь также «вкли-

³⁹ **Аллахвердян Александр Георгиевич** – кандидат психологических наук, руководитель Центра истории организации науки и науковедения, Институт истории естествознания и техники РАН, г. Москва; **Агамова Наталья Сумбатовна** – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Центра истории организации науки и науковедения Института истории естествознания и техники РАН, г. Москва; Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации».

нивались» и мотивы иного характера, связанные с неудовлетворенностью научно-профессиональными условиями работы ученых и инженеров.

Ключевые слова: политическая ситуация, советская власть, интеллигенция, эмиграция, ученые

Allakhverdyan A.G, Agamova N.S Postrevolutionary wave of scientific emigration: the causes, scopes, geography.

Abstract: The aim of the study is a comprehensive analysis of the causes and extent of emigration after the revolutionary events of 1917, an adaptation of the Russians in the various countries of the European and American continents. Emphasis is placed on the emigration of scientific and technical intelligentsia – an integral part of the total emigration from Russia. The main motive for the aim of the study is a comprehensive analysis of the causes and extent of emigration after the revolutionary events of 1917, an adaptation of the Russians in the various countries of leaving our compatriots abroad was dissatisfaction with the sociopolitical situation in the 1920s. This is evidenced by the fate of many science and technology workers who left Russia after the Bolsheviks. There are also "wedged" and other nature motifs associated with dissatisfaction with the scientific and professional working conditions of scientists and engineers.

Keywords: the political situation, the Soviet government, the intelligentsia, the emigration, the scientists.

В широком потоке послеоктябрьской эмиграции значительное место занимала научная и техническая интеллигенция. Отток научно-технических специалистов за рубежи России – это результат сложных, противоречивых отношений между большевистской властью и научно-техническим сообществом.

Социальная ситуация, в которой оказались в тот тяжелый период многие российские интеллигенты, описал петербургский ученый и врач И. И. Манухин: «Годы 19-20-ый были периодом все нарастающего, из недели в неделю, из месяца в месяц тягчайшего для нормального человека ощущения какой-то моральной смертоносной духоты, которую даже трудно определить точным словом, разве термином «нравственной асфиксии». Люди были поставлены в условия, когда со всех сторон их обступала смерть либо физическая, либо духовная... Все делается лживо, обманно, враждебно, озлобленно вокруг вас и безмерно, беспредельно, интегрально-безнаказанно. Декреты сыплются на обывателя без счета, а закона нет и самый принцип его отсутствует. Нет ничего удивительного, что русские люди устремились к границам – кто куда: в Финляндию, на Украину, в Польшу, Белоруссию. Хотелось жить как угодно: в бедности, в убожестве, странником, пришельцем лишь бы не быть принужденным жить не по совести» [9, с. 196].

Первая волна научной эмиграции из страны, имевшая место на рубеже 1920-х гг., стала объектом специальных ис-

следований советских ученых гораздо позднее, лишь в 1990-х гг. По времени обе волны научной эмиграции разделены многими десятилетиями. Генетически же их объединяет одно – советское прошлое: первая волна эмиграции связана с периодом зарождения, а четвертая – с закатом советской власти. Семь десятилетий эта тема была одной из запретных в советском обществоведении. И не потому, что первая эмиграционная волна была по своим масштабам незначительной или не столь ценностно-значимой для судеб отечества, а из соображений сугубо идеологического характера. Если о феномене послеоктябрьской эмиграции россиян и говорилось, то, как правило, в специфических терминах: «предатель», «невозвращенец», «отщепенец» и т. п. Исследования феномена этой российской эмиграции учеными-соотечественниками, находившимися в изгнании, а также их зарубежными коллегами всячески игнорировались, замалчивались. Органы власти «не только отгородили страну и народ от всего остального мира, но и сделали все, чтобы вычеркнуть из истории страны судьбы миллионов соотечественников. Нерасторжимые узы родственных, дружеских, деловых связей были насильственно разорваны и, казалось бы, сделали невозможными не только встречи, но и переписку с теми, кто избрал для жизни другую страну или вынужденно оказался за рубежом. На долгие десятилетия слово “эмигрант” стало в СССР запретным. Эмигрантская литература, все достижения выходцев из России, которые могли приумножить славу

отечества, отторгались прочь. В спецхранах пылились невостребованные архивные фонды и библиотеки – бесценное достояние России» [13, с. 18]. «Обо всем этом было принято умалчивать, либо представлять в искаженном виде, – отмечает академик Е.П. Чельшев. – Лишь несколько лет назад начали рушиться искусственные барьеры, и на книжный рынок нашей страны устремился не поддающийся никакому управлению и контролю поток книг. Его движение направлялось лишь одним контролером – огромным интересом читателей ко всему тому, что они находили в книгах российских авторов-эмигрантов, в течение многих лет находившихся у нас за семью печатями» [16, с 5].

Отношение власти к науке и ученым. Решение поставленной большевиками задачи модернизации страны было невозможно без использования значительного научного потенциала, существовавшего в России до революции. Однако вульгарно узкоклассовый подход большевиков к явлениям общественной жизни, пренебрежительное отношение к людям, не занятым физическим (“производительным”) трудом, довольно быстро привели к разгулу охлократических настроений в обществе» [17, с.123]. В марте 1918 г. президент Академии наук А.П. Карпинский писал наркому просвещения А.В. Луначарскому: «Глубоко ложное понимание труда квалифицированного как

привилегированного, антидемократического... легло тяжелой гранью между массами и работниками мысли и нау-

ки» [4, с. 38–39]. Отношение новой власти к научной интеллигенции «было весьма прагматичным – использовать ее!». Но эта вынужденная зависимость большевиков от интеллектуального потенциала неподвластных им других людей оказывалась мучительной, окрашивалась классовой ненавистью к «пособникам буржуазии» и «лакеям капитала», как называл «гнилых интеллигентиков», «мнящих себя мозгом нации», В.И. Ленин [16, с. 48].

Власть на первых порах вела себя напористо, стремясь сломить моральный дух представителей научной интеллигенции, «старых специалистов», многие из которых настоятельно встретили большевистскую революцию. Но среди них встречались и такие, которые пошли во власть, в ее руководящие структуры. Одним из них был историк М.Н. Покровский, ставший осенью 1920 г. начальником Главархива, имевший свое, особое отношение к «старым специалистам». Он считал, что «ни им пальца в рот класть не следует, ни самим перед ними с разинутым ртом стоять нельзя. А дверь ЧК перед ними всегда должна быть гостеприимно открыта» [10, с. 154].

Особенно большие персональные потери в период военного коммунизма понесла отечественная гуманитарная наука. Список умерших от недоедания, самоубийств, арестов, заключений в тюрьму, последующей высылки и эмиграции был более чем впечатляющим. В 1918–1923 гг. под арестом побывали академики С.Ф. Ольденбург, А.И. Соболевский,

А. А. Белопольский, В.И. Вернадский, И.Ю. Крачковский, почетный академик Н.С. Таганцев, члены-корреспонденты А.А. Кизеветтер, Н.К. Кольцов, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, А.А. Дмитриевский; расстреляны почетный академик великий князь Николай Михайлович (историк) и член-корреспондент Т.Д. Флоринский (славист). В 1918–1920 гг. скончались от голода и болезней члены Академии В.В. Радлов, Я.И. Смирнов, А.С. Лаппо-Данилевский, Е.С. Федоров, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов, И.С. Пальмов [4, с. 124–125].

Трагически складывались судьбы профессоров Московского, Петербургского и других университетов России. Нехватка продовольствия, топлива и другие лишения негативно сказывались на здоровье и морально-психологическом состоянии научной интеллигенции, мало приспособленной к существованию в экстремальных условиях революционного бытия. Пренебрежение к знанию и его носителям особенно демонстративно проявлялось в первые годы революции. Так, в 1918 г. профессора рассматривались как «полупаразитическая прослойка», а потому они получали карточки второй категории, которые едва позволяли не умереть с голоду.

Особенно тяжелым для Петроградского университета, как и для всех жителей города, стал 1919 г. Профессора университета из-за голода жаловались на провалы памяти, нервные срывы. И список умерших в этом году оказался особенно длинным. Ректор Петербургского университета

В. М. Шимкевич как-то обратился к преподавателям уни-

верситета с такими, почти «из Зазеркалья», словами: «Господа! Прошу Вас не умирать так поспешно. Умирая, Вы получаете выгоду только для себя, а сколько проблем и трудностей оставляете другим. Вы же знаете, как сложно достать лошадей для погребальной процессии, сколько трудов надо затратить для получения гроба... Пожалуйста, обсудите этот вопрос с коллегами и попытайтесь жить долго, как только можете» [12, с. 132].

Основные причины научной эмиграции. Основная масса послереволюционной эмиграции нередко ассоциируется со словосочетанием «белая эмиграция». Проведенный анализ состава российской эмиграции показал, что далеко не все из них занимали четкую «белую» позицию противостояния «красным». «Не будет преувеличением сказать, – отметили А.И. Новиков и Н.С. Фрейнкман-Хрусталева, – что основная масса людей, оказавшихся после Октября 1917 г. за пределами Советской России, в ходе гражданской войны (1918–1922) и после ее окончания не принимали активного участия в политическом противостоянии власти, утвердившейся в России. Большинство из тех, кто бросил родные места под воздействием коллективных, массовых чувств неуверенности, страха, растерянности в годы крушения сложившегося образа жизни и неопределенности завтрашнего дня, относились к числу колеблющихся. Что касается неточных ассоциаций, то они выражаются в представлениях, будто основная масса “белых эмигрантов” (эмигрантов первой вол-

ны) – это военные люди: генералы, офицеры, юнкера, казаки. Известный историк П.Е. Ковалевский в вышедшей в Париже работе, обобщающей полувековую жизнедеятельность российской эмиграции, отмечал, что лишь «около четверти покинувших страну принадлежали к армиям, сражавшимся на юге России, в Крыму, вокруг Петрограда, на Севере и в Сибири» [Цит. по 15, с. 132]. Дифференцированную характеристику состава российской эмиграции первой волны дала З. Гиппиус (1930): «Одна и та же Россия по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служивые люди, люди торговли, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности – политической, культурной, научной, технической и т. д., армия (от внешних до низших чинов), народ трудовой (от станка и земли) – представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений – в русской эмиграции налицо» [Там же].

Нельзя не упомянуть о депортации в 1922 г. по личному указанию Ленина многих выдающихся философов, социологов, экономистов, педагогов. Эта акция большевистских властей вошла в историю как «философский пароход». Как полагает известный историк М.Е. Главацкий, название «философский пароход», ставшее своеобразным символом репрессий 1922 года, появилось благодаря публицистам, занявшимся в 1980–1990 гг. изучением «белых пятен» в на-

шей истории [3, с. 5]. Такой же точки зрения придерживается и В.Д. Тополянский: «Спустя почти семь десятилетий журналисты нашли броское определение иррациональной депортации интеллектуального потенциала государства, назвав эту акцию «философским пароходом» [14, с. 34]. Тем самым авторы данного термина хотели подчеркнуть огромный вклад, который внесли депортированные мыслители в воспитание нового поколения русской эмиграции, в мировую и отечественную философскую мысль. В.В. Костиков обращает внимание на характерную деталь в судьбах «изгнанников идеи»: «в отличие от писателей, известность которых фактически не выходила за круг эмиграции, работы русских философов получили в Западной Европе широкое распространение. Их знали не только в русских кварталах Берлина и Парижа – они сделались величинами мирового масштаба, а русская философская мысль благодаря их трудам стала частью философской культуры человечества» [7, с. 175].

Заключая анализ причин первой, послеоктябрьской волны научной эмиграции (20-е годы), трудно не согласиться с В.П. Борисовым, что «общим побудительным мотивом для выезда наших соотечественников на многие годы, иногда до конца жизни, являлась неудовлетворенность социально-политической обстановкой в нашей стране. Об этом свидетельствуют судьбы многих деятелей науки и техники, покинувших Россию после прихода большевиков. Может быть с

меньшим драматизмом, но социально-политические мотивы звучат и в рассказах о судьбах ученых, уехавших на Запад еще во времена царской России» [2, с.5]. Несомненно, здесь «вклинивались» и мотивы иного характера, связанные с неудовлетворенностью научно-профессиональными условиями работы. Но, при всей их значимости, все-таки именно факторы политического толка играли ведущую роль в формировании первой волны научной эмиграции.

Масштабы научной эмиграции в 1920-х годах. После Октябрьской революции и гражданской войны многие ученые, не желавшие принять новую власть, уехали за границу. «Практически перед каждым российским ученым уже в 1918 г. встал вопрос, – отмечает Э.И. Колчинский, – остаться в стране, охваченной пламенем жестокой, братоубийственной войны, обрекая себя и своих близких на муки и смерть, или эмигрировать» [6, с. 204]. Существующие в специальной литературе оценки численности уехавших из России ученых-эмигрантов далеко не однозначны. Согласно «Советской исторической энциклопедии», среди общего числа эмигрировавших «находилось около 500 бурж. ученых» [18, с. 498]. Эти цифровые данные, заниженные в несколько раз, красноречиво свидетельствовали о том, какой огромный ущерб понесла отечественная наука в результате эмиграции, если учесть, что в 1914 г. в России было всего чуть более 11 000 ученых и преподавателей вузов, включая всех практикующих врачей, профессоров консерваторий и духовных ака-

демий. Ближе к истине данные Русского научного института, выполненные нашими соотечественниками в Белграде [6, с. 205]. «По анкете Русского научного института в Белграде в 1931 г. за рубежом страны оказалось 472 русских ученых (из них – 5 академиков) и около 1140 преподавателей русских университетов и высших технических школ» [5, с.297], т. е. в общей сложности находилось 1612 исследователей и преподавателей. Но и эти данные – подчеркивает Э. Колчинский – нельзя считать полными, «так как анкетирование не было ни обязательным, ни повсеместным. В них не учтены многие ученые, которые к тому времени порвали с наукой, скончались, а также те, чья эмиграция продолжалась лишь несколько лет или числилась как заграничная командировка. На основе этих рассуждений Э.И. Колчинский приходит к следующему выводу: «В целом не менее четверти ученого и профессорско-преподавательского корпуса покинуло Россию и обосновалось за рубежом» [6, с. 205].

В работе «Императорская академия наук на рубеже XIX и XX столетий» А.М. Иванов называет одиннадцать академиков-эмигрантов, которые после окончания гражданской войны остались жить и работать за границей: К.И. Давыдов (1878–1960), эмбриолог, ученик акад. А.О. Ковалевского; П.Б. Струве (1870–1944), экономист и философ; М.И. Ростовцев (1870–1952), историк и археолог; Н.П. Кондаков (1844–1925), филолог, историк искусства и археолог; А.П. Павлов (1854–1929), геолог; Н.П. Андрусов (1861–1924),

геолог и палеолог; П. Г. Виноградов (1854–1925), историк; П.И. Вальден (1863–1957), химик-технолог; В.Н. Ипатьев (1863–1957), химик, невозвращенец с 1930 г.; А.Е. Чичибабин (1871–1945), химик, невозвращенец с 1930 г.; И.А. Бунин (1870–1953), писатель, почетный академик по разряду изящной словесности [5, с. 297].

Оказавшись за пределами родины, российские ученые и инженеры рассеялись по многим странам и городам Европы. Наиболее заметными центрами российской эмиграции, с точки зрения научной деятельности, стали Берлин, Прага, Париж и Белград. Следует отметить, что страны-реципиенты, в которых располагались эти столицы, были одновременно и крупными центрами научной эмиграции. обстоятельный обзор научных центров послеоктябрьской эмиграции дан в работах В.П. Борисова [2].

В начале 1920-х гг. большую активность проявляла российская научная диаспора в Берлине. Так, в 1921 г. эмигрантами здесь были образованы Русский научный институт и Русская академическая группа; высланная в 1922 г. из России группа философов во главе с Н.А. Бердяевым основала Вольную Духовно-философскую Академию. Однако уже в середине 20-х годов она прекратила свое существование, а русская диаспора, включая ее «научную составляющую», под влиянием социально-политических факторов стала сокращаться. Многие из тех, кто покинул Германию, обосновались в Чехословакии. Проводившаяся правительством Т.

Массарика «Русская акция» оказала неоценимую моральную и материальную поддержку сотням российских ученых и преподавателей и тысячам представителей молодого поколения, получившим образование в ВУЗах Праги, Брно, Пшибрама, Братиславы.

В Праге были основаны Русский Юридический факультет (1922), Русский Народный университет (1923), Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского (1923), Институт изучения России (1924), Экономический кабинет Прокоповича (1924), Русское высшее училище техников путей сообщения (1922). Существовали также Союз русских академических организаций, Общество русских инженеров и техников. Главной целью «Русской акции» была подготовка кадров, в том числе научных, для постбольшевистской России.

Еще одним научным центром российской эмиграции стал Париж. Главную роль в этом сыграли традиционные культурные и научные связи России и Франции, хотя здесь материальная поддержка приехавших ученых имела существенно меньшие размеры по сравнению с «Русской акцией» в Праге. В Париже был создан Русский народный университет (1921), образованы отделения для русских студентов и преподавателей при ряде факультетов Сорбонского университета, работали Русская политехническая школа заочного образования (с 1924 г.), преобразованная в дальнейшем в Русский высший технический институт, Русский коммерческий ин-

ститут (1925). Целям профессионального объединения служили Общество русских химиков во Франции (насчитывавшее 150 чел.), Союз русских дипломированных инженеров (450 чел.), Общество русских врачей имени И. Мечникова (72 чел.) и др.

Традиционные связи с Россией способствовали появлению большой группы российских ученых и в столице Королевства сербов, хорватов и словенцев – Белграде. В том, что молодое югославское государство благожелательно приняло изгнанников из России, был и практический расчет. Народное хозяйство балканской страны остро нуждалось в научно-технических кадрах, специалистах в области образования. Характерно, что среди прибывших в Югославию русских инженеров (в 1921 г. их число превышало 800 чел.) практически не было безработных. Выпускники российских вузов внесли значительный вклад в строительство железных дорог Югославии (одних только выпускников Петербургского института путей сообщения в этой стране работало более 60), а также в развитие горнорудной промышленности Македонии, Сербии и Черногории, в строительство гидротехнических сооружений и т. д.

Большую роль в объединении российских ученых сыграл созданный в Белграде Русский научный институт. В институте велась обширная исследовательская и просветительская деятельность, важным результатом которой стали 17 томов научных трудов и 2 тома библиографии трудов русских уче-

ных за рубежом. Одиннадцать ученых-эмигрантов из России были избраны действительными членами и членами-корреспондентами Сербской АН: математики А.Д. Билимович и Н.Н. Салтыков, специалист в области термодинамики К.П. Воронец, геолог В.Д. Ласкарев, химик Н.А. Пушкин, специалист в области прикладной механики Я.М. Хлытчиев и другие [2, с. 8].

Многие выехавшие за рубеж ученые видели в работе «путь к спасению российской науки. 1920–1925 гг. были временем формирования научного академического сообщества за рубежом. Одни деятели науки и техники покинули страну с частями Белой армии, другие были высланы туда советским правительством, третьи не вернулись из заграничных командировок. При этом они осознавали, что в глазах большевиков, культивировавших у населения образ страны как «осажденной крепости», эмиграция воспринималась как измена, и возвращение становилось невозможным без риска для жизни» [6, с. 208].

Проведенный анализ послеоктябрьской «утечки умов» позволяет подвести некоторые предварительные итоги. Главными мотивами научной эмиграции первой волны были социально-политические факторы: неприятие учеными новой власти, ограничение свободы передвижения и контактов с зарубежными. Эмиграционный поток российских ученых и инженеров концентрировался, преимущественно, в нескольких странах Западной Европы. Важно подчеркнуть, что хотя

первоначально в 1920-х гг. политика советской власти, как уже отмечалось, демонстрировала весьма жесткий, а порою и репрессивный характер по отношению к науке, тем не менее, впоследствии государство в достаточно короткий исторический период смогло восстановить утраченный престиж науки, направляя значительные финансовые и кадровые ресурсы в формирование новых научно-исследовательских и образовательных учреждений, привлекая к научной деятельности все новых работников, в особенности, молодую поросль.

Источники и литература

1. *Борисов В.П.* Российская научная эмиграция первой волны // Российские ученые и инженеры в миграции / Под ред. В.П. Борисова. М., С. 5–12.

2. *Борисов В.П.* Научные центры российской эмиграции в Европе (1920-40-е годы) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. М.: Янус-К, 1996. С. 8–15.

3. *Главацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002. 224 с.

4. Документы истории Академии наук СССР, 1917 – 1925. Л., 1986. 382 с.

5. *Иванов А.М.* Императорская академия наук на рубеже XIX–XX столетий // Новый журнал. Нью-Йорк, 1974. Кн. 116. С. 283–297.

6. *Колчинский Э.И.* Наука и эмиграция: судьбы, цифры и свершения // *Науковедение*. 2003. № 3. С. 203 – 219.
7. *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. 525 с.
8. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 1956. Т. 51.
9. *Манухин И.И.* Революция // *Новый журнал*. 1963. Кн. 73.
10. *Покровский М.Н.* Наши спецы в их собственном изображении // *Красная новь*. 1928. № 1. С. 146–154.
11. *Романовский С.И.* Наука под гнетом российской истории. СПб.: СПУ, 1999. 338 с.
12. *Сорокин И.А.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. 303 с.
13. *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // *Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940*. Книга первая. М., 1994. С. 16–24.
14. *Тополянский В.Д.* Бесконечное плавание философской флотилии // *Новое время*, 2002. № 38. С. 33–35
15. *Фрейнкман-Хрусталева И.С., Новиков А.И.* Эмиграция и эмигранты. История и психология. СПб., 1995. 153 с.
16. *Чельшев Е.П.* Предисловие к книге «Культурное наследие российской эмиграции, 1917 – 1940. Книга первая. М.: Наследие, 1994. С. 5–14.
17. *Черных А.* Становление советской власти (20-е годы в зеркале социологии). М.: Памятники исторической мысли. М., 1998. 282 с.

18. Эмиграция // Советская историческая энциклопедия.
Т. 16. М., 1976. С. 492–500.

Революционное взятие власти и легитимизация коммунистического режима

*Березкина О. С.*⁴⁰

Аннотация: Революционное взятие власти, обязательство построить новое общество, провал мировой революции обусловили остроту проблемы легитимизации коммунистического режима. Источники легитимности – идеология, харизма, Советы – не давали в 1920-е гг. должного эффекта. Факторами самолегитимации стали установка на строительство социализма в одной стране, принципиальные изменения состава партии и партийной элиты, трансформация общества в 1930-е гг. Достигнутая к концу 1930-х гг. легитимность была непрочной, партия по-прежнему зависела от политических успехов и постоянного движения вперед.

Ключевые слова: революция, легитимность, коммунистический режим, самолегитимация.

Berezkina O.S. Revolutionary Seizure of Power and the

⁴⁰ **Березкина Оксана Степановна** – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры общественных движений и политических партий России исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Legitimization of the Communist Regime.

Abstract: Revolutionary seizure of power, the obligation to build a new society, the failure of world revolution led to the problem of legitimization of the Communist regime. Sources of legitimacy – ideology, charisma, Soviets – did not give the desired effect in the 1920s. Factors of semilegitimation were the idea of construction of socialism in one country, a fundamental change in the composition of the party and the party elite, the transformation of society in the 1930s. Achieved by the end of the 1930s, the legitimacy was unstable, the party still depended on the political success and constant movement forward.

Keywords: revolution, legitimacy, the Communist regime, semilegitimation.

Понятие легитимности означает доверие к власти, одобрение власти, согласие с ее принципами и проводимой политикой. Это не юридический процесс, а процесс общественного признания, в котором правовое закрепление является лишь одним из источников. Революция – всегда неправовой акт, однако революционные идеи и лидеры могут пользоваться массовой поддержкой, а законная власть – испытывать тяжелый кризис легитимности. Основной вопрос для революционной власти – сможет ли она получить поддержку активной части общества при конформистском поведении остальных, удастся ли ей превратить кратковременную

победу в долгосрочное политическое господство, выдержат ли проверку временем ее принципы, каким образом сможет она оправдать принесенные жертвы, если не нравственно, то политически.

Взятие власти большевиками осуществилось в условиях всеобщего недовольства политикой Временного правительства и его бессилия, и было частично легитимировано решениями Второго всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, поддержанными крестьянскими депутатами. Первые месяцы после победы революции известны, несмотря на отдельные антибольшевистские выступления, как период «триумфального шествия советской власти», однако затем началась Гражданская война – ожесточенное противостояние сторонников и противников революции. Победа в Гражданской войне не свидетельствовала о достижении прочной легитимности: уже в 1921 г. большевики столкнулись с массовым недовольством (Кронштадтский мятеж, «антоновщина», забастовки рабочих). Ситуация усугублялась так называемым «растворением» пролетариата – основной социальной базы, на которую делалась ставка в ходе революции. Большинство рабочих ушло в деревню, в аппарат управления, в армию либо физически погибло в ходе гражданской войны. Фактически в 1921 г. революционная маргинальная элита удерживала власть в социально чуждом, «мелкобуржуазном» пространстве с помощью режима, позднее официально названного «диктатурой партии». В 1923 г., ко-

гда уже началось восстановление промышленности, «у станка» стояло лишь 17 % членов партии, несмотря на проведенную в 1921 г. «чистку» и усилия по преимущественному приему станковых рабочих [8, с. 123].

Переход к нэпу позволил на какое-то время обеспечить лояльность крестьянства, однако эта лояльность держалась отнюдь не на признании коммунистических принципов, а на фактическом устранении партии из деревни, за исключением взимания продналога. Так, крестьяне «не замечали» партийную ячейку в деревне, считали, что они сами по себе, а ячейка сама по себе [3, с. 24–28]. О непрочности крестьянской лояльности свидетельствовали и низкий процент коммунистов в сельских советах (по результатам инициированных партией перевыборов 1925 г., проводившихся в русле политики «оживления Советов», упал с 7,1 % до 3,6 %), и перманентные сложности с хлебозаготовками, являвшиеся важнейшим фактором, не позволявшим в перспективе осуществлять задачи государственного развития [7, с. 220]. Рабочие же были недовольны нэпом, массово выходили из партии, у многих наблюдались апатия и разочарование в итогах революционной борьбы. На практике нэп, помимо позитивных итогов, принес возврат частного капитала, безработицу, рост цен, «тяжелейшие перебои с заработной платой», что вызывало ответную реакцию, стачки рабочих. На Пленуме ЦК и ЦКК июля-августа 1927 г. приводилась цифра – 80 000 добровольно вышедших рабочих из партии [15].

Во время перевыборов в Советы 1925 г. наблюдались «прятание партийного лица, особенно в деревне, уклонение самих коммунистов от голосования за своих кандидатов, отказ от предвыборных собраний под руководством партии» [13]. Деревенская беднота, на которую могла бы опереться партия, проявила «наименьшую активность», поэтому В. Молотов, например, настойчиво ставил задачу «организации бедноты» [12; 14].

Относительный революционный настрой в нэповских условиях поддерживали тезис о «временном отступлении» социализма и острые внутрипартийные дискуссии, объединявшие коммунистов разных поколений общей ненавистью к «врагам» из стана оппозиционеров. К 1927 г. даже в партийной среде встал вопрос об оправданности Октябрьской революции, об этом открыто говорилось на партийных форумах. «Для чего тогда (если есть сомнения в перспективах социализма – *О. Б.*) нужно было производить Октябрьскую революцию? – вопрошал на XV партконференции делегат Махарадзе. – Для чего нужно было столько крови, столько жертв? Для чего это было нужно?» [5, с. 653] Выраженная в разных формах эта мысль рефреном проходила через перипетии внутрипартийной борьбы. Очевидна была острая потребность политической элиты в самооправдании, ставшем существенной движущей силой самолегитимации.

В глобальном плане проблема легитимности была связана, во-первых, с тем, что большевики в момент взятия вла-

сти взяли на себя обязательства по осуществлению беспрецедентной программы развития, и именно это являлось основным оправданием режима и самой революции. Во-вторых, взятие власти связывалось с мировой революцией, которая не состоялась, и у большевиков, по существу, не оставалось другого выхода, кроме как утвердить свое долгосрочное политическое господство в одной стране, то есть осуществить самолегитимацию в конкретно взятом обществе. Решение обеих задач было взаимосвязано.

Источником легитимности могла быть, прежде всего, партийная идеология, оправдывавшая монопольную власть партии. Идеологическая легитимация – отнюдь не особое качество большевистского режима, любое легитимное господство имеет идеологические основания. Однако в революционных и постреволюционных ситуациях, когда традиционная легитимность разрушена, а легально-рациональная не утвердилась, идеология приобретает гипертрофированное значение. Следующий источник легитимности – харизма, как В.И. Ленина, являвшегося, по выражению Е. Преображенского, «самостоятельным элементом политической системы, непосредственно связанным с миллионами», так и самой партии – коллективного вождя, состоящего из «несгибаемых большевиков» [4, с. 40–41]. Третьим источником – легально-рациональной легитимности – являлись Советы, поддерживаемые крестьянством – подавляющим большинством населения страны. Однако все эти источники плохо «рабо-

тали» в 1920-е гг.

Во-первых, успешность индоктринации была весьма проблематичной как в силу явного несоответствия идеалов и нэповской реальности, так и в силу необеспеченности огромной массы, прежде всего, крестьянского населения средствами пропаганды. В деревне вообще речь могла идти не об опоре на партийную идеологию, как таковую, а об использовании традиционной для России лояльности к любому центру реальной власти и ограниченности кругозора российского крестьянина, не простиравшегося, как правило, за пределы местных интересов и отношений. Настороженное отношение к «коммунии» и к деревенским коммунистам, усиливавшееся экономическое давление деревни, когда государство вынуждено было покупать хлеба меньше, чем ожидало, и по более высокой цене (крестьянство, по выражению Л. Каменева, давало «подзатыльник партии») – все это свидетельствовало о том, что поведение большинства крестьян к концу нэпа столь же мало определялось интересами «пролетарской революции», как и в момент введения продналога [12].

Во-вторых, харизма, как известно, самолегитимируется посредством подтверждения, однако реальность 1920-х гг. не давала существенных подтверждений харизматического авторитета партии. Харизматическая легитимация не предполагает медленного, незаметного движения, отсутствия значимых событий, свидетельствующих о продвиже-

нии к намеченной цели. В нэповский период наблюдались неуверенность, сомнения даже в среде партийных работников. Можно отметить «стыдливое» отношение к фактическому режиму «диктатуры партии»: «это думают, но об этом не говорят» [2, с. 29]; в партии были «товарищи», которые не верили, что нэповский путь приведет в деревне к социализму (развивается капитализм, «и больше ни черта») [9, с. 182]. Важной проблемой лидеров являлось убеждение не только масс, но и самой партийной элиты в правильности политической линии.

Советы – источник новой институциональной легитимности – поддерживались крестьянской массой, однако, «диктатура партии» фактически осуществлялась не через Советы, а через партийный аппарат, и задача легитимизации требовала признания большинством населения именно партии как института власти, превращения верховенства партии в источник власти и легитимности одновременно. Подъем авторитета Советов не решал проблему легитимации, нижние их этажи были «затоплены крестьянской массой», партия не могла опереться на Советы как на реальный орган контролирующей власти. Уже в первой половине 1920-х гг. съезд Советов открыто характеризовался как всем известный «всесоюзный митинг», а работа в советских органах рассматривалась как «низшая категория» партийной работы по сравнению с работой в аппарате партии [11].

Понимание проблемы легитимности, значения источни-

ков одобрения и поддержки партии играет важную роль в анализе причин того политического выбора, который был сделан революционной элитой в 1920-е гг. Важными факторами легитимизации режима первоначально стали: установка на строительство социализма в одной стране, превращение партии «элитарной» (со строгими правилами приема) в партию массовую, изменения персонального состава партийной элиты и динамичность рекрутирования. Идея строительства социализма в одной стране стала «формулой правления» коммунистической элиты, ликвидировав двусмысленность в толковании перспектив режима. Она давала четкий ответ на волновавший равно правящую группу и общество вопрос, «нужно ли было в октябре идти на восстание, имело ли Октябрьское восстание пролетарский, социалистический характер и есть ли условия для социалистического строительства в одной стране» [6, с. 191]. На XIV съезде в 1925 г. видный представитель «группы Сталина» Антипов подчеркнул: «...Для нас это вопрос решенный, мы социализм строим и будем строить, и задача теоретиков нашей партии сводится к тому, чтобы теоретически доказать то, что мы делаем практически» [10, с. 241]. Стратегия построения социализма в одной стране, принятие которой было обусловлено отсутствием ожидавшейся мировой революции, означала, помимо всего прочего, фактический приоритет государственных интересов СССР, отход идеи мировой революции на второй план. Проблема же конкретных путей социали-

стического строительства допускала варьирование теоретических схем, не позволяя в то же время «отвязаться от коммунистической пропаганды», о чем писали западные наблюдатели, с надеждой взирая на «группу Сталина» в середине 1920-х гг. [16]

Превращение партии в массовую, с большими ячейками на заводах и фабриках, было осуществлено в ходе наборов в партию рабочих по облегченным правилам. Начало здесь было положено «ленинским призывом» 1924 г., вызванным озабоченностью правящей группы своей социальной базой (как отмечено выше, в 1923 г. у станка стояло менее пятой части членов партии). Изменения персонального состава партийной элиты характеризовались вытеснением «местными работниками» интеллигентской эмигрантской верхушки партии и продвижением на все посты партийцев «ленинских призывов», которое продолжалось с конца 1920-х по конец 1930-х гг. На деле партия широко открыла двери выходцам из рабочих и беднейших крестьян, предоставив им возможность доступа к реализации власти. Эта возможность немедленно проявилась в изменениях персонального состава руководящих парторганов: уже в 1927 г. почти 20 % членов областкомов и 27 % членов губкомов составляют лица, вступившие в партию в 1924 г. и позднее [1, с. 794]. Именно массовое вхождение в состав парторганов коммунистов «ленинских призывов» стало базовым фактором формирования элиты с установившимся статусом.

Однако ключевое для самолегитимации коммунистического режима значение имела трансформация общества в 1930-е гг., в результате которой было, во-первых, достигнуто формальное соответствие идеологии и общественных реалий, подтвержден харизматический авторитет партии, признана «полноправная» (закрепленная в Конституции 1936 г.)

руководящая роль партии в обществе. Большое значение имели меры по строительству социального государства, начатому практически сразу после революции (бесплатное образование и здравоохранение, социальное страхование рабочих и служащих). Во-вторых, формирование более однородной социальной среды создавало более благоприятные условия для воспроизводства единственного субъекта политики. Наконец, успехи в модернизации экономики, решение задач государственного развития, возвращение стране статуса великой державы импонировало большинству, что позволило подключить к процессу легитимации традиционные ценности. Высокая социальная цена трансформации общества тогда многими воспринималась как оправданная и превратилась в один из решающих негативных для партии факторов уже в ходе целенаправленного создания новых, по сравнению с советской пропагандой, представлений в период «перестройки» и «гласности».

Несмотря на успех, насильственность созданного в короткий период порядка, навязывание принципиально новых

представлений о мире, требующих воспитания «нового человека», наличие в обществе большого слоя лиц, пострадавших от режима, отсутствие у общества возможности реализовать право выбора, усиливавшееся осознание дефицита свободы, прежде всего, в среде росшей быстрыми темпами интеллигенции – все это в долгосрочной перспективе ставило легитимность коммунистической системы под вопрос. Поддержание достигнутой легитимности верховенства партии требовало постоянных усилий по поддержанию авторитета новых ценностей. Идеология и харизма по-прежнему имели гипертрофированное значение, обуславливая острую зависимость режима «тоталитарной демократии» от постоянных успехов и движения вперед.

В целом исторический опыт самоутверждения советского режима и его падения в результате кризиса легитимности на рубеже 1980-1990-х гг. заслуживает серьезного внимания. Наиболее очевидно высвечены поверхностный характер индоктринации в массовом масштабе, легкость манипулирования массовым сознанием, быстрый политический эффект пропаганды и антипропаганды при наличии достаточных средств и адекватной социальной основы, неустойчивость легитимности режима «тоталитарной демократии» при ослаблении идеологических основ и развенчании харизматического авторитета. Однако можно отметить, что и падение монархии, освященной православной традицией, мало чем отличалось от конца коммунистического режима,

не имевшего в качестве ресурсов столь глубоких традиционных ценностей. Отечественная история нуждается сегодня в продолжении изучения в контексте культурноисторических, психологических, социально-психологических проблем, связанных с особенностями менталитета и эмоционального склада народа, со спецификой формирования политических представлений и моделей политического поведения.

Источники и литература

1. Бубнов А. ВКП(б). М. – Л., 1931.
2. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963.
3. *Иванович С.* Российская коммунистическая партия. Берлин, 1924.
4. *Преображенский Е.А.* Ленин. М., 1924.
5. Пятнадцатая конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1927.
6. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1961-1962
7. Россия нэповская. Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2002.
8. Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1924.
9. Четырнадцатая конференция РКП (большевиков). Сте-

нографический отчет. М.-Л., 1925.

10. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л., 1926.

11. Пленум ЦК РКП(б). Март-апрель 1924 г. Стенографический отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Он. 2. Ед. хр. 128.

12. Пленум ЦК РКП(б). Октябрь 1925 г. Стенографический отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Он. 2. Ед. хр. 197.

13. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Июль 1926 г.

Стенографический отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 246. Ч. 1.

14. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Июль 1926 г. Стенографический отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 246. Ч. 2.

15. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Июль-август 1927 г. Стенографический отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 317. Вып. 1. Ч. 1.

16. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Июль-август 1927 г. Стенографический отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 317. Вып. 1. Ч. 2.

П.А. Кропоткин: Опыт рассуждения о минимизации количества жертв гражданской войны

*Горский В. В.*⁴¹

Аннотация: Почти за полвека до революций 1917 г. и последовавшей Гражданской войны (1918 – 1920) П.А. Кропоткин поставил проблему минимизации жертв подобных, по его мнению, неизбежных социальных катаклизмов. Исторический опыт демонстрирует регулярную избыточность кровопролития и разрушений в гражданских войнах по отношению к достигаемым целям, поэтому поиск путей приближения в этом прогнозируемом социальном катаклизме к неизбежному минимуму со стороны той силы, которая желает и способна решить основные задачи революции, была и остаётся актуальной.

Ключевые слова: революция, гражданская война, насилие, жертвы, минимизация.

Gorskiy V.V. P. A. Kropotkin: the experience of reasoning about minimization of the number of victims of the civil war.

⁴¹ **Горский Владимир Викторович** – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики МПГУ.

Abstract: Nearly half a century before the 1917 revolutions and the ensuing Civil war (1918 – 1920), P.A. Kropotkin raised the problem of minimization of victims of this, in his opinion, the inevitable social upheavals. Historical experience demonstrates the regular of the redundancy in the bloodshed and destruction in the civil wars in relation to achievable objectives, so finding ways of approaching this predicted a social cataclysm to the inevitable at least by the force that is willing and capable of solving the main tasks of the revolution, was and remains relevant.

Keywords: revolution, civil war, violence, victims, minimizing.

Революция наряду с эволюцией есть форма развития бытия, суть которой состоит в качественном скачке течения процессов развития объективной реальности. Если исходить из необходимой связи между количественными и качественными изменениями, то должно признать неизбежность чередования эволюционных и революционных этапов любого развития, в том числе – и социального. Вопрос о том, что лучше для находящейся в историческом движении социальной системы некорректен. Адекватным будет вопрос о своевременности субъективной устремлённости социума к эволюции или революции.

При этом нужно иметь в виду действительные социальные революции, а не их «цветные» эрзацы, которые являют-

ся «революциями» только терминологически, в силу неудачного с научной точки зрения, но продуманно применённого в манипулятивных целях «бренда». Социальные революции нельзя предупредить заклинаниями вроде очень популярного у отечественных политиков всех направлений в 90-х гг. тезиса, гласящего, что «в России лимит на революции исчерпан». История лимитов не даёт. Всё, что возникло, должно со временем прекратить существование в прежнем качестве и перейти в новое, в том числе, и социальные системы. Поэтому революции в будущем неизбежны, как бы ни хотелось современным элитам сохранить выгодное для них статус-кво.

Социальные революции, меняя структуру общественных отношений, затрагивают и сталкивают в антагонистических противоречиях существенные интересы различных слоёв населения, поэтому, как правило, сопровождаются гражданскими войнами, иногда сочетающими в себе и элементы национально-освободительного движения. Ослабление социума в результате революционных потрясений в контексте международных противоречий практически неизбежно ведёт к феномену интервенций. В такой ситуации насилия, связанного с кровопролитием и жертвами избежать становится невозможно. Но остаётся проблема: а можно ли их минимизировать, в идеале приближаясь к исторически необходимой и достаточной величине, как бы ни жутковато это звучало в рамках обыденного сознания?

Россия имеет богатый революционный опыт, который нужно не проклинать, а изучать как в его практической, так и теоретической составляющей. Проблема минимизации количества жертв неизбежной в будущем гражданской войны ставилась в рамках развития революционной теоретической мысли, хотя постановка этой актуальной проблемы в неутопическом контексте была исключением. Внимание революционеров больше фокусировалось на содержании, движущих силах, времени революционных перемен и готовности к жертвам.

И здесь особый интерес приобретают нетипичные для духа времени рассуждения П.А. Кропоткина о необходимости уже его современникам задуматься о том, чтобы сформировать теоретические подходы, которые в будущем, в условиях неизбежной гражданской войны, позволят, не чураясь насилия, одержав в ней решительную победу, свести к минимуму расточающую народные силы кровавую междоусобицу целенаправленными действиями победивших и представляющих общественный прогресс революционеров.

Ещё в 1872 г., только недавно вступив на путь революционного анархизма, он пришёл к выводу, что «вопрос не в том, как избежать революции – её не избегнуть, – а в том, как достичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, то есть с наименьшим числом жертв и по возможности не увеличивая взаимной ненависти» [2, с. 279]. Позже он возвращается к этой мысли: «Попытки обой-

тись совсем без жертв – утопичны и только приведут к поражению, но количество жертв для достижения общественно-необходимых целей в зависимости от выбранной линии революционных преобразований, тактики борьбы с их противниками может быть существенно различным» [3, с. 42].

Это было новое слово не только в революционном анархизме. Основоположник системного анархизма М.А. Бакунин в 1869 г. признавал: «Кровавые революции благодаря людской глупости становятся иногда необходимыми, но всё-таки они зло, великое зло и большое несчастье, не только в отношении к жертвам своим, но и в отношении к чистоте и к полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видели это на революции французской» [1, с. 343].

Однако, рамках своей бунтарской схемы, он только констатировал сожаление о неизбежных жертвах будущего социального взрыва, возлагая ответственность за грядущее кровопролитие на царский режим. Единственным его ограничителем он видел, возможно, только силу мысли и авторитета вождя бунтовщиков. Бакунин выражал надежду, что если грядёт новый Пугачёв, «то дай бог, чтоб в нём нашёлся политический гений Пестеля, потому что без него он утопит Россию и, пожалуй, всю будущность России в крови» [1, с. 343 – 344].

Но кропоткинская идея превентивной подготовки к гражданской войне с целью минимизировать её продуманным комплексом мероприятий в тех или иных вариантах разви-

тия событий и при этом разрешить основные вопросы революции, выходит по значению за рамки собственно анархической теории и объективно обретает большую значимость для теории и практики любой революционной партии. К сожалению, в

дальнейшем, в силу определённых исторических причин, поставленная П.А. Кропоткиным проблема не нашла специального рассмотрения в работах теоретиков более исторически перспективных революционных течений. Не была она учтена и революционерами практиками всех направлений, хотя понимание необходимости ограничить революционное насилие определёнными рамками и присутствовало.

Так В.И. Ленин в марте 1919 г., произнося речь памяти Я.М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК, отмечал: «Нет сомнения, что без этой черты, – без революционного насилия, – пролетариат не смог бы победить, но также не может быть сомнения и в том, что революционное насилие представляло из себя необходимый и законный приём революции лишь в определённые моменты её развития, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием её победы являлась и остаётся организация пролетарских масс, организация трудящихся» [4, с. 74]

Когда началась гражданская война, централизованное насилие, террор, применяемые всеми сторонами гражданского столкновения, не были концептуально ограничены предварительным рассмотрением проблемы приближения числа

жертв к необходимой и достаточной величине. Кроме того, правительства и военные руководители далеко не всегда имели возможность контролировать насилие на низовом уровне, децентрализованный террор. В рамках этой ниши насилия в гражданской войне действовали свои стихийно складывавшиеся правила. Одно из наиболее востребованных, как отмечал белогвардейский офицер С.Н. Шидловский, описывая белый террор в Керчи в 1919 г., было следующее: «лучше уничтожить десять невинных, чем выпустить одного виновного» [5, с. 32]. Очень часто обычный офицер невысокого звания, а то и вообще рядовой «человек с ружьём» решал, кому жить, а кому – умереть. Но известны случаи, когда этот вопрос решался отдельными командирами и бойцами в рамках возможного проявления гуманности и исходя из перспектив дальнейшего развития страны. Не будучи знакомы с идеей П.А. Кропоткина, они интуитивно исходили из неё.

Проблема коридора между приблизительным неизбежным минимумом жертв гражданской войны и выходящей за рамки исторической необходимости жестокостью до сих пор решался только стихийным действием социальных законов на путях последней, поскольку она, в принципе, является частью механизма стихийности. Социологические законы, как и законы природы, не жестоки, но безжалостны по отношению к людям и социумам. Но, постигая их, применяя полученные знания на практике, мы можем обращать некоторые

проявления этих законов в свою пользу, уменьшить размеры человеческих и материальных потерь, грядущих в ходе неизбежных кризисов и катастроф, являющихся на обозримую перспективу неизбежными объективными формами социального движения. Абсолютное планирование и полный централизованный процесс таких процессов невозможны, и существенные элементы стихийности неизбежны. Но если сегодня не обратить внимания на заострённый П.А. Кропоткинским аспект социологии гражданской войны, история, со временем, может взять с нас непомерную цену за дальнейшее движение вперёд.

Исторический опыт демонстрирует регулярную избыточность кровопролития и разрушений в гражданских войнах по отношению к достигаемым целям, поэтому поиск путей приближения в этом прогнозируемом социальном катаклизме к неизбежному минимуму со стороны той силы, которая желает и способна решить основные задачи революции, была и остаётся актуальной.

Источники и литература

1. *Бакунин М.А.* Анархия и порядок: Сочинения. М., 2000.
2. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988.
3. *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархизм. СПб., 1906.
4. *Ленин В.И.* Речь памяти Я.М. Свердлова на экстренном

заседании ВЦИК // Поли. собр. соч. Т. 38.

5. *Шидловский С.Н.* Записки белого офицера. СПб., 2007.

Революция как реальность. Формирование постсоветской социально-экономической модели в 1990-е гг

*Лачаева М.Ю.*⁴²

Аннотация: Цель сообщения – показать природу смены социалистического социально-экономического строя в 1990-е гг. и ее социальную цену. Задачи – рассмотреть историко-психологические причины утраты населением социальных гарантий в 1990-е гг. Основные выводы. В 1990-е гг. жестко и целенаправленно осуществлялось уничтожение социальной и экономической системы СССР. Население оказалось психологически неготовым к перспективе тоталитарного детерминизма «рыночной экономики» и переживало кризис 1991-1993-1998 гг. с большими издержками.

Ключевые слова: социальная политика, социальная ответственность, модель социального развития страны, реформы.

Lachayeva M.Y. Revloution as reality. The formation of post-soviet social-economic model in 1990s.

⁴² **Лачаева Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Института истории и политики МПГУ.

Abstract: Goal of message – to show the nature of change of socialist social-economical stage in 1990s and the social cost. Tasks – to review the historical-psychological causes of losing by population of social protection in 1990s. Main conclusions: In 1990s roughly and purposefully was executed elimination of social and economic system of USSR. The population psychologically wasn't ready to prospect of totalitarian determinism of “market economy” and passed through a crisis of 1991-1993-1998s with very high expenses.

Keywords: social politics, social responsibility, model of social evolution of country, reform.

Историческая судьба России сложилась так, что в одном столетии, уже истекшем, прошлом XX в. отечественный опыт хозяйствования и его важнейшие нити обрывались дважды: в 1917–1920 гг. и в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

В 1917 г. свергли «современный строй всемирной промышленности, прославленный», к тому времени уже «обесславленный» под термином «капитализм». В конце 1970-х – начале 1980-х гг. мы уже полагали, что революция «соскоблела» предпринимательство с лица России, как некогда соскабливали с вечного пергамента устаревший текст, чтобы заменить его новым.

В начале 1990-х гг. «рынок» вновь стал кумиром: «Он спасет, он поможет, он обеспечит и пр.» [4, с. 8]. Для прове-

дения «обвальной» (термин тех лет) приватизации, либерализации цен потребовалось новое завоевание власти и ломка государственных структур. Не менее решительно, чем в начале XX в., в конце того же века был отвергнут уже советский опыт хозяйствования. И в первом, и во втором случае потери несомненны: утрачивались традиции, навыки организации и ведения дела, менялись нравственные ориентиры, характер общественно-культурной активности. Усилия власти каждый раз начинать с «чистого листа», разрушить «до основания» только углубляли кризисное состояние экономической и социальной сферы.

Каждая революция в той или иной степени разрушает культурные основы прежнего образа жизни, но не всегда приносит желаемый или ожидаемый результат. Не устаревает вопрос, еще в 1839 г. поставленный отечественным мыслителем, экономистом, практиком хозяйственником и изобретателем А.С. Хомяковым в статье о «Старом и новом»: «Что лучше, старая или новая Россия? Много ли она утратила от своих коренных начал и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?»

Усилиям поколений, трудившихся в 1920 – 1980-е гг., благодаря которым создавалась, развивалась, функционировала социалистическая социально-экономическая система, в 1990-е гг. была объявлена война. Министр экономики 1992–1993 гг. А.А. Нечаев, 15–16 лет спустя уже в роли мемуариста признал, что «именно к социальному направле-

нию реформы можно предъявить наиболее серьезные претензии» [8, с. 99].

Тренд мыслительного процесса правительства «Гайдара и его команды», обвинявшего в развале М.С. Горбачева (заметим, что сам Гайдар был обязан Горбачеву созданием «под него», Гайдара, института за удачно написанную им речь Президенту СССР [8, с. 10]), вел к отказу государства «от бремени социальной ответственности» и системной социальной политики.

Однако сами реформаторы об этом не жалели тогда, не жалеют и ныне. По мнению Нечаева, социальные, как он выражается, «подачки государства» и привели «к деградации советского общества». Нечаев пишет об отказе от политики «всеобщей социальной опеки», «демагогических принципов ответственности государства за социальное благополучие всех своих граждан (подчеркнуто нами – М.Л.). «Очень важно, – продолжает он, – сломать созданную десятилетиями социалистического общежития инерцию иждивенческих настроений, изменить порочную практику социальной богадельни» (подчеркнуто нами – М.Л.) [8, с. 99–100].

По воспоминаниям сторонников либерализации, размышляя о будущих переменах, они избегали во второй половине 1980-х – начале 1990 х гг. термина «реформирование экономики». «На казенном языке» он назывался «научным направлением, связанным с хозяйственным механизмом» [8, с. 17].

В современной историографии к определению сущности происходивших в 1990-е гг. изменений существуют два подхода: реформирования российской экономики [9] и революции, осознанной не сразу [5], в том числе и потому, что ожесточенная борьба за власть развернулась под прикрытием реформ.

В 1990 г. на страницах научно-теоретического журнала Академии Наук СССР «Вопросы философии» была опубликована статья Александра Кустарева, заведующего отделом тематических программ Би-би-си, выступавшего под радиопсевдонимом Александр Кlover, заимствованным, из романа Джорджа Орвелла «Скотный двор».

Статья была посвящена пересказу анализа, проведенного Максом Вебером в 1906 г., многомерных процессов первой русской революции и тогда же сделанным немецким ученым прогнозам в отношении развития революционного процесса в императорской России, «оказавшейся в ловушке». Изложение взглядов Вебера потребовалось автору для того, чтобы сделать выводы о ситуации, в которой оказался Советский Союз к 1990 г. и показать дальнейшее направление уже «нынешнего революционного процесса» в СССР. Высказав соображения об «интеллектуальной растерянности» властных кругов и бюрократической элиты, А. Кустарев подчеркнул, что новую революцию в СССР совершат «средние слои», которые «составляют хребет советского общества» [2, с. 130].

О социальной стороне революционного перехода от одной

социальной системы к иной качественно иной социальной системе, который по историческим меркам в конце XX в. произошел практически одновременно, и пойдет речь.

Глубинная тенденция, во многом предопределившая потребность перемен, развивалась в научно-индустриальном производстве, которое нуждалось в высокообразованных, сознательных и ответственных работниках. Высококвалифицированные специалисты становились массовым слоем, и он требовал качественно иных отношений в социальной сфере. Социальная сфера выходила на первый план, становилась основной.

Государство, столкнувшись с новой ситуацией и задачами, оставаясь при этом в рамках действовавшей модели советской экономики, должно было определиться в отношении проводимой им политики. Предстояло найти компромисс между «свободой», предоставляемой им производителю в новых экономических условиях, и необходимостью осуществления идеологического и организационно-материального воздействия на того же производителя.

Сбалансированного решения не нашлось. По-прежнему основой хозяйственного механизма оставались директивные задания. Сильнейшим негативным следствием стала недооценка роли человеческого фактора.

К 1991 г. не удалось решить задачу, поставленную на XXVI съезде партии в 1981 г. – в ближайшие две пятилетки перейти на интенсивный путь развития. Более того, в

реальных социально-экономических решениях того времени происходило снижение темпов модернизации. В полной мере в это десятилетие проявилось хроническое отставание легкой промышленности от запросов населения в отношении качества и количества ее ассортимента. Фактор негативного восприятия обществом очевидной государственно-партийной непоследовательности в проведении социальной политики обладал накопительным и раздражающим социально-психологическим свойством. Ярче всего он проявил себя в эрозии товарной массы, когда опустели полки магазинов.

Наблюдения неудовлетворительных ежедневных реалий и бытия основной массой населения, растущее всеобщее стремление потреблять, желание «верхов» владеть тем, чем раньше они только управляли, непреодолимый «соблазн властью», в том числе и для «теневигов» – все это подпитывало энергию конфликта.

Сложился очевидный диссонанс между повседневностью, удовлетворявшей далеко не всех, и ощущениями «предательства» теми советскими людьми, у которых сложилось определенное представление о «звездных часах» советского государства. Это представление отражало реальные достижения страны (в наукоемких производствах [1, с. 21–22], литературе и искусстве). Одновременно телевидение, периодическая печать и публицистика в своей основной массе нагнетали представления о преимуществах «буржуазности», стараясь усилить пренебрежение к наследию советского обще-

ства.

Исторический урок, который следует усвоить из событий конца 1980 – 1990-х гг., состоит в том, что накапливая недовольство, общественное сознание не всегда обременяет себя мыслью о возможной утрате привычных социальных гарантий. Так, например, случилось в СССР, где произошел сбой инстинкта национального самосохранения [3, с. 225]. Советских граждан подвела их устоявшаяся привычка к определенным социальным гарантиям, сложившаяся не только благодаря партийной риторике, но и реально проводимой социальной политики в СССР. Само наличие социальной политики в СССР, несмотря на просчеты, явилось основанием для требования общественностью смены социальных ориентиров, которые стали центральными во всех требованиях перемен накануне 1991 г. Рассчитывали, естественно, на лучшее.

В силу психологической неподготовленности для многих людей полной неожиданностью оказалась фактическая ликвидация механизма контроля за исполнительной властью со стороны общества. В ходе спровоцированного непродуманной политикой «ускорения» и «перестройки» углубления кризиса, затронувшего все сферы жизни советского общества, больше остальных, в СССР в 1985–1991 гг. пострадала социальная сфера.

Стратегическая ошибка руководства КПСС состояла в том, что одновременно модернизировать и менять систему

невозможно. Усугубляло ситуацию и то, что ставка М.С. Горбачева на ускорение была сделана в тот момент, когда развитые капиталистические страны уже пересматривали стратегию собственного государственного регулирования экономики. В то время, когда мы «ускорялись и перестраивались», за рубежом отказались от идеи высоких темпов экономического роста в пользу качественных аспектов экономического развития, в качестве критерия развития выбрали для себя «качество жизни».

В последние годы существования СССР сформировалась не только основа для преобразований, но также и «ударный кулак», который в одночасье жестко осуществил самый нежелательный для большинства населения переход от одной социальной системы к системе качественно иной. Революцию осуществили во имя реализации концепции тоталитарного рыночного детерминизма и разрушения основ социалистической страны.

Концепция «рыночной экономики» являлась идеологической мотивировкой целенаправленных усилий по разрушению социальной и экономической системы СССР, которая сложилась в 1920-1980-х гг.

Несбывшиеся надежды товаропроизводителей и приоткрывавшиеся тайны намерений носителей власти (правительственные декларации о намерениях не всегда имеют своим следствием их реализацию) не устраняли конфликта в обществе, менялись его очертания и направления, которые

придают узнаваемость образу «девяностых» годов. Системный кризис 1991-1993-1998 гг. стал, по существу, насаждением «реформаторами» неокapиталистической модели. Для судеб большинства советских людей это стало личной трагедией.

Тем не менее, новой постсоветской неокapиталистической государственности не удалось в полной мере изжить из мыслительного и законодательного пространства социально справедливые идеи и решения позднего советского периода, нацеленные на менее болезненные способы преобразований и социально справедливую трансформацию уже не устраивавшей большинство нерыночной бюрократизированной системы. Верховным Советом СССР были приняты постановления: «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике», законы «О государственном предприятии» (1987), «О кооперации» (1988), «Об аренде» (1989) и др. В конце XX в. развернулась кампания по дискредитации кооперации. Второй раз в XX в. замечательному явлению, целью которого является соединение в одном лице труженика и собственника, создание социально справедливых форм общественного и индивидуального труда для реализации трудовой, творческой деятельности населения, был нанесен удар.

Как и советская модель, новейшая российская неокapиталистическая модель имела свои пределы встраивания в матрицу национальной государственности, безусловно, дефор-

мируя ее.

Тем не менее, преемственность пробивала себе дорогу, что проявилось в признании верховных носителей власти в 2000-е гг.: «Нам предстоит догнать самих себя образца 1989 г.» и возвращению к социальной политике как жизненно важной, безальтернативной для государства необходимости.

Источники и литература

1. *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.
2. *Кустарев А.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8.
3. *Лачаева М.Ю.* О нашей революции // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. М., 2013. № 6(90).
4. *Наумова Г.Р.* К вопросу о рынке. Хозяин России: опыт предпринимательства // Былое. 1994. № 12.
5. *Наумова Г.Р., Иванов К.В., Никонов А.В.* Две ветви власти в России и социальная политика 1990-х гг. Севастополь, НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2012.
6. *Наумова Г.Р., Ермишина С.А., Лачаева М.Ю.* Экономическое сознание России. Хозяин России: опыт предпринимательства // Былое. 1994. № 1.

7. *Никонов А.В.* Самобытность или западничество? (по поводу статей профессора С. Сметанина о путях развития России) // *Былое*. 1993. № 8.

8. *Нечаев А.А.* Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. Без купюр и цензуры. М.: Русь-Олимп. Астрель, 2010.

9. *Шургалова И.Н.* Реформирование российской экономики. Опыт анализа в свете теории катастроф. М.: РОССПЭН, 2000.

Перестройка и карнавальная культура

*Конюхов К.Р.*⁴³

Аннотация. В статье исследуется роль карнавальской (смеховой) культуры в трансформации сознания советского человека в эпоху перестройки. Отмечается, что сила воздействия смеховой культуры на человека обусловлена ее тесной связью с древней традицией языческих сельскохозяйственных праздников и современной культурой потребления, которые, каждая по-своему, противостоят христианскому наследию в современном мире. Рассматриваются характерные черты карнавального смеха и их древние корни. Подчеркивается, что опасность разрушительного воздействия карнавальской культуры на сознание современного человека с течением времени только возрастает.

Ключевые слова: перестройка, карнавальная культура, смех, язычество, праздники сельскохозяйственного цикла.

Konyukhov K. R. “Perestroyka” and the “carnival culture”.

⁴³ **Конюхов Кирилл Рудольфович** – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики МПГУ.

Abstract: The article examines the role of “the carnival culture” at the transformation the soviet mentality during “Perestrojka”. The shocking impact of “the carnival culture” explains the close connections with pagan agricultural holiday’s tradition and modern consumer culture, inimical to Christianity. The author studies the characteristic features of “the carnival culture” and their ancient roots. Now the menace for modern mentality increases.

Keywords: “Perestrojka”, “the carnival culture”, laugh, paganism, the agricultural holidays.

Рассматривая события 1985–1991 гг., практически все исследователи независимо от политических пристрастий сходятся в одном: произошел не только коренной социальный слом, развал государства, но и переворот в общественном сознании. Более того, без этого переворота было бы невозможно и крушение Советского Союза. Имел место массовый отказ от системы ценностей социалистического общества (коллективизм, альтруизм, патриотизм, интернационализм и т. д.) во имя какой-то другой, которая уж точно не является капиталистической. Похоже, значительная часть общества даже не осознавала издержки этого процесса. Как такое могла случиться? Какие инструменты и механизмы были задействованы для запуска эрозии этого пласта сознания?

Конечно, имелись серьезные предпосылки этих явлений, дискредитация советских ценностей началась не в 1985 г.,

а значительно раньше, технологии ее осуществления были весьма разнообразны. Я хочу обратиться к одной из них – карнавальной культуре. Карнавальная культура – вид массовой культуры, апеллирующая к формам традиционного карнавала и использующая в качестве воздействия на человека комические образы, призванные вызывать бурную смеховую реакцию. Если о комическом, то есть эстетической категории, у нас писали много, то проблему смеха, физиологической реакции на смешное, затрагивали вскользь. Это не удивительно: смех рассматривался как страшное оружие, способное уничтожать и правителей и святых, чем-то сродни оружию массового поражения [3, с. 4]. Феномен «добротного смеха» исследователями, а среди них были В.Я. Пропп, А. Бергсон, Л.В. Карасев, так и не был обнаружен⁴⁴, а А. Бергсон был вынужден сознаться: «В этом смысле смех не может быть абсолютно справедливым. Повторяю, что он тем более не должен быть проявлением доброты. Его цель – устрашать, унижая. Он не достигал бы ее, если бы природа не оставила для этого даже в лучших людях небольшого запаса злобы или по крайней мере язвительности. Быть может, нам лучше не останавливаться подробно на этом пункте. Мы не найдем в нем ничего особо лестного для нас» [2, с. 122]. Многократно разрушительнее массовый смех, смех толпы карна-

⁴⁴ Детский смех, который любят приводить в пример, является «добротным» только потому, что ребенок не понимает, над чем смеется. Как только это понимание приходит, «добрый» детский смех превращается в предельно злой подростковый.

вала. В природе этой деструктивной силы и в технологиях ее использования отечественной науке только еще предстоит разобраться.

Написано по этому поводу совсем немного. Безусловно, наиболее яркой и фундаментальной работой по обозначенной нами теме является труд М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» [1]. Он отмечает два важных для нас обстоятельства. Во-первых, смех использовался Ф. Рабле для разрушения авторитета католической церкви и королевской власти (последнее – сомнительно). Во-вторых, смех является сущностью, освобождающей от страха: «Человек средневековья мог совмещать благоговейное присутствие на мессе с веселым пародированием официального культа на площади. Доверие к шутовской правде, к правде «мира наизнанку» могло совмещаться с искренней лояльностью. Веселая правда о мире, основанная на доверии к материи и материально-духовным силам человека, которую провозгласила эпоха Возрождения, в средние века утверждалась стихийно в материально-телесных и утопических образах смеховой культуры, но индивидуальное сознание отдельного человека далеко не всегда могло освободиться от серьезности страха и слабости. Даруемая смехом свобода часто была для него только праздничной роскошью» [1, с. 108]. Но человек испытывает страх не только перед «официальным культом» или властью, не меньше пугает его опасность осуждения общественным

мнением или собственной совестью, которая, по сути дела, является тем же социальным укором. Карнавальный хохот рушит и эти ограничения.

Смех, как и любая другая физиологическая реакция организма, всегда снижает, низводит общественное действие на бытовой уровень, делает героев и вождей равными смеющейся толпе. Но за смеховой реакцией всегда стоит какой-то образ, имеющий социальное содержание. Поэтому хохот всегда направлен против кого-то, и адресата (противника) несложно подобрать: людей и институтов без недостатков не бывает. Осмеянный правитель утрачивает авторитет, и, если его власть держится на авторитете и доверии, он постепенно утрачивает и власть. Еще в большей степени это относится к религиозным институтам: высмеянная святость святостью уже не является. Институциональная власть менее уязвима, но общее правило верно и для нее (сам наблюдал это на Украине).

В последние годы ролью карнавальской культуры в политической борьбе практически не занимались, если не считать работ С.А. Шомовой, посвященной карнавальской природе митинга [8, с. 64–69] и А.Е. Кудиновой [5], писавшей о роли М.М. Бахтина в идеологической войне против СССР. Однако, с моей точки зрения, сюжет не потерял актуальность. И дело не только в роли карнавала в недавних украинских событиях. Важно задуматься, почему этот вид смеховой культуры так эффективен в деле подрыва моральных основ лю-

бого, не обязательно советского, общества. Советская система ценностей опиралась не только на очень молодое наследие мировой социалистической мысли. Ее корни уходили гораздо глубже в толщи христианской, а, может быть, даже дохристианской культуры. Достаточно сравнить основные положения «Кодекса строителя коммунизма» и нормы «Нового завета». Таким образом, атака осуществлялась и против относительно тонкого слоя советского мировоззрения, и против всей христианской морали. Требовался инструмент, который мог взломать этот могучий пласт.

Для выполнения этой задачи карнавальная культура была незаменима. Корни карнавала гораздо древнее христианской истории. Изначально карнавалы восходят к языческим сельскохозяйственным и иным племенным праздникам, которые берут свои начала еще во времена первобытности. В этот период человек не отделял себя от природного, животного мира, выстраивая отношения с себе подобными соответствующим образом. Нас иногда поражает жестокость и вероломство, отразившееся в народных сказках, но могло ли быть иначе в условиях повседневной борьбы за существование? Природа не знает морали или красоты, этими качествами ее наделяет человек, следовательно, важно ли какими средствами будет достигнута победа над духами стихий? Обман, коварство, беспощадность в этой войне не на жизнь, а на смерть только поощряются. И карнавальная культура эти качества отнюдь не чужды, через ее посредство они лег-

ко проникают в современный мир.

Этому способствуют три обстоятельства. Первое. Несмотря на достаточно высокий уровень культуры, человек по-прежнему остается биологическим существом, испытывающим потребности в еде, одежде, исправлении естественных надобностей, половом удовлетворении, наконец, подверженном болезням. Наша биологическая составляющая находится с нами постоянно и напоминает о себе каждый день. Всем, и примерно одинаково, и героям, и негодяям. Второе. Пропаганда культуры потребления, про сути, направлена на то же: удовлетворение материальных вожелений за счет общественной миссии человека. Возникает парадоксальный резонанс, который создает кумулятивный эффект огромной разрушительной силы. Третье. Нелегко представить себе здорового психически человека, который согласился бы отказаться от моральных устоев, вложенных в него воспитанием. Однако благодаря смеховой «упаковке» такой отказ представляется сравнительно безобидным. Здесь и сказывается способность смеха освобождать индивида от моральных обязательств перед обществом. Таким образом, освобождается пласт первобытной культуры, имеющий толщину в десятки тысяч лет. Он легко рушит современное секуляризованное сознание, но может взломать и толщу христианской (мусульманской) традиции.

Заметим: для того, чтобы уничтожить более современный культурный пласт, необходимо создать его конфликт с бо-

лее архаичным. Правильно представленная архаика всегда побеждает, если ей не оказывается сознательного противодействия. Чтобы самая дикая древность выглядела соблазнительно, существует много путей: эстетизация, романтизация и героизация, апелляция к племенной памяти и, наконец, смеховая культура. Некоторые из этих приемов успешно использует в своей пропаганде запрещенное в нашей стране ИГ. Первобытная архаика наиболее опасна и разрушительна: она неизбежно сближает человека с животным.

Для карнавального смеха характерен ряд особенностей. Карнавальный смех – всегда смех всеобщий. Подобно тому, как во время языческих праздников не могло быть людей, не участвовавших в поклонении силам природы, карнавал не терпит зрителей. Участниками действия должны быть все, карнавал не знает рампы, а если она есть, то ее значение по возможности скрадывается. Именно поэтому еще советская передача «Вокруг смеха» старалась привлечь к действию зрительный зал, в этом феномен болельщиков КВН или так раздражающего нас закадрового смеха.

Смеховой эффект карнавала всегда построен на гротесковых формах. Это уродство берет свое начало от гипертрофированных органов первобытных божеств воплощающих собой производительные силы природы. Но гротеск – отнюдь не всегда преувеличение безобразного. М.М. Бахтин, возражая Шнеегансу, замечает: «Если природа гротескной сатиры заключается в преувеличении чего-то отрицательного и

недолжного, то совершенно неоткуда взяться тому радостному избытку в преувеличениях, о котором говорит сам Шнегганс. Неоткуда взяться качественному богатству и разнообразию образа, его разнородным и часто неожиданным связям с самыми, казалось бы, далекими и чужеродными явлениями... Гротескный мир, в котором преувеличивалось бы только недолжное, был бы велик количественно, но он бы стал бы при этом качественно крайне беден, скуден, лишен красок и вовсе не весел (таков отчасти унылый мир Свифта)» [1, с. 331]. С помощью гротескных образов в уродливом виде может быть представлено все, что угодно, любой процесс, любая идея, любой человек.

Следовательно, карнавальный смех отрицает не что-то конкретное, какой-то недостаток, его отрицание носит всеобщий характер. В этом нет ничего удивительного, так как в качестве альтернативы он предлагает иной, уже умерший мир, который мыслится как мир идеальный. Мир реальный при этом отвергается. Это тяготение карнавала к глобальному отрицанию проявилось в старом советском анекдоте. Еврей собирается уезжать из СССР. Его подводят к глобусу и спрашивают: «И куда Вы поедете? В Израиле арабские террористы, в США – гангстеры, в ЮАР – расисты и черный криминал, в Греции – диктатура» – «Послушайте, а у вас нет в запасе другого шарика?» [6, с. 1014] Актуально.

Еще один принцип смеховой культуры – идеализация «низа», обжорства, похоти, пьянства. Альтернативный, сме-

ховой, образ принимает часто именно «низовой» характер. Для первобытных верований понятие «низ» не существует вообще: человек со всеми его физиологическими потребностями неотделим от природы. Он полностью зависим от нее, и не имеет на нее почти никаких инструментов воздействия, кроме магии. В этом отношении он близок к окружающей природе. Известное нам высказывание: «Ничто естественное не безобразно», – с животными нас и сближает. Это позволяет выводить в публичную сферу так называемый «туалетный юмор», которого не знал, например, советский кинематограф. Все начиналось с «Маленькой Веры», где одного из героев, советского человека, макают головой в унитаз. А закончилось мультфильмом «Путч», где в унитаз сливают уже все государство.

М.М. Бахтин по этому поводу замечал: «Так, в образе «требухи» стянуты в один неразрывный гротескный узел – жизнь, смерть, рождение, испражнения, еда; это – центр телесной топографии, где **верх и низ переходят друг в друга**. Поэтому в гротескном реализме этот образ был излюбленным для амбивалентного материально-телесного низа, умерщвляющего и рождающего, пожирающего и пожираемого. «Качели» гротескного реализма, игра верха с низом, в этом образе великолепно раскачиваются; верх и низ, **земля и небо сливаются**» [1, с. 173]. Соответственно, исчезают понятия добра и зла. Героя подменяет карнавальный трикстер, который, в отличие от литературного, не органичен рам-

ками общественной морали. Понять, кто герой, а кто антигерой, становится постепенно просто невозможно.

Еще одна черта карнавала – склонность к немотивированному насилию. Данная традиция восходит к брачным побоищам и дракам между селами «на меже». Раньше это были вполне серьезные сражения за скудный ресурс (женщин, землю, охотничьи угодья и т. п.), впоследствии смысл был утрачен, но традиция сохранилась. Теперь она выглядела скорее веселой забавой: «Свадьбу средили хорошу. Пирог из печек летят, вино из бочек льется. Двадцать генералов на этой свадьбе с вина сгорело. Тройих сенаторов в драки убили. Все торжество было в газетах описано» [7, с. 283]. Тумаки раздаются исключительно ради тумачей, победитель, если он есть, вроде бы ничего не получает кроме глубокого морального удовлетворения. Возникает вопрос, зачем сегодня постоянно вбрасывать это в общественное сознание? Исключительно для раскачивания ситуации в стране: драка представляется явлением вполне допустимым и безнаказанным.

В заключение приведу пример непосредственного проявления архаического пережитка в политических реалиях 1991 г. В парке искусств у Дома художника в Москве представлены свергнутые памятники советской эпохи. У некоторых отбиты или повреждены носы⁴⁵. Это не случайно. Нос считается символом мужской силы, в европейской традиции

⁴⁵ Скульптуры И.В. Сталина работы З.М. Виленского и С.Д. Меркулова; В.И. Ленина неизвестного художника; М.И. Калинина работы Б.И. Дюжева.

он являлся субститутом фаллоса. Повредить нос – значит лишить мужчину его природной силы. Известны случаи, когда перед свадьбой в селе били колдуна, чтобы он не мог напасть жениху и невесте. Если удалось пустить ему из носа кровь, свадьбу можно играть без опаски: колдун обезврежен [4, с. 203]. Отбивание носов у Сталина и Ленина – другие фигуры почти не пострадали – символический шаг в отношении бывших советских вождей. Трудно предположить, что это действие призвано было лишить их некоей мистической силы, которой они обладали и после смерти. Скорее всего, погромщики орудовали, повинаясь каким-то слабо осознанным позывам, исходящим откуда-то из глубины сознания. Но эти позывы не только возбуждали агрессию, но и придавали ей конкретную форму и направленность.

Сегодня, как показал печальный опыт Украины, роль карнавальской культуры в цветных революциях и государственных переворотах только возрастает. Однако исследование этой темы практически не ведется. Мне представляется, что не найдены даже методологические подходы к исследованию этой проблемы.

Источники и литература

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // *Собрание сочинений*. Т. 4 (2). М., 2010.

2. *Бергсон А.* Смех. М., 1992.

3. *Борев Ю.Б.* Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М., 1970.

4. Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М., 2013.

5. *Кудинова А.Е.* Информационно-психологическая война. М., 2013.

6. *Мельниченко М.* Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014.

7. *Озаровская О.Э.* Пятиречие. СПб., 2000.

8. *Шомова С.А.* Карнавальные корни митинга: генезис и современные проявления // Государственная служба. 2012. № 4.

Гибель Российской империи и СССР: анализ на основе биосоциального подхода

*Сайфуллин Р.Г.*⁴⁶

Аннотация: В статье формулируются основные положения биосоциального подхода к исследованию динамики политических в ее конфликтном аспекте. Его суть состоит в утверждении о зависимости динамики политических от динамики качества населения. Рассматривается исследующая эту зависимость концепция Л.Н. Гумилева. На основе этой концепции формулируется универсальная, инвариантная относительно этносов, типов политических и исторических эпох закономерность – числовой алгоритм этнополитогенеза. В целях верификации числового алгоритма анализируется этнополитогенез великороссов. Формулируется вывод о том, что их этнополитогенез развивался в целом в соответствии с числовым алгоритмом: распад Российской империи и СССР произошел в неустойчивые периоды. На основе алгоритма дается прогноз развития России.

⁴⁶ **Сайфуллин Рубин Гатуфович** – кандидат политических наук, доцент, Набережночелнинский институт К(П)ФУ; Институт перспективных исследований МПГУ.

Ключевые слова: числовой алгоритм этнополитогенеза, гибель Российской империи и СССР, прогноз развития России.

Saifullin R. G. The collapse of the Russian Empire and the USSR: an analysis based on a biosocial approach

Abstract: The article investigates the main provisions of the biosocial approach to the politics dynamics research in its conflict aspect. The point of this research is the confirmation of the dependence of the politics dynamics on the dynamics of population sort. The L. N. Gumilev's concept, researching this dependence, is investigated. On the basis of this concept, it's formulated the universal, invariant, in respect of ethnic groups, types of politics and historic eras, regularity, – the numerical algorithm of a ethnopolitogenesis. For the purposes of verification the numerical algorithm, the ethnopolitogenesis of Great Russiansis analyzed. The conclusion that it was developed as a whole in accordance with the numerical algorithm is formulated: the collapse of the Russian Empire and the USSR occurred in unstable periods. There is given the forecast of Russia's development on the basis of this algorithm.

Keywords: the numerical algorithm of an ethnopolitogenesis, the collapse of the Russian Empire and the USSR, forecast of Russia's development.

Введение

Причины масштабного внутривластного кризиса, ведущего к распаду государства, многоплановы и имеют глубокие исторические, экономические и социально-политические корни. Всестороннее изучение этих причин предполагает использование разнообразных подходов, исследующих конфликтную политическую динамику. Среди них признанием получил подход, связывающий эту динамику с социально-демографическими циклами. Исследователи, использующие этот подход (см., например: [16]) причины начала внутривластного кризиса видят во влиянии демографических факторов: перепроизводстве элит и перенаселении. Увеличение численности элиты ведет к обострению борьбы за ресурсы между различными ее фракциями и гражданской войне, увеличение численности крестьян ведет к их обезземеливанию, голоду и восстаниям. При этом за рамками рассмотрения остается влияние на конфликтную политическую динамику динамики качества населения.

Однако к началу кризиса может привести качественное ухудшение, как элиты, так и крестьянства без их существенного численного увеличения. Кризис может начаться, если среди населения увеличивается и достигает некоего критического уровня доля деструктивных элементов, либо прямо выступающих против существующих порядков, либо плохо исполняющих или же вовсе не исполняющих свои функциональные обязанности. Таким образом, социально-полити-

ческая динамика в ее конфликтном аспекте может синхронизироваться динамикой качественного состава населения. Вскрыть механизмы этой синхронизации и на этой основе объяснить и прогнозировать конфликтную социально-политическую динамику – такая задача ставится в рамках биосоциального подхода. Он базируется на положении, что главным субъектом макроисторического процесса, представляющего собой неразрывное единство и взаимодействие этногенеза и социо(полито)генеза (П.В. Турчин предложил назвать этот единый динамический процесс этнополитогенезом [14, с. 95]), является этнос, рассматриваемый как биосоциальный и социоприродный феномен.

Изложим основные положения использующей биосоциальный подход концепции Л. Н. Гумилева.

1. Концепция Л. Н. Гумилева и гипотеза о гетерозисном генезисе пассионарности

Среди немногих историков, исследовавших влияние качества населения на историческую динамику, можно назвать Л.Н. Гумилева. Как отмечает К.Г. Фрумкин, «к заслугам Л.Н. Гумилева относится сама постановка вопроса о качестве участвующих в исторических событиях человеческих масс, о зависимости от этого качества исхода исторических событий, а самое главное – о зависимости самого этого качества от доли того или иного человеческого типа в общей человеческой массе» [15, с. 19]. Здесь имеются в виду типы

пассионариев, субпассионариев и гармоничных людей, соответственно, индивидов энергоизбыточного, энергодефицитного и энергоуравновешенного типов.

Перечислим основные признаки, характеризующие, по Л.Н. Гумилеву, эти три типа. Отличительной чертой пассионариев является «активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто – иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели. Гармоничники могут проявлять значительную активность, но не по собственной инициативе, а находясь под влиянием пассионариев. Субпассионарность проявляется в неспособности сдерживать инстинктивные вожеления, асоциальном поведении, паразитизме, недостаточной заботе о потомстве. Сосредоточение субпассионариев в городах приводит к громадному росту алкоголизма, ситуативной преступности, наркомании, стихийных беспорядков» [6, с. 497, 509, 520]. «Субпассионарии часто играют важную роль в судьбах этносов, совершая вместе с пассионариями завоевания и перевороты. Они способны на разбой, жертвами которого становятся гармоничные люди» [4, с. 285].

Характерная для человеческих популяций разнокачественная энергетическая структура унаследована от животных предков человека. В популяции животных «разнокачественность составляющих ее особей оказывается важнейшим условием регуляции ее численности» [2, с. 49].

Динамика качества является одним из действенных ме-

ханизмов обеспечения популяционного гомеостаза путем увеличения доли энергодефицитных и энергоизбыточных особей, для которых характерна повышенная активность и смертность, при высокой плотности популяции. Описание этих механизмов, в том числе, и применительно к человеческим популяциям, дает В.Р. Дольник: «При высокой плотности популяции у животных отключаются врожденные программы не посягать на то, что принадлежит другим. Агрессивные особи начинают нарушать границы участков соседей, отнимать пищу, гнезда, норы. У человека такое поведение принимает свои формы: широко распространяются грабежи, мелкое воровство, люди перестают продуктивно трудиться, обкрадывая тех, кто сохраняет эту способность. Еще одна поразительная реакция – утрата осторожности. В период высокой плотности утки чаще начинают гибнуть от случайных причин – хищников, охотников, столкновений с проводами и т. и. У человека утрата осторожности при нарастающем неблагополучии наиболее наглядно проявляется в форме бунтов, когда люди вдруг теряют страх перед властью, полицией, толпами идут навстречу пулям и смерти. Подавляющая часть популяции резко снижает заботу о собственной гигиене и сохранении в чистоте мест обитания. Именно такие подавленные, опустившиеся животные становятся носителями и распространителями паразитов и инфекции в популяции. Они способствуют вспышке эпизоотии, а с ней и сокращению численности. У людей при скученности и недо-

статке пищи тоже появляется большое количество опустившихся личностей. На них плодятся вши, переносчики заразных болезней» [7, с. 311–312]. Здесь дано описание роли субпассионарного энергетического типа.

«Нашествия в места, занятые другими популяциями, называется нашествием, а в области, зачастую непригодные для жизни – инвазией. Цель нашествия и инвазии – выбросить за пределы переуплотняющейся популяции избыточное молодое поколение. Участники нашествия становятся как бы бесстрашными, не боятся погибать, особенно коллективно. У людей при сходных обстоятельствах происходят подобные же изменения: молодежь не хочет жить так, как жили родители, образует группы, которые легко превращаются в очень агрессивные орды, а те неудержимо стремятся куда-то двигаться и что-то там совершать, обычно разрушительное. Аналогия между нашествиями животных и некоторыми нашествиями орд варваров лежит на поверхности» [7, с. 313–314]. Здесь дано описание роли пассионарного энергетического типа.

По Л.Н. Гумилеву, динамика соотношения долей энергетических типов определяет этногенетическую динамику. «Видоизменение соотношений энергетических типов, как численных, так и векторных, внутри этноса определяет процесс этногенеза» [4, с. 285–286], под которым понимается «процесс прохождения этносом всех стадий своего развития (фаз этногенеза)» [6, с. 539].

Каждая фаза имеет свои отличительные признаки [6, с. 526–532] и примерные возрастные рамки [4, с. 339]. Фазы переходят одна в другую через фазовые переходы – кризисные периоды, для которых характерны внутренние конфликты, ведущие к ослаблению, а иногда и распаду созданного им государства [4, с. 385–386]. Возрастные рамки фазовых переходов Л.Н. Гумилев не указывает.

Приблизительная датировка Л.Н. Гумилевым пассионарных толчков, приведших к образованию новых этносов [4, с. 341–345], позволила ему провести эмпирическую проверку своей концепции путем анализа этногенеза части этих этносов. Однако ее результаты нельзя признать убедительными. У разных этносов существенно варьируют по своим возрастным рамкам одни и те же фазы, вообще не выделены фазовые переходы. Приходится констатировать, что Л.Н. Гумилеву не удалось доказать существование универсальной, биосоциальной в своей основе закономерности, описывающей динамику долей энергетических типов.

Неудовлетворительной следует признать и гипотезу Л.Н. Гумилева о генезисе пассионарности. Пассионарный признак, носителями которого являются пассионарии, он определяет как рецессивный генетический признак, возникающий в результате микромутации (пассионарного толчка) из-за воздействия космического излучения. Пассионарный толчок приводит к появлению в затронутых им популяциях пассионариев, которые создают новые этнические системы.

Многие исследователи не приемлют этой гипотезы. Так, П.В. Турчин пишет, что детали предлагаемого Гумилевым механизма основаны на явлениях, неизвестных или категорически противоречащих современной науке [14, с. 84]. Необходимо попытаться связать феномен пассионарности с хорошо известным биологической науке явлением.

В основе феномена пассионарности лежит, по нашему мнению, явление гетерозиса. Гетерозис характерен для первого поколения гибридов и выражается в лучшей приспособляемости, большей плодовитости и жизнеспособности гибридов в сравнении с родительскими формами. Понятие «жизнеспособность» (жизнестойкость) – способность организма выживать и давать потомство при неблагоприятных изменениях внешней среды, видимо, в наибольшей степени коррелирует с понятием пассионарность, которую можно рассматривать как своего рода социальную жизнеспособность. У человека гетерозис выражается в том, что у родителей, относящихся к разным расово-антропологическим типам, вероятность рождения более жизнеспособного (пассионарного) в сравнении с родителями ребенка существенно выше, чем у родителей, относящихся к одному типу или близким типам.

Л.Н. Гумилев один из путей образования новых этносов видит в смешении: «Часто вследствие исторических перипетий от этноса отпочковывается группа людей и меняет место жительства. Иногда эти группы гибнут, но нередко,

смешавшись с аборигенами или с другими переселенцами, они образуют самостоятельный этнос» [4, с. 136]. Другие ученые-этнологи также придерживаются мнения, что новый этнос формируется в результате смешения нескольких субстратов. Так, Ю.В. Бромлей подчеркивает, «... что как раз смешанные браки являются одним из основных инструментов формирования новых этносов на основе синтеза двух или нескольких этнических общностей» [1, с. 86]. А.П. Садохин пишет, что «в процессе этногенеза, связанного с взаимодействием завоевателей и аборигенов, обычно происходит синтез субстрата (местного населения) и суперстрата (пришлого населения), в ходе которого и возникает новый этнос» [11, с. 113].

Ряд ученых видит причину высокого потенциала некоторых человеческих популяций в явлении гетерозиса. Так, философ и биолог А. А. Любищев связывает появление высокой культуры с вторжением иноплеменников и смешением с аборигенами. Массовая гибридизация способствует появлению выдающихся комбинаций (цитируется по: [3, с. 152–153]). Один из ведущих российских биополитиков А.В. Олескин упоминает об эффекте гетерозиса, возникающем при скрещивании локальных популяций, ранее длительное время находившихся в изоляции, как об одной из ведущих движущих сил происхождения человека. Он цитирует работу А.М. Хазена, который попытался объяснить, почему пролетариат в XIX в. действительно был передовым клас-

сом, через явление гетерозиса. Рабочие XIX в. были потомками жителей малых изолированных сельских общин, которые переезжали в большие города и там скрещивались между собой, рождая более одаренных (точнее будет сказать, более пассионарных. – Р. С.) детей в силу упомянутого гетерозиса [8].

Формирование новой, насыщенной пассионарностью этнической общности, способной к прорывным свершениям в различных областях, возможно, очевидно, при условии, если расово-антропологические типы смешивающихся субстратов различаются между собой. Таким образом, источником пассионарности служит расово-антропологическая гетерогенность популяций этноса. Она максимальна в начале жизни этноса (в этот период число рождающихся пассионариев максимально), минимальна – в конце жизни (в этот период число рождающихся пассионариев минимально).

2. Дефиниция фазового перехода и способы оптимизации долей энергетических типов

Основываясь на положении Л.Н. Гумилева о существовании для каждой фазы оптимальных значений для доли каждого энергетического типа [4, с. 404], были даны дефиниции понятиям фаза этнополитогенеза (устойчивый период внутри фазы) и фазовый переход (кризисный период внутри фазы).

Фаза этнополитогенеза (устойчивый период внутри фа-

зы) – это имеющий возрастные рамки период, в котором этнос сохраняет устойчивое состояние, характеризующееся отсутствием смут из-за того, что доли пассионариев и субпассионариев на протяжении фазы не выходят за рамки спектра оптимальных для этой фазы значений.

Фазовый переход (кризисный период внутри фазы) – это имеющая возрастные рамки период, в котором этнос находится в неустойчивом состоянии, возникающем из-за того, что доли субпассионариев и/или пассионариев в определенном этническом возрасте выходят за рамки спектра оптимальных для завершившейся (текущей) фазы значений; это неустойчивое состояние характеризуется расколом этнического поля и сохраняется до тех пор, пока доли пассионариев и субпассионариев не перестанут выходить за рамки спектра оптимальных для следующей (текущей) фазы значений. Раскол этнического поля характеризуется образованием в этносе нескольких военно-политических группировок, придерживающихся противоположных идеологических установок [6, с. 513]; конфликты между этими группировками принимают, как правило, вооруженный характер.

Согласно Л.Н. Гумилеву, пассионарность есть величина векторная. Раскол этнического поля математически можно описать как сумму величин пассионарности членов этноса, вектора которых из враждующих военнополитических группировок направлены противоположно друг другу. Очевидно, что результирующая пассионарность этноса будет близ-

ка к нулю. Именно по этой причине «этнос, находящийся в неустойчивых состояниях фазовых переходов, легко уязвим, и легко может стать жертвой более пассионарного соседа» [4, с. 385]. Таким образом, для неустойчивых периодов характерны не только внутренние смуты, но и поражения в войнах.

Существуют три способа приведения долей пассионариев и субпассионариев до спектра оптимальных значений следующей (текущей) фазы (или оптимизации долей пассионариев и субпассионариев): их гибель в ходе внутренних конфликтов, сброс со своей территории в результате проведения агрессивной захватнической политики или колонизации и уничтожение посредством массовых репрессий, проводимого обычно карательными органами государства.

Способы оптимизации долей энергетических типов имеют свои аналоги в биологических популяциях. Ю.М. Плюсин выделяет следующие механизмы регуляции популяционного гомеостаза: 1) путем миграции особей с определенным типом поведения (например, с высоким уровнем исследовательской мотивации); 2) путем выделения внутри сообщества новых группировок – вроде «банд» молодых животных, перешедших к самостоятельной жизни; 3) путем физического уничтожения определенных особей, «лишних» с точки зрения сообщества; 4) путем деления материнской группы и вычленения из нее дочерней группировки, которая начинает жизнь как самостоятельное сообщество. Опи-

саны случаи возникновения между ними антагонистических отношений, когда даже родственные и дружеские связи не препятствуют вражде между разделившимися сообществами. Дж. Гудолл описала историю, когда большее из разделившихся сообществ шимпанзе организовало «банду» (многоамцовую группу), которая убила всех шимпанзе из другого сообщества, включая не только самцов и детенышей, но и самок, ценность которых для шимпанзе очень велика (тем более, что некоторые из них являлись и родственниками) [11].

Способ оптимизации путем сброса со своей территории имеет своей биологической основой первый и второй механизмы регуляции популяционного гомеостаза, путем массовых репрессий – третий механизм, путем гибели в ходе смут – четвертый механизм. Напомним, что началу гражданской войны обязательно предшествует раскол этнического поля – разделение большинства пассионариев и субпассионариев этноса, а вслед за ними – и гармоничников на две противостоящие друг другу военно-политические группировки. Из цитировавшейся работы ясно, что раскол популяции и «война» на уничтожение между разделившимися сообществами имеет место, по крайней мере, в популяциях приматов.

3. Числовой алгоритм этнополитоге­неза и образование новых этносов

Автором этих строк был проанализирован этнополито­генез ряда этносов и созданных ими государств, по политиче-

ской истории которых имеются более или менее полные и достоверные фактические данные. На основе этого анализа было выяснено, что все фазы и фазовые переходы начинаются и заканчиваются в определенном возрасте этноса с некоторым допуском. Эта инвариантная относительно этносов, исторических эпох и типов политий закономерность получила название «числовой алгоритм этнополитогенеза». Алгоритм определяет начало и окончание, т. е. возрастные рамки фаз этногенеза и фазовых переходов, а также кризисных периодов внутри фаз подъема, акматика и инерции, аналогичных по своим признакам фазовым переходам (см. ниже).

1. Фаза подъема: 0 – 340–360 лет. Состоит из инкубационного (0 – 100–155 лет) и явного (100–155 – 340–360 лет) периодов. Явный период начинается с создания этносом своего государства. Внутри явного периода выделяется смутный (185 – 235 лет) (обозначим его как 1а).

2. Фазовый переход подъем-акматика: 340–360 – 450–470 лет.

3. Фаза акматика: 450–470 – 630–655 лет. Внутри этой фазы выделяется смутный период пассионарного перегрева (540–560 – 570–585 лет) (обозначим его как 3а).

4. Фазовый переход акматика-надлом: 630–655 – 680–725 лет.

5. Фаза надлома: 680–725 – 755–810 лет.

6. Фазовый переход надлом-инерция: 755–810 – 840–875 лет.

7. Фаза инерции: 840–875 – 1302–1334 года. Внутри этой фазы выделяются три кризисных периода: первый (880–920 – 935–970 лет), второй (1025–1070 – 1100–1145) и третий (1175–1215 – 1260–1285), разделенных четырьмя стабильными периодами.

8. Фазовый переход инерция-обскурация: 1302–1334 – около 1500 лет. Числовой алгоритм описывает на качественном уровне изменение долей энергетических типов в составе этноса в зависимости от его возраста. Если рассматривать этническую систему как самоорганизующуюся, то эти доли являются теми управляющими параметрами, динамика которых определяет, окажется ли этнос в устойчивом состоянии фазы или неустойчивом состоянии фазового перехода или кризисного периода внутри фазы.

Числовой алгоритм как универсальная закономерность выражает, по-видимому, зависимость динамики пассионарности от цикличности климата, синхронизируемой циклами солнечной активности. В этой связи уместно привести положение Л.Н. Гумилева об этносе как биофизической реальности [4, с. 227]. Это положение можно понимать так, что колебания пассионарности – биологического в своей основе параметра синхронизируются колебаниями, имеющими физическую природу – циклами солнечной активности.

О синхронизации динамики пассионарности одной из гармоник цикла Глайсберга, средняя продолжительность которой составляет 82 года, позволяет говорить существование

так называемых «репродуктивных» возрастов материнского этноса (902 года, 1066 и 1230 лет, 1394 года и 1558 лет), в которых, в отдельных его популяциях, резко увеличивается число рождающихся пассионариев (причины, почему это происходит см.: [12]). Значения всех репродуктивных возрастов кратны числу 82 ($902 = 82 \times 11$, $1066 = 82 \times 13$ и т. д.), что и позволяет говорить о синхронизации динамики пассионарности 82-летней гармоникой цикла Глайсберга.

Именно этой синхронизацией можно объяснить то, что начальные точки этнополитогенеза всех этносов, по политической истории которых имеются более или менее полные фактические данные, разделены временными длительностями, кратными числам 82 или 41. Существует точка зрения, согласно которой все неафриканские популяции образовались в результате дивергенции одной предковой популяции, мигрировавшей из Африки около 80 тыс. лет назад. Основываясь на гипотезе о синхронизации динамики пассионарности 82-летней гармоникой цикла Глайсберга, можно предположить, что отпочкование от этой общности дочерних групп происходило в репродуктивных возрастах этой предковой общности. Все последующие отпочкования также происходили в репродуктивных возрастах. В результате начальные точки оказались разделены временными длительностями, кратными продолжительности гармоникой цикла Глайсберга, составляющей 82 года.

В одном из репродуктивных возрастов пассионариев рож-

дается особенно много, и они и их потомки формируют субэтносы, образующие ядро нового этноса, являющегося дочерним по отношению к материнскому. Год, на который приходится этот возраст, является начальной точкой этнополитогенеза дочернего этноса.

В конце жизни дочернего этноса процесс повторяется. Это приводит к тому, что на определенной территории существуют, как правило, несколько последовательно сменяющих друг друга этносов, связанных между собой преемственностью расово-антропологического типа, языка и культуры. Эту совокупность родственных этносов мы назвали гиперэтносом.

4. Этнополитогенез великорусского этноса

Применим положения биосоциального подхода к анализу этнополитогенеза великорусского этноса. Вначале определим начальные точки этнополитогенеза групп его популяций.

4.1. Определение начальных точек этнополитогенеза групп популяций великороссов

Л.Н. Гумилев датирует пассионарный толчок, приведший к образованию великороссов, XIII в. [4, с. 345]. Также он называет примерную дату пассионарного толчка (около 8 г. до н. э.), приведшего к возникновению ряда этносов, в том числе, и славян [5, с. 195]. По нашему мнению, необходи-

мо датировать начальную точку этнополитогенеза этих этносов 9 г. до н. э. Восточнославянский этнос является материнским по отношению к современным русским, украинцам и белорусам. Из предположения о возникновении великоросского этноса в XIII в. следует, что это произошло в возрасте материнских восточнославянских популяций 1230 лет. Отсюда находим, что начальной точкой отсчета для центрально-русских популяций будет 1221 г. ($1230 - 9 = 1221$).

В XVI–XVII вв. происходила экспансия великороссов в Поволжье, Урал и Сибирь, с основанием Санкт-Петербурга в начале XVIII в. стали заселяться окрестные территории. В результате смешений это привело к формированию новых групп популяций великороссов. В течение четырех циклов Глайсберга, т. е. в течение 328 лет ($82 \times 4 = 328$) в результате экспансии центрально-русских популяций в южные районы современной России формировались южнорусские популяции. Их начальная точка этнополитогенеза приходится, таким образом, на 1549 г. ($1221 + 328 = 1549$). Еще через два цикла сформировались новые группы популяций в Сибири и на Северо-западе (в основном, на территориях близ современного Санкт-Петербурга). Начальная точка этих популяций приходится на 1713 г. ($1549 + 164 = 1713$). Можно предположить, что популяции, начальные точки отсчета которых приходятся на 1549 и 1713 гг., составляют существенную часть популяций великороссов (вероятно, около трети).

4.2. Верификация числового алгоритма на примере анализа этнополитогенеза великороссов

Определим, в каком этническом возрасте групп популяций великороссов происходили масштабные внутривнутриполитические конфликты – гражданские войны, революции, мощные восстания социальных низов (назовем все эти конфликты для краткости смутами), а также в каком их этническом возрасте Россия терпела поражения в войнах. Если окажется, что смуты и крупные военные поражения в политической истории Московской Руси и России имели место в основном в периоды неустойчивых состояний групп популяций великоросского этноса – во время фазовых переходов и кризисных периодов внутри фаз, то это будет означать, что этнополитогенез великороссов развивался в соответствии с числовым алгоритмом.

Результаты этой работы представлены в Таблице 1. Во 2-м столбце смуты указаны полужирным шрифтом, поражения в войнах – обычным шрифтом. В «шапке» 3-5-х столбцов аббревиатура Ц., Ю., СЗ. и С. означает, соответственно, центральные, южные, северо-западные и сибирские группы популяций великорусского этноса; в скобках указаны их начальные точки этнополитогенеза. В «шапке» 3-5-х столбцов в скобках указаны начальные точки этнополитогенеза групп популяций великорусского этноса. В этих столбцах рядом с возрастными смутами или поражениями в войнах в скобках указана нумерация периода, согласно приведенного выше числово-

го алгоритма: фаза подъема – 1, смутный период середины фазы подъема – 1а, фазовый переход подъем-акматика – 2 и т. д. Этнический возраст, приходящийся на устойчивый период, и нумерация этого периода указаны курсивом.

Таблица 1. Смуты и поражения в войнах в истории России

	Наименование и хронологические рамки смуты или поражения в войне	Возраст русских популяций (лет)		
		II (1221)	Ю (1549)	СЗ и С. (1713)
1	Нашествие Едигея на Русь в 1408 г.	187 (1а)		
2	Феодалная смута в 1425-1453 гг. Тяжелые поражения Василия II от Улу-Мухаммеда в 1437 г. и от его сыновей в 1445 г.	204-232 (1а)		
3	Поражения от литовцев и набег крымского хана в 1564 г. Опустошительный поход крымского хана в 1571 г.	343, 350 (2)		
4	Неудачное завершение Ливонской войны: поражения от Батория, захват шведами Нарвы и крепостей в Новгородской земле в конце 1570-х – начале 1580-х гг.	358-360 (2)		
5	Смута в 1605-1612 гг. Поражения от поляков и занятие ими Москвы в 1610 г. Оккупация шведами новгородских земель в 1611 г.	384-391 (2)		
6	«Солдний бунт» в Москве и бунты в других городах в 1648 г., восстания в Пскове и Новгороде в 1659 г.	427-429 (2)		
7	Восстание под предводительством С. Разина в 1667-1671 гг.	446-451 (2)	<i>116-122 (1)</i>	
8	Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева в 1773-1775 гг.	552-554 (3а)	224-226 (1а)	
9	Поражение России в Крымской войне в 1853-1856 гг.	633-635 (4)	<i>304-307 (1)</i>	<i>140-143 (1)</i>
10	Поражение России в войне с Японией в 1904-1905 гг.	683-684 (4)	355-356 (2)	191-192 (1а)
11	Революция в 1905-1907 гг.	684-686 (4)	356-358 (2)	192-194 (1а)
12	Революция, гибель империи, гражданская война и восстания в 1917-1921 гг.	696-700 (4)	368-372 (2)	204-208 (1а)
13	Распад СССР в 1991 г. Вооруженные столкновения в Москве в 1993 г. Чеченские войны в 1994-1996 и 1999-2000 гг.	770-779 (6)	442-451 (2)	<i>278-287 (1)</i>

4.3. Обсуждение полученных результатов.

Обсудим полученные результаты. Из 8 указанных в таблице смут 6 произошли, когда в неустойчивых состояниях находились все существующие на момент смут популяции

великороссов. Российская империя прекратила свое существование в период, когда все три группы популяций великороссов находились в неустойчивых состояниях (случай 12).

Восстание под предводительством С. Разина (случай 7) имело место, когда центрально-русские популяции находились в неустойчивом состоянии конца фазового перехода подъем-акматика, а южнорусские популяции – в устойчивом состоянии начала фазы подъема.

Распад СССР произошел в самом начале фазового перехода надлом-инерция – одного из самых болезненных неустойчивых состояний и фактически означал поражение в «холодной» войне с Западом. Распад и гибель империй в начале этого фазового перехода характерны для этнополитогенеза многих этносов. Например, как можно видеть из данных представленной ниже Таблицы 2, в начале фазового перехода надлом-инерция англичан прекратила свое существование под ударами французов империя Плантагенетов. В начале этого фазового перехода китайцев-3 была завоевана монголами Южносунская империя.

Поражению способствует то, что доля субпассионариев в этносе начинает превышать оптимальные величины завершившейся фазы. Это ведет к резкому снижению жизнеспособности всех государственных институтов, в том числе – и к резкому снижению боеспособности армии (наиболее боеспособным энергетическим типом являются пассионарии, наименее боеспособным – субпассионарии).

Поражение в войне было характерным признаком начала фазовых переходов в этнополитогенезе многих этносов. Эта закономерность четко проявилась в этнополитогенезе центрально-русских популяций. Предыдущие фазовые переходы также начинались с военных поражений. Так, фазовый переход подъем-акматика начался с поражений от литовцев и крымцев, фазовый переход акматика-надлом – с поражения в Крымской войне. Необходимо отметить, что началу смут фазового перехода акматика-надлом способствовало поражение в войне с Японией, которое пришлось на начало фазового перехода подъем-акматика южнорусских популяций ($1904 - 1549 = 355$ лет – это примерный возраст начала этого фазового перехода).

Процесс стабилизации России и восстановления жизнеспособности ее государственных институтов приобрел ускоренную динамику с приходом к власти В.В. Путина в 2000 г. Этому способствовало вхождение южнорусских популяций в устойчивое состояние акматической фазы, возраст которых составил в 2000 г. 451 год ($2000 - 1549 = 451$). Заметим, что центрально-русские популяции вошли в эту фазу после подавления восстания С. Разина в 1671 г., т. е. в возрасте 450 лет ($1671 - 1221 = 450$).

Видимо, именно пребывание северо-западных и сибирских популяций в фазе подъема, а также вхождение южнорусских популяций в фазу акматика в 2000 г. способствовало тому, что раскол этнического поля среди центрально-рус-

ских популяций не приобрел значительных масштабов, чреватых началом смут.

5. Прогноз развития России.

Существование числового алгоритма этнополитогенеза – универсальной закономерности, инвариантной относительно исторических эпох, этносов и типов политики, позволяет прогнозировать развитие существующих государств. Возможность прогнозирования основывается на том, что, при условии, если известна начальная точка этнополитогенеза основной группы популяций, составляющих этнос, то можно определить, в какой фазе или фазовом переходе (неустойчивом состоянии внутри фазы) находится эта группа. Если окажется, что она находится около середины какой-либо фазы (середины устойчивого периода внутри фазы), то вероятность возникновения смут, а также крупных военных поражений созданного этносом государства в ближайшие годы невелика. Если же она находится перед началом фазового перехода (неустойчивого периода внутри фазы), тем более, в самих этих периодах, то вероятность начала смут и крупных военных поражений в ближайшем будущем существенно возрастает.

Основная центрально-русская группа популяций великороссов в настоящее время находится в одном из самых болезненных неустойчивых состояний – фазовом переходе надлом-инерция. Согласно числовому алгоритму этнополи-

тогенеза, возрастные рамки этого фазового перехода следующие: 755–810 – 840–875 лет.

Для фазового перехода надлом-инерция характерны гражданские войны, поражения во внешних войнах, массовый террор против «внутренних врагов». Для построения обоснованного прогноза рассмотрим, в каком возрасте имели место смуты фазового перехода надлом-инерция у ряда крупных этносов. Эти этносы представлены в Таблице 2. Начальные точки этнополитогенеза основной группы их популяций указаны в первом столбце. События, происходившие в течение фазового перехода надлом-инерция, перечислены во втором столбце. Гражданские войны выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2. События фазового перехода надлом-инерция у ряда этносов

Этнос	События фазового перехода надлом-инерция	Возраст событий (лет)
Китайцы - 2 - 1034 г. до н.э.	Гражданская война в 209-202 гг. до н.э. Падение империи Шинь.	825-832
	Захват хуннами Ордоса в 205 г. до н.э. Неудачная военная кампания против хуннов в 200 г. до н.э.	829-834
Римляне - 870 г. до н.э.	Поражения в войнах с императором, нумидийским царем Югуртой и гельведами в 113-105 гг. до н.э.	757-765
	Союзническая война в 91-88 гг. до н.э.	779-782
	Гражданская война в 83-82 гг. до н.э. Террор проскрипций Суллы.	787-788
	Разгром римской армии парфянами в 53 г. до н.э.	817
	Гражданские войны в 49-30 гг. до н.э. Массовый террор в период Второго триумvirата.	821-840
Византийцы	Свержение императрицы Ирины в 802 г.	811
	Разгром византийского войска болгарами в 811 г.	820

(греки-3) - 9 г. до н.э.	Иконоборческий собор в 815 г., возобновление массового террора против иконопочитателей. Восстание Фомы Славянина под лозунгом восстановления иконопочитания в 821-823 гг. Война с павлинцами в 850-860-е гг. Разгром византийского войска павлинцами в 868 г.	824 830-832 860-877
Китайцы-3 - 524 г.	Начало завоевания монголами Южносибирской империи в 1257 г., окончание завоевания в 1280 г. Восстание «Красных повязок» в 1351-1368 гг. Гражданская война. Падение династии Юань и провозглашение Мин	756 827-844
Сев. японцы-1- 524 г.	Гражданская война в 1333-1392 гг.	809-868
Англичане - 688 г.	Поражения от французов в 1444-1453 гг. Крах империи Плантагенетов. Восстание Дж. Кеда в 1450-1451 гг. Война Алой и Белой розы в 1455-1487 гг. Террор во время проведения Реформации в 1535-1553 гг. Крестьянское восстание во главе с Р. Кетом в 1549 г. Восстание протестантов во главе с Т. Уайттоном в 1554 г.	756-765 762-763 767-799 847-865 861 866
Немцы - 688 г.	Упадок империи в правление Фридриха III (1440-1493), княжеские междоусобицы. Внешнеполитические неудачи: присоединение Дании Шлезвига и Гольштейна в 1460 г., Францией – Прованса в 1481 г., Венгрией – Верхней и Нижней Австрии и Штирии в 1485 г. Принятие вдовской буллы в 1484 г., вдовские процессы. Восстания городских низов в 1509-1514 гг. Восстание рыцарей во главе с Зиндлингом в 1522-1523 гг., Крестьянская война в 1524-1526 гг. Шмальвальденская война в 1546-1548 гг.	772-797 796 821-826 834-838 858-860
Сев. французы - 729 г.	В целом неудачные для Франции Итальянские войны в 1494-1559 гг. Религиозные войны в 1562-1594 гг.	765-830 833-865

Обсудим полученные результаты. Из 8 представленных в таблице этносов у двух (византийцев и англичан) гражданские войны имели место в начале фазового перехода, у четырех этносов (китайцев-2 и 3, немцев и северных французов) – в конце фазового перехода, у римлян и северных японцев-1 – на всем протяжении фазового перехода.

В настоящее время возраст центрально-русских популяций составляет 794 года (2015 – 1221 = 794). Их следует отнести, по-видимому, ко второй группе этносов, у которых гражданские войны имели место в конце фазового перехода. В начальный период фазового перехода надлом-инерция этих этносов доли пассионариев и субпассионариев оптимизи-

зировались путем массовых репрессий, сброса со своей территории и гибели в войнах.

Так, в начальный период фазового перехода надлом-инерция китайцев-2 доли пассионариев и субпассионариев оптимизировались в ходе войн между царствами, а также массовых репрессий против конфуцианцев. Доли пассионариев и субпассионариев в начальный период этого фазового перехода китайцев-3 были оптимизированы в результате войн с монголами. Завоеватели в целях устрашения периодически проводили карательные акции против завоеванного населения. Оптимизация структуры китайского населения способствовала стабильности империи Юань в первые десятилетия ее существования.

В немецком этносе в начальный период фазового перехода надлом-инерция оптимизация проводилась путем массового террора (ведовских процессов), во французском – путем сброса со своей территории: «Во время Итальянских войн «беспокойные» (т. е. пассионарные и субпассионарные. – Р. С.) социальные элементы поглощались военным наемничеством» [9, с. 297].

Итак, в начальный период фазового перехода надлом-инерция этносов второй группы доли пассионариев и субпассионариев оптимизировались путем массовых репрессий, сброса со своей территории и гибели в войнах. Это позволяет сделать прогноз, что в начальный период этого фазового перехода центрально-русских популяций оптимиза-

ция будет проходить также путем репрессивных кампаний и сброса со своей территории. В конце фазового перехода вероятны смуты.

Есть основание полагать, что как репрессивные кампании, так и сброс со своей территории не достигнут больших масштабов ввиду сравнительно небольшого превышения долей пассионариев и субпассионариев над оптимальными величинами в настоящее время. Среди причин, обусловивших небольшие величины превышения, назывались повышенная смертность среди пассионариев и субпассионариев и низкая рождаемость в 1990-е гг. (к радикальным действиям склонна, в особенности, пассионарная молодежь) [13].

В ближайшие годы вероятно активизация репрессивных кампаний. В пользу этого вывода можно привести следующий аргумент. У немцев, также относящихся ко второй группе этносов, ведовские процессы начались в 1484 г. в их возрасте 796 лет ($1484 - 688 = 796$). Возраст 796 лет центральнорусских популяций великороссов приходится на 2017 г. ($796 + 1221 = 2017$).

С 2014 г. начал набирать обороты и механизм оптимизации путем сброса пассионариев со своей территории. Российские пассионарии и субпассионарии, имеющие опыт ведения боевых действий, а также просто ищущие острых ощущений, приняли участие в гражданской войне на востоке Украины. В настоящее время российские добровольцы участвуют в гражданской войне в Сирии, как на стороне ан-

типравительственных сил, так и на стороне правительства. Можно ожидать, что Россия будет ввязываться и в другие локальные конфликты, так или иначе задевающие ее интересы, например, в войну в Афганистане, ибо это будет способствовать оптимизации российского суперэтноса. Напомним в этой связи, что сброс французских пассионариев и субпассионариев во время Итальянских войн способствовал отсутствию смут во Франции в первой половине XVI в.

Наиболее вероятным временем начала смут в России представляется середина 50-х гг. XXI в. В 2055 г. возраст центрально-русских популяций составит 834 года ($2055 - 1221 = 834$) – это возраст начала гражданских войн у немцев и французов. Чуть в более раннем возрасте (827–830 лет) начались гражданские войны у китайцев-2 и 3, а также византийцев. Возраст северо-западных и сибирских популяций составит в 2055 г. 342 года ($2055 - 1713 = 342$) – это возраст начала фазового перехода подъем-акматика.

Заключение

Анализ этнополитогенеза великорусского этноса показал, что он развивался в достаточно четком соответствии с числовым алгоритмом этнополитогенеза. Смуты и поражения в войнах в истории Московской Руси и России происходили в основном тогда, когда группы популяций, составляющие великорусский этнос, находились в неустойчивых состояниях фазовых переходов и кризисных периодов внутри фаз. Рос-

сийская империя прекратила свое существование в период, когда все три группы популяций великороссов находились в неустойчивых состояниях. СССР распался, когда в неустойчивых состояниях находились центральнорусские и южно-русские популяции.

На основе рассмотрения событий фазового перехода надлом-инерция у ряда крупных этносов был сделан прогноз, что структура российского суперэтноса будет оптимизироваться посредством репрессивных кампаний и сброса со своей территории путем ввязывания в локальные конфликты. В середине 50-х гг. XXI в. в России вероятны смуты.

Источники и литература

1. *Бромлей Ю.В.* Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 84–91.
2. *Гиляров А.М.* Популяционная экология. М.: Изд-во МГУ, 1990.
3. *Гранин Д.А.* Эта странная жизнь. Тольятти: Фонд «Духовное наследие»; Центр информационных технологий, 2002
4. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоздат, 1990.
5. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993.
6. *Гумилев Л.Н., Мичурин В.А.* Словарь понятий и терми-

нов теории этногенеза Л.Н. Гумилева // Этносфера: история людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. С. 493–542.

7. *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб.: Издательство Петроглиф, 2009.

8. *Олескин А.В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М.:ИФ РАН, 2001.

9. *Плешкова С.Л.* Франция в XVI – первой половине XVII в. // История средних веков: В 2 т. Т. 2: Раннее новое время / Под ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 2001.

10. *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико методологический анализ. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990.

11. *Садохин А.П.* Этнология. М.: Гардарики, 2000.

12. *Сайфуллин Р.Г.* Алгоритмизация исторического процесса // Экономическая синергетика: стратегии развития России. Набережные Челны: Изд-во ИНЭКА, 2009. С. 106–126.

13. *Сайфуллин Р.Г.* Прогноз развития России на основе биосоциального подхода // Общество и этнополитика: материалы Второй Международной научно-практической Интернет-конференции / Под ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2009. С. 102–108.

14. *Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоре-

тической истории: Пер. с англ. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

15. *Фрумкин К.Г.* Пассионарность: приключения одной идеи. М.:

Издательство ЛКИ, 2008.

16. *Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berceley: University of California Press, 1991.

Проблема исторических альтернатив в Великой русской революции 1917 года

*Чураков Д.О.*⁴⁷

Аннотация: В статье решается проблема причин и предпосылок революции 1917 г. Ставится проблема, насколько они были глубоки и могли ли случайные события серьёзно изменить лицо эпохи, предотвратить революцию? На материалах анализа основных тенденций развития России на рубеже XIX–XX вв. делается вывод о том, что до февральского переворота возможности избежать развала государственности ещё сохранялись. Однако, после отречения Николая II развилки (“исторические альтернативы”) могли носить лишь локальный характер, меняя облик, но не общий вектор развитие “второй русской смуты”.

Ключевые слова: революция, исторические альтернативы, модернизация, гражданское общество, политические партии, тенденции, 1917 год.

⁴⁷ **Чураков Дмитрий Олегович** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики МПГУ.

Churakov D.O. The problem of historical alternatives in the Great Russian revolution of 1917.

Abstract: In the article there is decided the problem of the causes and prerequisites of revolution of 1917. The defined problem is how much these were deep and were the occasional events able to change the face of epoch, avoid the revolution? Based on the material of the analysis of the general trends in progress of Russian revolution at the turn of XXth century the made conclusion is that until the power takeover in February the possibilities to avoid the demolition of nationhood were yet available. However after abdication of Nicolay II, the fork (“historical alternatives”) could have only local character, changing a face but not a general vector of evolution of “the second Russian troubles”.

Keywords: revolution, the historical alternatives, modernization, civil society, political parties, trends, 1917.

Предложенная нам для обсуждения тема ставит условный знак равенства между двумя не всегда тождественными понятиями: альтернативы и развилки развития России в 1917 г. А тот год действительно был богат и развилками и возможными путями развития исторического процесса.

Собственно говоря, не только 1917 г., но и весь период рубежа XIX–XX вв. был насыщен непростыми историческими решениями, когда приходилось учитывать имевшие вариан-

ты движения вперёд. Перед страной то возникал широкий коридор возможностей, то происходило его резкое сужение вплоть до возникновения на коротких промежутках времени ситуации безальтернативности.

Сложность и множественность решений рубежа XIX–XX вв. обуславливалась тем периодом, который переживала наша страна и теми историческими вызовами, на которые приходилось отвечать.

Характер переживаемого Россией исторического момента определялся её переходом от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному) обществу. Уже эта специфика породила определённую альтернативность движения. Можно было делать ставку на сохранение привычных для России экономических укладов и политических институтов, а можно было увлечься копированием экономических и политических образцов новейшего времени, сложившихся на Западе.

На практике движение шло в обоих направлениях, а кроме того, возникали и особые комбинированные формы, сочетавшие в себе как национальное, так и заимствованное. В России как бы накладывались друг на друга разные исторические модели, спрессованные во времени и пространстве. Специфика переживаемого момента не подразумевала для России необходимость повторять исторический путь передовых стран Запада. А заимствованные экономические, социальные и политические формы как бы “вживлялись” в те

устои, которые прежде отличали развитие России от других ведущих держав, преобразуя, а где-то и подчиняя их.

Переход от аграрного к индустриальному обществу отягощался для нашей страны серьёзными противоречиями. Не случайно В.И. Ленин, о котором так много говорилось сегодня, считал Россию узлом противоречий и слабейшим звеном в системе империалистических государств.

Однако, мне представляется важным обратить внимания, на два противоречия, которые в свете сегодняшней темы особенно показательны.

Первое из них заключалось в разрыве между высокими темпами развития экономики и архаичностью политических институтов самодержавия.

Этот разрыв не позволял своевременно снимать возникшие в стране противоречия в социальной сфере в интересах большинства, не позволял создать действенный механизм социального партнёрства. Господствовавшее в политической сфере меньшинство слишком часто ставило свои корыстные интересы над национальными, а монархия, которая из самодержавной всё больше превращалась в бюрократическую, уже не могла играть свойственную ей в прошлом роль выразителя общенациональных интересов. Царь фактически был отодвинут от принятия важнейших политических решений своей же бюрократией [1, с. 3].

Мне представляется, что личные качества Николая II как государственного деятеля и человека при этом не играли

особой роли. Речь шла о глубинных исторических процессах, неподвластных воле отдельных людей.

Вторая коллизия назревала между быстрым внутренним развитием России и серьёзным отставанием её от своих геополитических противников на международной арене.

Когда расстояние между и этими странами сокращалось, над Россией всегда возникала военная угроза. К слову, эта закономерность просматривается не только в XIX–XX вв., но и теперь – в начале XXI в.

Таким образом процесс трансформации отечественного общества рубежа XIX–XX вв., который часто называют модным, но не всегда подходящим к российским условиям термином «модернизация» [2, с. 304–305], осложнялся необходимостью учитывать угрозы внутренней нестабильности, а так же внешнее враждебное давление, в результате которого искусственно ограничивались наши возможности использовать позитивные моменты глобализации мировой экономики и международного разделения труда.

Кроме того, совершенно невозможно сбрасывать со счёта и такой сквозной, проходящий через все периоды отечественной истории негативный фактор, как принадлежность России к «клубу государств» с недостаточным совокупным прибавочным продуктом. Условное членство в этом клубе имело свои не только экономические следствия (например, в нашей стране сложно было мобилизовать достаточные ресурсы на решение общенациональных задач без усиления

давления на различные слои общества, примером чему может служить столыпинская земельная реформа).

На психоментальном уровне это вело к повышенному чувству социальной справедливости и порождало эгалитарные ожидания. В ходе революции 1917 г. эти настроения проявились, в частности, в существенном усилении антибуржуазных настроений.

Для того, чтобы ответить на стоявшие перед страной вызовы, любому правительству, которое бы действовало в России на рубеже XIX–XX вв. предстояло решить целый набор совершенно конкретных задач. К важнейшим из них могут быть отнесены, например, следующие:

Укрепить национальную независимость (политическую, экономическую, продовольственную и т. д.);

Найти решение обострившегося в ходе перехода от аграрного к индустриальному обществу социального вопроса с учётом национальной специфики и традиций;

Опять таки с учётом условий и разнообразных внешних и внутренних факторов ускорить процессы социально-экономического обновления.

Именно в силу всех этих и многих других обстоятельств рубеж XIX–XX вв. и стал для России временем выбора наиболее выгодных альтернатив, выбора варианта выхода из тех противоречий, что в ней накопились, временем выбора пути дальнейшего развития.

Если сводить все испробованные в эти годы обществом

варианты развития, их можно объединить в три основные модели: консервативную, либеральную и социалистическую. Разумеется, в каждом случае имелось множество внутренних оттенков, что делало стоящий перед страной выбор ещё более сложным и ответственным. Достаточно сказать, что элементы реформаторских и революционных методов преобразования страны прослеживаются в программах различных партий. Даже внутри идеологии черносотенцев имелась альтернатива между охранительными и достаточно революционными идеями, связанные с неприятием многими монархистами тенденций бюрократизации центральной власти и её отрыва от народа. Такая же альтернатива в выборе идей и методов имелась и среди либералов, и среди социалистов.

И вот в таком состоянии Россия подошла к 1917 г. Возникает вопрос: неужели к этому времени в России уже была пройдена очередная историческая развилка и никакой альтернативы революционным потрясениям уже не существовало?

Представляется, что на начало 1917 г. ни февральский переворот, ни его разрушительные последствия ещё не были predeterminedены с неизбежностью. Почему же всё произошло именно так, как произошло? Ответить на этот вопрос достаточно важно именно сегодня, когда на Западе и в нашей стране открыто говорят о подготовке против России очередной оранжевой революции уже к осени текущего года.

В отличие от подлинной, глубинной революции, оранже-

вые революции подразумевают обязательное предательство части правящей верхушки, мечтающей улучшить свои политические позиции и своё материальное положение. Февральская трагедия разрушения многовековой русской монархической государственности произошла именно в силу такого предательства не просто части, а существенной части правящей верхушки [3, с. 21].

Личные интересы заставили забыть об исторической ответственности не только лидеров официальной думской оппозиции, но и значительную часть армейской верхушки, духовенства, буржуазии, дворянства, интеллигенции и даже правительства. Парадоксально звучит, но к различным заговорщицким группам принадлежали даже отдельные представители правящей Императорской династии [4, с. 192–206].

Либеральная оппозиция сумела сформировать несколько значимых центров силы внутри прежней государственного механизма и чувствовала себя абсолютно уверенно. Эта уверенность создавала иллюзию значимости и самодостаточности либеральных кругов и предлагаемого ими цивилизационного проекта, по своей сути – западного.

Тем самым, потеря государственной ответственности и ощущение собственной неуязвимости части правящей верхушки, сменившей сторону баррикад, становилось катализатором революционного взрыва. На определённом этапе он становился неизбежным, а судьба Николая II оказывалась предрешена.

Вместе с тем мы прекрасно знаем, что февральский переворот явился не только увенчанием пролонгированных во времени разнородных процессов выбора, но и новой развилкой, как сейчас говорят в рамках синергетического подхода к истории – новой точкой бифуркации [5, с. 36–42]. Появляются новые вызовы. Они накладываются на уже существовавшие.

В частности, конкретно в 1917 г. на ситуацию внутри России решающее значение оказывало участие страны в Первой Мировой войне. Альтернатива была предельно ясна: либо продолжение войны, либо выход из неё. Предсказать результаты ни одного из этих вариантов в феврале – марте 1917 г. в нашей стране не мог, как представляется, никто. Это только много времени спустя стало известно, что целью верхушки стран Антанты было уничтожение не только Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, но всех четырёх континентальных империй, включая и нашу страну. В условиях информационной неопределённости отношение к войне, к союзникам, к военному производству становилось важным критерием, по которому население оценивало существовавшие в стране политические силы и предлагаемые ими альтернативы.

Ещё одной альтернативой, столь явственно обозначившейся в феврале – марте 1917 г., становится противоречие между двумя магистральными полюсами в способах общественной самоорганизации.

С одной стороны в России наметились явные предпосылки для широкой общественной консолидации. Это нашло своё отражение в некоторых из наметившихся после февральского переворота институциональных подвижках. По всей стране шло массовое строительство межсословных представительных органов революционной власти. Их социальная база была существенно шире, чем у прежних земских учреждений, довольно аристократических по своему составу. Это позволило сегодня некоторым исследователям ввести в отношении комитетов общественной безопасности такой «осовремененный» термин, как «антицаристский» или даже «народный фронт» [6, с. 160, 161, 164 и др.].

Но, с другой стороны, не менее чётко обозначилась и другая альтернатива, а именно стремление различных самоопределявшихся слоёв населения к замкнутости, к социальной автономии, обособлению от всего остального общества. Эта альтернатива так же получила своё институциональное выражение в формировании различных структур по политическим, национальным, культурным, классовым, половозрастным, религиозным, профессиональным, территориальным и другим, часто случайным, признакам.

Новые вызовы, новые развилки появлялись и в последующие месяцы революции 1917 г., а так же уже после неё – в период постепенного затухания революционной фазы отечественной истории.

К примеру, ленинская альтернатива, которая в конечном

итоге восторжествует в октябре 1917 г., ни в февральские дни, ни в первые недели после падения самодержавия даже не обозначилась. Самого Ленина не было в стране, его сторонники были малочисленны и разобщены. На выбор траектории развития революционного режима в марте 1917 г. большевики влияли очень слабо.

Сложность и противоречивость тенденций, явлений и процессов, задававших развилки и альтернативы в 1917 г., таким образом, требуют дальнейшего их изучения. И только после этого мы сможем получить адекватную научную картину революционного прошлого нашей страны, смелее и точнее дать ответ на исторические вызовы, возникающие сто лет спустя, т. е. уже в наши дни.

Источники и литература

1. *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования Императора России Николая II. М., 1992.
2. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. Т. 2. СПб., 1999.
3. *Бухарин Н.И.* От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков, 1923.
4. Политическая история России первой четверти XX века. СПб., 2006.

5. *Ельчанинов М.С.* Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М., 2005.

6. Государственное управление и самоуправление в России. Очерки истории. М., 1995.

Секция II

Война и революция: современное понимание проблемы

Ценностно-символическая репрезентация войн и революций в сознании россиян Тезисы доклада

*Селезнева А.В.*⁴⁸

Аннотация: В докладе представлены результаты исследования представлений россиян о войнах и революциях и их интерпретация в качестве оснований для формирования национально-государственной идентичности. Автор акцентирует внимание ценностно-символической репрезентации событий XX в.

Ключевые слова: политические ценности, символы, война, революция, политическая психология, национально-государственная идентичность.

⁴⁸ Селезнева Антонина Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Seleznyeva A.V. Axiological-symbolic representation of wars and revolutions in the Russians consciousness

Abstract: The report presents the results of the study of representations of Russians about the wars and revolutions and their interpretation as a basis for the formation of national and state identity. The author emphasizes the value-symbolic representation of the events of the twentieth century.

Keywords: political values, symbols, war, revolution, political psychology, national and state identity.

Изучение представлений российских граждан о войнах и революциях, а также их ценностно-символического наполнения, имеет важное научно-теоретическое и практическое политическое значение.

Во-первых, исследование политических представлений в контексте исторической памяти важно само по себе, поскольку позволяет выстроить когнитивную карту политического сознания россиян, определить иерархию политических событий, обладающих наибольшей значимостью для людей, выявить уровень когнитивной сложности их политических представлений.

Во-вторых, подобные исследования важны сегодня в контексте практического поиска ценностей и смыслов как оснований для формирования общенациональной государствен-

ной идентичности россиян. Как известно, в ситуации социокультурного кризиса, сопровождающегося потерей идентификационных ориентиров, поиск новой идентичности, осуществляется, как правило, в «героическом» прошлом отдельной личности, группы или общества в целом. В ситуации непонятого настоящего и неопределенного будущего ответ на вопрос "Откуда мы?" становится единственным основанием для ответа на вопрос "Кто мы?". Отношение к прошлому становится, таким образом, единственной доступной массовому сознанию формой самоидентификации.

Военные и революционные события традиционно считаются российскими гражданами наиболее значимыми, вызывают разные чувства и неоднозначное отношение к ним. По данным ВЦИОМ, самым выдающимся событием XX в., по мнению россиян, является Великая отечественная война (в 1998 г. так считали 15,5 %, в 2008 – 16,4 %). К этой же категории событий относится и Великая Октябрьская революция 1917 г. [6]

Представления о Великой Отечественной войне в сознании наших граждан самые когнитивно сложные, эмоционально окрашенные, символически насыщенные. Наши граждане однозначно гордятся победой в ВОВ, но очень сожалеют о многочисленных человеческих потерях. По данным ВЦИОМ, о том, что их родственники были участниками Великой Отечественной войны, сегодня сообщают 88 % наших сограждан – за десять лет эта цифра практически не

изменилась (с 91 % в 2004 г.). При этом 42 % россиян хорошо осведомлены о жизни своих родных в военные годы – из рассказов или семейных архивов. Война является предметом обсуждения в семьях двух третей респондентов (69 %), из них 15 % говорят об этом довольно часто [1]. Теме войны надо уделять повышенное внимание в учебниках истории, так считают 10 % наших граждан [4].

Данные ВЦИОМ показывают, что оценивая революцию как историческое явление, россияне расходятся во мнениях: 40 % считают ее неизбежностью, имеющей как свои плюсы, так и минусы, еще 37 % считают, что оправдать революцию невозможно. Позитивно это историческое явление воспринимают только 15 % опрошенных, прежде всего сторонники ЛДПР (23 %) и КПРФ (26 %). За последние семь лет респондентов, положительно относящихся к революции, стало больше (с 10 до 15 %). Россияне склонны видеть скорее положительные последствия Октябрьской революции. Так, 27 % полагают, что эти события дали толчок социальному развитию (против 34 % в 2002 г.), 21 % – что революция открыла новую эру в истории России (против 25 % в 2002 г.) [5].

Незаслуженно выпавшей из внимания граждан является Первая мировая война, которая в исторической науке считается одним из важнейших исторических и политических событий для нашей страны, во многом определившим дальнейшее развитие России в XX в. В то же время, в массо-

вом политическом сознании всех поколений россиян в разные исторические периоды оно занимало не столь значительное место. Как отмечают исследователи, уже в период войны она воспринималась ее участниками и современниками как ненужная, непопулярная и непонятная. Впоследствии под влиянием революций и Гражданской война и при целенаправленной идеологической работе советской власти она получила ярлык «империалистической» и «захватнической»: «было приложено максимум усилий, чтобы вытеснить все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти» [8]. Отражением идеологического «вытеснения» этой войны из исторического сознания народа, по мнению исследователей, является тот факт, что в отечественной художественной литературе она занимает достаточно скромное место, в отличие, например, от западной литературы и культуры в целом. В произведениях крупных советских писателей тема войны идет фоном для главных событий Гражданской войны и революции, а «в основном она была отражена в полухудожественных-полумемуарных произведениях малоизвестных авторов, выходивших в годы самой войны и сразу после ее окончания, которые не оставили заметного следа в литературе, хотя в качестве исторического источника представляют немалую ценность» [9].

Исследования массового политического сознания постсоветского периода в целом подтверждают тенденцию совет-

ского времени – отсутствие в исторической памяти россиян устойчивых героических символов Первой мировой войны, ее объективных патриотических оценок и сколько-нибудь целостных представлений о ней.

По данным исследований «Левада-Центр» на протяжении последних двадцати лет Первую мировую войну считают значительным событием XX в. для нашей страны в среднем 15,2 %: в 1989 г. так считали 8 %, в 1999 -18 %, в 2008 – 17 % [3; 4]. За последнее десятилетие Первая мировая война представляется россиянам все более несправедливой. В 2005 г. доля граждан, считающих эту войну несправедливой, составляла 40 %, в 2010 г. -42 %, а в 2014 г. – 44 %⁴⁹.

В ситуации социокультурного кризиса, когда осуществляется поиск оснований для формирования национально-государственной идентичности, события Первой мировой войны являются не заслуженно забытыми, хотя обладают серьезным содержательным потенциалом. Исходя из результатов исследования можно определить, что Первая мировая война могла бы выступать в качестве «избранной общей травмы» как историческое событие, оказавшее негативное влияние на

⁴⁹ Исследовательский вопрос был сформулирован следующим образом: «Была ли для России справедливой Первая мировая война?» Варианты ответов представлены в виде семантического дифференциала от «определенно справедливая» до «определенно несправедливая». В представленных позициях мы суммировали ответы «скорее несправедливая» и «определенно несправедливая». Для общего понимания картины стоит отметить, что большая доля россиян затруднилась ответить: от 22 % в 2005 г. до 35 % в 2014 г. См. подробнее: <http://www.levada.ru/19-03-2014/spravedlivve-i-nespravedlivve-voinv>

развитие нашей страны [2].

Источники и литература

1. Великая отечественная война – в рассказах и фильмах. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2607 от 18.06.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114864> (дата обращения: 07.04.2016).

2. *Волкан В., Оболенский А.* Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 76–142.

3. *Гудков Л.* Время и история в сознании россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2010. № 2. С. 30.

4. *Левада Ю.А.* Сочинения: избранное. Социологические очерки, 2000–2005. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 125.

5. О чём писать в учебниках истории отечества. Пресс-выпуск ВЦИОМ

№ 2368 от 09.08.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114343> (дата обращения: 09.04.2016).

6. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1079 от 28.10.2008. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10879> (дата обращения: 10.04.2016).

7. Революция: вчера, сегодня... завтра?! Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2158 от 06.11.2012. [Электронный ресурс] URL:

<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113319> (дата обращения: 02.04.2016).

8. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. [Электронный ресурс] URL: http://modernlib.ru/books/senyavskaya_elena/psihologiya_voyni_v_xx_veke_istoricheskij_opit_rossii/read/ (дата обращения: 20.04.2016).

9. *Сенявская Е.С.* Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 31–37.

Роль элит в инициировании, сопровождении и купировании военно-политических конфликтов в начале XXI века Тезисы доклада

*Шатилов А.Б.*⁴⁹

Аннотация: В статье рассматривается роль политических элит в инициировании и развитии политических конфликтов современности. Автор рассматривает вопросы предопределенности и подчиненности современных военно-политических конфликтов "элитарной"⁵⁰ целесообразности". Анализируются типы войн, мотивация для вступления политических элит в военные конфликты, взаимодействие элитных групп и сообществ по вопросу инициирования военных кон-

⁴⁹ Исследовательский вопрос был сформулирован следующим образом: «Была ли для России справедливой Первая мировая война?» Варианты ответов представлены в виде семантического дифференциала от «определенно справедливая» до «определенно несправедливая». В представленных позициях мы суммировали ответы «скорее несправедливая» и «определенно несправедливая». Для общего понимания картины стоит отметить, что большая доля россиян затруднилась ответить: от 22 % в 2005 г. до 35 % в 2014 г. См. подробнее: <http://www.levada.ru/19-03-2014/spravedlivve-i-nespravedlivve-voinv>

⁵⁰ **Шатилов Александр Борисович** – кандидат политических наук, профессор кафедры общей политологии, декан факультета социологии и политологии Финансового университета при правительстве РФ, г. Москва.

фликтов.

Ключевые слова: Элиты, военный конфликт, экспансионистские войны, «деблокирующие» войны, оборонительные войны, «гражданские» элиты, «силовики», консенсус элитных групп.

Shatilov A.B. The role of elite in the initiation, follow up and arresting of the military-political conflicts at the beginning of XXI century.

Abstract: The article deals with a role of political elite in the initiation and development of political conflicts of the modernity. The author is considering issues of a predeterminacy and a subordinacy of the contemporary conflicts of the “elitist practicability”. Kinds of wars, a motivation of the political elite for an engagement into the military conflicts, cooperation of elitist groups and communities in matter of the initiation of military conflicts are analyzed.

Keywords: An elite, a military conflict, expansionist wars, «deblocking» wars, defensive wars, a "civil" elite, "siloviki", a consensus elite groups.

Несмотря на резкое обострение внешнеполитической обстановки в мире в начале XXI в., большинство конфликтов являются управляемыми и рационально обусловленными. При этом ведущая роль в инициировании, сопровож-

дении и "преодолении" военно-политических столкновений принадлежит национальным (а иногда и наднациональным) элитным сообществам. При этом и государственные лидеры, и гражданское общество играют лишь второстепенную роль в данных процессах.

Так ныне практически ни в одной из развитых стран мира не осталось "абсолютновластных" вождей, способных на самостоятельные (без согласования с элитами) проявления политической воли. Зависимость глав государств от элит настолько велика, что они жестко ограничены даже в проявлении легкого "волюнтаризма". Лидеры "сильных мира сего" (президенты, премьер-министры и даже монархи, в том числе, абсолютные) являются разве что модераторами внутриэлитного пространства и "соакционерными" власти в той или иной стране. Причем "акционерными", обладающими не контрольным, а только блокирующим "пакетом акций" в политической системе.

Что же касается населения, то в начале XXI в., несмотря на видимую "демократичность" и даже некоторую "охлократичность" современных государств, оно в принципе не обладает политической инициативой, и элита легко манипулирует им при помощи современных эффективных технологий воздействия на массовое сознание. Более того, иногда "правлящему классу" посредством активного использования пропагандистской машины, а также административных и финансовых рычагов, удается даже "перепрограммировать" об-

щество, заставив его кардинально поменять опознавательные координаты "свой-чужой". Это наглядно демонстрирует нам опыт постмайданной Украины.

Соответственно, практически все "принципиальные" внешнеполитические конфликты предопределяются и направляются элитами и подчинены "элитарной целесообразности".

Мотивации для вступления в "силовую" борьбу у современных элит могут быть разные.

Так крайне редко на обострение ситуации влияет "эмоциональный" фактор. С одной стороны, в силу деперсонификации современной власти, с другой – в силу прагматичности элит, которые хорошо понимают политические и экономические издержки даже локальных войн. Тем не менее, изредка случаются "волюнтаристские" войны, связанные либо с переоценкой собственного силового ресурса, либо с переоценкой внешней поддержки. Так в 1991 г. С. Хусейн начал "реинтеграцию" Кувейта лишь потому, что рассчитывал на невмешательство своего давнего партнера – США. Но при этом иракский диктатор (и стоявшая за ним иракская элита) явно не учли планы Вашингтона после победы в "холодной войне" начать проект по дестабилизации Ближнего Востока. Итогом такой политической близорукости стала "Война в заливе" и тотальное поражение иракского режима. Нечто подобное мы видели в 2008 г., когда при молчаливом согласии администрации Дж. Буша-младшего президент Грузии

М. Саакашвили предпринял явно авантюрную операцию против Южной Осетии, что обернулось для его страны окончательной потерей "непризнанных республик".

Поэтому чаще всего современные военно-политические конфликты являются как элитарными, так и рационально обоснованными.

С этой точки зрения можно выделить следующие типы войн.

1. Экспансионистские войны. Они имеют место в том случае, когда элита страны-инициатора стремится расширить (реже сохранить) зону своего политического и экономического влияния и нанести конкурентам максимальный ущерб. При этом "сильные мира сего" могут действовать как непосредственно (вторжение США в Ирак и Афганистан без санкции СБ ООН, периодические операции военных Франции в бывших африканских колониях и пр.), так и косвенно. Косвенные стратегии разнятся. Это и "цветные революции", и создание сепаратистских анклавов (Косово, ДНР и ЛНР), и "подключение" союзников (например, свергая режим М. Каддафи, США действовали в основном руками своих союзников – Великобритании и Франции), и использование "независимых" ЧВК (в боевых действиях в Донбассе в 2014–2016 гг. на стороне Украины воевали "дикие гуси" из США, Польши, Турции и др.).

2. "Деблокирующие" войны. Здесь имеет место стремление к игре на опережение для превентивной нейтрализации

потенциальных вызовов национальной безопасности. Эти войны опять же могут вестись как прямо, так и косвенно. Так, например, крымская операция вооруженных сил Российской Федерации во многом была обусловлена резонными опасениями российской элиты относительно использования Западом "постмайданной" Украины в качестве плацдарма для "сдавливания" России и лишения ее инициативы на постсоветском пространстве. С учетом жесткого продвижения Вашингтоном двух глобальных проектов – Транстихоокеанского и Трансатлантического "партнерств" – не исключено, что в перспективе Россия и Китай окажутся перед необходимостью проведения "деблокирующих" операций, чтобы выскользнуть из американских политико-экономических "клещей". А то, что ТТП и ТАП направлены против РФ и КНР американская элита уже не скрывает. Недавно ее мнение практически в ультимативной форме обозначил Б. Обама: «Только Америка должна определять правила. Америка должна принимать решения. Другие страны должны играть по правилам, которые будут установлены Америкой и ее партнерами, а не наоборот»⁵¹. Соответственно, Москва и Пекин выразили категорический протест относительно такой вызывающей позиции Вашингтона.

3. Оборонительные войны и конфликты. Они возникают в тех случаях, когда государства подвергаются внутренней или внешней агрессии и вынуждены бороться за свое суще-

⁵¹ <http://www.ntv.ni/novosti/l/626157/>

ствование. Наиболее характерные примеры – борьба элиты союзной Югославии за территориальную целостность в начале-середине 1990-х гг., две контртеррористические операции российских войск против "ичкерийских" сепаратистов (опять же при консолидированной позиции "правлящего класса" РФ), противодействие алавитской элиты Сирии комплексной агрессии со стороны Запада и международных террористов из ИГИЛ (организация запрещена в РФ).

Особо стоит подчеркнуть, что старт военным кампаниям на современном этапе чаще всего дают политические элиты, которые сперва принимают принципиальное решение, а потом "передают" оперативную работу в руки "профессионалов" (военных и спецслужб). Более того, в современных странах "гражданские" элиты чаще всего весьма подозрительно относятся к "силовикам", опасаясь "излишнего" укрепления аппаратных позиций последних и создания "тимократии" (по Платону). Поэтому зачастую после завершения боевых действий (даже победного) "политики" стремятся быстро "задвинуть" конкурентов-"силовиков", особенно тех, кто в ходе войны приобрел общественную популярность. Это можно было, например, наблюдать в 2008–2009 гг., когда в отставку были отправлены едва ли не все российские генералы, руководившие разгромом грузинских войск в Южной Осетии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Современные войны по своему характеру могут быть экс-

пансионистскими, деблокирующими, оборонительными.

Элитам принадлежит ведущая роль в инициировании, сопровождении и купировании военных конфликтов.

– Для инициирования военно-политического конфликта требуется консенсус большинства влиятельных элитных групп и сообществ, лишь после этого глава государства принимает окончательное решение.

Интернет, как средство протестной мобилизации молодежных субкультур

*Шкатова М.А.*⁵²

Аннотация: В статье представлены основные положения ВКР «Политические ориентации молодежных субкультур в Рунете». Целью является определение вероятностной протестной активности политических молодежных субкультур. Одной из основных задач является анализ политических ориентации молодежных субкультур и влияние Интернета на их формирование. Вывод: политические молодежные субкультуры могут стать опасными участниками различных политических конфликтов, а также легко мобилизоваться посредством Интернет-коммуникации в боевые вооруженные группировки.

Ключевые слова: политический протест; протестная мобилизация; молодежный Интернет-протест; молодежные субкультуры.

Shkatova M.A. Internet as means of protest mobilization of youth subcultures

⁵² Шкатова Маргарита Андреевна – студентка IV курса Института истории и политики МПГУ. Научный руководитель: д. полит. и., проф. Бродовская Е.В.

Abstract: The article presents the basic provisions of the WRC "Political orientations of youth subcultures in RuNet." The aim is to determine the probability of protest activity of political subcultures. Objective: to analyze the political orientation of the subcultures and influence of the Internet on their formation. Conclusion: political subcultures can become dangerous participants in various political conflicts, as well as easily mobilized through the Internet communication in fighting armed groups.

Keywords: political protest; protest mobilization; youth Internet protest; youth subcultures.

По мере стремительного развития Интернета, набирают и обороты виртуальные формы молодежного Интернет-протеста в России. На сегодняшний день значительное количество молодежи и их гражданская и политическая активность сконцентрирована в сети Интернет, в форме «пабликов» и различных форумов. Анонимность Интернет-коммуникации создает благоприятные условия для развития гражданского Интернет-протеста. Интернет-протест является важнейшим феноменом в современном обществе, и актуальность его возрастает с каждым днем.

Целью нашей работы является определение вероятностной протестной активности политических молодежных субкультур, проанализировав их политические ориентации и

влияние Интернета на их формирование.

Известный специалист в области технологий политического протеста, Г.Г. Почепцов говорит о том, что новые социальные движения функционируют в рамках процесса создания контркультуры, являясь ответом на неудовлетворенность процессами официальной культуры. А также, что поддержание связи между членами группы, распространение своей идеологии облегчило существование Интернета. То, что раньше требовало больших ресурсов, теперь требует меньших ресурсов, что позволяет маргинальным группам становиться более сильными игроками на политической арене. Именно потому необходимо исследовать субкультурную молодежь, чтобы выявить, во что переходит их гражданская Интернет-активность (в локальные протестные акции, митинги или же проявляется в активности молодежи экстремистской направленности) [1; 2].

Результаты исследований Е.В. Бродовской отражают существенную связь между ценностными предпочтениями и интенсивностью Интернет-коммуникации, в которую вовлечена московская молодежь. Вместе с тем вопросы формирования Я-образа молодого человека в сети Интернет, сетевой идентичности и активности требуют дополнительных исследований с привлечением качественных методов [3].

Online-протест может быть структурирован в 3-х видах: когнитивный (редко используется), символический и эмоциональный (самый распространенный). Также online-протест

может быть системным, пассивно-событийным (самый распространенный в России), но самым опасным видом является агрессивный протест online, т. к. именно он переходит из режима online в offline (в физическое пространство).

В качестве инструмента «цветных революций» – технологии осуществления государственных переворотов в условиях политической нестабильности, созданной искусственно, используется молодежное протестное движение, а давление на власть осуществляется в форме политического шантажа. Несмотря на то, что все государства имеют существенные различия в геополитическом, социальном, экономическом плане, международном положении, они все укладываются в одинаковую организационную схему, которая предполагает шаблонную организацию молодежного протестного движения, преобразовав его в политическую толпу и используя эту силу против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Самое главное условие осуществления «цветной революции» – это наличие политической нестабильности в стране, которая сопровождается кризисом действующей власти. Но если политическая ситуация в стране стабильна, ее искусственно дестабилизируют. Достаточным условием является наличие специально организованного по особой сетевой форме молодежного протестного движения.

Как отмечает Д.В. Громов: «Молодёжные политизированные сообщества и в России, и во всём мире маргинальны

по отношению к «взрослой» политике, но можно привести многочисленные примеры эффективной деятельности этих сообществ в ситуациях политических кризисов, когда молодёжь выступает «как движущая сила революции. Для новейшего времени это, например, «цветные революции», произошедшие в мире: революция в Югославии (2000 г.), «революция роз» в Грузии (2003 г.), «оранжевая революция» на Украине (2004 г.), события в Киргизии (2005, 2010 гг.) и Ливане (2005). Предпринимались попытки осуществить смену власти по «цветным» методикам в Белоруссии (2006 г.), Армении (2008 г.), Молдавии (2009 г.). В 2010–2012 гг. волнения, иногда сопровождаемые сменой власти, прокатились по арабским странам» [4].

Очевидно, что политические группировки и субкультуры в контексте современных "гибридных войн" и цветных революций имеют сильнейший протестный потенциал для их мобилизации в боевые группировки. Мы считаем, что, вероятно, одним из таких примеров является появление правых неформальных партий (например, политические субкультуры НС-скинхедов (молодёжная ультраправая субкультура, представители которой придерживаются национал-социалистической идеологии, одно из направлений субкультуры скинхедов. Деятельность НС-скинхедов, как правило, носит экстремистский характер) и националистов из партии Pegida) в Германии, которых подозревают в связях с Кремлем, цель которого дестабилизировать политическую ситуа-

цию в Германии [5].

Исходя из недавнего опыта «Евромайдана», где основной ударной силой были молодежные субкультуры (фанаты Киевского «Динамо», националисты, хипстеры, так называемый «креативный класс») – «неформалы», можно судить, в целом, что отечественные молодежные группировки также могут быть «агентами» мятежей и революций [6]. Также в молодежной политической субкультуре сегодняшней России наблюдаются своеобразные черты, отличающиеся от мировой политической практики – это политическая апатия и нигилизм молодежи, пренебрежение к духовно политическим ценностям, одновременно – рост агрессии и экстремизма. Эти особенности вытекают из трудностей перехода от тоталитаризма к демократии, ошибок и отчуждения власти от личности, от структурирующего гражданского общества.

В рамках нашего исследования мы выдвинули гипотезу, что гражданская Интернет-активность часто переходит в локальные протестные акции, митинги, в активность молодежи экстремистской направленности. А также, что система взглядов молодежи о протесте, его приемлемых и эффективных формах, формируется под влиянием «медиа образов», транслируемых, прежде всего, в сети Интернет.

Проанализировав данные исследования, мы пришли к выводу, что в России гражданская Интернет-активность довольно редко переходит в локальные протестные акции, но если это происходит, то, как правило, проявляется в актив-

ности молодежи экстремистской направленности.

Также, СМИ и Интернет-коммуникация в России имеют огромное воздействие на формирование политической ориентированности молодежных субкультур, их система взглядов о протесте формируется под влиянием ярких «медиа образов». Так, к примеру, в 2014 г. в Россию пришла мода «Witch House», изначально вышедшая из жанра электронной музыки и направления «веб-панк», которая способствует распространению Исламского государства и романтизации их образа. На данный момент в данной группе состоит 120 тысяч человек, где музыка сопровождается изображениями с казнями и фотографий с бойцами Исламского государства, фотографиями женщин в хиджабе с оружием, а в песнях присутствуют части Корана, все это должно располагать пользователей «благим» и «добродетельным» образом участников организации. Здесь кроется опасность в привлечении и радикализации тех пользователей социальных сетей, которые, казалось, далеки и от политики, и от религии.

Таким образом, можно говорить о том, что Интернет является мощным средством протестной мобилизации молодежных субкультур, а в силу появления новых форм ведения войны и цветных революций, политические молодежные субкультуры могут стать опасными участниками различных политических конфликтов, а также легко мобилизоваться посредством Интернет-коммуникации в деструктивные группировки.

Молодежные субкультуры и сообщества очень предрасположены к восприятию радикальных идей и образованию политизированных неформальных объединений молодежи, которые являются начальной средой, из которой может сформироваться новое радикально-политическое движение, с которого начинают и начинали путь очень многие революционеры и политические движения. Эти движения могут развиваться в направлении жесткой структуры в будущем, вызревать в террористическую группу, а также формироваться в умеренную общественную организацию, отходящую от политики.

Современная молодежная субкультура, различные жанры музыки и направления, которые включают в себя чаще всего определенную идеологию и модели поведения, а также несут идеи протеста и в своих произведениях заостряют внимание на социальных общественных проблемах – подчас облегчают на начальном этапе формирование политического мировоззрения у молодого человека, восприятие радикальных идей.

Поскольку молодежное протестное движение и политические молодежные субкультуры выступают в роли инструмента «цветных революций», необходимо разработать методы противодействия, т. к. их деятельность может привести к государственному перевороту, либо другим деструктивным действиям. Борьба с молодежным экстремизмом предполагает целенаправленное совершенствование законодательной базы, постоянное внимание к проблеме криминализации и

декриминализации соответствующих проявлений и составов данного негативного социального явления. Эффективным методом противодействия распространению экстремистских и ксенофобских настроений в обществе является запрет на свободную продажу литературы, содержащей теории расового, национального или социального превосходства, а также призывы к геноциду и этническим чисткам. Подобного рода меры должны поддерживаться соответствующим законом и содержать четкое определение литературы экстремистской направленности. Необходимо проводить постоянные мониторинги деятельности неформальных общественных объединений для подготовки описаний субкультуры или выявления их динамики, чтобы предупредить перерастание идей в противоправные политические практики. Причем российские реалии заставляют задуматься о том, что молодежный экстремизм не является прерогативой исключительно исламистов и выходцев из регионов Северного Кавказа. От этого практически не застрахованы и все другие религиозные конфессии и этнические группы. Необходимо четко отслеживать про-экстремистские настроения в средствах массовой информации и в открытых Интернет-ресурсах. Следует организовывать социальное сопровождение несовершеннолетних и молодежи, относящихся к неформальным молодежным объединениям экстремистской направленности, а также совместно с правоохранительными органами проводить профилактические мероприятия по предупреждению

массовых хулиганских проявлений со стороны неформальных молодежных объединений экстремистской направленности во время массовых молодежных мероприятий [7].

Стоит отметить, что изначально неформальные группировки рассматривали, как культурное явление, а не политическое. Этим можно объяснить длительное отсутствие научного интереса по отношению к неформальным группировкам и их протестному потенциалу.

Источники и литература

1. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Рефл-бук, 2000. 280 с.

2. *Почепцов Г.Г.* Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. 384 с.

3. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития: Сборник информационно-аналитических материалов / Под ред. В.Д. Нечаева. М., 2012.

4. *Громов Д.В.* Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. 510 с.

5. SPIEGEL ONLINE [Электронный ресурс]
URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/afd-und-front-national-putin-umwirbt-europas-rechtspopulisten-a-1004746.html>. – Putin und die Populisten: Das rechte Netz des

Kreml (дата обращения: 10.02.2016).

6. *Григорьев М. С.* Евромайдан. М.: Кучково поле, 2014. 464 с.

7. *Бочаров Р.А.* Профилактика политического экстремизма и терроризма в молодежной среде // *Власть*, 2013. № 5. С. 46–49.

Политический протест как инструмент нейтрализации власти на примере цветной революции в Киеве (2013 г.)

*Машталер М.А.*⁵³

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию политического протеста как инструмента нейтрализации власти на примере массовых акций в Киеве (2013 г.). Технологии демонтажа политических режимов в рамках цветной революции чрезвычайно актуальны для изучения и регулярно подвергаются теоретическому анализу, как в России, так и за её пределами. В статье используется несколько авторских концепций дестабилизации действующих субъектов власти для исследования сценария Евромайдана. Одной из основных задач, помимо теоретического анализа, является разработка методики противодействия цветным революциям в России посредством исследовательского метода – серии экспертных интервью.

Ключевые слова: нейтрализация власти; политический протест; цветная революция.

⁵³ **Машталер Мария Анатольевна** – студентка IV курса Института истории и политики МПГУ, научный руководитель: д. полит. и., проф. Бродовская Е.В.

Mashtaler M.A. Political protest as a tool for neutralization of authorities on the example of color revolution in Kiev (2013)

Abstract: This article is devoted to the study of political protest as a tool to neutralize the power of the example of mass actions in Kiev (2013). Technology dismantling of the political regimes in the framework of a color revolution is extremely relevant for the study and regularly subjected to theoretical analysis, both in Russia and abroad. The paper uses several concepts copyright destabilization actors authorities for investigation euromaidan script. One of the main tasks, in addition to theoretical analysis, is the development of techniques to counter color revolutions in Russia through the research method – a series of expert interviews.

Keywords: neutralization of power; political protest; color revolution

Сегодня актуальность проблемы роста протестного влияния в политической жизни общества подвергается теоретическому осмыслению, усиливается внимание к возможностям цветной революции внутри государства, этот процесс необходимо изучать и систематизировать.

Цель нашего исследования: выявление специфики нейтрализации действующих субъектов власти на примере массовых акций протеста в Киеве (2013 г.). Мы убеждены, что

сейчас уже невозможно давать оценку многочисленными частным явлениям, таким как, к примеру, цветная революция на Украине, в отрыве от их проекции на глобальные процессы, в центре которых – безопасность России.

Наиболее распространенной теоретической моделью, объясняющей причины протестного поведения, является концепция депривации. Т.Р. Гарра [1, с. 15]. Его определение термину «депривация»:

«Воспринимаемое индивидом расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями». Факторы депривации могут быть любые. В Киеве, например, таким фактором послужил отказ о вхождение страны в Евросоюз.

Исходя из недавнего опыта массовых демонстраций на Евромайдане, можно заключить, что протестная активность имеет определенный инструментарий для нейтрализации действующей власти в рамках цветной революции.

Нейтрализация власти идет по всем трем пространствам: физическому, когнитивному и информационному, так утверждает украинский автор Г. Почепцов, [4, с. 123]. На примере Украины в физическом пространстве наблюдаются массовые митинги, нарушающие привычную в обществе практику работы с публичным пространством. В информационном пространстве происходит активное освещение протестного мнения. В когнитивном пространстве формируются определенные дестабилизирующие власть нарративы.

тивы, благодаря которым протестная модель становится реальностью – отстранение «преступного режима», основой которого является уголовная олигархия.

По мнению Э. Люттвака, [2, с. 201] у политики есть своя специфическая инфраструктура – СМИ, и общая нейтрализация политических сил будет осуществляться с помощью влияния на эту инфраструктуру. Оппозиционные СМИ активно формируют протестную повестку в информационном пространстве. Рупором украинской оппозиции были: ТВ «Пятый канал», «Радио – next».

Для анализа технологий нейтрализации власти мы так же изучили модель цветной революции известного российского политолога А. Манойло [3, с. 4]. Он выделяет основные пять фаз цветной революции.

Первая фаза – формирование в стране организованного протестного движения, которое станет основной движущей силой будущей цветной революции. В основном из молодежной среды. Затем следует фаза мобилизации, для которой необходим так называемый «Инцидент». Таким инцидентом может стать любое событие, шокирующее общество. Как правило, его инициируют специально. В Киеве это был насильственный разгон студенческой демонстрации. Далее организованные группы активистов становятся катализатором стихийных массовых процессов, и вовлекают в этот процесс все большие слои населения. Следующая фаза – формирование политической толпы. Для этого выбирается до-

статочно большая площадь (майdan), где весь народ может комфортно разместиться.

Заключительная фаза: от имени толпы к власти выдвигаются ультимативные требования, под угрозой массовых беспорядков. Если власть не выдерживает давления, ее сметают. Если власть сопротивляется, политический протест толпы становится основным инструментом авторов цветной революции. В дальнейшем такая революция неизбежно перерастает в мятеж, а в некоторых случаях – в гражданскую войну.

Российский специалист в сфере политической психологии В. Титов [5, с. 3] предположил, что существует три основных механизма нейтрализации власти:

1. Переформатирование паттернов массового сознания. Показателен пример Украины, когда социальная установка «*сравнительного благополучия*» («живем лучше, чем при «оранжевых») была сначала заменена на «*сравнительное неблагополучие*» («живем хуже, чем в Европе»), а впоследствии – и на «*абсолютное неблагополучие*» («живем хуже некуда»).

2. Механизм «символической жертвы» (вначале первой протестной волны – «Беркут избил студентов», а впоследствии в общественном сознании укоренился трагический образ «Небесной сотни»).

3. Кризис национально-государственной идентичности.

Отсутствие внятной «политики идентичности» на го-

сударственном уровне дополняется отсутствием у населения позитивного «образа будущего», неспособностью власти предложить такой образ. Пример этому – «метания» В.Ф. Януковича между европейской и евразийской «интеграциями».

Данные авторские концепции демонстрируют разные подходы к одному и тому же явлению, но подтверждают мысль, что политический протест имеет определенный инструментарий, направленный на дестабилизацию власти и дальнейшее развитие сценария цветной революции.

Для разработки методики противодействия неконвенциональным политическим протестам нами использовался качественный исследовательский метод – экспертное интервью.

Основная часть экспертов сошлась во мнении, что, в первую очередь, необходимо принять меры по выявлению и прекращению финансовой и информационной поддержки оппозиционных сил, приверженных революции. Ряд экспертов настаивал на новом концептуальном пути развития России, предполагающем реальное возрождение национальной культуры, науки и промышленности, обеспечение достойной жизни основной массе граждан, в идеологических основах которого дискредитируются либерально-западнические ценности.

Неоднократно обсуждались эффективные меры информационной борьбы с распространением идеологии экстремизма и революции с помощью СМИ и сети «Интернет», в

частности было предложено активизировать работу по ликвидации материалов экстремистского содержания.

Сотрудник Российского института стратегических исследований И.М. Друзь, исходя из опыта Евромайдана, на котором представлен был весь цвет религиозных сект, как западных, так и украинских, предложил усилить контроль за деятельностью религиозных общин на территории страны.

Все без исключения эксперты говорили о тотальной патриотической работе с молодежью, было высказано мнение о создании единого органа управления молодежными организациями в России.

Необходима консолидация всех существующих политических и религиозных сил, государственных и негосударственных организаций, учреждений культуры, а так же увеличение числа общественных структур, задействованных в целях противодействия проявлениям экстремизма и распространения идеи «цветной революции».

По мнению И.И. Стрелкова, народ совсем не участвует во власти, социальные лифты не работают, «государство не обеспокоено восстановлением социальной мобильности граждан». Он всерьез предрекает России революцию, но пока этого не произошло необходимо принять предупреждающие меры.

Исходя из данных нашего исследования, мы пришли к выводу, что существует определенный инструментарий организации политического протеста, с помощью которого вводят-

ся в массовое сознание сомнения в адекватности и законности субъектов власти, дезориентируются силовые структуры. Так же нами были выявлены основные технологии нейтрализации власти в рамках физического, когнитивного и информационного пространства.

Результаты теоретического анализа могут быть использованы в качестве аналитической основы для исследования разных форм протестной активности индивидов и социальных групп. Разработанная нами методология профилактики деструктивных протестных настроений может использоваться в качестве превентивных мер по предотвращению цветной революции в России.

Источники и литература

1. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 462 с.
2. *Люттвак Э.Н.* Государственный переворот: Практическое пособие. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 326 с.
3. *Манойло А. В.* Цветные революции и технологии демонстрации политических режимов // *Международные отношения.* 2015. № 1. С. 1–19.
4. *Почепцов Г.Г.* Основы протестной инженерии: революция. сош. М.: Европа, 2005. 532 с.
5. *Титов В.В.* «Цветные революции» в современном мире:

«Классика жанра» и новые технологические решения. Киев, 2014. 80 с.

Геополитическая конкуренция в XXI веке: к осмыслению новых трендов

*Ляховенко О.И.*⁵⁴

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции, определяющие новую геополитическую реальность в XXI в. и влияющие на характер войны и в целом – политических конфликтов в новом тысячелетии. В качестве базовой методологии исследования автор использует критическую теорию геополитики, информационно-сетевой подход, возможности структурно-акторного анализа. Делаются вывод о том, что традиционная геополитическая цель – расширяющийся экспансионизм политических акторов – в полной мере сохраняет свое значение в XXI в., однако формы и инструменты его реализации расширяются от военного-силовой и экономической плоскости к информационной, культурносимволической и смысловой борьбе.

Ключевые слова: геополитика, война, новые акторы, политический субъект

Lyakhovenko O.I. Geopolitical competition in in XXI

⁵⁴ **Ляховенко Олег Игоревич** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва

century: towards new trends' understanding

Abstract. In this article, tendencies of XXI century geopolitical reality are observed. Author's methodological approach includes the critical theory of geopolitics, network-based analysis and actors-and-structure analysis. Author concludes that traditional geopolitics based on growing political and economic expansionism still matters in XXI century but forms and instruments of geopolitical competition expand from only military and economic competition to informational, cultural and symbolical struggle.

Key words: geopolitics, war, new actors, political actors

В 1998 г. вышла статья известного американского геополитика ирландского происхождения Дж. О'Тоала «Postmodern geopolitics?» [1]. В ней были описаны некоторые особенности геополитической реальности конца XX и начала XXI вв.

Следует помнить, что в конце 1990-х гг. в социальных науках правили бал идеологи и апологеты «конца истории», утверждающие, что историческое развитие как процесс сменяющихся форм, принципов и институтов завершился, и ему на смену пришла «финальная стадия» – поглощение разнообразных форм политической, экономической, социальной и культурной организации различных обществ и цивилизаций единым стандартом либеральной рыночной демо-

кратии западного образца.

В противовес этому, О’Тоал писал, что принципиально в геополитической реальности не меняется ничего. Экспансионистские геополитические практики, свойственные эпохе классического реализма, Вестфальской системы, эпохе колониального господства и борьбы метрополий, остаются экспансионистскими геополитическими практиками. Оправдывающий эти практики дискурс остается апологетическим дискурсом. Меняется лишь риторика – после краха биполярной системы и распада социалистического лагеря во главу угла встают «экспансия демократии» и «расширение капиталистических рынков».

В то же время, по-настоящему новый геополитический тренд конца XX и начала XXI вв. – это полноценное становление информационной сферы, основанное на современных достижениях научно-технического прогресса и развития средств коммуникации и связи. Эта система, изначально призванная, возможно, более успешно и эффективно отражать политическую реальность и протекающие в ней процессы, в действительности «достраивает» уже существующие пространственно-географические измерения. С позиции середины 2010-х гг. этот тезис кажется самоочевидным – но тем примечательнее, что о роли сети «Интернет», кибернетических угроз государственного суверенитету, значении телеметрии как инструмента политической визуализации и эфира CNN как «разворачивающегося в прямом эфи-

ре политического спектакля»⁵⁵ О’Тоал писал почти 20 лет назад.

Какой же видится геополитическая реальность XXI в. с позиции сегодняшнего дня? Мир становится все более взаимозависимым. Экономические и культурные контакты, а прежде всего – информационное и технологическое взаимодействие плотной сетью опутывает самые разные государства, организации, просто людей, участвующих в сетевой коммуникации. В этих условиях вероятность реального и прямого силового противостояния между странами в духе больших танковых и морских сражений Второй мировой войны снижается – по крайней мере, между ключевыми геополитическими игроками. В конце концов, не теряет своей роли фактор обладания ядерным оружием. Однако это не исключает предельно жестких традиционно-силовых конфликтов на периферии мировой политической системы и выяснения отношений между лидерами политической сцены «малыми силами на территории третьих стран»⁵⁶. Число таких конфликтов, по всей видимости, будет только возрастать.

По мере того, как вероятность прямого вооруженного столкновения сверхдержав уменьшается, фронт геополитической конкуренции смещается в смежные невоенные области – прежде всего, экономического противостояние. Если для вооруженных конфликтов XVII–XX вв. ключевым фак-

⁵⁵ «CNN’s spinning globe» [1, P. 29].

⁵⁶ Яркий пример чему – вооруженные конфликты в Сирии и Ираке и т. д.

тором победы было формирование широких военных коалиций, то в XXI в. упор будет делаться на экономические союзы. Примечательны запущенные США проекты Транс-Тихоокеанского и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерств (ТТП и ТАТП), в основе которых лежит формирование институционально однородной экономической среды в интересах транснационального бизнеса. Именно институциональная однородность (или неоднородность) будет становиться определяющим критерием для начертания карт реальных геополитических интересов и зон влияния. В свою очередь, институциональные различия в организации экономических процессов будут формировать границы новых геополитических блоков. И здесь возникают большие вопросы, будут ли эти границы жесткими и непроницаемыми, не уступая в этом отношении пресловутому «железному занавесу», или же они будут принципиально анизотропными по своему характеру. То есть будут ли они, не препятствуя «диффузии инноваций», распространяемых ядром мировой политической системы во главе с США на еще не подконтрольные территории, крайне жестко отсекают любые встречные импульсы, направленные от периферии к ядру системы. В настоящее время есть целый ряд предпосылок к развитию именно этого, второго сценария, причем в самых разных отраслях – от выхода «внешних» компаний на европейские и американские рынки до движения информацион-

ных векторов⁵⁷.

Еще более примечательно, что транснациональный бизнес, будучи изначально и в значительной степени бизнесом западным – то есть европейским и американским, – все больше теряет конкретную страновую привязку. «Государства» становятся для него не более чем «территориями» и «рынками», ключевая разница между которыми состоит лишь в том, интегрированы они уже в удобную для освоения единую институциональную среду или еще нет. Вероятно, конечным результатом (по крайней мере, по задумке демиургов этого процесса) должно стать растворение государственных границ, институциональная унификация и смещение геополитического и геоэкономического противостояния в плоскость корпоративной конкуренции. Не исключено, что с негативными последствиями этого процесса столкнутся не только страны и регионы, традиционно относимые к периферии мировой политической системы, но и страны ядра, по мере все большего размывания государственного суверенитета и институциональных деформаций, искажающих саму природу государственности.

Другой тенденцией геополитической конкуренции XXI в. уже в настоящее время становится смещение политическо-

⁵⁷ Очевидно, что в мире CNN и Voice of America любые информационные сигналы с «периферии», не вписывающиеся в заданный формат, расстановку акцентов и смысловую архитектуру сообщений глобальных СМИ, будут отсекаются – либо даже отторгаться самой аудиторией, уже настроенной на определенные способы кодирования и подачи информации.

го противостояния субъектов в информационную, культурную и кибернетическую сферу. Еще классики французского постструктурализма в 1970-1990-е гг. (до наступления компьютерной эры) писали о том, что развитые общества Запада порождают новую онтологию: в ней не реальность порождает новость, а новость порождает реальность. Информация изменяет реальность в соответствии с присущим ей кодом (а не свойствами реальности), а того, что не отражено на страницах и экранах ведущих СМИ и что не представлено в доминирующем дискурсе, «не существует». Процессы глобализации и развитие информационных технологий распространили эту тенденцию на весь земной шар. В этих условиях важнейшим геополитическим игроком становятся «мастера дискурса», использующие площадки масс-медиа для конструирования смыслов в интересах конкретных геополитических акторов. В качестве гипотезы можно предположить наличие тесной связи между мастерами дискурса в СМИ и ведущими транснациональными финансовыми и корпоративными структурами, а также политическими элитами стран и международных организаций, играющих за установление нового миропорядка.

Отдельного внимания заслуживает феномен «цветных революций». Очевидно, что он включает в себя целый ряд самых разных процессов, в том числе тех, между которыми сложно ставить знаки равенства⁵⁸. Между тем, во всех «цвет-

⁵⁸ Отдельный вопрос – насколько само по себе использование концепта «цвет-

ных революциях» начала XXI в. можно увидеть общие черты. Обычно таким фактором исследователи называют высокую роль социальных сетей как инструмента организации и наличие внешнеполитической поддержки протестующих. Это так, но не менее важным фактором следует назвать и длительный период «латентной инкубации» будущего протестного начала, который лежит не в плоскости политики или экономики, а в плоскости смыслов. Через глобальную культуру и транслируемые ведущими мировыми СМИ образы «красивой и успешной жизни» в сознание молодежи и социально активных групп граждан вводятся образы «желаемого будущего» – такого, однако, для достижения которого у данной страны нет ресурсов и объективных возможностей (т. н. «нереального будущего»⁵⁹). В условиях слабости элиты, ее неспособности быть гибким и эффективным политическим субъектом, дельта между «завышенными ожиданиями» и «объективной реальностью» оказывается катализатором социального и политического напряжения, как правило, фатального для политических режимов. Нельзя утверждать, что именно «цветные революции» будут наиболее распространенными формами геополитического противостояния в XXI в., но можно ожидать, что «борьба за умы и сердца»

ных революций» может быть выгодно разным геополитическим субъектам.

⁵⁹ пространство – противопоставляются окружающей «неправильной» действительности. В результате возникает готовая социальная база, мобилизованная для осуществления «коллективного действия» и «рывка» в сторону желаемого – по факту, навязанного, – будущего.

будет гораздо более распространенной формой геополитической борьбы, нежели прямое военно-силовое противостояние сверхдержав. Ключевую же роль в этом противостоянии будут играть центры, способные транслировать и трактовать смыслы в интересах одних геополитических игроков и в ущерб другим.

При этом открытым остается вопрос, кто является конечным бенефициаром этих процессов – конкретные политические структуры, корпорации или же сложные «гибридные» образования, включающие разные политико-экономические и информационно-коммуникационные группы внутри глобального истеблишмента. По ряду признаков, внутри лагеря «проводников» новой эпохи, при всем совпадении долгосрочных целей, существуют очень серьезные разночтения и противоречия по поводу тактики и краткосрочных целей. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов «акторную конкуренцию» между различными субъектами внутри ядра бенефициаров новой эпохи. Если для политических субъектов за пределами ядра ключевой вопрос состоит в том, как обеспечить свой суверенитет (самыми различными средствами) либо как на наиболее выгодных условиях войти в новую систему, то для игроков «внутри» будет характерна максимально жесткая конкуренция по поводу того, кто именно будет осуществлять технический менеджмент по продвижению нового мирового порядка и реформированию политического, экономического, информационного и культур-

но-смыслового пространства в планетарном масштабе⁶⁰.

Запущенные процессы нивелирования государственного начала и размывания государственного суверенитета в интересах новых политических акторов, безусловно, порождают встречное сопротивление. Неслучаен энтузиазм членов БРИКС по поводу самой возможности формирования клуба стран – сильных региональных лидеров, альтернативного по отношению к евроатлантическому ядру глобализации, а также любых других проектов «альтернативной интеграции». При этом, как было уже отмечено выше, у традиционных акторов и геополитических субъектов есть, по большому счету, две основные стратегии реагирования – жесткое оппонирование текущему вектору на построение «нового мира» либо встраивание в предлагаемую систему ради получения тех эксклюзивных бонусов и привилегий, которые дает членство в «глобальном клубе». Обе эти стратегии имеют собственные минусы и риски. В первом случае страны будут сталкиваться с внешней изоляцией, включая принудительное отлучение от перспективных технологий и дефицитных ресурсов, источником которых во многом остается ядро мировой политической системы (с чем ярко столкнулась Россия после кризиса на Украине). Во втором случае, даже вхождение в элитный клуб будет означать очевидное

⁶⁰ В этом смысле неслучаен политический кризис внутри Соединенных Штатов Америки и в основных политических партиях США – Демократической и Республиканской – накануне президентских выборов 2016 г.

неравноправие по отношению к «старшим партнерам» и подчиненное положение «новых членов» (подходящие примеры можно наблюдать в Латинской Америке, Восточной Европе, Юго-Восточной Азии).

Если же говорить о стратегиях успеха в новой геополитической (и онтологической) реальности, то на первый план будет все больше выходить политическая субъектность. Именно способность политической элиты быть гибким, адаптивным, про-активным лидером, транслятором и проводником смыслов, эффективным исполнителем социального и информационного айкидо будет единственным фактором, обеспечивающим конкурентное преимущество, развитие, а зачастую и просто выживание корпораций, государств и любых других игроков на геополитической арене. Важным компонентом будет открытость и обновляемость элиты – не как самоцель, но как механизм повышения качества и эффективности тех систем, управление которыми осуществляет элита. Наличие традиционных ресурсов, включая экономический и военно-силовой, разумеется, не будет терять значения, однако для успеха в геополитическом противостоянии будут необходимы очень высокие стандарты качества управляющей надстройки, способной эффективно распорядиться этими ресурсами. Совершенно очевидно, что эти вызовы потребуют совершенно иных подходов к подготовке элиты, и в целом – к качеству образования и обучения социальных групп, пополняющих управленческий слой.

Источники и литература

1. Tuathail G.Ó Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond *I I* Rethinking Geopolitics. Routledge, 1998. P. 16–38.

К вопросу о гибридных войнах: основные положения и направления исследования

*Балтодано Усаров Аллан Серхе*⁶¹

Аннотация: В этой статье представлены основные положения исследования вопроса «гибридных войн». В первую очередь, рассматривается сам понятийный аппарат, дана попытка чётко обозначить сущность понятия «гибридные войны». В статье «гибридная война» рассматривается как одна большая и когерентная стратегия: как особая форма политического и военного конфликта между политическими субъектами.

Ключевые слова: гибридная война, стратегия непрямых действий, искусство войны, военная история, политика

Baltidano Usarov Alan Serhe. Revisiting the hibrid wars: fundamental principals and avenues of research.

Abstract: In this article presents some main positions of

⁶¹ Балтодано Усаров Аллан Серхе – аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и оплтики МПГУ, г. Москва.

«hybrid war's» science researching. Firstly, we tried to examine the concept of hybrid war's theory. This article present hybrid war as one big and coherent strategy like as unique form of political and war conflict between political subjects.

Keywords: hybrid wars, strategy the indirect approach, art of war, war history, political science

Войне как явлению за все время её существования были даны различные, порой противоречащие друг другу, оценки: от «великого дела государства» до «ужаснейшего зла и бедствия». Традиционная военная мысль в лице К. Клаузевица представляла войну как событийное явление, как продолжение политики иными средствами. Политическая же мысль, к примеру, как определял Т. Гоббс, предполагала войну как постоянное состояние соперничества между государствами и державами, «войны всех против всех» [8, 9].

Важно заметить, что сегодняшние так называемые «гибридные войны» соответствуют тем представлениям о войне как о постоянной форме существования различных политических субъектов. В более широком понимании, можно утверждать, что «гибридные войны» – это состояние взаимоотношений между политическими субъектами, основанных на классических философских понятиях «силы» и «воли», постоянной борьбы и права сильнейшего [3].

В ходе исследования приходится сталкиваться с абсолютной размытостью понятия «гибридная война». Вероятно,

проблема заключается в том, что авторы оригинальной концепции и их последователи настаивают на ее революционности, в то время как мы полагаем, что «гибридная война» – это скорее эволюция традиционного метода ведения войны. Эволюция, которая обусловлена появлением не только новых вооружений и иных средств, но и повсеместным внедрением информационных технологий.

Однако, необходимо сделать замечание, что не инструментарий изменил облик современной войны, а качественный сдвиг во всех сферах жизни человеческого общества. Также надо сделать примечание, что надежды западных политологов на то, что постиндустриальное общество откажется от войны как инструмента разрешения международных конфликтов, сегодня терпят крах. Существенным доказательством этого положения является украинский кризис, который разрушил систему международного права, а в следствии этого изменил представление о принципах сосуществования различных государственных и негосударственных акторов [2, 6].

Таким образом, современную агрессию называют теперь рядом терминов вроде «войны четвертого поколения» или «асимметричной войны». Такая агрессия подразумевает некую «*virtus incognitum*» или «неизвестную силу»: грамотно спланированная стратегия удара, при которой невозможно определить её субъекта, а также применить к нему ответную юридическую силу.

В войнах нового типа, или «гибридных войнах», стратегия достигает своей цели в том случае, если одерживается не территориальная победа (захват столицы, аннексия и прочее) или военная победа (разгром всех вооруженных сил), а так называемая «культурная гегемония» – достижение всеобъемлющей поддержки населения и захват всего информационного и культурного пространства общества.

В поддержку этого тезиса можно привести заключение Р. Инглхарта, что для доминирования сегодня нет необходимости в применении конвенциональной военной силы, так как «это рискованно и затратно». Также об этом утверждал Б. Лиддел-Гарт, приводя свою стратегию непрямого действия как применение военной силы с целью достичь скорее пропагандистской и информационной победы, нежели военного доминирования. Также такая позиция неразрывно связана с наступлением так называемой «постгероической эры», в которой классические войны с масштабными операциями прекратили свое существование в силу того, что постиндустриальные страны теперь не могут оперировать большим количеством людских ресурсов во избежание больших потерь [4, 5, 7].

Сложно представить также современные «гибридные войны» без классического изречения Сунь-Цзы: «Война – это путь обмана». В «гибридных войнах» активным элементом стратегии выступает информационная и пропагандистская подготовка, притом, в отличие от классических войн, с ис-

пользованием новейших технологий, которые ускоряют эти процессы в разы. Важно понимать, что существенное отличие «гибридной» стратегии от классической – это возможность побеждать своего противника, даже не начав войны. Удар или агрессия совершаются настолько быстро и молниеносно, что, как писал Сунь-Цзы, «покоряют чужую армию не сражаясь, берут крепости, не осаждая» [9].

Отличительным моментом «гибридной войны» также выступает использование актов не только военной или информационной агрессии, но и ряда экономических, политических, дипломатических и даже электронных наступательных операций. Как писал китайский военный полковник Цяо Лян: «первое правило неограниченной войны заключается в том, что у такой войны нет никаких правил». В свою очередь, это подтверждается наличием разработок системы DIME у американских военных [10].

Кибервойны необходимы для подрыва экономической и технологической мощи той или иной державы, а с недавних пор кибератаки стали использоваться все с той же целью подрыва морального духа и политической стабильности общества [1].

Также меняется состав участников «гибридной войны»: вместо конвенциональных, вооруженных сил того или иного государства, имеющих юридическое право на насилие, в сражениях участвуют различные негосударственные игроки, такие как сельская или городская герилья, ЧВК и т. д.

Открытым остается вопрос являются ли «цветные революции» как продолжение одной большой и когерентной «гибридной» стратегии. Во всяком случае, мы подозреваем, что подобный акт политической агрессии является одним из этапов подготовки или даже ведения «гибридной войны» между государственными игроками, но абсолютно утверждать эту позицию мы не имеем возможности.

Пагубность «гибридной» стратегии заключается в том, что она стирает границы между мирной и военной сферой жизнедеятельности человека, стирает различия между комбатантами, не-комбатантами и мирным населением в фактическом и юридическом смысле. Мы предполагаем, что «гибридная» стратегия, пускай и разработанная с целью сократить потери людских ресурсов, на самом деле грозит обернуться рано или поздно гуманитарной катастрофой там, где эту стратегию применяют. Эти опасения возникают в силу того, что театр «войн четвертого поколения» смещается в сторону ведения тяжелых городских боев и появления городской герильи. Города, как центры политической, экономической и, что важно, культурной мощи государств, рискуют стать точкой соприкосновения государств, что безусловно может сопровождаться огромными потерями среди городских жителей.

Источники и литература

1. *Васильченко В.* Джихад в Twitter: Как террористы осваивают приемы социального маркетинга [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://apparat.ee/network/isis-social-war/> Загл. с экрана. Яз. рус.

2. *Иванов И.С.* Украинский кризис через призму международных отношений [Текст] / И.С. Иванов. М.: НИ РСМД, 2015. 208 с.

3. *Кревельд М. ван.* Трансформация войны [Текст] / М. ван Кревельд. – М.: ИРИСЭН, 2005. 344 с.

4. *Люттвак Э.Н.* Стратегия. Логика войны и мира [Текст] / Э.Н. Люттвак. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 392 с.

5. *Лиддел Гарт Б.Г.* Стратегия не прямых действий. [Текст] / Б.Г. Лиддел Гарт. М.: АСТ, 2014. 508 с.

6. *Най С.Дж.* Будущее власти [Текст] / С. Джозеф Най; пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. 444 с.

7. Национальный исследовательский университет ВШЭ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/science/180956348.html> Ценности людей зависят от экономики. Загл. с экрана. Яз. рус.

8. *Соловьев В.В.* Три разговора о войне, прогрессе, и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями [Электронный ресурс]. Режим

доступа: <http://goo.gl/n7UUIG>. Загл. с экрана. Яз. рус.

9. *Сунь-Цзы*. Искусство войны [Текст] / Сунь-Цзы; пер. с кит. Н.И. Конрад. М.: Аст, 2014. 192 с.

10. *Kilcullen D*. The Accidental Guerilla: Fighting Small Wars in the Midst of Big One [Электронная книга, PDF]. Режим доступа: <https://goo.gl/91My52>. Яз. рус. 377 с.

Роль СМИ в разжигании политических конфликтов: теория и практика информационных войн

*Манойло А.В.*⁶²

Аннотация. Настоящая статья посвящена современным технологиям информационных войн. Раскрывается роль СМИ в информационных войнах и конфликтах. Дается характеристика основных информационных технологий, используемых для организации информационных атак на первых лиц государства.

Ключевые слова: политика, национальные интересы, информационная война, политическая элита, информационный вброс, панамское досье, раскол, безопасность.

Manoilo A.V. The role of the Media in the kindling of the political conflicts: theory and practice of the information wars.

Abstract: This article is dedicated to the contemporary

⁶² **Манойло Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Член Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, автор монографии «Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны».

technology of the information wars. The role of the Media in the information wars and conflicts is revealed. It gives the characteristic of major information technology used for organization of the information attacks on the first faces of a government.

Keywords: policy, interests of nation, information war, political elite, stuffing information, Panamanian dossier, split, security.

Информационные войны в современном мире стали одним из основных и уже привычных факторов окружающей нас действительности. Каждый из нас ежедневно оказывается в фокусе действия той или иной информационной атаки, несущий заряд убийственной агрессии, направленной как на общество в целом, так и на сознание каждого человека в отдельности. Технологии информационных войн, основанные на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан, исключительно опасны: их главная задача – разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Высокая эффективность

информационных атак и растерянность, являющаяся типичной реакцией большинства стран на акции информационной войны, делает информационные войны одним из основных элементов современных гибридных войн, таких как война в Сирии или конфликт в Украине.

Технологии информационных войн активно и весьма охотно применяют не только страны Запада (прежде всего, США, где термин «информационная война» официально закреплен в боевом уставе Армии США «Психологические операции»), но и международными террористическими организациями и группировками, такими как запрещенные в РФ «Исламское государство», Аль-Кайда. ИГ по всему миру ищет, вербует или просто нанимает на работу высококлассных специалистов в области кибервойны и информационного противоборства, которые в информационно-идеологическом поле вполне успешно конкурируют с силами специальных операций стран Запада.

Наиболее часто объектом информационной атаки становятся первые лица государства – президент и премьер: с них, как правило, информационная война и начинается. Причина этого предельно проста: первые лица всегда находятся под прицелом, они ведут публичный образ жизни, каждый их шаг, каждое их действие или движение рассматривается сквозь лупу. То, что прощается любому публичному политику, даже самому высокопоставленному и известному, никогда не прощают лидерам государства: они часто просто не

имеют права на ошибку, что в определенном смысле роднит их с саперами. В силу своей публичности именно первые лица государства выступают главными ньюсмейкерами и производят большинство резонансных инфоповодов, которым затем дают свою интерпретацию национальные и зарубежные СМИ. Информационная война всегда разворачивается вокруг первых лиц, их действий, реакций на те или иные события, которые на первоначальном этапе тщательно прощупываются и тестируются с помощью заведомо провокационных вбросов ложной информации, запуска в социальных сетях вирусного контента, распространения слухов и сплетен, способных эмоционально «зацепить» хотя бы одного из первых лиц государства и вызвать его ответную резкую, эмоционально окрашенную реакцию.

Особую роль в информационных войнах играют средства массовой информации и коммуникации (СМИ). Они играют роль, с одной стороны, канала доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории (политических элит, лидеров мнений, широких слоев общественности, политически активной молодежи), с другой – выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. В современных конфликтах СМИ активно используются как средство дезинформации и пропаганды, как инструмент манипулирования общественным мнением, массовым сознанием и поведением граждан, как инструмент прямого давления на оппонентов. Именно через так называе-

мые «независимые» СМИ спецслужбы осуществляют вбросы («контролируемую утечку») информации, компрометирующей их соперников, дестабилизирующей политическую обстановку в различных странах, инициирующей массовые протесты в стиле цветных революций. СМИ также имеют обыкновение выдавать непроверенную информацию за достоверную, если в ней содержатся элементы сенсационности, тем самым способствуя ее легализации. Экстремисты часто используют СМИ для усиленного разжигания националистический, экстремистский настроений даже в тех регионах, где эти противоречия уже давно не проявлялись; именно западные, демократические СМИ формируют романтический образ цветных революций в тех странах, где осуществляются «цветные» государственные перевороты, они же затем легитимируют хунты, пришедшие к власти. Западные СМИ активно участвуют в формировании образов «стран-изгоев» (в эту категорию попадают все страны, проводящие независимую от США внешнюю политику), провоцируя новые международные конфликты и столкновения.

В качестве субъектов информационных атак часто привлекаются «независимые журналисты», выполняющие политический заказ. Эта «темная сторона» деятельности современных СМИ связана с тем, что современные СМИ фактически не могут быть независимыми: журналисты зависят от мнения главного редактора и редакционной политики, которая для них является своего рода корпоративной цензурой;

редакторы изданий зависят от владельцев СМИ и от спонсоров, которые напрямую диктуют, в каком ракурсе журналисты должны подавать те или иные события; боязнь потерять источники финансирования делает современные СМИ даже в демократических странах чрезвычайно зависимыми и несвободными. Единственная свобода, которая еще пока остается у журналистов – уволиться, если его собственные взгляды не совпадают с «мнением редакции». Но очень немногие пользуются этим правом, предпочитая путь конформизма.

Особое внимание заслуживают технологии, применяемые в современных информационных войнах и распространяемые по каналам СМИ. Наряду с более сложными технологическими схемами, в информационных войнах используется целый ряд простых приемов. Наиболее распространен среди них метод «наклеивания ярлыков». Работает он так: в отношении одного из первых лиц государства вбрасывается информация компрометирующего характера, в которой он без каких либо веских оснований объявляется коррупционером. Первоначальная реакция на такие обвинения, как правило, носит эмоциональный характер: попытка наклеить ярлык коррупционера воспринимается как чушь, дикость, абсурд. Однако ассоциативная связь между личностью политика и образом коррупционера при этом в сознании граждан все же выстраивается, а яркая эмоциональная реакция эту связь закрепляет. В результате, спустя некоторое время,

образы лидера и коррупционера в сознании человека совместятся и ярлык коррупционера прочно «приклеится» к личности конкретного политика. «Отодрать» или «отмыть» его затем будет очень непросто. Именно этот прием «наклеивания ярлыков» был использован Западом в информационной войне против лидера российского государства, сначала на базе извлеченного из нафталина «Дела Литвиненко», а затем и благодаря известному фильму про коррупцию в России, показанному по британскому телеканалу ВВС-2. Появился даже особый термин – «демонизация Путина», связанный с непрерывным наклеиванием новых ярлыков поверх прежних на один и тот же объект информационных атак.

Не менее распространенным в современных информационных войнах является метод так называемых «пробных шаров», которыми прощупываются эмоциональные реакции первых лиц на различные внешние раздражители. Действует он так: в отношении одного из первых лиц государства выдвигаются обвинения заведомо оскорбительного характера: к примеру, лидера и его страну ни с того ни с сего объявляют угрозой всему демократическому миру и ставят в один ряд с вирусом Эбола и с ИГ. Эти обвинения сконструированы так, чтобы они вызвали настойчивое желание «мощно ответить»; они служат своего рода приманкой, провоцирующей политика на ответные заявления столь же эмоционального характера. Если провокация удалась и лидер эмоционально ответил на «обвинения Запада», объектом информацион-

ной атаки становится уже конкретная эмоциональная реакция конкретного лидера, а первоначальные обвинения сразу же «забываются». Метод «пробных шаров» работает очень точно и без перебоев, но в его функционировании есть одна особенность: он всегда должен получать «обратную связь» от объекта информационной атаки (то есть от самого лидера), которая дает возможность организаторам информационной атаки контролировать процесс. Если по каким-то причинам обратная связь теряется – так, как это было перед Олимпиадой в Сочи, когда Президент РФ на неделю исчез из публичного пространства и западные политтехнологи, перестав получать от него «обратную связь» на свои информационные выпады, потеряли связь с реальностью и запаниковали.

Довольно часто информационные атаки, в которых в качестве объекта критики фигурирует первое лицо, направлены не на него самого, а на элиты, которые его окружают. Эти элиты в условиях санкций и нарастания международной напряжённости могут испытывать различного рода колебания, которые очень тонко улавливаются организаторами информационных войн и затем умело раскачиваются по принципу маятника. Эта технология была применена в Югославии для свержения Милошевича: его, фактически, сдала собственная элита после того, как ей намекнули на то, что те, кто будет и дальше поддерживать Милошевича, через некоторое время разделят его участь. Недавний фарс с оглашением приговора Караджичу также является информационным

поводом, раскручивая который, Запад вполне прозрачно намекает на то, что любой лидер, выступающий против воли США, в конечном итоге может повторить участь Милошевича, Караджича, Каддафи.

Именно на российскую политическую элиту был направлен недавний вброс информации о панамских офшорах, получивший название «панамского досье». В центре скандала оказался панамская юридическая фирма «Mossack Fonseca», занимающаяся разработкой и организационно-правовой поддержкой офшорных схем. Ключевым участником раскручивания скандала стали западные либеральные СМИ, поддержанные некоторыми либеральными СМИ внутри России (такими как РБК).

В руки так называемых журналистов «Международного консорциума» попала информация, украденная у панамской юридической компании. То есть, «независимые» журналисты стали фактически перекупщиками краденого. В большинстве стран мира за это полагается уголовная статья и реальные сроки. Однако в данном случае новоявленных борцов против офшоров никто не тронул: напротив, на Западе из них сделали героев, попытавшихся поймать за руку на «грязных махинациях» людей, обладающих в современном мире реальной властью и влиянием. Правда, как показал киевский майдан, «хороший герой – мертвый герой», об этом журналисты-идеалисты, рискнувшие ради славы (или на возмездной основе) вязаться в сомнительную игру с явно крап-

леными картами, вероятно, забыли. Саму кражу, как обычно, «повесили» на неустановленного «осведомителя» немецкой БНД, который по заданию все той же разведки искал в панамских офшорах следы деятельности немецких граждан, уклоняющихся от налогов, а наткнулся на след, ведущий к президентам Украины, Аргентины и едва ли не в сам Белый дом. Именно эту информацию на неграждан Германии БНД добросовестно «слил» СМИ, компенсировав, тем самым, расходы, выплаченные осведомителю. Что ж, в условиях острого миграционного кризиса в Европе и разведчикам жить на что-то надо.

Любопытно, что если бы подобного рода материалы перешли журналистам Сноуден или любой другой его идейный последователь, возмущенные граждане США порвали бы его «на британский флаг», заклеили предателем национальных интересов и вечным позором. Здесь же наблюдается полная тишина: никто не возмущается, мягко говоря, сомнительным происхождением «панамского досье», потому что это может посеять сомнение по поводу их подлинности. Это наводит на мысль, что в случае с «панамским досье» мы имеем дело с хорошо сделанным фальсификатом, в который, ради создания иллюзии достоверности, вложены подлинные документы, раскрывающие реально существующие офшорные схемы президентов Украины, Аргентины, ряда заметных (но не крупных) европейских политиков и бизнесменов. И все это вбрасывается по схеме, блестяще отработанной на

практике на примере проекта WikiLeaks.

Кстати, именно WikiLeaks всего через три дня после начала «панамгейта» заявил, что «скандал с панамским офшором заказан Вашингтоном и направлен против Путина». Это такая типичная для информационных операций «повторная подсветка» исходного события с «правильной» (корректирующей) его интерпретацией: тем, кто не понял, добрые дяди из Лэнгли доходчиво объяснили, что связь «панамского досье» с первыми лицами российского государства существует, эта связь прямая и явная.

Угроза повторной атаки, связанной с вбросом очередной порции «панамского компромата», по-прежнему остается реальной: «Международный консорциум журналистских расследований» (ICIJ) уже обозначил дату опубликования новой порции секретных материалов. Вброс очередной порции дезинформации и слухов, по заверениям ICIJ, намечен на сентябрь 2016 г. – канун выборов в ГД РФ. Очевидно, что время для второй информационной атаки выбрано не случайно: осенью – выборы в Государственную Думу, борьба за места будет чрезвычайно тяжелой и для ЕР, и для остальных парламентских партий. К выборам ЕР относится весьма и весьма серьезно: в партии действует собственная школа подготовки политического спецназа – федеральный проект «Кандидат». Однако если непосредственно перед началом выборов в ГД будет осуществлён вброс очередной порции компрометирующих материалов из «панамского досье» – у

кандидатов от ЕР не будет времени для того, чтобы «отклеить» прилепившийся к ним «ярлык», и выборная кампания для них фактически будут сорвана. Если ситуация пойдёт по такому сценарию, то к осенним выборам в ГД пропрезидентская элита подойдёт, скорее всего, не в лучшей форме.

В стратегическом плане цель развязанной против России информационной войны довольно проста: любыми способами расшатать и расколоть российскую политическую элиту. Скандал с офшорами – тот самый инструмент, который реально способен ее расколоть: одна часть ее будет в значительной степени деморализована и запугана, другая – наоборот, перевозбуждена и настроена на «решительный отпор». В ситуации экономического кризиса и сильного внешнеполитического давления такой психологический диссонанс между сторонниками прекращения конфликта с Западом и теми, кто готов немедленно нанести по «врагу» превентивный удар, может привести к расколу со всеми вытекающими последствиями. Уже сейчас в действиях элиты просматриваются попытки организовать «кавалерийскую контратаку» на западные центры информационной войны – попытки, плохо скоординированные и, следовательно, имеющие большой шанс угодить в умело расставленную ловушку или повестись на провокацию. Постоянное напряжение в этом вопросе поддерживает сам фактор неизвестности: никто не знает, какие именно материалы будут во второй части «панамского досье», и каждый примеряет это досье на себя. А, как извест-

но, ожидание смерти – хуже самой смерти. Тем более что «честные журналисты» из ICJ уже поспешили заявить, что раскроют материалы и по другим офшорным зонам, но ради интриги не уточнили, каким именно.

При всей своей опасности, информационные войны все же не являются «смертельным оружием»: в этой войне побеждает тот, кто умеет предсказать действия своих противников на несколько шагов вперед. И затем нанести удар, который не ожидают. Как в Сирии. В этом плане особого внимания заслуживает деятельность российских каналов инновационного вещания, таких как RT и радио «Спутник», которые успешно доводят российскую точку зрения до зарубежных (в том числе западных) аудиторий: RT смотрят даже в США, что вызывает озабоченность Государственного департамента. Не случайно Дж. Керри, выступая в Конгрессе, около года назад заявил, что «русские СМИ работают настолько эффективно, что они уже влияют на формирование общественного мнения в самих Соединенных Штатах», и «нам надо создать такие же СМИ, способные противостоять русской пропаганде».

Вовлечение в деятельность террористической организации как дискурсивная технология управления социумом⁶³

*Катышев П.А.*⁶⁴

Тезисы доклада

Аннотация: Цель исследования: предложить описание вовлечения в террористическую организацию в аспекте критической методологии дискурса-анализа. Задачи исследования: 1) определить вовлечение в террористическую организацию как дискурсивный феномен; 2) представить вовлечение в деятельность террористической организации как социальный фрейм, аккумулирующий вокруг себя сумму представлений о структуре и системе знаний, необходимую для воспроизводства инклюзивного воздействия; 3) продемонстрировать отдельные участки этого социального фрейма – в частности,

⁶³ Работа была поддержана грантом Международной грантовой программы 2016 г. Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

⁶⁴ **Катышев Павел Алексеевич** – доктор филологических наук, профессор, Институт перспективных исследований МПГУ, г. Москва; профессор кафедры стилистики и риторики ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово

инклюзивные дискурс-стратегии.

Ключевые слова: вовлечение в деятельность террористической организации, дискурс, фрейм, стратегия.

Katyshev P.A. Involving into the terrorist organizations like a discursive technology of socium's management.

Abstract: Research purpose: to offer a description of a description of involvement into the terrorist organization in the aspect of critical discourse analysis methodology. Research tasks: 1) to determine the involvement into the terrorist organization as a discursive phenomenon; 2) to represent the involvement into activities of the terrorist organization as a social frame required for the reproduction of inclusive impact; 3) to demonstrate some parts of the social frame – in particular, the inclusive discourse strategies.

Keywords: involvement into activity of the terrorist organization, discourse, frame, strategy.

Выводы проведенного исследования:

1. Вовлечение в деятельность террористической организации – это несимметричный процесс, осуществляемый в дискурсивных формах членами ин-групп как по отношению к самим себе (самововлечение), так и по отношению к членам аут-групп (вовлечение первичных аудиторий). В таком процессе сторона-инициатор формирует и приводит в дей-

ствие готовность участников коммуникации к совершению согласованных поступков, постепенно актуализуя у них состояние сопричастности, сопереживания, симпатии, необходимого соблюдения принимаемых обязательств, разделения ответственности с группой, заинтересованности в совместном достижении поставленных целей, принадлежности к одной и той же этнической, культурной, социальной и конфессиональной общности и т. д.

2. Моделирование вовлечения в нелегальную организацию возможно посредством социального фрейма. В этом образовании можно выделить несколько уровней, по которым распределяются и координируются типизированные представления о вовлечении: знания об особенностях социокоммуникативного контекста, о стадиях реализации инклюзивного воздействия, о дискурсивном строе как конфигурации типов и форм дискурсов, а также стратегий их воплощения.

3. В исследовании особое внимание обращается на отдельные параметры дискурсивного строя – в частности, на использование предварительно модифицированных понятий, свойственных официальной доктрине ислама, для навязывания мировоззренческих и поведенческих установок включающего нелегального объединения; обобщения выполнены с учетом наблюдений за дискурсивной деятельностью террористической организации «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»).

Формирование протестных установок в социальных сетях: компаративный анализ кейсов Украины (2013–2014 гг.) и Молдовы (2015–2016 гг.)

*Бродовская Е.В.*⁶⁵

*Домбровская А.Ю.*⁶⁶

*Карзубов Д.Н.*⁶⁷

Аннотация. В статье представлены данные сопоставительного киберметрического анализа протестных событий Украины (2013–2014 гг.) и Молдовы (2015–2016 гг.). Результаты проанализированы в соответствии с эмпирической моделью, включающей ивент-анализ, автоматизированный анализ релевантных сообщений с применением онлайн сервиса для мониторинга социальных сетей и дискурс-анализ.

⁶⁵ **Бродовская Елена Викторовна** – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социально-политических исследований и технологий Института истории и политики МПГУ, научный руководитель лаборатории социального компьютеринга Института перспективных исследований МПГУ.

⁶⁶ **Домбровская Анна Юрьевна** – доктор социологических наук, главный научный сотрудник лаборатории социального компьютеринга Института перспективных исследований МПГУ.

⁶⁷ **Карзубов Дмитрий Николаевич** – аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий МПГУ.

Выявлены общие и отличительные технологии формирования протестных установок в социальных медиа украинского и молдавского сегментов социальных медиа.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, социальный протест, киберметрия, дискурс-анализ, ивент-анализ, социальные медиа, цифровые маркеры протестных установок.

Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Y., Karzubov D.N. Formation of protest attitudes in social networks: a comparative analysis of the cases of Ukraine (2013–2014) and Moldova (2015–2016).

Abstract: The paper presents the comparative cybermetrics analysis of protest events in Ukraine (2013–2014) and Moldova (2015–2016). The empirical model of the study includes event analysis, automated analysis of relevant messages using online services to monitor social networks and discourse analysis.

The common and specific characteristics of online technology of shaping protest attitudes in Ukrainian and Moldovan segments of social media.

Keywords: Internet communication, social protest, cybermetrics, discourse analysis, event analysis, social media, digital markers of protest attitudes.

Интенсивное развитие Интернет-коммуникации детерминирует использование социальных сетей как мобилизующую

силу и ресурс влияния на общественное мнение и социальные аттитюды граждан, и в первую очередь, протестные установки. Очевидно, что активно циркулирующие сообщения (популярные посты) имели существенное воздействие на протестные установки украинских и молдавских пользователей (потому и воспроизводились ими) и являлись значимой частью технологии формирования протестной активности граждан. Вместе с тем, общность такого свойства исследовательских кейсов, как активная циркуляция (репост) протестных установок в социальных сетях, сочетается с отличительными чертами процесса формирования протестных установок и протестной активности в Украине и Молдове. В статье будут сопоставлены технологии формирования общественного мнения в социальных медиа в отношении кризисной ситуации в этих двух государствах.

В рамках заявленного научного направления в последние годы работает ряд исследователей: М. Кастелье [11] [12], акцентирующий внимание на социальных сетях как инструменте формирования новой социальной морфологии современных обществ и средство воздействия на процессы, связанные с производством, повседневной жизнью, культурой и властью; Г. Рейнгольд [8], ассоциирующий развитие коммуникационных технологий с феноменом «умной толпы» (smartmob); Л. Спрэлл и С. Кайзлер [14], анализирующих воздействие общения в сетях на групповую динамику и социальные интеракции оффлайн, а также С. Грин [13],

осуществивший анализ сообщений русскоязычного сегмента социальных сетей на предмет ретрансляции протестных мемов.

Рассмотрение украинских протестных событий в контексте международной революционной практики, требует опоры также на опыт исследований зарубежных «Оранжевых революций»: С. Хмелевского [10], А. Коротаева [6], Е. Зеленев [5], Л. Сюкияйнен [9], М. Кристенсен [7] и др.

Эмпирическая модель исследования включает:

- ивент-анализ, используемый для интерпретации артефактной компоненты релевантных сообщений украинского и молдавского сегментов социальных сетей;

- типологизация релевантных документов для выявления социально-политических профилей протестующих – авторов социально-медийных сообщений;

- дискурс-анализ сообщений и анализ метафор для выявления глубинных смыслов, вкладываемых пользователями в выражаемые протестные установки.

Заявленная эмпирическая модель потребовала применения программного обеспечения – онлайн сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz. Данный сервис аккумулировал большой массив документов, опубликованных в социальных медиа за указанный период и релевантных предмету исследования. 600 наиболее часто циркулирующих в пространстве социальных медиа сообщений стали объектом дискурс-анализа.

Релевантные сообщения, выгруженные с помощью IQBuzz, были автоматически типологизированы на основе степени конвенциональности выражаемых протестных установок и упоминаемых в них акторов (политических лидеров).

Доля документов, отражающих риторику неконвенционального протеста в период с середины января по конец февраля 2014 г., составила примерно третью часть всей выгрузки (см. рис. 1). Сопоставление этого показателя с идентичным показателем периода декабря 2013 – 17 января 2014 г. показало существенное снижение радикалистских сообщений. Эта доля неконвенциональных сообщений была также присуща периоду протеста 18–30 ноября 2013 г.

Объяснение тому – в том, что активная мобилизационная стадия протестных действий уже произведена на втором этапе, поэтому ключевой задачей последующего периода служит не столько мобилизация, сколько информирование о происходящих событиях и поддержание высокого уровня репрезентированности протестных установок в социальных медиа.

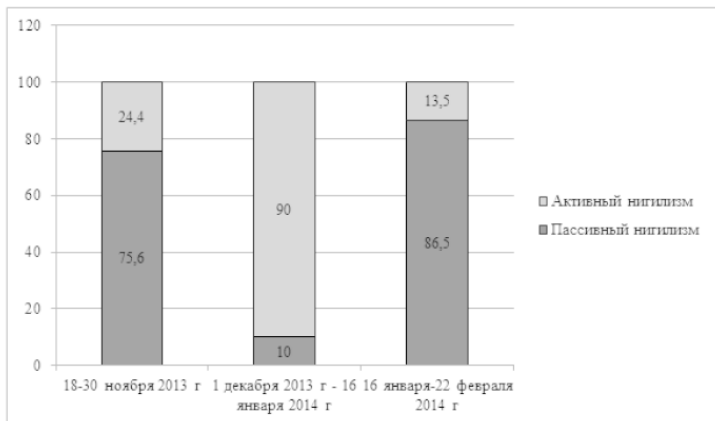

Рисунок 1. Распределение сообщений с лексикой активного и пассивного нигилизма.

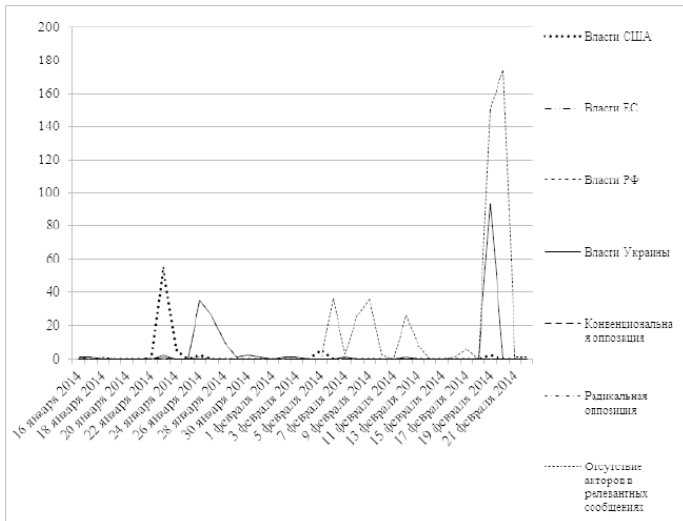

Рисунок 2. Хронологическое распределение сообщений активно-нигилистического характера с учетом акторов (16 января – 22 февраля 2014 г)

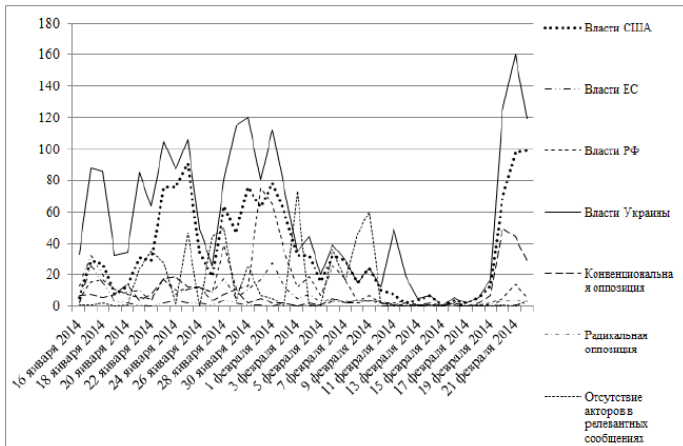

Рисунок 3. Хронологическое распределение сообщений пассивнонигилистического характера с учетом акторов (16 января – 22 февраля 2014 г.)

В период 16 января – 22 февраля 2014 г. было опубликовано 5944 релевантных сообщений, 802 (13,50 %) из которых содержали риторику активного нигилизма, 5142 (86,50 %) – пассивного нигилизма.

Рисунок 4. Уровень радикализации протеста.

Дискурсивный анализ релевантных предметов исследования сообщений показал, что содержание протестных высказываний в украинских сетях в период с 16 января по 22 февраля 2014 г. аккумулировало дискурсы, метафоры и основные идеи предыдущих периодов протестного процесса на Евромайдане [1, с. 2]. Активно циркулируют метафоры, связанные с присвоением бывшему Президенту Украины В.Ф. Януковичу социального ярлыка «бандита», «вора» и «предателя». Эти темы получили развитие в дискурсе, отражающем отношение к бывшей украинской власти как источнику бед, лишений и социальной несправедливости. Интенсивно транслируются «систематизированные этапы предательства

В.Ф. Януковичем народа и Украины». Так, в качестве первого эпизода приводится *«приказ о разгоне, а потом признание превышения полномочий «Беркутом» во время разгона первого выхода людей на Евромайдан»*. В сообщениях, в которых отражен «полный перечень предательских поступков» В.Ф. Януковича в качестве заключительного значится его *«позорный побег»*.

Второй прием информационной атаки на бывшего Президента Украины – это превращение его имени в имя нарицательное: «бандюкович», «мироносец и увещеватель», «предатель». Это означает его деперсонализацию, своеобразный отказ В.Ф. Януковичу в его личном имени. Многие словопотребления указывают на «политическую казнь» и расправу над «виновником народных бед»: *«...кинут его с промокшими штанами в костер из горящих шин, кремируют заживо...»* или *«...он погрузил себя в адский громокипящий котел....а каждый должен отвечать за себя и свои действия»*, *«Янукович – политический труп»* свидетельствует о корреляции в общественном сознании идей *«Нет имени» – «Нет человека»*.

Характерные для периода до 16 января 2014 г. метафоры об исключительности пути украинского народа и представления украинцев как жертв *«властного беспредела»* объединяются в одну метафору *«адских переживаний украинского народа»*. Эти значения отражены в таких типичных сообщениях: *«...наш костер эштоньы, нуландьы и прочие «специали-*

сты» *тушат бензином*». В этой цитате прослеживается указание на корыстное вмешательство в дела украинцев политиков других стран. В ядре этой идеи формируется новый дискурс, связывающий происходящее в Украине с формированием *«фашистского режима»*: *«...под кабмином играли немецкие наступательные марши и развивались флаги со свастиками и рунами третьего рейха....»* или *«...всё, что сейчас происходит в Украине – фашизм»*.

В социальных медиа анализируемого периода используются несколько способом мобилизации протестного сознания: распространение своеобразной «инструкции протестующего на Евромайдане» или рационализации и позитивизации образа протестующего:

«Я не бендеровец в том понимании, которое есть у тебя...Я не заробитчанин с Галичины – я руковожу командой из 1000 сотрудников в крупной международной организации.....Я хочу, чтобы мои дети росли в Украине, а не в Малороссии, хочу, чтобы в школе им рассказывали о европейских ценностях, а не о постсоветских...существующая власть преступна...Япытаюсь бороться...».

Сравнение украинского и молдавского кейсов по степени радикальности демонстрируемых в сообщениях установок не представилось возможным, так как в молдавском сегменте социальных медиа была выявлена слабая дифференциация сообщений по данному основанию. Пользователи молдавского сегмента социальных сетей в большинстве своем

ориентированы на конструктивный диалог с властью.

Типологизация протестных сообщений в молдавском сегменте новых медиа была осуществлена по другим критериям и с применением дискурс-анализа 600 наиболее часто циркулирующих в молдавских социальных медиа протестных сообщений. В основе типологии – содержательная специфика отраженных в релевантных сообщениях ответов на вопросы «Кто мы?», «С кем мы?», «Куда мы идем?».

Дискурсивный анализ выгруженных сообщений позволил выделить три кластера сообщений, в которых по-разному звучат ответы на указанные вопросы. Первый тип ассоциирует молдаван с самостийным и самобытным народом, главная ценность которого – глубокий национальный историко-культурный пласт, а главный ориентир – национальная независимость.

Цифровыми маркерами данной установки служат следующие словоупотребления в социальных медиа «Историческое возрождение», «Историческая миссия» и др.

Второй тип сообщений ассоциирует молдаван с европейской нацией или частью румынского народа, включающего в себя венгров, молдаван и др. нации. Главной ценностью видится единство с европейским (или, в частности, румынским) народом. Главной идеей сообщений данных пользователей является игнорирование собственной идентичности и ориентация на интеграцию с другими народами. Акцент на интеграцию с европейской нацией данной части молдавских

пользователей имеет сходную природу с процессом формирования аналогичных установок в украинском сегменте социальных сетей. Основным механизмом развития установок на интеграцию с европейской нацией в молдавском и украинском сегменте социальных сетей – это противопоставление Европы и России и использование негативного контекста при упоминании РФ: «России хунта», «Агрессия России», «Война (России) с Украиной», «Российская оккупация» и т. д.

Третий тип сообщений репрезентирует молдаван как часть славянского мира, как народ, имеющий общую с русскими людьми историю и культуру. Главной ценностью в этом типе сообщений служит единство всех российских (постсоветских) народов, а главным ориентиром – противостоять Западу в попытке организации «оранжевой революции» в Молдове по украинскому сценарию. В данных сообщениях доминирует отрицательная оценка и осуждение представителей украинской власти, допустивших Евромайдан. Цифровые маркеры этого типа сообщений – словоупотребления в новых медиа: «Киевская хунта», «Польша – Украина Европы», «Хохлы», «Игилизация», «Киевская камарилья». «Украина – черная дыра» и др. Зачастую в сообщениях данного типа встречается просьбы к украинцам «опомниться, вспомнить, что украинцы – славяне наряду с русским народом». Сообщения, в которых репрезентирован образ России как дружественного государства, харак-

теризуются наличием критических замечаний в отношении Европы и США. Таким образом, дискурс-анализ релевантных предмету исследования сообщений позволяет заключить, что пользователи молдавских социальных сетей склонны к бинарному восприятию внешних сил: одобрение России означает неприятие и осуждение политики Европы и США, в свою очередь присоединение к позиции Европы и США детерминирует критику в отношении России.

Еще одним направлением сопоставления украинского и молдавского кейсов была система следующих параметров:

- основная идея и катализатор протеста;
- характеристики протестного процесса;
- участники протеста;
- внешние социальные силы (субъекты, акторы);
- особенности коммуникации с элитами;
- направленность и реактивность элит;
- технологии формирования протестных установок;
- маркеры смены фаз протеста;
- итоги протеста.

Сравнительный анализ позволил установить особенности молдавских протестных событий в отличие украинского кейса:

- большая длительностью протестной волны и более протяженные этапы протестного процесса;
- большая реактивность элитарных социальных групп;
- конвенциональная, нерадикальная направленность зна-

чительной доли лидеров протеста;

- использование идеи отказа от национально-государственной идентичности;
- диалоговый характер взаимодействия с элитами;
- отсутствие инцидента (событий, приведших к человеческим жертвам);
- несущественная репрезентация протестной риторики, в которой Россия конструируется как детерминанта раскола общества,
- значительное распространение позитивного дискурса России и ее роли в решении проблем международных отношений.

Среди сходных черт молдавского и украинского протестных событий следует перечислить:

- формирование дискурса олигархического капитализма;
- циркулирование риторики раскола политических элит;
- ключевая роль проблемы коррупции во власти в процессе формирования протестных установок;
- значимость молодежи и молодежных организаций как социальных сил протеста;
- использование тактических приемов протестных действий: палаточные лагеря, захват государственных зданий;
- широкая репрезентация внешних западных лидеров в качестве акторов сообщений протестного характера;
- хронологическая близость протестных событий к президентским выборам.

На данном этапе исследования определение долевой представленности данных сообщений в молдавских сетях различных этапов протеста является ближайшей перспективой. Анализ удельного веса сообщений разного типа в периоды, хронологические близкие к протестным событиям, позволит завершить разработку технологии прогнозирования протестного поведения по цифровым следам.

Использование теории графов служит не менее значимой перспективой анализа формирования протестных установок в новых медиа. Данная методика позволит определить пользовательские хабы, т. е. пользователей-лидеров, обладающих наибольшим объемом активных связей, и играющих роль мобилизаторов протестной активности в онлайн и оффлайн пространствах. Предполагается, что эти акторы, воздействующие на общественное мнение, формируют содержание и начинают трансляцию протестных сообщений, постов и мемов. Увеличение активности пользовательских хабов по распространению протестных сообщений также следует рассматривать как предиктор протестного поведения на определенной территории.

Представленный в статье подход может позволить моделировать и прогнозировать развитие социально-политических процессов в странах, вовлеченных в конфликт, и апробировать автоматизированную обработку больших данных (Big Data).

Поддержка

Исследование выполнено в рамках осуществления государственного задания Минобрнауки России «Выявление закономерностей взаимосвязи развития политических систем и Интернет-коммуникации» (код задания 2816 на 2014 – 2016 гг.), а также гранта РФФИ № 01201451097 «Методология интеллектуального поиска маркеров в Интернет-контенте».

Источники и литература

11. *Абрамов М.В., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю.* Стратегии формирования установок протестного А.А поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. II //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 56 – 74.

12. *Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А.* Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. I //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2. С. 63–78.

13. *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Стратегии поль-

зования глобальной электронной сетью и национальный менталитет россиян и китайцев: результаты сравнительного кластерного анализа // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5; URL: <http://www.science-education.ru/119-15115> (дата обращения: 29.10.2014).

14. *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Профили пользователей Интернета и национальный менталитет в России и Швеции: результаты сравнительного кластерного анализа // *Фундаментальные исследования*. № 11. 2014. С. 661 – 664

15. *Зеленев Е.И.* Смута, анархия, революция: арабская политическая культура на пути в будущее // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 1. С. 8–12.

16. *Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А. С.* Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. М.: Издательство ЛКИ, 2012.

17. *Кристенсен М.* «Арабская весна как мета-событие и коммуникативное пространство» // Стокгольм, «Телевидение и новые медиа». 2013. Т. 14. Вып. 4. С. 351–364.

18. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция / [пер. с англ. А. Гарькавого]. М.: Изд. – торговый дом ГРАНД: Фаир пресс, 2006.

19. *Сюкияйнен Л.Р.* «Арабская весна» и исламская правовая мысль // *Право. Журнал Высшей Школы Экономики*. 2013. № 1. С. 16–37.

20. *Хмелевский С.В.* Пять минут до «ядерной полуночи», или к вопросу об «экспорте демократии (революций)» и по-

зиции национальной элиты в кризисных ситуациях // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 248–254;

21. *Castells M.* Communication power. Oxford: Oxford univ. press. 2009. 433p.

22. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.

23. *Green S.* Twitter and Russian protest: memes, networks and mobilization // Центр изучения интернета и общества: [веб-сайт]. 2012. 25мая. URL: <http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/ТВНТТер-Н-россНficKHft-протест-мемы-сет>.

24. *Sproull L., Kiesler S.* Connections: New Ways of Working in the Networked Organization; Seventh printing, MIT Press, 2001.

«Агрессивная война и контрреволюция – пожиратели детей. (В показателях «ювенальной» статистики народонаселения)

*Самохин Н.И.*⁶⁸

Тезисы доклада

Аннотация. Коренное обезлюдение Российской державы в постконтрреволюционные смутные времена «третьей гражданской гибридной войны» (после перехода от советского общества к «новому российскому») с годами возрастает. [3]. Доказательные свидетельства – исторические (за 118 лет) результаты потерь народонаселения РФ от снижения рождаемости и от других факторов. (Если не сказано иначе, все авторские расчёты характеризуют территорию РФ) [1; 2].

Ключевые слова: рождаемость, внебрачная рождаемость, дети.

Samokhin N.I. “Aggressive war and kontrevolution –

⁶⁸ **Самохин Николай Иванович** – кандидат экономических наук, независимый журналист.

devourers of children, (in according to the “juvenile” statistics of population).

Abstract: Fundamental depopulation of Russian state during postcounterrevolutionary time of troubles of “third civil hybrid war”(after transition from soviet society to the “new Russian”) increases with years. [3]. An evidentiary testation – historical (during 118 years) results of depopulation of Russian Federation because of fertility decline and other factors. (Unless otherwise indicated, all author’s calculations characterize the Russian Federation territory.) [1; 2]

Keywords: fertility, illegitimate fertility, children.

В помещичье-буржуазной монархической Российской державе психологию и «*условия размножения человека*», масштаб и уровень рождаемости определял комплекс цивилизационных и формационных законов народонаселения позднефеодального и капиталистического миров. Война 1914–1922 гг. и изменившееся общественное бытие переменяли, до известной меры, массовую психологию и мораль репродуктивного поведения людей. Формальное **сокращение** в **войну** брачности и фактическое разлучение потенциальных супругов «*разлучницей-разлукой – чужбинной стороной*» – обусловили реальное уменьшение (дефицит) рождений в 1915-1917-1923 гг. [1]. «...*Вместо свадеб – разлуки и дым!*» [3]. На территории РФ в 1896/97 г. численность де-

тей обоего пола до 16 лет (моложе трудоспособного возраста) составляла 26279 тысяч; в 1913/14 г. (оценочно; в тысячах) – 37360*; в РСФСР в 1926/27 г. – 36854; – 1938/39 г. – 42072; – 22.06.1941 г. – 43433*; – 1945/46 г. – 32577*. [1].

После перехода от одного общества к другому абсолютные масштабы и уровни рождаемости в РСФСР в *отдельные годы* фактически превосходили среднегодовые характеристики рождаемости, свойственные периоду монополистического капитализма в России. [1; 2].

Репродуктивную психологию в общем определяла *психология социального оптимизма* большинства советских людей: оптимистический взгляд в будущее и своё, и своих детей, и своих будущих детей. В целом за 4,5 предвоенных года (1937 г.– 1 полугодие 1941 г.) в РСФСР родились живыми 19063 тысячи младенцев. [1; 2].

За 4,5 военных года (II половина 1941–1945 гг.) в РСФСР появились на свет живыми 8613* тысяч младенцев. [1].

Общие демографические потери СССР во Вторую мировую войну составили 45,7 % всех демографических потерь Земли (РСФСР – 21,5 %). Образовавшийся вследствие войны «гендерный переко́с» в населении РСФСР (= превышение численности женщин над численностью мужчин в 14031 тысячу человек – на 31.12.1945 г.) привёл в Советской России:

а) к очевидному падению рождаемости в послевоенные годы (1946–1990 гг.) в сравнении с предвоенным периодом; *б)* к высокой доле внебрачных рождений в 1945–1955 гг. Среднегодовое число (в тысячах) и доля (в % от общего числа ро-

дившихся) младенцев, рождённых женщинами, не состоявшими в официально зарегистрированном браке, составляли: по РСФСР – в 1945 г. – 310,9 и 24,4 %; в 1955 г. – 497,2 и 16,9 %; по РФ в 2001–2013 гг. – 437,7 и 27,0 %. [1]. *Больнее всего от войны (согласно В.С. Гельфанду) пострадали дети дотрудоспособных возрастов,*

контингент которых в РСФСР к 01.01.1946 г. сократился на 9495 тысяч человек против 1938/39 г. и на 10856 тысяч человек против 22.06.1941 г. [1]... Несомненна органическая связь послевоенных демографических потерь с отгремевшей **войной** 1941–1945 гг.: Россия так и не восстановила в 1946–1990 гг. довоенные масштаб и уровень деторождаемости... После возвращения советской страны к условиям мирного времени, с 1946–1947 гг. по 1986–1987 гг., существенными причинами сокращения естественного прироста советского народонаселения, наряду с последствиями **войны**, являлись известное расширение в СССР в 1960-1970-х и очень значительное расширение в 1988–1991 гг. сферы товарного воспроизводства и "гибридной" ("конвергентно-смешанной") экономики, обусловившие уменьшение рождаемости... Вследствие падения рождаемости от войны суммарно за 13 лет (1946–1958 гг.) в РСФСР недородились дети: – в сопоставлении с предвоенным периодом – 18096 тысяч душ; – в сопоставлении с 1949 г. – 3185 тысяч душ. [1; 2].

Отсутствие в полной мере эффективных властных мер

привело в 1965–1973 гг. и в 1990 г. к дополнительному снижению рождаемости и суммарному дефициту рождений в 9100 тысяч душ и также в 1959–1964 гг. и 1974–1989 гг. – к суммарному дефициту рождений в 11022 тысяч душ (в сравнении со среднегодовыми характеристиками рождаемости 1946–1958 гг.) [1].

...**В** перманентной (с 1991 г.) конфронтационной (**полувоенной**) ситуации катастроф смутного времени в РФ *современным демографическим тенденциям* присущи элементы и черты, характерные для периодов иностранных военных интервенций и гражданских **войн**. [1]. **В** постсоветские «*смутные времена регресса и третьей гражданской гибридной войны*» за 1991–2014 гг. суммарные демографические **утраты граждан** Российской державы превысили 65220 тысяч душ, в том числе: + 16296 тысяч душ – от *сверх-*недорождаемости постоянного населения + 19591 тысяч человек – от *сверх-*смертности постоянного населения + 6463 тысяч человек – от вынужденного отъезда россиян за рубежи РФ = эмиграции на постоянное жительство за границу + 10883 тысяч человек— в связи с приобретением гражданства РФ и – в своём большинстве – статуса постоянного жителя РФ «прежде иностранцами» + 11987 тысяч человек – в связи с миграцией иностранцев – прежде не резидентов на постоянное жительство в РФ без получения российского гражданства [1; 3].

Рассматриваемые в эволюции по территории РФ, средне-

годовой показатель (общий коэффициент) рождаемости (на тысячу жителей страны; в промилле) и среднегодовое число младенцев, родившихся живыми (в тысячах), менялись так: -1897-1913 гг. – 47,1 и 3800; – 1913 г. – 47,0 и 4370; -1914-1917 гг. – 34,2 и 3246; – в РСФСР в 1918–1922 гг. – 33,7 и 3040; – 1923–1926 гг. – 43,3 и 3868; – 1923–1928 гг. – 43,4 и 3956; – 1927–1932 гг. – 45,7 и 4484; – 1929–1932 гг. – 43,9 и 4379; – 1933–1936 гг. – 33,6 и 3428; – 1929 г., – I полугодие 1941 г. – 38,8 и 4023; – 1937 г.-I полугодие 1941 г. – 39,0 и 4236; – II полугодие 1941–1945 гг. – 18,3 и 1914; – 1946–1949 гг. – 27,5 и 2716; – 1949 г. – 30,7 и 3089; – 1946–1958 гг. – 26,8 и 2844; – 1950–1958 гг. – 26,5 и 2901; -1959-1964 гг. – 20,7 и 2529; – 1965–1973 гг.+1990 г. – 14,7 и 1934; – 1974–1989 гг. – 16,2 и 2273; – 1959–1964 гг.+1974–1989 гг. – 17,3 и 2343; – 1959–1990 гг. -16,5 и 2215; в РФ в среднем за 1991–2014 гг. – 10,6 и 1536. При этом численность детей, родившихся у граждан РФ в 1992–2015 гг., официально не обнародована [1; 2]. Приведенные среднегодовые показатели рождаемости отразили реально воплощённую массовую психологию репродуктивного поведения россиян, реализованное репродуктивное поведение россиян, 88 (из 118) лет безумно ограничиваемых в деторождении агрессивными войнами, последствиями войн и контрреволюцией. Снова и снова: «Ах, **война**, что ж ты сделала, подлая!» [3]. Власть виновна в том, что рождаемость и детность в российских семьях низкие; что на территории суверенной свобод-

ной России среднегодовая численность всех детей – граждан РФ и иностранцев (**постоянных жителей** до 18 лет в составе населения) уменьшилась с 40057 тысяч в 1991 г. до 27736 тысяч в 2003–2014 гг. Стало быть (согласно СМИ), "*главная угроза настоящему и будущему России в условиях «гибридной третьей гражданской войны» – система, непрерывно воспроизводящая разрушительные бедствия, всеобщую деградацию, варваризацию, примитивизацию и вымирание народонаселения*" [1; 3]. Безумие и безумство (постконтрреволюционной) «*третьей гражданской войны*» [3] убивают людей и пожирают детей.

Источники и литература

1. Приведенные статистико-демографические оценки Н.И. Самохина произведены на основе научных данных ЦСК МВД, ЦСУ, ЦУНХУ, Госкомстата, Росстата, ФСГС, ФМС, МИД РФ, других государственных учреждений; учреждений АН СССР, РАН; коллективов БСЭ, БРЭ, НРЭ; Б.В. Авилова, Е.М. Андреева, А.Я. Боярского, С.И. Брука, А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, Е.З. Волкова, О.К. Гаврилова, В.С. Гельфанда, А.С. Георгиевского, Л.Е. Дарского, В.Б. Жиромской, С.В. Захарова, В.Н. Земскова, С. Иванова, И.П. Ильиной, Г.Ф. Кривошеева, О.Е. Кутафина, С. Максудова (А.П. Бабёнышева), О.А. Платонова, Ю.А. Полякова, А.Г. Рашина, Н.М. Римашевской, В.Н. Старовского, Б.Ц. Урла-

ниса, Т.Л. Харьковской, Б.С. Хорева, других учёных, с учётом авторских исследований Н.И. Самохина.

2. *Андреев Е.М., Царский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.

3. Перефраз Е.А. Евтушенко; фразы Б.Ш. Окуджавы.

Секция III

Войны и социальные конфликты в переломные периоды мировой истории

Идеи справедливого мирового порядка: исторический опыт Западной, Центрально- Восточной Европы и России (середина XV – начало XXI вв.)

*Орлов А.А.*⁶⁹

*Сопленков С.В.*⁷⁰

*Альбертина В.А.*⁷¹

⁶⁹ Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ.

⁷⁰ Сопленков Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания ГБПОУ г. Москвы. Западный комплекс непрерывного образования (ЗКНО).

⁷¹ Альбертина Валентина Александровна – учитель истории и обществознания ГБОУ г. Москвы «Лицей № 1535».

Аннотация: Цель статьи – ответить на вопрос, почему существующие с XVII в. принципы системы «справедливого мира» не обеспечивают стабильность международных отношений в современных условиях; каким образом на основе ретроспективного анализа важнейших черт концепций «справедливого мира» Россия может попытаться сформулировать позитивные идеи справедливого мирового порядка на данном этапе?

Не секрет, что сегодня многие западные политики принимают Россию в расчёт в лучшем случае лишь как региональную державу. Представляется, что позиции России усилятся, если в своей внешнеполитической концепции она сможет сформулировать проект справедливого мирового порядка, учитывающий исторический опыт (переработанный с учётом современных реалий) мировых систем предшествующих исторических эпох. Главное – чтобы такой порядок создавал условия для успешного экономического развития государств, роста уровня жизни населения при сохранении этнокультурных и цивилизационных особенностей.

Ключевые слова: справедливый мировой порядок, европейские проекты «вечного мира», кодекс международного права, Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская системы международных отношений, СССР, Россия, Европейский Союз, США.

Orlov A.A., Soplenkov S.V., Albertina V.A. The ideas of an equitable world order: historical experience of Western, Central-Eastern Europe and Russia (the middle of the XV – beginning of XXI centuries)

Abstract: The purpose of this article is to answer the questions: why existing principles of an equitable world order which were established since XVII century are not working in the present political situation, which lessons from European projects of «eternal peace» Russia can retrieve now, and how Russia can formulate a positive idea of an equitable world order at modern stage of political development?

It is no secret that many Western leaders are taking Russia into account only as a regional power today. It seems that Russia's position will be stronger if its foreign policy concept will include a project of the equitable world order. This concept should take into account historical experience of the preceding epochs. The main idea is that new equitable world order should provide the conditions for better standards of living for all nations, for constructive movement forward, which should be open to all states and nations with obligatory preservation of their identity.

Keywords: equitable world order, European projects of «eternal peace», code of international law, Westphalian, Vienna, Versailles-Washington, Yalta-Potsdam systems of international relations, the Soviet Union, Russia, European Union, the United States.

Мы живём в эпоху, когда постепенно рушится система международных отношений, установленная после Второй мировой войны. Возникла реальная перспектива не только возобновления «холодной войны», но и нового военного конфликта в глобальном масштабе. Как же предотвратить возникшую опасность? Возможно ли в современных условиях установить на длительный срок справедливый мировой порядок, дающий возможность сохранения мира и стабильного развития больших и малых государств?

Отсюда цель статьи – ответить на вопрос, почему принципы создания системы справедливого мира не работают в современной обстановке, какие уроки из прошлого европейского и своего опыта Россия может извлечь сейчас, и каким образом она может сформулировать позитивные идеи справедливого мирового порядка на данном этапе?

Первым шагом к созданию стабильной общеевропейской системы международных отношений стал Вестфальский мир 1648 г. Мирный договор, подписанный представителями Священной Римской (Германской) империи, Испании, Франции, Швеции, Нидерландов и их союзников из числа германских князей, зафиксировал стремление европейских государств после завершения Тридцатилетней войны сохранить существующее положение (*status quo*). В 1659 г. был заключён Пиренейский мир между Францией и Испанией. Утрехтский договор 1713 г. завершил Войну за

испанское наследство. В Утрехте впервые официально была признана необходимость введения в действие принципа «баланса сил» (balance of power) великих держав. После этого внешнеполитическое взаимодействие европейских государств постепенно трансформировалось в систему, основанную на данном принципе. Принцип «баланса сил» косвенным образом гарантировал независимость малых стран, поскольку их прямое поглощение (или фактическое подчинение) крупными государствами привело бы к нарушению такого равновесия [14, с. 280–281].

Для того, чтобы лучше понять, каким образом сформировался этот комплекс идей, нам необходимо сделать шаг в прошлое. Ещё в 1464 г. появился проект чешского короля Иржи Подебрада («Трактат об установлении мира в мире христианском») [28, р. 91–99] с идеей образования союза сильных европейских государств, правители которых для успешной борьбы с османской экспансией в Европе должны были согласиться на создание единой армии и на замену устаревшего феодального права (порождавшего междоусобные войны) новым правом. «...Новые, из лона природы почерпнутые правила [позволят] и с новыми злодеяниями бороться новыми средствами...». По мнению автора трактата, роль международной судебной инстанции могла бы играть общая «консистория», откуда, «...как из источника, текли бы ручьи справедливости во все стороны» [28, р. 94–95]. Известный юрист-международник (член Международного суда

ООН) В.М. Корецкий полагал, что этими идеями «...Подебрад предвосхищал естественно-правовую доктрину»⁷² [7, с. 396].

Возможно, создание «Трактата...» и его отправка со специальными посольствами в столицы крупнейших европейских государств было запоздалой реакцией лидера гуситов (в католическом мире их считали раскольниками и врагами христианского единства) на письма Жанны д'Арк. После коронации Карла VII в Реймсе 17 июля 1429 г. она вынашивала планы крестового похода воинов Запада против турок и угрожала гуситам скорым мщением, если они не перестанут оскорблять католическую церковь [6; 16, с. 287–288].

Проект Подебрада, конечно же, не был принят Венецией и Францией (главными партнёрами, которых чешский король хотел видеть в общем антитурецком союзе) из-за недоверия к схизматикам-гуситам, нежелания видеть их лидера во главе христианского войска и неготовности направить часть средств на содержание этого войска. От старой юридической системы ради установления какого-то «нового права» никто

⁷² «Естественное право» (*лат.* *ius naturale, ius generis humani*) – в изначальном понимании идеальный свод принципов и норм права, продиктованный человеческим разумом, и, как таковой, не зависящий от социально-политических условий места и времени. Основное стремление «естественного права» – поставить над властью некие высшие инстанции, с которыми она должна сообразоваться во имя достижения «общего блага». В Новое время требование введения «естественного права», ставшего одной из частей идеологии Просвещения, стало означать равенство прав всех людей (без различия социального статуса) на жизнь и свободу, а, следовательно, требование равенства граждан перед законом и судом.

из правителей также отказываться не собирался.

Требование введения «естественного права» могла бы поддержать зажиточная городская верхушка, заинтересованная в борьбе и с феодальной аристократией, и с турецкой экспансией, но проект Подебрада был обращён только к правителям государств. В дальнейшем мы наблюдаем интересное явление: монархи вынашивают захватнические планы, рядя их в одежды проектов «вечного мира», тогда как формирующаяся буржуазная городская среда порождает собственные проекты такого рода [12, с. 43], акцентируя внимание, прежде всего, на необходимости внутренних реформ.

Следующий шаг в осмыслении проблематики справедливого общеевропейского мира был сделан в 1517 г. в трактате Эразма Роттердамского «Жалоба Мира...» [21, с. 29–59]. Обстановка в Европе к этому времени стала ещё более тревожной. Революционные изменения происходили в экономике и в мышлении тех, кто трудился в различных её сферах [4]. Начиналась эпоха Реформации. По-прежнему продолжалась активная экспансия Османской империи. Казалось бы, положение было безнадёжным. Но Эразм видел из него выход.

В «Жалобе Мира...» он сделал принципиальный вывод: прочного европейского единства нельзя добиться только усилиями правителей и одними лишь политическими средствами. Цели можно достичь при помощи широкой поддержки со стороны масс людей, объединённых христианской

религией. Поверх голов «сильных мира сего» Эразм апеллировал к нарождающемуся в Европе общественному мнению. После страстного призыва к государям, священникам, богословам, епископам и другим прелатам церкви услышать, наконец, голос Христа, призывающего к Миру, он обращался «...ко всем, кто считает себя христианином: единодушно сплотитесь ради Мира. Покажите, что может согласие народа против тирании сильных мира сего! Пусть все равноправно выскажут свои предложения. Пусть вечное согласие соединит всех, кого столь многими нитями соединили природа и ещё больше Христос. Пусть все совместными усилиями стремятся к достижению того, что в равной мере составляет счастье каждого» [21, с. 58]. Под сенью христианства могут ужиться все народы, ибо, как полагал автор, единство христиан не подразумевает полного единомыслия. События эпохи Реформации показали, что этот тезис Эразма остался только его благим пожеланием. Франко-турецкий союз, заключенный в 1528 г., продемонстрировал утопичность концепции Эразма, однако стимулировал размышления французских авторов на эту тему.

Важный шаг был сделан Э. Крюсе, коммерсантом и мыслителем, в сочинении «Новый Киней...»⁷³ (1623 г.) [21,

⁷³ «Согласно Плутарху, Кинеем звали мудрого советника древнегреческого царя Пирра. Новый Киней, по мысли Крюсе, должен наставлять властителей современного мира». - Андреева И.С. Вековая мечта человечества (Предисловие составителя) // Трактаты о вечном мире / Сост. И.А. Андреева и А.В. Гулыга. [2-е изд.]. СПб.: Алетейя, 2003. С. 11.

с. 60–114]. Он пропагандировал идею развития международной торговли как главного условия «вечного мира» и справедливого мирового порядка. (Идеи Крюсе подробно проанализировал в своей монографии «Российский европеизм» академик А.О. Чубарьян [23, с. 104–107]).

Для обеспечения безопасности и успешности международной торговли Крюсе предлагал создать «Всеобщую ассамблею», куда должны были войти монархи не только европейских государств (Англии, Франции, Испании, Швеции и т. д.), но и представители крупных восточных держав (Персии, Китая, Турции, России и др.). Всем им (в первую очередь, конечно, европейцам, но, под их влиянием, и остальным) следует провести на подвластных территориях необходимые реформы, которые дадут производящей части населения свободу экономической деятельности и некоторые политические права. Если же это вызовет сопротивление и появятся «опасные предубеждения», то с ними монархи «...покончат с помощью других суверенов, которые быстро предоставят им помощь, поскольку все заинтересованы в том, чтобы подавить бунты» [21, с. 93].

Здесь автор затрагивает важнейший вопрос: в каких случаях и до какой степени международная организация имеет право вмешиваться во внутренние дела самостоятельных государств? Ответ Крюсе, насколько можно понять из его сочинения, таков: достигнутая при помощи «Всеобщей ассамблеи» стабильность и развитие торговли в мировом масшта-

бе постепенно создадут человеческое общество, функционирующее как единый организм. Следовательно, если продолжить эту мысль, отпадёт и всякая необходимость вмешательства в дела народов и государств – составных частей объединённого человечества.

Письма Жанны д'Арк, трактаты Подебрада, Эразма Роттердамского, появившийся в конце XVI – начале XVII вв. «Великий план» французского короля Генриха IV, – все эти проекты говорили о необходимости объединения европейцев ради борьбы с главными врагами христианского мира – турками. Крюсе допускает включение жителей восточных держав (к ним он относит и Московию) в сообщество цивилизованных народов, если это необходимо для развития торговли. При этом обитатели Востока должны принять общие правила игры, т. е. подчиниться европейцам (французам).

Как мы видим, идейный фон перед заключением в 1648 г. Вестфальского мира был очень насыщенным. Такой опыт осмысления постепенно накапливался и использовался по мере необходимости. Его обобщил голландский мыслитель Г. Гроций в знаменитом трактате «О праве войны и мира» (1625 г.). Благодаря ему, правители и обслуживающие их интересы политики получили в своё распоряжение инструкцию по созданию устойчивой международной системы в Европе. Когда Тридцатилетняя война поставила Европу на грань выживания (некоторые области Германии обезлюдели на 80 % [15, с. 108]) политические элиты крупнейших

держав воспользовались имеющимся идейным «инструментарием» и впервые привели Европу в состояние «баланса сил».

Позже войны французского короля Людовика XIV, которые он вёл в течение большей части своего правления (1667–1714 гг.), на время нарушили это равновесие. В лице Людовика XIV на континенте появился агрессор. Борьба с ним породила целую серию пацифистских трактатов. Особенно здесь преуспели англичане. Мы имеем в виду, например, знаменитый трактат духовного лидера квакеров У. Пенна «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе...» (1693 г.) [21, с. 115–135; 27]. По мысли Пенна, объединение государств должно быть создано не ради усиления правителей и даже не ради достижения какой-либо конкретной цели, а ради того, чтобы благо политического равновесия дало государям возможность заняться внутренними делами, обратив внимание на нужды и бедствия подданных. Если государь не будет заниматься этим, рано или поздно волна народного гнева (розга Бога!) сметёт его с лица земли, поставив на край гибели и народ, и само государство. Пенн ясно заявил: экономически активная часть населения (в Англии того времени это были джентри и буржуазия) от имени всего народа имеет право призвать национальные правительства и представительное собрание европейских государств⁷⁴ (если тако-

⁷⁴ В трактате Пенна даны разные названия этого органа: всеобщий Конгресс, Палата государств или Парламент, Верховный совет государств Европы, Евро-

вое соберётся) уважать её права.

Французские авторы, в свою очередь, не могли игнорировать утвердившуюся в общественном сознании идею справедливого мирового порядка. Одним из них был талантливый публицист аббат Сен-Пьер (Ш.И. Костёр), заслуживший у потомков славу главного поборника идеи «вечного мира». При жизни Людовика XIV Сен-Пьер издал «Записку о сохранении вечного мира в Европе» (1712 г.), а с 1713 г. начал публиковать своё главное произведение – «Проект вечного мира в Европе» (завершающий [третий] том которого вышел в 1717 г.).

После смерти Людовика XIV (1715 г.) ситуация в Европе изменилась. Утрехтский мир породил новую реальность. Но Семилетняя война 1756–1764 гг. нанесла серьёзный удар по Вестфальской системе. Война разрушила сложившиеся в Европе военно-политические союзы и вызвала внешнеполитическую переориентацию европейских держав, известную как «переворачивание альянсов». Мыслители ответили на эти изменения. В 1760 г. Ж.-Ж. Руссо, получив в своё распоряжение рукописи Сен-Пьера, предпринял издание «Избранных мест...» из его проекта, сведя 3 тома в одну небольшую брошюру [21, с. 136–161]. Читая Сен-Пьера в пересказе Руссо, а также комментарий последнего [21, с. 162–172], можно представить, какую эволюцию претерпела концепция «вечного мира» в Европе к середине XVIII в.

Главная идея Руссо такова: государю, действительно стремящемуся к миру, следует оставить мысль о внешних завоеваниях и обратиться к реформам в своём государстве. Цель реформ – создание социального слоя, заинтересованного не только в сохранении мира, но и в распространении этого состояния на другие страны. Так удастся обеспечить широкую общественную поддержку усилиям монарха и одновременно лишить его возможности использовать общий союз в целях угнетения подданных и установления европейской гегемонии. Сделать это следует законными и справедливыми методами, причём и государь должен отвечать перед законом. (Идея будет развита и конкретизирована в опубликованном в 1762 г. знаменитом «Общественном договоре».) Короли не могут более злоупотреблять своим правом, не опасаясь, что народ не ответит им тем же. Принцип суверенитета народа был выдвинут Руссо более решительно, чем в работах Дж. Локка и Пенна.

С началом войн революционной Франции (1792 г.) против старых монархий Европы – Австрии и Пруссии, к которым в 1793 г. присоединилась Великобритания, на наш взгляд, произошло окончательное крушение Вестфальской системы, хотя на этот счёт существуют и другие точки зрения [5; 8; 26]. На её руинах предстояло построить что-то новое.

Философы и политики предложили разные варианты будущего справедливого миропорядка. Действительно новаторским по многим позициям был трактат И. Канта «К веч-

ному миру» (1795 г.) [21, с. 205–241]. В нём развиты идеи международного федерализма и правового государства, появившиеся в работах Дж. Бентама и Руссо. Полемизируя с Н. Макиавелли, Кант утверждал: внутренняя и внешняя политика государства может и должна быть моральной. С этим связаны его предложения о будущем союзе народов, который предстоит создать при опоре на международное (или всемирно-гражданское, по терминологии философа) право, необходимости экспертного сообщества учёных, независимого, насколько это возможно, от государственных структур, а также гласного обсуждения политических проблем, свободного передвижения людей по миру и пр. Кантовские идеи оказали существенное влияние на понимание идеи справедливого мирового порядка в XIX–XX вв.

Такого рода проекты появились и на русской почве, когда Россия, обретя в начале XVIII в. статус великой европейской державы, активно участвовала в международной политике. Самой известной работой до сегодняшнего дня остаётся «Рассуждение о мире и войне» (1790–1803 гг.) [21, с. 365–387] дипломата (с 1811 г. – директора Царскосельского Лицея, одного из учителей А.С. Пушкина) В.Ф. Малиновского [13; 22, с. 89–97]. Существовали и другие проекты, в частности, проект «всеобщего союза» управляющего Министерством иностранных дел России (совместно с К.В. Нессельроде) И.А. Каподистрии [22, с. 110–122].

Данный комплекс идей был не только осмыслен россий-

ской политической элитой конца XVIII – начала XIX вв., но и воспринимался как способ практического разрешения дипломатических и даже экономических проблем России. В секретной инструкции Н.Н. Новосильцеву от 11 сентября 1804 г. Александр I сформулировал (при участии кн. А. А. Чарторыйского) цели совместной борьбы России и Великобритании против Наполеона I. Предполагалось, что в результате в Европе будет принят «новый кодекс международного права», который позволил бы мирно решать возникающие между европейскими державами проблемы [11, с. 18–19]. Эта принципиально новая система международных отношений будет одинаково выгодна и большим, и малым государствам. По мысли Александра I, таким образом, возможно, удалось бы приблизиться к благам, которых человечество ожидало от реализации мечты мыслителей о «вечном мире». Впоследствии предполагалось распространить эту систему и на сопредельные с Россией азиатские страны (естественно, с учётом специфики восточных государств, которые император и его окружение воспринимали как государства деспотические), прежде всего, на Османскую империю [19, с. 163; 20]. Характерно, что в послевоенном устройстве Европы предполагалось сделать ставку не на реставрацию прогнивших политических режимов, потерпевших сокрушительное поражение в борьбе с Францией, а на создание обновлённых государств в соответствии с идеями Просвещения [19, с. 164].

Длительная борьба, в конце концов, привела к созданию в 1815 г. второй устойчивой международной системы – Венской. Её главными принципами были провозглашены: легитимизм, система конгрессов, кодекс международного права, включающий в себя арбитраж, мирное посредничество, коллективное силовое давление на агрессора и т. д. При всех кризисах Венская система продержалась до 1914 г., дольше всех других мировых систем. В современной отечественной историографии оценка Венской системы и вклада Александра I в её создание весьма высока, и это признано на самом высоком политическом уровне [17; 25, с. 14].

Оценка эта вполне заслуженна, однако, следует понимать, что международное публичное право, устанавливая принципы международных отношений, прежде всего, фиксирует и закрепляет сложившиеся международный порядок и «баланс сил». Принцип легитимизма на практике не только реставрировал отжившие свой век политические режимы, но и закреплял те социально-экономические отношения, которые требовали реформирования, в России, Австрии, Пруссии, Испании и других государствах. Как показали дальнейшие события (революции и национально-освободительные движения в Европе XIX в., борьба за колонии и складывание военно-политических блоков в конце XIX – начале XX вв.) в этом заключалась слабость Венской системы. Отметим, что в вышеупомянутой инструкции 1804 г. Александр I отмечал: бесперспективно «...восстанавливать в странах, подле-

жащих освобождению от Бонапарта, прежний порядок вещей со всеми его злоупотреблениями, с которыми умы, познавшие независимость, не будут уже более в состоянии примириться...» [2, с. 146]. Российский император мог ясно осознавать ограниченность идей легитимизма и намечать в инструкциях дипломатам пути приближения к мечте о «вечном мире», однако международное право способно лишь зафиксировать сложившиеся отношения, обозначив направленность будущего развития.

В дальнейшем опыт существования Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем подтвердили простую мысль, очевидную для Александра I и для авторов проектов справедливого мирового порядка, начиная с Крюсе: внешняя политика жёстко взаимосвязана с политикой внутренней, и без успешного решения внутренних социально-экономических проблем государств невозможно выстроить сколько-нибудь стабильную систему международного взаимодействия между ними.

Обладая этими знаниями, взглянем на события новейшей истории России. Гонка вооружений подорвала экономические позиции СССР. Начавшаяся в 1985 г. «перестройка» с объявленными принципами «нового мышления» во внутренних и международных делах, призывы к США и странам Запада положить в основу своих действий «общечеловеческие ценности» [3] конкуренты восприняли как признание поражения в «холодной войне» и усилили давление на

СССР. Нефтяной кризис 1985–1986 гг., неудачные экономические преобразования ускорили распад страны. Но эти удары сами по себе не привели к распаду. Это было, прежде всего, внутреннее решение, о самом факте и содержании которого пока не готово дать себе отчёт и современное российское общество. В России, вслед за западными СМИ и политиками, зачастую принято говорить о поражении в «холодной войне». Это свидетельствует о неготовности принять ответственность за собственный выбор, отрицая факт выбора как такового. Специфика же развития российского общества в данный момент заключается в том, что выбор вектора внутреннего развития во многом окажет существенное влияние и на ситуацию в мире: определит принципы, содержание и особенности развития международного взаимодействия.

Распад Советского Союза сломал прежнюю модель «баланса сил», и доминировать начали США. Им удалось убедить мировую общественность в том, что такое положение будет выгоднее всем, и мир с этим, казалось бы, согласился. В сфере внешней политики – США будут всех защищать с помощью НАТО, в экономике – доллар будет выполнять функцию главной резервной валюты и поможет создать, развивать и поддерживать глобальный рынок. Для контроля над миром США стали использовать технологии «мягкой силы», «управляемого хаоса» и «оранжевых революций», а также масштабный «информационный зонтик». Это со временем вызвало перекос в мировой политике и экономике, породив

опасения даже со стороны союзников США, что с ними перестали считаться, как с равными партнёрами [24]. В результате сложилась ситуация, когда крупные державы демонстрируют, что решения, акты, юрисдикция международных судов на их страны де-факто не распространяются. Сами международные правовые институты используются как инструменты давления, как дополнительное поле для «игры» [9]. С точки зрения «игроков», прежний мировой порядок и международное публичное право «умерли», их роль сводится к декоративной или манипулятивной функциям, новые правовые институты не могут быть созданы, поскольку право не может конституировать состояние «управляемого хаоса». Стороны топчутся на месте в поисках победителей и проигравших, т. к. привыкли, что победители должны провозгласить новые принципы и условия мирового порядка после того, как побеждённые признают себя таковыми. В этом главная причина попыток вынудить Россию признать себя проигравшей по различным пунктам, признать свою «вину» и пр. Проблема в том, что даже если Россия признает себя таковой, то новый справедливый мировой порядок не удастся установить, поскольку в реальности поражение не имело места, а картина мира гораздо сложнее.

В настоящий момент и Европейский Союз, и Россия, и Китай начали стремиться к пересмотру этих отношений. Возникла настоятельная потребность поиска основ для строительства нового миропорядка. Но как его строить?

Суммируя сказанное выше, отметим: по опыту существования предшествующих мировых систем мы знаем, что для их создания необходимо было сочетание нескольких важных факторов. Все заинтересованные стороны признают необходимость соблюдения «баланса сил». Должна быть создана международная организация, действующая на непостоянной (конгрессы) или постоянной (Лига Наций, ООН) основе, главной задачей которой является выработка (впоследствии – контроль за соблюдением) единого кодекса международного права. Следует обеспечить деятельную поддержку усилий власть имущих со стороны общественного мнения. Правителям XVII–XX вв., желавшим добиться кардинальных изменений европейского (а, значит, и мирового) порядка, приходилось действовать с учётом всех этих условий.

Наряду с вышеупомянутыми, существенные трудности создания стабильной международной системы заключаются в следующем. Во-первых, размытость субъектов внешней политики. Зачастую непонятно, с кем или с чем мы имеем дело в той или иной ситуации: с государствами, региональными объединениями и военными блоками, с террористическими организациями, стремящимися стать полноправными субъектами политики, с транснациональными корпорациями (ТНК) и даже с частными предпринимателями, активно вмешивающимися в политические процессы (например, Дж. Сорос), с группами влияния, с мировыми религиями? Кроме того, современные государства не всегда в состоянии кон-

тролировать все силы на их территориях.

Во-вторых, реально работающие сегодня концепции поддержания мирового порядка (теория «управляемого хаоса» С. Манна [10] и, в лучшем случае, теория «Великой шахматной доски» З. Бжезинского [1]) приносят политические и экономические дивиденды лишь контролёру этого хаоса и самим «шахматистам», что, в конечном итоге, порождает раскол и волну насилия в современном мире. Какую мораль можно извлечь из шахматного поединка или из описываемых Манном нестабильных «нелинейных процессов»? В чём может заключаться привлекательность этих концепций для тех, кто лишь наблюдает за «шахматной игрой» или воспринимается как взаимодействующие объекты «нелинейных процессов», направляемых подлинным субъектом политики? На уровне аксиомы в качестве высшего блага здесь выступает национальная безопасность США и их союзников. Можно предположить, что со временем будет нарастать разочарование в этих идеях, поскольку интересы большей части человечества остаются за их рамками. Восприятие других народов как лишённых субъектности дегуманизированных сущностей, источника получения прибыли – ошибка, простительная для колониального чиновника XIX в., но не для современного политика, осведомлённого о судьбе колониальных империй в XX столетии.

В-третьих, масштабная «лобовая» критика не только авторитарных режимов, но и народов в целом, попытки пред-

ставить тех, кто не соответствует западным нормам бытия, нецивилизованными людьми, неспособными к ведению диалога (заметим, что такого рода восприятие строится в полном соответствии с колониальным «ориенталистским» дискурсом, описанным Э. Саидом) [18, с. 66–75]) нередко заставляют представителей подвергнутого остракизму народа поддерживать любые действия критикуемых Западом политических и религиозных лидеров. Голос общественного мнения в таких странах, который мог бы громко прозвучать в защиту справедливого мирового порядка, звучит уже в поддержку автаркии, закрытости государства (или диаспоры) от внешнего мира. Как показывает исторический опыт, в таком случае не будет пользы ни конкретному государству, ни миру в целом.

Что этому можно противопоставить? Не секрет, что сегодня многие западные политики принимают Россию в расчёт в лучшем случае лишь как региональную державу. Представляется, что позиции России усилятся, если в своей внешнеполитической концепции она сможет сформулировать проект справедливого мирового порядка, учитывающий исторический опыт (переработанный с учётом современных реалий) мировых систем предшествующих исторических эпох. Главное – чтобы такой порядок создавал условия для успешного экономического развития государств, роста уровня жизни населения при сохранении этнокультурных особенностей, сложившейся системы ценностей.

На данном пути следует обеспечить условия для созидательного движения вперёд, в котором должны принять участие все государства и народы при обязательном сохранении их своеобразия и права на выбор собственной модели цивилизационного развития. Причём избранная модель может предполагать право каждого участника на свои ошибки, на свой путь к свободе и иным вечным этическим ценностям. Это означает и признание неизбежности конфликтов, и совместное нахождение путей их разрешения, избегая военных действий и насилия. У Западной, Центрально-Восточной Европы и у России есть необходимый исторический опыт, и Россия (даже если сегодня мировые игроки не принимают её всерьёз) способна выработать и использовать в практической политике идеи, которые помогут нам выжить в сложившихся условиях вместе с остальным человечеством.

Источники и литература

1. *Бжезинский З.[К.] Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Пер. О.Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1998. 256 с.*
2. *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. 2. Апрель 1804 г. – декабрь 1805 г. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Госполитиздат, 1961. 742 с.*

3. *Горбачёв М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.
4. *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / Пер. с нем. М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.
5. «Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мёртв...» //

Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики, 2015. Т. 13. № 1 (40). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ni/fifteen/011.htm#note 1> (дата обращения: 02.07.2016).

6. *Кареев Н.И.* Франция после битвы при Азенкуре. Ожидания чудесного спасения // Сайт «Русская историческая библиотека». Жанна д'Арк – биография. [Электронный ресурс]. URL: <http://mshist.com/index.php/west/2463-zhanna-dark-biografiya> (дата обращения: 08.05.2016).

7. *Корецкий В.М.* Проект Юрия Подебрада об организации мира и безопасности // Известия Академии Наук СССР. Отделение экономики и права, 1946, № 5. С. 382–396.

8. *Кортуное С.В.* Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Клуб мировой политической экономики. Публикации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm> (дата обращения: 02.07.2016).

9. *Кракауэр (Kraukauer).* Может ли Запад предложить ещё что-нибудь, кроме создания фикций? / Пер. В. Харитоновна // Obserwator polityczny. 07.05.2016. [Электронный ресурс].

URL: <https://obserwatorpolityczny.pl/?p=40043> (дата обращения: 22.05. 2016).

10. *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление // Сайт С.П. Курдюмова. Что такое синергетика? [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения: 05.07.2016).

11. *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 368 с.

12. *Орлов А.А.* Идея естественного права в «Трактате об установлении мира в мире христианском» (1464-й год) // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2010. № 1. С. 34–44.

13. *Орлов А.А.* Восприятие в России начала XIX века идеи «вечного мира» (на примере «Рассуждения о мире и войне» В.Ф. Малиновского) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. [Вып.] XIII: Сборник материалов. К 200-летию Венского конгресса / Ред. – сост. В. М. Безотосный, А.А. Смирнов. М.: Кучково поле, 2015. С. 439–454.

14. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 314 с.

15. *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. 437 с.

16. Послания Жанны. Приложение III // Процесс Жан-

ны д'Арк. Материалы инквизиционного процесса / Пер., коммент., статья А.Б. Скакальской. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. 496 с.

17. Путин открыл памятник Александру I в Александровском саду Кремля // Сайт «РИА Новости». Общество. 20.11.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20141120/1034332348.html> (дата обращения: 20.11.2014).

18. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мирь, 2006. 637 с.

19. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 214 с.

20. Сопленков С.В. О тезисе русской мысли «Восток как образец для подражания». Доклад // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности. Материалы к научной конференции Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля, 2004 г.). М.: Гуманитарий, 2004. 27 с.

21. Трактаты о вечном мире / Сост. И.А. Андреева и А.В. Гулыга. [2-е изд.]. СПб.: Алетейя, 2003. 400 с.

22. Чернов А.В. Общественно-политические взгляды и дипломатическая деятельность И.А. Каподистрии в годы российской службы (1809–1822 гг.). Дис... канд. ист. наук. М.:

РУДН, 2015. 207 с.

23. *Чубаръян А. О.* Российский европеизм. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 416 с.

24. Эксперт: предложение Юнкера создать армию Евросоюза направлено не только против России, но и США // Сайт "RT на русском". В мире. URL: <http://mssian.rt.com/article/78496> (дата обращения: 08.03.2015).

25. *Яковенко А.[В.]* Мир и международные отношения сегодня: новое и хорошо забытое старое // Международная жизнь. 2013. № 9 (сентябрь). С. 6-20.

26. *Cutler A. C.* Critical reflections on the Westphalian assumptions of international law and organisation: a crisis of legitimacy // Review of International Studies. 2001. № 27(2). P. 133–150.

27. [*Penn W.J* An Essay Towards the Present and Future Peace of Europe, by the Establishment of an European Dyet, Parliament, Or Estates. L.: Printed in the Year, 1693. 66 p.

28. The Universal Peace Organisation of King George of Bohemia A Fifteenth Century Plan for World Peace. 1462/1464. Russian Translation (L.P. Mozhanskaya, E.V. Tarabrin). Prague: Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1964. 120 p.

Июльская революция 1830 г. во Франции и судьбы британского либерализма

*Жолудов М.В.*⁷⁵

Тезисы доклада

Аннотация: В данном исследовании выясняется степень влияния Июльской революции во Франции 1830 г. на политическое развитие Великобритании в начале 30-х гг. XIX в. Подчеркивается большой интерес различных политических и социальных сил Англии к французским событиям. Сделан вывод о прямом воздействии французской революции на процесс распространения либерализма в Англии.

Ключевые слова: история Франции, история Великобритании, Июльская революция 1830 г., британский либерализм.

Zholudov M.V. Iyulskaya revolution of 1830 in France and fortunes of British liberalism.

⁷⁵ **Жолудов Михаил Валентинович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений РГУ им. С.А. Есенина, г. Рязань.

Annotation: This study reveals the extent of the impact of the July Revolution in France 1830 on the political development of the UK in the early 30s XIX century. Emphasize the great interest of various political and social forces England to the French events. Concluded that the direct impact of the French revolution on the spread of liberalism in England.

Keywords: the history of France, the history of Great Britain, 1830 July Revolution, British liberalism.

Июльская революция во Франции произвела сильное впечатление на англичан, вызвав восторг простого народа и тревогу среди консервативного дворянства и торийского правительства. Особое значение имело то, что известия о событиях в Париже достигли Англии в дни, когда там поднималось мощное демократическое движение за принятие парламентской реформы.

Общественное мнение Великобритании в целом благосклонно встретило сообщения о парижских событиях. Большинство британских газет приветствовало французскую революцию, заявляя при этом о невозможности вмешательства Англии во внутренние дела Франции.

Однако консервативно-торийское правительство во главе с герцогом Веллингтоном не разделяло оптимизма британской прессы. Правительство отнеслось к сообщениям о революции во Франции с большим неудовольствием. Партий-

ные и классовые принципы не позволяли тори признавать любую революцию. Министр иностранных дел лорд Абердин был готов поддержать свергнутого Карла X. Официальный Лондон не спешил признавать новое французское правительство. В течение нескольких дней не принимали нового поверенного в делах графа де Водрейля. Британский посол в Париже лорд Стьюарт интриговал в пользу свергнутой династии, поддерживая секретную переписку с Карлом X.

И все же торийскому правительству Великобритании пришлось, хотя и очень неохотно, пойти на признание нового короля Франции Луи Филиппа Орлеанского. Британский премьер-министр герцог Веллингтон был вынужден учитывать общественное мнение страны, которое было либерализировано агитацией в пользу принятия парламентской реформы и которое безоговорочно поддержало французскую революцию. Непризнание результатов революции в таких условиях неизбежно привело бы к падению торийского правительства.

Также, новый французский король устраивал торийское правительство и с точки зрения поддержания спокойствия в Европе, и с точки зрения стабилизации внутренней ситуации во Франции. По словам российского посланника, в официальных кругах Лондона многие считали, что в случае падения правительства Орлеанского во Франции начнется гражданская война, и поэтому его надо как можно скорее поддержать. 31 августа 1830 г. британский посол в Париже лорд Стьюарт вручил верительные грамоты Луи Филиппу,

что означало: Великобритания первая из европейских держав признала результаты Июльской революции во Франции.

Либеральная оппозиция в лице лидеров партии вигов восторженно приветствовала французскую революцию, отмечая умеренность и законность этих событий. Либеральная оппозиция Великобритании поддержала революцию во Франции, так как последняя была умеренна, не затронула монархического строя и сохранила цензovou избирательную систему. Либералы часто сравнивали французскую революцию со "Славной революцией" 1688 г. в Англии, которая по существу была бескровным государственным переворотом. В августе 1830 г. на улицах Лондона появились афиши, объявлявшие о подписке в пользу раненых и семей погибших во время Июльской революции, в которых, в частности, говорилось: "Славная революция, подобная той, которая освободила

Англию от тирании Стюартов, совершена французами". "Таймс" сообщала, что лидеры "либеральной партии во Франции" провозгласили лозунги, которые обладают "близким сходством с английскими конституционными прецедентами", особенно с "прецедентом 1688 г."

В августе по всей Англии прокатилась волна митингов в поддержку Июльской революции, которые очень часто сочетались с митингами в пользу проведения парламентской реформы. Агитация в пользу реформы при таких обстоятельствах сделалась еще более настойчивой. В конце июля – на-

чале августа 1830 г. в Англии прошли парламентские выборы, которые существенно повлияли на политическую ситуацию в стране. В результате выборов в парламент попало значительное количество сторонников парламентской реформы, а тори потеряли пятьдесят мест. В Париж отправлялись делегации вигов и радикалов с приветственными адресами и денежными пожертвованиями.

Таким образом, французская революция 1830 г. оказала серьезнейшее влияние на развитие политической ситуации в Великобритании. По словам корифея британской исторической науки Дж. М. Тревельяна, "она (Июльская революция. – М.Ж.) дала англичанам ощущение того, что они живут в новую эру, когда крупные перемены могут совершаться безболезненно". Июльская революция во Франции дала мощный толчок движению за парламентскую реформу в Великобритании и привела к сплочению либеральной оппозиции под лозунгом "Реформа". Страх перед народными волнениями, усилившимися под влиянием французской революции, заставил даже самую осторожную часть вигов примкнуть к либерально-реформаторскому движению. Либералы, оценив умеренность французской революции, понимали, что лишь своевременное проведение конституционных реформ сможет предотвратить революцию в Великобритании. Поэтому они приветствовали победу умеренной революции во Франции и крушение одиозного режима Карла X, что, тем не менее, не означало их готовности прямолиней-

но следовать "французскому образцу". Либералы постоянно подчеркивали свое намерение использовать другие методы борьбы против неугодного правительства, нежели французы. Они избрали путь реформ, сконцентрировав свои усилия на ведении политической кампании за изменение парламентской системы Великобритании и добились успеха. В 1832 г. британским либералам, несмотря на сильное сопротивление партии тори, удалось добиться принятия парламентской реформы, открыв тем самым путь для дальнейшего демократического реформирования политической системы Великобритании.

Политическая карикатура как орудие пропаганды противоборствующих сторон в Гражданской войне между Севером и Югом США (1861–1865)

*Рафалюк С.Ю.*⁷⁶

Аннотация: Трансляция лозунгов, призывающих к объединению общества перед лицом врага, конструирование самого образа врага с наибольшей очевидностью осуществляются с помощью средств наглядной агитации, что показывает практика ведения любых конфликтов в истории. Эпоха Гражданской войны в США (1861–1865) не стала исключением из этого правила. В статье анализируются приемы и дискурсивные практики визуальной пропаганды как одного из наиболее действенных каналов психологического воздействия на противника.

Ключевые слова: Гражданская война в США, политическая карикатура, визуальная пропаганда, патриотический дискурс, гендерный дискурс.

⁷⁶ **Рафалюк Светлана Юрьевна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики МПГУ, г. Москва.

Rafalyuk S.Y. A political caricature as an instrument of propaganda of antagonistic sides in the Civil War between of North and South of USA (1861–1865)

Abstract. The providing of appeals which call to union of society which met an enemy, a design of the image of enemy with the maximum of obviousness, are carried out with the means of the visual agitation as shows a practice of the conduction of any conflicts in the history. An epoch of the Civil War of US (1861–1865) was not became an exclusion from this rule. In this article we are analyze approaches of and discoursing practices of visual propaganda as one of most useful channels of psychological influence to the enemy.

Keywords: The Civil War in US, a political caricature, a visual propaganda, a patriotic discourse, a gender discourse.

Цели, задачи, методы и каналы пропаганды обеих сторон конфликта в ходе Гражданской войны в США (1861–1865) неоднократно становились объектом научного изучения в отечественной и зарубежной исторической науке. Расширительное толкование понятия «текст» позволяет рассматривать визуальные изображения в качестве текста, представляющего собой знаково-образно-символическую систему, обладающую особыми свойствами эмоционального воздействия, и подразумевающего некоторый простор для интерпретации в процессе восприятия.

С самых первых дней вооруженного противостояния Севера и Юга между ними развернулась целая «Информационная война», в которой принимало участие большое количество талантливых и известных художников и издателей. Среди северян необходимо отметить имя такого человека, как Флетчер Харпер [4, р. 23], отвечавшего за издание еженедельника «Харпере Уикли» («Harper's Weekly») – самого влиятельного журнала на Севере к весне 1862 г. Именно Ф. Харпер привел в еженедельник, популяризовавший идеи Линкольна и республиканцев, целый ряд талантливых карикатуристов, в том числе юного Томаса Наста (в начале 1862 г.). Патриотической направленностью отличались также такие издания северян, как «Ванити Феа» (Vanity Fair) и «Нью-Йорк Иллюстрейтед Ньюс» (New York Illustrated News). Политическая карикатура в КША не получила такого распространения, как на Севере, однако, и здесь были свои мастера. Самым авторитетным карикатуристом Юга являлся Адальберт Волк, работавший под псевдонимом V. Blada (анаграмма имени) [3, с. 94]. Он был жителем штата Мэриленд, формально остававшемся в Союзе, откуда контрабандным путем его карикатуры переправлялись на территорию Конфедерации и использовались для ее нужд.

По мнению американского исследователя визуальной пропаганды военной эпохи У.Ф. Томпсона, «приверженность американцев пуританской морали, которая интерпретировала человеческую историю как борьбу между силами

света и тьмы, их предпочтение простым объяснениям комплексных проблем, их страсть к ярким, но бессмысленным слоганам и 30 лет расширения протестных движений (феминизма и аболиционизма) подготовили их для всплеска ненависти в военное время и традиционализма, часто принимаемого за патриотизм» [4, р. 22]. Указанные черты и обстоятельства облегчали задачу пропаганды обеим сторонам конфликта. Каналами пропаганды во времена Гражданской войны являлись, прежде всего, политическая карикатура и политический плакат, апеллировавшие к важнейшим для американцев ценностям, разделяемым обеими сторонами конфликта – героизму, сохранению идеалов свободы, патриотизму, семейным ценностям.

Цели противников также нашли отражение в пропагандистских материалах противников. «Ненависть и преданность стали двумя базовыми темами пропаганды северян во время войны: ненависть к врагам – конфедератам как к источнику всех национальных проблем и полная, безоговорочная приверженность Союзу» [4, р. 22]. В то же время важнейшими целями пропаганды южан стала критика аболиционизма, лично А. Линкольна, направленная на дискредитацию противника в глазах европейских государств, вкупе с прославлением идеалов и образа жизни Юга, подчеркиванием успехов молодого государства – КША – и его лидеров.

Накал напряженности отразили все известные нам визуальные источники информации об этих событиях (фотогра-

фия, журнальная иллюстрация, карикатура, плакат), однако, именно карикатура обладала максимальной силой воздействия на читателей, что неоднократно отмечали как современники, так и исследователи. Авторитет именно этого визуального средства пропаганды подчеркивает тот факт, что политические карикатуры, сначала публиковавшиеся на последних страницах еженедельника «Харпере Уикли», постепенно перекочевали на первые, увеличились в размерах и часто полностью замещали текст. Роль Наста как ведущего художника этого издания в пропагандистской кампании накануне президентских выборов 1864 г., проходивших в условиях войны, как и в успехах мобилизации в целом, признавалась даже президентом Линкольном.

Информативная, эстетическая и аттрактивная функции изображений реализовывались в политической карикатуре эпохи Гражданской войны. Первая, прежде всего, – за счет зарисовок с полей сражений или иных реалистических изображений событий этого периода. Эстетическая, направленная на возбуждение эмоций определенного рода, обеспечивалась мастерством и вкусом художников, опоэтизировавших подвиг солдата и подаривших американцам массу символических изображений, которые будут активно использоваться в дальнейшем. Аттрактивность решалась путем использования простых и понятных каждому американцу изобразительных приемов; художники говорили со своей аудиторией на одном языке.

Основными содержательными элементами на карикатурах времен Гражданской войны были изображения людей (как правило, солдат в форме одной из сторон; женщин, призывающих солдат выполнить свой долг, конкретных политиков и т. п.), государственные символы (знамена, звезды и т. п.) и многое другое.

Характерной чертой карикатуры является символичность изображения. Семантические коды, закладываемые в визуальные образы, при этом, должны были быть очевидны для объекта воздействия, что очень хорошо понимали как художники-конфедераты, так и федералисты. Карикатура XIX в. часто обращалась к персонажам из животного мира, символизировавшим страны или конкретных исторических личностей, становившихся объектами политической сатиры. США часто изображались в виде гордого орла, Российская империя – в виде медведя, Британия – льва; облик лидеров этих государств становился максимально узнаваемым за счет гипертрофированного подчеркивания каких-либо внешних особенностей человека: острая бородка Наполеона III, худоба и бородатое, но безусое лицо Линкольна и т. д.)

Использование когнитивно-дискурсивного подхода к анализу визуальных источников позволяет выделить ряд дискурсов, характерных для каждой из сторон конфликта, реализуемых через символические изображения и их вербальное сопровождение на карикатурах.

Патриотический дискурс протрагивается в изображе-

ниях солдат со знаменем в руках или парных изображениях воинов, один из которых умирает и передает знамя поддерживающему его товарищу (символическое действие). Прослеживается он и в иллюстрациях из «Харпере Уикли» с изображением сказочного героя Санта-Клауса, подбадривающего солдат: он нарисован одетым в костюм с символикой американского флага («звездный» халат и полосатые штаны), в руках у него деревянная игрушка, подвешенная за шею и имеющая портретное сходство с президентом Конфедерации Джефферсоном Дэвисом. Поддержанию боевого духа способствовали также довольно часто встречавшиеся изображения семейных сцен, когда жена отвергала объятия мужа со словами: «Уходи прочь! Тебе не место дома, пока Родина нуждается в тебе!» Еще один показательный сюжет: маленький муж сидит на коленях у жены, которая предлагает ему надеть юбочку и остаться дома как немужественному человеку.

Художники постоянно апеллировали к «женской теме», что позволяет выделить также гендерный дискурс в визуальной пропаганде времен Гражданской войны. Использование женских образов применялось для стимулирования мобилизационной активности (новой вербовки солдат для армии), лишая мужчин, не желавших воевать или откупавшихся от исполнения воинского долга по закону 1862–1863 гг., права на женскую любовь. Рекрутинговые постеры с тем же посылом производились для развешивания в домах, их печатали

на конвертах и бланках. Присутствуют изображения женщин и на «рождественских картинках» Т. Наста: жены ожидают своих героев с войны и молятся за них. Наконец, символом свободы для американцев являлась особа женского пола – дева Коламбия, образ которой часто появлялся на иллюстрациях еженедельников, плакатах и карикатурах эпохи Гражданской войны: символические действия и позы сообщали зрителю соответствующий мессидж (дева могла изображаться плачущей либо торжествующей, в зависимости от ситуации).

Теоретический посыл о взаимосвязи гендерного, военного и национального дискурсов в визуальной пропаганде, предлагаемый рядом современных исследователей, также может быть рассмотрен на материале политической карикатуры эпохи Гражданской войны [2]. Наличие внешнего (часть – и внутреннего) врага является скрепляющим элементом нации в период ее формирования, образ врага, запечатленный в различных формах репрезентации (в том числе – визуальной) поддерживает как национальную, так и гражданскую идентичность ее представителей. Наличие обоюдоострой визуальной пропаганды противников в войне между Севером и Югом (с отточенными образами врага и лозунгами, подчеркивающими наличие собственной идеологии и стремление победить друг друга) подтверждает тот факт, что единая американская нация в 60-е гг. XIX в. – это политический конструкт, который только предстояло наполнить со-

держанием.

Визуальная пропаганда времен Гражданской войны в своем развитии пережила несколько этапов. Красочные изображения героев и оптимизм первого периода войны сменилась более реалистичным восприятием действительности и, соответственно, изображением трагедии войны к 1863 г. В целом корпус пропагандистских изображений этой эпохи характеризуется эмоциональностью и реалистической манерой исполнения, однако, рисунки могли быть и гротескными, и сатирическими, как упоминалось выше.

Характерно, что художники-пропагандисты из противоборствующих лагерей пользовались сходными средствами достижения цели. С обеих сторон активно применялся прием осмеяния лидеров государств – А. Линкольна и Д. Дэвиса – с целью десакрализации власти и подрыва таким образом ее авторитета в народе. Наиболее яркие примеры подобных действий – акцент на гипертрофированных недостатках внешности Линкольна или попытка изобразить его в качестве антихриста в окружении чертей, подписывающего прокламацию об освобождении рабов, а также изображение Дэвиса в женском платье (связанное с историей бегства президента КША после разгрома Конфедерации) [3, с. 94, 95].

Дегероизация противника без сатирического контекста – также весьма характерный пропагандистский прием всех времен – активно применялась противоборствующими сторонами конфликта: солдаты Севера часто изображались

южанами как банды мародеров и убийц, и солдаты Юга рисовались на пропагандистских картинках северян в качестве не менее безжалостных головорезов. Художниками использовались также приемы аллегорий, аллюзий, ассоциаций с известными сказочными героями (в частности, сюжет с громадными отрубленными головами генералов Конфедерации у ног главнокомандующего войск Севера У лиса Гранта на рождественской картинке Т. Наста). На наш взгляд здесь просматривается и параллель с историей про Давида, победившего гиганта Голиафа.

Политическая карикатура обращала свое оружие не только против противника, но и на борьбу с внутренним врагом, недостатками системы и недостойным поведением сторонников. Объектом высмеивания на «северных» карикатурах являлись протесты (а иногда и акты насилия) жителей северных городов против притока негров на территории северных штатов после акта об отмене рабства. Под атаку карикатуристов попадали политики Севера за неумелые действия (в частности, за «инцидент с Трендом» или недостаточные усилия в блокаде Конфедерации на море); генералы также критиковались, но более мягко.

Политический контекст (борьба мировоззрений южан и северян, ситуация открытого вооруженного противостояния) поддерживался не только с помощью изображений, но и в текстах, помещаемых на плакатах и карикатурах. Стилистические маркеры косвенно указывают на различные состо-

нения общества, в которому адресовалось сообщение, например, призывы к северянам активно вступить в армию (с многочисленными восклицательными знаками) в первый период войны явно указывают на недостатки в военной организации и численном составе армии Севера, а истерический тон пропагандистских материалов Конфедерации в конце войны демонстрирует утрату уверенности ее руководства в победе, хотя авторы пытаются убедить свою аудиторию в обратном.

Интересным визуальным источником, популяризовавшим этические ценности, культурные стереотипы и достижения конфедератов были денежные знаки, на которых изображались процветающие рабовладельческие плантации (основа южной экономики, основанной на труде рабов), политические лидеры КША (явно идеализированные), а также монеты с изображением символов Конфедерации (13 звезд и т. п.) [1, с. 205–209]. Однако результативность подобного рода пропаганды трудно оценить по достоинству, поскольку отсутствует даже ситуативная взаимосвязь между посылом и его результатами.

В завершение необходимо отметить, что ошибочно было бы представлять стороны конфликта – США и КША – в качестве проникнутых духовным единством лагерей. На территории Севера активно и легально действовала пропаганда прорабовладельческих сил (в том числе – в периодической печати). Юг был более монолитным в идейном отношении, однако, и среди его сторонников встречались примеры лю-

дей с выраженным чувством оправданной иронии в отношении воинских успехов южан. Пример подобного взгляда демонстрируют политические карикатуры симпатизировавшего Конфедерации Фрэнка Лэсли, который незадолго до войны эмигрировал в Нью-Йорк из Англии и издавал в Америке «Иллюстрированную газету Фрэнка Лэсли».

Несмотря на все усилия, Юг проиграл не только открытую, но информационную войну, поскольку тщательная маскировка военных неудач и провала экономической политики не смогла обеспечить поддержание боевого духа населения южных штатов, страдавшего от войны. В то же время пропаганду Севера следует признать весьма успешной.

Источники и литература

1. *Кодина В. С.* Цели, методы и каналы пропаганды южных штатов против северных в годы Гражданской войны в США (1861–1865) // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 193–219.-С. 205–209).

2. *Рябов О.В.* Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsiya-i-gender-v-vizualnyh-representatsiyah-voennoy-propagandy> (дата обращения 25.04.2016).

3. *Цыкалов Д.Е.* Север против Юга: Томас Наст против Адальберта Волка – карикатуристы в гражданской войне //

Americana [Текст]. Вып. 13. Россия и Гражданская война в США: материалы конф. (Волгоград, 20–21 окт. 2011 г.) / Волгогр. гос. ун-т, Центр амер. исслед. «Американа»; И. И. Курилла (отв. ред.). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 88–97.

4. *Thompson W.F. Jr. Pictorial Propaganda and the Civil War // The Wisconsin Magazine of History. Vol. 46. No. 1 (Autumn, 1962). P. 21–31.*

Русская революция 1917 г. и социальные сдвиги в Иране

*Никонов О.Л.*⁷⁷

Аннотация. Статья раскрывает отдельные аспекты появления в 20-е гг. XX в. протестных настроений в иранском обществе, приведших и укреплению традиционных основ иранской государственности. Данные явления были вызваны серьезным экономическим кризисом, возникшим вследствие разрыва торговых связей с Российской империей после революции 1917 г. Специфика социальной структуры Ирана, и в частности торгового класса и духовенства, способствовала расширению масштабов недовольства и формированию в обществе как революционных, так и консервативных идей. Укрепление традиционных основ государственности стало ответом иранского общества на вмешательство во внутренние дела со стороны иностранных государств.

Ключевые слова: Иран, русская революция 1917, внешняя торговля, улама, базари, радикализм.

Nikonov. O.A. Russian Revolution of 1917 and Social

⁷⁷ **Никонов Олег Александрович** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики МПГУ.

Changes in Iran.

Abstract. Some aspects of arising protest notions in the Iran society in the 1920th resulted in strengthening of Iran political system are regarded in the article. The given phenomena were inspired by a serious economic crisis that arose due to the breaking of the trade links with the Russian Empire after the Great Revolution of 1917. The specific of Iran social structure, particularly merchants and clergy, made it possible to widen the dissatisfaction and form both revolution and conservative ideas in the society. The strengthening of traditional foundations of political system became an answer of the Iran society to the interference into its home affairs by outer states.

Keywords: Iran, Russian Revolution of 1917, foreign trade, ulama, bazaari, radicalism.

История показывает, что любые революционные потрясения, связанные с незаконной сменой политической власти влекут за собой разрушительные последствия для общества. Революционные события 1917 г. в Российской империи являют собой самый яркий пример тяжелых социальных сдвигов, расколовших на годы гражданское общество и вызвавших всплеск негативных явлений в системе межэтнических и межконфессиональных отношений.

При этом следует принять во внимание, что события такого масштаба и в рамках такой страны, какой была Россий-

ская империя, всегда влияют на ее соседей, политических и экономических партнеров. И чем сильнее развиты партнерские взаимоотношения, тем более пагубным окажется такое воздействие.

Очевидным доказательством данного тезиса стали события в Иране на рубеже 1920-х гг. На протяжении двух веков Российская империя налаживала политические и торгово-экономические отношения со своим южным соседом, постепенно расширяя свое влияние на все стороны жизни шахского Ирана. Итогом такой политики стала привязка сырьевых и потребительских рынков северного Ирана к промышленным возможностям России, не говоря об огромном авторитете империи.

Поступательно увеличивая ввоз промышленной продукции в Иран, и импортируя сырье для собственных производственных нужд, Россия превратилась в основного поставщика ряда первостепенных потребительских товаров. Незначительная емкость иранского рынка позволяла обеспечивать до 96,6 % керосинового, от 73 до 76,7 % сахарного, 44 % мануфактурного, 95 % стекольного и фарфорового потребительского спроса [19, Л. 17, 20; 28, Л. 73; 29, Л. 21]. В предвоенные годы в Иран возилось до 670–680 тыс. батманов (1 батман = 7,27 фунта) или в среднем 1648 пудов русских спичек на сумму до 4 млн. кран. То есть от общего количества спичек 65 % поставлялись Россией, по 7–8% Германией, Швецией и Англо-Индией. В 1914 г. к этим странам присоеди-

нилась Италия – 10 % [23, Л. 98]. Помимо товаров первой необходимости из России везли продукцию второстепенного экспорта (парфюмерия, косметика, кондитерские изделия), занимавшие до войны значительную часть ввоза: до 10 % потребностей иранского импорта кондитерских изделий, 30 % потребностей в галантерее, 35 % в парфюмерии, 76 % в мыле и пр. [27, Л. 18–19].

Ведущую роль в русско-иранских торговых связях занимали центрально-промышленные губернии и северо-западный регион империи. Предприятия этих районов поставляли на рынок Ирана фабрично-заводские изделия, доля которых в иранском импорте составляла 32 %. Кроме того, весь русский экспорт в Иран на 93 % состоял из товаров промышленного производства [32, Л. 44, 46]. Петербургские фабрики Ланшина, мануфактуры братьев Морозовых, Зимина, владимирские, иваново-вознесенские и московские фабрики производили товары для Ирана [26, Л. 6, 18, 36]. 38 % всего русского экспорта стекольной и фарфоровой продукции, вывозимой на восточные рынки, вырабатывались также в центральной России [5, с. 2]. Сложилась весьма устойчивая связь текстильной промышленности России с иранским рынком. Вначале хлопок из Ирана ввозили в Россию, а затем готовая продукция направлялась иранским потребителям.

Первая мировая война и особенно революция 1917 г. в России разрушили устоявшиеся схемы. В стране со слабо-развитым производством, сырьевой экспорт играет ключе-

вую роль для материального обеспечения значительной части населения. Уход российских потребителей с иранского сырьевого рынка привел к тяжелым экономическим последствиям. В частности в Хорасане падение спроса привело к сокращению экспорта хлопка в 14 раз, шерсти в 13 раз, сухофруктов и кож в 4 раза [21, Л. 197]. Это стало результатом остановки производственных мощностей в охваченных революционными событиями центральных губерниях России. Льно-джутовые и хлопкопрядильные фабрики Москвы, Иваново-Вознесенска и Ярославля фактически остановились и прекратили выпускать экспортную продукцию [15, Л. 80].

К 1920 г. российская промышленность вырабатывала всего 14 % от довоенного производства, а выпуск экспортной продукции, изготовлявшейся из импортного сырья, сократился почти в 2 тыс. раз [12, Л. 17; 2, с. 12]. В целом сокращение вывоза и уменьшение потребления хлопка текстильной промышленностью России привело к падению цены на хлопок в Иране и сокращению до 80 % посевных площадей в северных провинциях страны [24, Л. 44]. (Для сравнения: за пять предвоенных лет стоимость иранского сырья в среднем возросла в 2,5 раза [13, Л. 10 об.; 11 об.]).

При этом надо учитывать, что для государств с монокультурным хозяйством внешняя торговля является единственным способом накопления капитала. Традиционным способом пополнения казны в Иране был сбор доходов от торговли и таможен. Разрыв отношений с Россией привел

к существенному дефициту наличных средств. В довоенные годы иранскому правительству удавалось собирать около 70 млн. кран торговых налогов (приблизительно 30 % бюджета) и 42,5 млн. кран чистых таможенных поступлений. К 1922 г. с учетом погашения долгов Шахиншахскому и Учетно-ссудному банкам, доход от таможен составил всего лишь 750 тыс. кран [22, Л. 43, 72–73]. Торговля с Россией позволяла поддерживать относительное равновесие в системе экспорта-импорта. Отсутствие экспорта на север уже к 1919 г. поставило Иран перед неизбежностью иметь пассивный внешнеторговый баланс. В итоге, к концу 1920 г. внешний долг Ирана составил, включая займы и краткосрочные кредиты, примерно 9,9 млн. ф. ст.: 32,8 млн. рублей золотом, 5 млн. кран, 2,7 млн. ф. ст. (из них Англо-Индии и Шахиншахскому банку около 2,8 млн. ф. ст.) [3, С. 92].

Тяжелая экономическая ситуация, вызванная революционными событиями в России, привела к крайней нищете иранского народа, и, как следствие, к радикализации общества. Что имеется ввиду? По своей структуре иранское общество состояло на 55 % из сельского, на 20 % из городского населения и на 25 % из племен ведущих кочевой образ жизни [22, Л. 39]. Другими словами 80 % иранцев, так или иначе, были связаны с производством сырья и полуфабрикатов для перерабатывающей промышленности.

Уместно отметить, что процесс классообразования в Иране носил своеобразный характер. С одной стороны, он непо-

средственно зависел от характера земельной собственности. Так, все земли в Иране делились на

государственные, вакуфные и частные. Однако, наметившаяся еще в конце XIX в. тенденция к перераспределению земельного фонда привела к новому имущественному соотношению. На долю феодальных владельцев и государственных чиновников стало приходиться до 70 % всех земель. Земледельцами являлись три категории граждан: крупные землевладельцы; средние землевладельцы, так называемые серкерде, которые в силу относительной бедности должны были занимать посты на государственной службе (пример тому Реза-хан) и крестьяне [10, р. 26]. Первые две категории на протяжении двух предвоенных десятилетий как раз и занимались перепрофилированием своего натурального хозяйства на выращивание технических культур: хлопка, кенафа (близкого по своему свойству к джуту), шелка сырца, чернильных орешков и фруктов, имевших стабильный сбыт в России. Мелкие землевладельцы-поставщики, так называемые амбарды, также были втянуты в этот процесс, но чаще сбывали свой товар не напрямую, а через посредника – купца-оптовика. Еще одной категорией, связанной с сельским хозяйством было крестьянство, вовсе безземельное, вынужденное уплачивать владельцам земли до 70 % дохода со всех арендуемых угодий [14, Л. 2 об.]. Так вот крестьянство, как собственники, так и арендаторы, в силу своей действительной бедности вынуждено было заниматься еще либо торгов-

лей, либо отходничеством. Наиболее характерно это явление было для Азербайджана и Гиляна. Уходили на заработки на Джульфо-Тавризскую железную дорогу, на Бакинские и Грозненские нефтяные промыслы, в порт Энзели и на озеро Урмия, где существовал российский флот. (До 1914 г. ежегодно только на заработки в Баку выезжало до 60 тыс. чел.). Однако за годы войны и революции без русских инженерных кадров железная дорога, имевшая большое значение для торговли иранского Азербайджана с Россией и для внутренних связей северо-запада Ирана, пришла в полную негодность, включая телеграфные линии, мостовые конструкции и водонасосное оборудование. То же самое произошло и с Урмийским флотом. Насчитывая до войны 35 единиц, из которых две трети были моторными и паровыми судами, к 1920 г. без российского обслуживающего персонала флот сократился до одного моторного баркаса и четырех барж. Все остальное, как свидетельствует доклад экспертов, было либо затоплено, либо сгнило [25, Л. 2, 3]. Бакинские и Грозненские производства в связи с националистическими движениями в Закавказье остановились, что в свою очередь повлекло и замораживание операций в порту Энзели, главной статьей работы которого являлись нефтепродукты. Кроме того, порт попал под контроль английских войск, которые блокировали все попытки восстановить операции Ирана с революционным правительством в России.

Оставшись без средств существования, все категории

иранских граждан были вынуждены: во-первых, отказаться от потребления высококачественных товаров и перейти на суррогаты; во-вторых, проявлять инициативы по защите своих интересов. Особо следует указать на ухудшающий материальное положение фактор – девальвацию российской валюты, в которой предпочитали держать свои сбережения, как торгующие с империей коммерсанты, так и рядовые граждане северных провинций страны. Если в 1914 г. иранский туман стоил 1 руб. 80 коп., то уже к лету 1918 г. он дошел до 30–35 руб. [17, Л. 30 об.]. Обратной стороной разрушения финансово-валютной стабильности стало удорожание в 2,5–4 раза товаров первой необходимости, включая жизненные припасы. Так, на азербайджанском рынке только в течение 1919 г. цена на хлеб выросла в 10 раз [21, Л. 196; 20, Л. 20]. Как свидетельствуют отечественные архивные документы жители северных провинций стали использовать заменители вместо сахара, первобытные ночники с касторовым маслом вместо керосина и домотканую бязь вместо мануфактуры. Даже иранскую армию и чиновников заставили одеваться в бумажные ткани такого производства [21, Л. 196.].

Все вышеперечисленные факторы в совокупности с параличом центральной власти привели к политизации иранского общества. По образному выражению представителя российского Внешторга Горчакова: «Страна льва и солнца, а в действительности страна государственного маразма, тьмы и

невежества» [14, Л. 3 об.], оказалась в числе первых на Востоке охваченной революционным подъемом. Первоначально иранцы приветствовали русскую революцию, не особенно вдаваясь в идеологические мотивы этих событий. Как справедливо заметил в письме А.В. Луначарскому известный русский писатель В.Г. Короленко, восточные народы роднило с советским режимом чувство «родного азиатского» [7, с. 451–452]. Особенно подогревали восторги иранского общества обещания советской власти ликвидировать режим капитуляций. Уже в ноте от 14/27 января 1918 г. иранскому посланнику отмечалось, что новое правительство расторгает англо-русское соглашение 1907 г. «как направленное против свободы и независимости персидского народа» [6, с. 713]. Итогом стало образование в начале 1918 г. в Энзели и Реште Совета рабочих, солдатских депутатов и общественных организаций [8, с. 76.]. Даже несмотря на разгром этих советов, революционная идея не умерла, а воплотилась в Гиляне в Персидскую советскую республику во главе с Кучек ханом. Иран, по сути, оказался на грани коллапса и развала государственности. Кучек хана поддерживали средние и мелкие землевладельцы, интеллигенция и купечество, наиболее материально пострадавшие от российского экономического кризиса.

Справедливости ради следует отметить роль иностранного вмешательства во внутрииранские дела. Великобритания стремилась использовать североиранские провинции

для строительства «кордона против большевиков». Советская Россия, напротив, пыталась распространить в среде недовольных свои революционные идеи. Как отмечал впоследствии видный революционный деятель и первый Полпред СССР в Тегеране Б.З. Шумяцкий: «Мы тогда еще не занимались экономическим экспортом, а поэтому если что и экспортировали в эти страны, так только наши политические идеи» [31, Л. 142]. Характерным результатом такой политики стало вовлечение в общественную жизнь значительной массы населения весьма далекой от понимания государственных задач и интересов.

С другой стороны, своеобразием отличался процесс становления социальной структуры в городах. Доля купечества в крупных административных центрах северного Ирана достигала 85 %. Остальная часть горожан состояла из поденных рабочих и ремесленников-кустарей [22, Л. 40]. Пролетариата, вследствие отсутствия собственной промышленности в Иране, не было. За период 1919–1929 гг. в Иране появилось всего 22 фабричных производства с общим числом занятых около 5 тыс. человек, работавших преимущественно на маломощных установках [9, с. 126]. Напротив, по некоторым подсчетам к 1922 г. в Иране насчитывалось до 340 тыс. купцов, которые не являлись монолитной группой. Помимо крупных оптовиков, преобладало мелкое и среднее купечество, чей средний доход от торговли составлял не более 80–90 кран [22, Л. 72]. При этом сложилась уникальная система

перепродаж: крупный опт – мелкий опт – розница – лоточная торговля, в которую была втянута основная масса туземных «коммерсантов». Разрыв товарообменных отношений разорил практически всю торговую среду северного Ирана.

Здесь необходимо учесть, что традиционная торговая буржуазия базари и верхушка духовенства – улама к 1920-м гг. фактически превратились в одну социальную прослойку, которая экономически и политически зависела от благосостояния друг друга. Главные мечети всегда располагались на базаре, и базари отдавали до 20 % своих доходов мечетям [4, с. 28]. Нередко улама и базари рождались семьями через брак. Разорение предпринимательской среды автоматически вызвало рост недовольства в среде духовенства и укрепление ортодоксальных настроений в исламской среде.

Дело в том, что на рубеже XIX–XX в. в среде мусульманских богословов активно рассматривались варианты модернизации ислама в соответствии с потребностями современного мира. Реформаторы считали необходимым воспользоваться опытом европейской цивилизации для переустройства своих стран и вывода их из затяжного экономического и политического кризиса. Однако события Первой мировой войны и революции в России внесли в ряды богословов разочарование в этих «мировых ценностях». Особенно это затронуло население городов, где позиции шиитского духовенства никогда не были серьезно подорваны, а именно в Астрабаде, Ардебиле и Мешхеде.

Астрабад издавна превратился в крупный религиозный центр и был известен в Иране как «дар аль-мумин» (город правоверных). Только в самом городе к концу XIX – началу XX в. насчитывалось более 40 мечетей, 11 гробниц святых, 8 медресе для подготовки лиц духовного звания [1, с. 20]. Астрабадский шейх уль-ислам пользовался большим авторитетом и влиянием во всех северо-восточных провинциях Ирана.

Ардебиль не отличался наличием большого количества мусульманских святынь, но, по отзывам современников, население этого города демонстрировало исключительный догматизм и фанатизм в отстаивании основ своей веры. (В частности, они отказывались вести дела, если в конторе находились женщины) [11. Л. 8].

Мешхед являлся и является религиозным центром всего иранского шиизма, здесь находится главная святыня Ирана – гробница Ислама-Ризы, которая ежегодно привлекала до 200 тыс. паломников. В качестве производителя Мешхед не являлся крупным центром, здесь имелось незначительное производство ковров, бархата и шалей, но сюда стекались все хлебные злаки, Мешхед был центром малиатных сборов, здесь же получал окончательную доработку производимый в регионе опиум. Наконец, здесь получали окончательное оформление все коммерческие сделки провинции Хорасан [33, Л. 12.]. То есть Мешхед имел громадную и постоянную связь с мусульманским миром, влиял на общественное мнe-

ние шиитов не только Ирана, но и Турции и Индии.

Особенно усилились позиции духовенства после приезда сюда видных мудштахтдов, высланных англичанами из Ирака за участие в арабском национально-освободительном движении. Прибыв в Северный Иран, муджтехиды принесли с собой чувство враждебности ко всему английскому, а если смотреть шире, то и ко всему иностранному. На митингах, которые они организовывали в защиту национальных интересов, собирались десятки тысяч людей [16, Л. 96 об.].

Революционные события в России, затем перекинувшиеся в Иран, изрядно напугали торгово-предпринимательский класс, духовенство и значительную часть землевладельцев. Причиной тому стала непродуманная и авантюрная политика молодого советского государства. Так, для укрепления дружественных отношений с революционной властью Кучек-хана, из пограничной полосы России в срочном порядке в Решт и Энзели были направлены азербайджанские и иранские коммунисты [30, Л. 10]. Поскольку на первых порах эти представители, не ограничиваясь устными политическими заявлениями, стали внедрять революционные методы, включая экспроприацию буржуазии и раскулачивание, иранцы «стали зарывать деньги в землю, и прятать товары по селениям» [14, Л. 3 об.]. Значительный эффект «красная» агитация дала в районах расположенных на границе Российского Азербайджана и Иранского Азербайджана. Появление «живых» свидетелей перемен в России спровоцировало кре-

стьянскую забастовку в северных провинциях Ирана, которая затронула интересы не только крупных феодалов, но и интересы мелких собственников.

Ответной реакцией общества стало укрепление консервативных начал иранской государственности – монархического режима, пусть и с другой династией во главе, и духовенства в форме ортодоксального шиизма. Базой для усиления консервативных настроений как раз и стало городское население (купечество всех мастей), духовенство и землевладельцы – сырьевые экспортеры. Благодаря этому союзу были похоронены все революционные начинания, а к 1924 г. и идея республики, как формы государственного устройства.

Таким образом, революция 1917 г. в Российской империи своим резонансным воздействием скорее затормозила модернизацию иранского общества, чем способствовала его трансформации в общество современное. Наследие такого консерватизма во второй половине XX в. проявилось со всей очевидностью в ходе Исламской революции 1978–1979 гг.

Вместе с тем, анализ событий 20-х гг. в Иране и их последствий для местного социума позволяет сделать вполне обоснованные выводы. Прежде всего, недопустимо вмешиваться во внутренние дела иностранного государства, даже если это выглядит привлекательным для текущей политической конъюнктуры. Во-вторых, страна, не имеющая диверсифицированной экономики, чье хозяйство сориентировано на ограниченное число стран-импортеров имеет значитель-

ные социальные риски, способные в кризисной экономической ситуации вылиться в массовые протестные движения. Известные события «арабской весны» подтверждают данный вывод со всей очевидностью. Радикально настроенный социум, разрушая основы государства в борьбе за «светлое будущее», неизбежно скатывается к консерватизму, а в мусульманской среде и к укреплению теократических начал.

Источники и литература

1. *Абдуллаев Ю.Н.* Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент, 1975.
2. Внешняя торговля Союза ССР за X лет. Сб. мат. М.: Изд. НКТ СССР и РСФСР, 1928.
3. *Глуходед В.С.* Проблемы экономического развития Ирана. М.: Наука, 1968.
4. *Годе М. Реза.* Иран в XX веке. Политическая история. М.: Наука, 1994.
5. *Грановский М.А.* Экспорт стеклофарфоровых изделий в страны Востока // Торговля СССР с Востоком. 1928. № 1–2.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Политиздат, 1957.
7. *Короленко В.Г.* Собрание сочинений. Т. 3. М., 1990.
8. *Литвинова Н.В.* Малоизвестные документы о деятельности Бакинской коммуны // Советские архивы. 1988. № 4.
9. *Палюкайтис И.И.* Экономическое развитие Ирана. М.:

Наука, 1965.

10. Vali A. The character of the organization of production in Iranian agriculture 1891–1925 // Iran: precapitalism, capitalism and revolution. Saarbrucken-Fort Lauderdale, 1980.

11. *Дигуров К.* Доклад ардебильского консула в НКВТ от 07.10. 1922 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ)). Оп. 2. Д. 830.

12. *Архангельский В.В.* Докладная записка в правление ВТС. сентябрь 1923 г. // РГАЭ. Ф. 7770 (Всесоюзный текстильный синдикат ВСНХ СССР). Оп. 13. Д. 53.

13. *Бельгов В.* Доклад уполномоченного НКВТ в Персии // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 575.

14. *Горчаков.* Отчет по командировке в северную Персию и на Кавказ в 1920 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 304.

15. Доклад Грабовского о Персии // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 575.

16. Доклад делегации Северо-западной области по командировке в Персию // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 723.

17. Доклад Народному комиссару Торговли и промышленности по вопросу об организации закупочных хлопковых пунктов в Персии, лето 1918 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 27.

18. Доклад об экспорте спичек в НК РКП // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374 (Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКП) СССР). Оп. 14. Д. 376.

19. Докладная записка РВТП председателю президиума ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинскому от 26. 03. 1925 г. // РГА-Э.Ф. 413. Оп. 10. Д. 330.

20. Краткий экономический обзор Азербайджанского рынка за ноябрь-декабрь^^ г. // Ф. 413. Оп. 2. Д. 1256.

21. Краткий экономический обзор Хорасана за ноябрь 1923 г. // Ф. 413. Оп. 5. Д. 1234.

22. *Кулак В.* Обзор финансового и экономического положения Персии // РГАЭ.Ф. 7590 (Банк для внешней торговли (Внешторгбанк) СССР). Оп. 2. Д. 128.

23. *Кулак В.* Докладная записка Уполномоченного НКВТ в Персии в правление Всероссийского синдиката спичечной промышленности от 29.10.1922 г. // РГАЭ. Ф. 3429 (Высший совет народного хозяйства СССР (ВСНХ СССР)). Оп. 2. Д. 1062.

24. Протокол № 10 Заседания Совета внешней торговли от 01.10.1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-130 (Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР)). Оп. 4. Д. 317.

25. Протокол Межведомственного совещания от 27.11.1925 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 1596а.

26. Протокол совещания РВТП с представителями трестов об экспедиции в Персию от 26. 05. 1923 г. // РГАЭ. Ф. 7770. Оп. 2. Д. 126.

27. Статистический обзор таможенного управления // РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 2128.

28. Стенограмма доклада т. Еремина // РГАЭ. Ф. 413. Оп.

10. Д. 10.

29. Товарооборот России с Персией. 20.03.1921 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 721.

30. Телеграмма Замнаркому Торговли и промышленности от 02.06. 1920 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 94 (Фонд Г.В. Чичерина). Оп. 4. Д. 7.

31. *Шумяцкий Б.З.* Письмо председателю РВТП В.В. Гомбергу от 24. 08.1923 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1678.

32. Экономическое обоснование нежелательности осложнений в русско-персидской торговле (доклад)//РГАЭ. Ф. 635 (Российско-восточная торговая палата (15 февраля 1923 – 12 октября 1926 г.) Всесоюзная восточная торговая палата (15 октября 1926 – 16 сентября 1931 г.)). Оп. 3. Д. 4.

33. Экспортно-импортные взаимоотношения России с внешними рынками в дореволюционный период // РГАЭ.Ф. 413. Оп. 2. Д. 791.

Великий Октябрь: курс на Восток

*Сафронов Б. В.*⁷⁸

Тезисы доклада

Аннотация: Статья посвящена борьбе большевиков за мировую революцию. Образованию Коммунистического Интернационала. Оказанию помощи национально – освободительному движению в странах Востока.

Ключевые слова: революция, мировая революция, национально-освободительное движение.

Safronov B.V. The Great October: head on to the east.

Abstract: the Article is devoted to the struggle of the Bolsheviks for world revolution. The Formation Of The Communist International. Assistance to the national liberation movement in the East.

Keywords: revolution, world revolution, national liberation movement.

⁷⁸ **Сафронов Борис Витальевич** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений РГУ имени С.А. Есенина, г. Рязань.

Победа большевиков была неожиданная для самих победителей. Это впоследствии станет понятно, что теория превратилась в практику, хотя она пошла не по классической схеме, которую предсказывал К. Маркс: революция может победить только, если она начнется в нескольких наиболее развитых странах мира. Революции имеют свою логику. После победы большевиков, они не стали ждать предсказанной мировой революции, а делали все для ее наступления: «А мы никогда не скрывали, что наша революция только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции...».

Наученные горьким опытом мировые контрреволюционеры задушили революцию в Европе и организовали крестовый поход против большевиков. Все это заставило большевиков вести свою политику, направленную в первую очередь, на сохранение победы. В.И. Ленин оценивал это положение следующим образом: «До сих пор, как бы это ни было печально, как бы ни применимо это революционным традициям, – тактика только одна: выжидать, лавировать и отступить». Но еще в те времена, когда большевики не потеряли надежды на революцию в Европе они поняли какой революционный потенциал накопился в Азии и не без оснований полагали, что этот потенциал может работать на благо идеи мировой революции. Мировая она на то и мировая, что охватывает весь мир. Страны Востока, находившиеся под колониальным господством, к началу XX в. созрели для ре-

волюций. Они увидели в русской революции выход из того угнетенного состояния, в котором, они находились длительное время. Они увидели в Советской России оплот, на которой они могли опереться в своей борьбе против метрополий. Они рассчитывали на помощь в этой борьбе. И они не ошиблись.

Еще 20 ноября 1917 г. было опубликовано Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ленина и Народного Комиссара по Делах Национальностей И.В. Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»: «Не теряйте времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках».

Большое значение для завоевания авторитета среди стран Востока было опубликование тайных соглашений заключенных царской Россией.

События происходившие на Востоке 1919 – 1920 гг. говорили о том, что влияние победы Великой Октябрьской социалистической революции с каждым днем продолжало расширяться: события в Индии и Китае показали, что в странах Востока происходит наращивание национально-освободительной борьбы и стремление получения независимости. В.И. Ленин в эти дни писал: «Мы уверены, что систематиче-

ски продолжая нашу политику тесного союза, мы достигнем по отношению к народам Востока большего успеха, чем до сих пор».

Еще при заключении Брестского мира в него была включена статья о признании независимости Афганистана и Персии. «Статья VII. Исходя из факта, что Персия и Афганистан являются свободными и независимыми государствами договаривающиеся стороны обязуются уважать политическую и экономическую независимость и территориальную неприкосновенность Персии и Афганистана».

Огромное значение для координации революционного процесса было создание Коммунистического Интернационала. Первый конгресс этой организации состоялся 2–6 марта 1919 г. в Москве. На открытии этого форума присутствовали представители Китайской социалистической рабочей партии, Корейского рабочего союза, Центральное бюро восточных народов, в которое входили представители Турции, Персии, Грузии, Азербайджана.

Помощь странам Востока была оказана только после победы в гражданской войне, когда стало ясно, что надежды на революцию в Европе оказались несостоятельны. На Востоке этот процесс как раз уже начинался. Лозунг о праве наций на самоопределение носил международный характер, а не только использовался для внутреннего потребления. Реализация этого лозунга позволила на развалинах российской империи появиться новым государствам. Для многих народов Восто-

ка этот лозунг открывал путь к национальному освобождению и достижению независимости. 27 марта 1919 г. советское правительство признало независимость Афганистана, а 28 февраля 1921 г. заключили договор о дружбе между РСФСР и Афганистаном. Но это было не первое соглашение РСФСР со странами Востока. 26 февраля 1921 г. был подписан договор с Персией. Впоследствии 16 марта 1921 г. было подписано соглашение с Турцией. Наша страна помогла народу Персии народу Турции в их борьбе против колонизации этих стран.

Переориентация идеи мировой революции на Восток доказала состоятельность понимания значения Великой Октябрьской социалистической революции как начала общего мирового революционного процесса, приведшего в конечном итоге к разрушению мировой колониальной системы.

Канадский Фонд Помощи России

*Гурина М.В.*⁷⁹

Аннотация: Канадский Фонд Помощи России был практически единственной благотворительной организацией, оказывавшей материальную помощь СССР в годы второй мировой войны. На денежные пожертвования покупались медицинские препараты и продовольствие, также жертвовалась одежда. Кампанию Фонда поддержало правительство и 4 главные церкви Канады. Кампания широко освещалась в СМИ и нашла горячий отклик среди канадцев. Кампанию поддержали и национальные меньшинства Канады, прежде всего, славяне. Однако было и противодействие кампании помощи СССР со стороны католической церкви и отчасти правительства.

Ключевые слова: Канадский Фонд Помощи России, вторая мировая война, СССР, благотворительность, СМИ, церкви Канады, национальные меньшинства Канады.

Gurina M.V. Canadian Aid to Russia Fund

Abstract: Canadian Aid to Russia Fund was almost the only

⁷⁹ Гурина Марина Валентиновна – соискатель кафедры новейшей отечественной истории МПГУ.

charity organization that helped the USSR during WWII. Drugs and food were bought on

the Fund's money, also clothes were collected. The Fund's Campaign was supported by the Canadian Government and 4 main Canadian Churches. Canadian Mass Media wrote a lot about the Fund's Campaign, and the Canadians widely supported it. Some Canadian national minorities especially the Slavic population supported the Campaign. However there was some resistance to the Campaign from the Catholic Church of Canada and partly from the Canadian Government.

Keywords: Canadian Aid to Russia Fund, World War II, the USSR, charity, Mass Media, Canadian Churches, Canadian national minorities.

Канадский Фонд Помощи России – благотворительная организация, посылавшая помощь СССР. Кампания помощи СССР, организованная Фондом, привлекала большое внимание к СССР и способствовала тому, что канадцы узнавали правду о жизни в СССР и о тяжелом положении, в котором оказалось гражданское население СССР в годы Великой Отечественной войны. Деятельность Фонда была успешна, и удалось собрать большое количество одежды и денежной помощи, на которую закупалось все необходимое для страдавших от войны советских граждан.

Канадский Фонд Помощи России действовал с 6 ноября 1942 г. до декабря 1944 г., когда он слился с «Канадским

объединенным фондом помощи союзникам», далее он продолжал существовать в рамках этого фонда. С момента основания и до 11 февраля 1944 г. Канадский Фонд Помощи России возглавлял Дж. С. Маклин [4, П. 15. Д. 53. Л. 29] Президентом Фонда с конца 1944 г. стал Дж. Норзи [1, с. 263].

В официальном учредительном документе Фонда говорилось: «Канадский Фонд помощи России создан в соответствии с широкими и повсеместными требованиями, как отдельных граждан, а также и организаций, для того, чтобы выразить своими практическими мероприятиями восхищение русскому народу, оказывающему героическое сопротивление немецкому вторжению, и для того, чтобы выразить симпатии народу, терпящему огромные страдания. (...) Министерство Национальных Военных Ресурсов в Оттаве высказало свое мнение, что было бы желательно, если бы все мероприятия по оказанию помощи России координировалось в одной общеканадской организации, а группы лиц из Торонто, Монреаля, Лондона и Виндзора убедили нас создать такую организацию и взять на себя руководство кампанией» [2, П. 3. Д. 14. Л. 41].

Девизом Канадского Фонда Помощи России был слоган «Для России и Человечества», который помещался на всех официальных бумагах Фонда [4, П. 15. Д. 53. Л. 75].

Самой крупной кампанией по сбору денежных средств в Фонд была кампания, закончившаяся 31 января 1943 г., в

ходе который в Фонд поступило 1 057 644.96 канад. долл. [4, П. 15. Д. 53. Л. 29]. Она проходила в дни Сталинградской битвы, и была отмечена особым рвением. Однако и в дальнейшем канадцы щедро жертвовали советским людям.

Второй по значимости благотворительной жертвой канадцев в пользу СССР был сбор одежды. Одежду начали собирать еще до образования Фонда: в Ванкувере и Виннипеге существовали местные организации по сбору и отправке на кораблях пожертвованной одежды. Позже в Монреале было организована очень активная деятельность по сбору пожертвованной одежды. По отчету ежегодного совещания членов и подписчиков Фонда в 1944 г. в нем существовало 4 Отделения по сбору одежды: в Онтарио, Монреале, Манитобе (включая Саскачеван и области Онтарио к западу от Великих озер) и Британской Колумбии (включая Альберту) [4, П. 15. Д. 53. Л. 24–25].

Информационную поддержку Канадскому Фонду Помощи России оказывала газета «Торонто Дейли Стар». Эта газета была инициатором создания этого Фонда. Но с самого начала позиция собственника газеты Аткинсона была в том, чтобы Канадский Фонд Помощи России был полностью независимой, «спонтанной» общественной организацией, управляемой своим Советом Директоров, в котором «Торонто Дейли Стар» будет иметь минимальное представительство [4, П. 15. Д. 53. Л. 32.].

С другой стороны, «Торонто Дейли Стар» с начала де-

тельности Фонда предоставляла ему самые необходимые услуги: бесплатные помещение, свет, отопление, канцелярские принадлежности, обеспечение большим количеством печатной продукции. Газета печатала специальные статьи, посвященные деятельности Фонда, продвижению его, рекламе его деятельности, газета привлекала к этой деятельности известных авторов. «Торонто Дейли Стар» бесплатно распространяла все это [4, П. 15. Д. 53. Л. 32].

Организация Национального Комитета «Канадского Фонда Помощи России» заняла, насколько можно судить, очень много времени и доставила немало хлопот правительственным органам, которые хотели иметь во главе Фонда надежных людей, и добились этого. Во главе Комитета был поставлен Дж. С. Маклин, очень богатый человек, президент мясной фирмы «Канадиэн Пакере» [2, П. 3, Д. 14. Л. 2]. Контора Общеканадского комитета помещалась по адресу: Торонто, Кинг Стрит, 80 [2, П. 3, Д. 14. Л. 44].

Заместителем председателя Комитета был назначен Клиффорд Сифтон, адвокат. Другими видными членами исполнительного аппарата Комитета являлись Маргарет Голд и Дж. Крид [2, П. 3, Д. 14. Л. 2]. Казначеем Фонда был Гервей Ф. Скей, секретарем Мисс К. Горри, членами – Кларксон, Гордон, Дилворт, Наш [2, П. 3, Д. 14. Л. 44].

Всего в состав Национального Комитета входило более 35 человек, видных представителей делового мира, прессы, науки, профсоюзов и т. д. В числе членов Комитета мно-

го видных общественных и политических деятелей и коммерсантов, как например, владелец крупнейшей газеты «Торондо Дейли Стар» Дж. И. Аткинсон, редактор крупной газеты «Глоб энд Мейл» Дж. Маккалау, председатель еврейского конгресса Фольконер, сенатор Дэвис [2, П. 3, Д. 14. Л. 37], бывший декан женского факультета в Университете Мак-Гил госпожа В.Л. Грант, руководитель фирмы «Мак-Карти энд Мак-Карти Балистерс энд Солисторс» Р.М. Фавлер [2, П. 3, Д. 14. Л. 42] и другие. Покровителями Фонда являлись лейтенант-губернаторы всех 9 провинций и главы четырех основных церквей Канады. [2, П. 3, Д. 14. Л. 3] В провинциях и в городах имелись местные комитеты Фонда [2, П. 3, Д. 14. Л. 38].

«Канадский Фонд Помощи России» имел утвержденный правительством устав, согласно которому Фонд являлся единственной организацией, через которую направлялась помощь Советскому Союзу от населения Канады. Фонду разрешалось проводить сбор средств путем общих обращений к населению и специальных мероприятий, но не разрешалось производить личных обращений, в частности, не разрешалось собирать деньги весьма часто практикуемым в Канаде способом обхода по домам. Специальные мероприятия (собрания, концерты и т. п.) могли проводиться заинтересованными организациями только с согласия местных комитетов Фонда и с разрешения органов Департамента Национальных Военных Служб. Все собранные средства должны были пере-

даваться местными комитетами в кассу Национального Комитета, который уже сам оплачивал расходы, произведенные местными комитетами по представлении соответствующих документов [2, П. 3, Д. 14. Л. 4].

Канадский Фонд Помощи России тесно сотрудничал с американским благотворительным фондом помощи СССР Рашей Уор Релиф. Так, у этого фонда Канадский Фонд Помощи России позаимствовал удачную практику, когда остающиеся места на пароходах, идущих из США в СССР, загружались товарами фонда Рашей Уор Релиф [2, П. 3, Д. 14. Л. 46].

Грузы Фонда отправлялись из портов Тихого и Атлантического океана и грузились на советские пароходы. По уставу Канадского Фонда Помощи России: «Транспортировка морем и по территории России оплачивается Советским Правительством» [2, П. 3, Д. 14. Л. 46].

В уставе имелся специальный пункт о компартии Канады, в котором говорилось: «Многочисленные запросы были получены руководителями настоящего комитета о том, что существует ли какая-либо связь между деятельностью компартии и организацией Канадского Фонда Помощи России. Необходимо ответить, что коммунистическая партия не принимала участия в организации Канадского Фонда Помощи России, но канадские коммунисты могут, как и все остальные граждане, вносить свои пожертвования в настоящий фонд» [2, П. 3, Д. 14. Л. 48].

Организационная структура Фонда была такова: Национальный Комитет, провинциальные комитеты и местные комитеты в городах и селениях. Количество провинциальных и местных комитетов по официальным данным Национального Комитета равнялось 252 и распределялось по провинциям следующим образом:

Остров Принца Эдуарда.....	4
Новая Скошия.....	29
Нью Брансвик.....	16
Квебек.....	62
Онтарио.....	79
Манитоба.....	3
Саскачевань.....	5
Британская Колумбия.....	50
Итого.....	252 [2, П. 3, Д. 14.

Л. 4]

В 87 точках роль комитетов играли местные «Кванис» клубы, «Ротари» клубы, организации Канадского Легиона и т. п. В 30 городах руководство кампанией находилось в руках газет и радиостанций. Подавляющее большинство в провинциальных и местных комитетах составляли банкиры, промышленники и торговцы [2, П. 3, Д. 14. Л. 5].

О предполагаемых целях расхода собранных средств в уставе Фонда было сказано следующее: «Собранные деньги будут израсходованы на закупку медикаментов и других вещей, в которых русское население ощущает большую нужду,

страдая от ударов войны.

Необходимые предметы указываются русскими правительственными властями, после чего благотворительные учреждения Великобритании, США и Канады решают о том, какие закупки каждая из этих стран может лучше всего произвести, исходя из запросов. Канадский Фонд Помощи России будет являться частью этих совместных благотворительных усилий. Все закупки будут утверждаться Национальным Комитетом.

Все предложения относительно закупок должны адресоваться в Национальный Комитет» [2, П. 3, Д. 14. Л. 49].

Пожертвования принимались «одеждой, медикаментами, хирургическими инструментами, овощными семенами и пищевыми продуктами» [2, П. 3, Д. 14. Л. 49].

Организацией сбора поношенной одежды ведал специальный отдел Национального Комитета, которым руководил Крид. Местным комитетам было рекомендовано создавать у себя такие же отделы. По официальным данным Комитета в 68 центрах сбор одежды производился специальными комитетами, работавшими под руководством местных комитетов Канадского Фонда Помощи России. Всего по тем же сведениям в Канаде имелось 1 249 различных организаций собирающих одежду для посылки в СССР, среди которых имелись городские советы, церкви, школы, клубы, различные женские организации и т. д. [2, П. 3, Д. 14. Л. 5].

Общая сумма собранных средств Канадским Фондом По-

мощи России на 13 мая 1943 г. составляла 3 047 318 канад. долл. Для сравнения можно указать, что в Фонд Помощи жертвам Войны в Англии, которому покровительствовала крупная реакционная газета «Ивнинг Телеграмм» за 33 месяца по май 1943 г. было собрано 1 979 699 канад. долл. [2, П. 3, Д. 14. Л. 6]. А комитет помощи Китаю собрал в течение 1943 г. 1 300 000 канад. долл. [4, П. 11, Д. 33. Л. 8]

Основная масса канадских газет помогала проведению кампании, печатая обращения, сообщения о ходе кампании, списки жертвующих, статьи о Советском Союзе, фотографии и т. д. По официальным данным Комитета проведению кампании помогали 69 ежедневных и 656 еженедельных газет, выходящих на английском языке, и 8 ежедневных и 50 еженедельных газет на французском языке. Всего, таким образом, помощь кампании оказывали 77 ежедневных и 706 еженедельных газет. В это число не входит, правда, небольшое число газет на других языках, которые поддержали кампанию. По тем же данным отчета Национального Комитета, 4 газеты на английском языке и 5 газет на французском языке отказались поддержать кампанию [2, П. 3, Д. 14. Л. 6].

В целом по английской прессе Канады следует отметить, что печать консервативного направления значительно слабее поддерживала кампанию, чем печать либерального направления. Так, из 9 крупных газет наиболее активно поддерживающих кампанию, 6 газет либерального направления и только 3 консервативного направления [2, П. 3, Д. 14. Л.

Французская печать гораздо слабее поддерживала и освещала кампанию. Что касается газет, издаваемых на иностранных языках, то среди них наблюдалось различное отношение к кампании, соответствующее резкому размежеванию политических направлений в этой печати. Прогрессивные газеты (на русском языке – «Вестник», на украинском – «Українське Життя» и др.) весьма активно помогали кампании, в то время как националистическая печать (профашистская «Новый Шлях» на украинском языке и др.) резко выступала против кампании [2, П. 3, Д. 14. Л. 11].

Суммируя, скажем, что подавляющая часть канадской прессы поддерживала кампанию, причем большая часть газет поддерживала кампанию весьма активно. Печать либерального направления сильнее поддерживала кампанию, чем печать консервативного направления. Французская пресса в целом слабее поддерживала кампанию, чем английская. Процент газет, выступавших против кампании во французской прессы, выше, чем в английской, хотя в том и другом случае этот процент незначителен.

Канадские радиостанции в целом не плохо помогали кампании, хотя относительно меньше, чем пресса. Согласно отчета Национального Комитета, все канадские радиостанции (общее число радиостанций в Канаде превышает 60), за исключением двух, оказывали содействие кампании [2, П. 3, Д. 14. Л. 11].

Большинство радиостанций передавали информацию Национального Комитета, специальные призывы, сообщения о проводимых мероприятиях, специальные радиoprogramмы, посвященные Советскому Союзу и кампании помощи. Национальный Комитет распространил 52 пластинки с драматическими и музыкальными номерами, посвященными кампаниями, которые использовались радиостанциями в их передачах [2, П. 3, Д. 14. Л. 11–12].

Часть услуг радиостанций оплачивалась фирмами, часть давалась бесплатно. Некоторые радиостанции производили сбор денег, а в ряде пунктов радиостанции играли роль местных комитетов помощи Советскому Союзу [2, П. 3, Д. 14. Л. 12].

В кампании помощи Советскому Союзу принимали участие также кинотеатры. Сказанное выше о повышении интереса к Советскому Союзу и о влиянии этого обстоятельства на количество материалов о Советском Союзе, печатаемых в газетах полностью относится и к кино. Показ советских картин на канадском экране за время кампании расширился [2, П. 3, Д. 14. Л. 12].

Кампания помощи Советскому Союзу нашла широкий отклик среди всех слоев населения Канады. В свою очередь кампания способствовала дальнейшему росту интереса и симпатий к Советскому Союзу [2, П. 3, Д. 14. Л. 13].

За время кампании было проведено тысячи митингов, вечеров, концертов, лотерей базаров, угощений и т. д., посвя-

ценных кампании. Во многих городах ставились доклады о Советском Союзе. Посланник получал одно письмо за другим с просьбой приехать на вечер, концерт, базар или прислать кого-либо из сотрудников Миссии, причем всегда, конечно, представитель Миссии должен был выступить с речью. Представители Миссии повсюду встречались чрезвычайно тепло, советский посланник получал на крупнейших митингах в Торонто и в Монреале больше аплодисментов, чем В. Уилки и госпожа Э. Рувельт [2, П. 3, Д. 14. Л. 13].

Цифры показывают, что в сельскохозяйственных районах средняя сумма пожертвований на одного человека ниже, чем в промышленных районах, но это объясняется, разумеется, прежде всего меньшим количеством денег в деревне. Фермеры западных районов Канады настойчиво предлагали организовать сбор пшеницы в помощь Советскому Союзу, указывая при этом на указанное выше обстоятельство, но правительство не дало на это разрешения, ссылаясь на то, что транспортные возможности исчерпываются установленными государством лимитами сдачи зерна элеваторам [2, П. 3, Д. 14. Л. 14]. Разрешение было дано в самом конце войны.

В кампании принимали участие также деловые круги. Прежде всего, как это уже отмечалось выше, значительная часть состава комитетов состояла из представителей деловых кругов: представителей торговых и промышленных фирм, директоров банков и т. д. Многие фирмы частично освобождали от работы своих служащих, принимавших участие в ра-

боте комитетов помощи Советскому Союзу [2, П. 3, Д. 14. Л. 14].

Следует отметить также, что канадские железные дороги («Канадиен Нэшинэл» – правительственные и «Канадиен Пасифик» – частная), а также американские дороги на Западе, перевозили грузы Канадского Фонда Помощи России по пониженным тарифам. Канадские железные дороги доставляли бесплатно собранную среди населения одежду от пунктов сбора до центрального депо [2, П. 3, Д. 14. Л. 15].

Движение за помощь Советскому Союзу довольно широко охватила также интеллигенцию. В школах, университетах и колледжах студенты и преподаватели собирали деньги в Фонд Помощи, устраивали специальные вечера, доклады о Советском Союзе и т. д. Торонтский Университет показал в своем здании четыре ВОКСовских выставки. Врачи Торонто пожертвовали значительное количество медицинских инструментов [2, П. 3, Д. 14. Л. 15].

Согласно отчету Национального Комитета, около 100 писателей, артистов и других лиц, принимающих участие в радиопередачах, пожертвовали свои услуги. Большое количество музыкантов, певцов и других артистов в различных городах выступали бесплатно на концертах в помощь Советскому Союзу. Кампания выявила огромный интерес к Советскому Союзу среди интеллигенции [2, П. 3, Д. 14. Л. 15].

С первых дней предательского нападения Германии на СССР среди славянских народов в Канаде началось движе-

ние по оказанию помощи Советскому Союзу. Среди многочисленных русских, украинцев и других славянских организаций в Канаде прошли многолюдные митинги, на которых выражалась полная солидарность с народами СССР, борющихся против германского фашизма, и готовность оказать помощь всеми доступными средствами. Но вскоре, однако, это движение приняло всеобщий характер. В различных концах Канады организовались десятки комитетов по оказанию помощи СССР. Первый комитет русских был организован 7 августа 1941 г. в Торонто, который обратился с призывом ко всем русским, проживающим в Канаде – создать аналогичные же комитеты [2, П. 3, Д. 14. Л. 23].

21 сентября 1942 г. в Торонто собрались представители русских комитетов по оказанию помощи СССР со всех восточных районов Канады. На этой конференции было избрано правление директоров восточных комитетов. Впоследствии русские комитеты среднезападных и западных районов Канады признали это правление своим руководящим центром. Председателем правления был избран Мизачук, секретарями Соломевич и Окулевич. В состав правления вошли также Грибан и Минов [2, П. 3, Д. 14. Л. 23–24].

По инициативе национального «Русского Комитета по оказанию помощи родине» (Торонто) 30 и 31 мая 1943 г. была созвана конференция русских, проживающих в Канаде. Конференция постановила создать «Федерацию русских, проживающих в Канаде» [2, П. 3, Д. 14. Л. 24].

Русских в Канаде насчитывалось около 84 000. Федерация Русских Канадцев и единственная в Канаде газета на русском языке «Вестник» проделали большую работу не только среди русских, но и среди других славянских групп. Центральное правление Федерации и отделы Федерации на местах фактически являлись главными организаторами помощи Советскому Союзу среди всего славянского населения Канады. Отделы Федерации устраивали многочисленные митинги, концерты, лотереи, базары и т. п., причем в проведении таких мероприятий участвовали обычно также украинцы, поляки, хорваты, словены и другие славянские народности. По данным, опубликованным Федерацией, она собрала в Канадский Фонд Помощи России по апрель 1943 г. включительно 77 296 канад. долл. [2, П. 3, Д. 14. Л. 16].

Национальным Президентом Федерации Русских Канадцев был М. Митхелл, Национальным Секретарем-Казначеем – И. Малания. Федерация Русских Канадцев была организована на съезде 24 мая 1942 г., она включала в себя 56 Отделений и 3361 членов, живущих в разных частях Канады. Общий вклад русских канадцев в Канадский Фонд Помощи России на 9 июня 1944 г. составлял 218 080.78 канад. долл. [4, П. 15. Д. 53. Л. 33].

Как известно, в Канаде проживали русские сектанты-духоборцы, которые также организовали помощь Советскому Союзу. 15 октября 1944 г. в г. Камсаке в провинции Саскачеван состоялась большая духоборческая манифестация, орга-

низованная духоборческим комитетом помощи советскому народу с целью выразить дружбу и готовность увеличить помощь Советскому Союзу. На манифестацию съехалось свыше 4 000 духоборцев из провинции Саскачеван. Тогда было собрано свыше 2 000 канад. долл. [4, П. 11. Д. 33. Л. 45].

Среди украинцев, которых насчитывалось в годы войны в Канаде 306 000, активную работу по оказанию помощи Советскому Союзу проводило Товарищество Канадских Украинцев, собравшее по опубликованным данным больше 100 000 канад. долл. на май 1943 г. [4, П. 11. Д. 33. Л. 25]. Профашистская украинская организация «Комитет Украинцев Канады» всячески противодействовала кампании [2, П. 3, Д. 14. Л. 16].

О размерах помощи украинцев говорит следующий факт: на 30 сентября 1944 г. с начала войны украинские прогрессивные организации собрали в помощь Советскому Союзу 500 000 канад. долл. [4, П. 11. Д. 33. Л. 42].

В кампании принимали участие также славяне, выходцы из Западной Европы. «Чехословацкий Национальный Союз» в Оттаве устроил в январе 1943 г. концерт в помощь Советскому Союзу [2, П. 3, Д. 14. Л. 17]. В кампании помощи СССР также участвовали выходцы из Югославии [3, П. 8. Д. 34. Л. 5].

Наряду с канадцами-славянами СССР активно помогали литовцы. Следует отметить активное участие в кампании еврейских организаций и прежде всего еврейских женщин. В

рамках Канадского Фонда Помощи России даже была образована Еврейская Секция. Финны из «Финского Комитета Победы Союзников» в Монреале помогали Канадскому Фонду Помощи России. Деньги поступали в Фонд и от «Китайской Патриотической Лиги» в Виннипеге, от «Китайских Свободных Массонов» в Торонто [2, П. 3, Д. 14. Л. 17].

В целом, надо заметить, что национальные меньшинства Канады, прежде всего русские, украинцы, литовцы и евреи, активно участвовали в помощи СССР, организуя митинги и конференции и собирая необходимые средства и одежду для советских граждан.

Основные церкви Канады за исключением католической, о которой следует сказать особо, поддерживали кампанию. Покровителями «Канадского Фонда Помощи России» являлись наряду с лейтенант-губернаторами провинций, главы четырех основных церквей Канады: архиепископ католической церкви, кардинал Вилленев, примаат англиканской церкви Д. Оуэн, модератор пресвитерианской церкви Н. Маклеод и модератор объединенной церкви Дж. Склэтер [2, П. 3, Д. 14. Л. 17].

В большинстве церквей проходили проповеди, посвященные Советскому Союзу и кампании помощи, производился сбор средств и т. д. В одной из церквей, «Объединенной церкви» в Торонто, была показана ВОКСовская выставка на тему «Дети – жертвы фашизма». Национальный Комитет Фонда снабжал церкви специальными материалами

для проповедей, в частности распространял брошюру «50 вопросов и ответов о Советском Союзе». Следует особо отметить «Воскресение помощи России», которое проводилось в огромном большинстве церквей Канады 24 января 1943 г. Главы объединенной, англиканской и пресвитерианской церквей дали по этому поводу специальные указания своим церквям. Примат англиканской церкви Оуэн в своем письме, рекомендуя посвятить этот день «Помощи России» писал: «Наш долг России, ее народу, ее армии, ее воздушным силам слишком велик, чтобы его можно было описать словами» [2, П. 3, Д. 14. Л. 17.].

Католическая церковь, в целом, не однозначно относилась к кампании в помощь СССР. Кардинал Вилленев, глава католиков, не осмелился бросить вызов общественному мнению и согласился быть одним из патронов Фонда. Однако это согласие он снабдил антикоммунистическими оговорками [2, П. 3, Д. 14. Л. 18].

Даже в конце войны кардинал Вилленев высказывал антисоветские взгляды. Так, 8 января 1945 г. на собрании общества Св. Винсан Де Поль кардинал Вилленев заявил, что «коммунизм проникает в международную политику, социальные науки и даже в сознание людей. Обстоятельства говорят нам сами за себя. Единственным врагом христианства является коммунизм. В настоящее время коммунизм пытается распространить свое влияние на все страны» [5, П. 18, Д. 27. Л. 5].

Католическая церковь насчитывала более четырех миллионов верующих в Канаде, и являлась самой сильной церковной организацией в Канаде. Достаточно указать, что следующая по значению церковь «Объединенная» насчитывала только два с небольшим миллиона верующих. Влияние католической церкви в Канаде весьма значительно, оно особенно велико в провинции Квебек, где 87 % населения было католиками. То обстоятельство, что средний взнос в «Канадский Фонд Помощи России» на одного человека по провинции Квебек был одним из самых низких, следует прежде всего отнести за счет влияния католической церкви [2, П. 3, Д. 14. Л. 18–19].

Подводя итоги, нужно сказать, что церкви Канады в основном поддержали кампанию помощи СССР. Однако католическая церковь всячески выражала свою неприязнь к коммунистической идеологии, господствовавшей в СССР, и тем самым отвращала своих прихожан от СССР.

Внешне отношение канадского правительства к Советскому Союзу и к кампании «Канадского Фонда Помощи России» являлось безупречным. В необходимых случаях высказывались восхищения по поводу успехов Красной Армии, указывалось, что своим участием в Фонде канадский народ показывал свои симпатии и Советскому Союзу и т. д. [2, П. 3, Д. 14. Л. 19].

В начале кампании правительство Канады стремилось, и, разумеется, не безуспешно захватить руководство кампани-

ей в свои руки, поставить во главе движения надежных людей, боясь, как бы кампания не вышла за желательные рамки. При этом, разумеется, имелись в виду не столько материальные итоги кампании, сколько ее политический эффект. Есть достаточные основания утверждать, что правительство не желало такого размаха, какой фактически приняла кампания, и старалось всячески ему противодействовать. Из разговоров с председателем Национального Комитета Маклинном у сотрудников советского посольства определенно создавалось впечатление, что он неоднократно получал от Департамента Национальных Военных Служб указания не допускать широкого размаха кампании. Отказ в разрешении собирать пшеницу, который, как видно, оказался неожиданным даже для руководителей Национального Комитета, является также достаточно характерным [2, П. 3, Д. 14. Л. 20].

Нужно, однако, отметить, что, по словам работников Национального Комитета, правительственные чиновники, с которыми им приходилось иметь дело при закупках и отправках товаров, относились к нуждам Канадского Фонда Помощи России весьма предупредительно [2, П. 3, Д. 14. Л. 20].

«...Однако, влияние «Канадского фонда помощи России» с начала 1945 г. стало падать. Одна из вероятных причин этого – активность враждебно настроенных к СССР деятелей канадского Красного Креста, на что обращал внимание премьер-министра редактор торонтской «Стар» Дж. Аткинсон – убежденный сторонник сохранения после войны дру-

жественных отношений Канады и других стран Содружества с СССР» [1, с. 264].

В целом «Канадский Фонд Помощи России» сыграл большую роль в помощи СССР, собрав пожертвований, по данным Дж. Норзи, на 10 млн. канад. долл.: по нашим изысканиям в АПВ РФ, на 6 млн. канад. долл. – денежных пожертвований, на которые были закуплены разные товары, в том числе и продовольствие, и на 4 млн. канад. долл. было пожертвовано одежды. Цифры эти небольшие сравнительно, скажем, с американским ленд-лизом (11,3 млрд. амер. долл.), но важна была и моральная поддержка, о которой, например, харьковчане отзывались как о «теплом объятии наших далеких канадских друзей».

Источники и литература

1. Поздеева Л.В. Канада в годы второй мировой войны. М.: Наука, 1986. 336 с.
2. Архив Внешней Политики Российской Федерации. Ф. 009. Оп. 14.
3. Архив Внешней Политики Российской Федерации. Ф. 178. Оп. 2.
4. Архив Внешней Политики Российской Федерации. Ф. 178. Оп. 3.
5. Архив Внешней Политики Российской Федерации. Ф. 178. Оп. 4.

Франция в годы второй мировой войны: перемирие 1940 года – капитуляция или спасение?

*Бурлаков А.Н.*⁸⁰

Аннотация: Статья посвящена внутривнутриполитическим и геополитическим последствиям франко-германского перемирия 1940 г. Автор приходит к выводу, что Франция ни при каких обстоятельствах не могла продолжать войну. Перемирие пошло на пользу как самой Франции, так и союзникам. Гитлеру не удалось втянуть Францию с её сильным флотом и огромной колониальной империей в войну на стороне нацистской Германии. Свободная зона правительства Виши превратилась в убежище для евреев, партизан и эмигрантов.

Ключевые слова: вторая мировая война, Франция, режим Виши, нацистская Германия, франко-германское перемирие, маршал Петэн, Гитлер, союзники.

Burlakov A.N. France during the Second World War: the 1940 Armistice – Capitulation or Salvation?

⁸⁰ Бурлаков Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории МПГУ.

Abstract: The article is devoted to internal political and geopolitical consequences of the Franco – German armistice of 1940. The author concludes that France, under any circumstances, could not continue the war. The Armistice was favorable both to France, and to allies. Hitler failed to involve France, with its powerful fleet and its vast colonial empire, in the war on the side of Nazi Germany. Free zone of the Vichy government has turned into a refuge for Jews, partisans and immigrants.

Keywords: the Second World War, France, the Vichy Government, Nazi Germany, the Franco – German Armistice, Hitler, Marshal Petain, Allies.

В 1940 г. Франция потерпела катастрофу, к которой шла всё межвоенное время. К войне оказалось не готово не только политическое и военное руководство, но и сам народ [4]. События следуют одно за другим с калейдоскопической быстротой и принимают необратимый оборот: 6 июня англо-французские войска разгромлены у Дюнкерка, а 14 июня немцы уже вступают в Париж.

22 июня 1940 г. новое правительство во главе с маршалом Петэном подписало перемирие с Германией. Условия перемирия были тяжелы и унизительны [18, р. 1–8]. Восточные области Эльзас и Лотарингия были отторгнуты от Франции и вошли в состав Третьего Рейха. Большая часть страны (две трети территории) с центром в Париже подверглась оккупа-

ции и составила так называемую «северную зону». Под контролем правительства Петэна осталась треть территории на юге, объявленная «свободной зоной». Столицей свободной зоны стал небольшой курортный городок Виши, давший название новому режиму. Обе зоны разделялись демаркационной линией, которую можно было пересекать только с разрешения немецких властей.

На Францию были наложены громадные оккупационные платежи в размере 400 млн. франков в день. По условиям перемирия французское правительство разрывало союз с Англией и начинало сотрудничество с гитлеровской Германией. Армия и ВМФ Франции подлежали разоружению. Режиму Виши разрешили иметь так называемую «армию перемирия» численностью в 100 тыс. человек для «поддержания внутреннего порядка».

Вопрос, на который нам предстоит ответить, до сих пор вызывает споры среди историков, политиков и общественности. Заключение перемирия маршалом Петэном – это спасительный для Франции акт осознанной необходимости или предательство национальных интересов страны? Разобраться в этом вопросе будет легче, если мы разделим его на несколько более мелких, но не менее важных вопросов.

Каково было моральное состояние французской нации накануне перемирия? Ответить на этот вопрос, к сожалению, нетрудно: лишь небольшая горстка патриотов была готова сражаться до конца; французская нация была деморализована.

на, растеряна, запугана, утрачена немецкой мощью, озабочена сохранением своей жизни и имущества. Об этом свидетельствуют все источники [12, р. 76–77; 3, р.17, 33; 7, р. 36, 38]. С таким низким моральным духом элит, госаппарата, армии, народа продолжать военные действия означало бы полную авантюру. Поэтому, когда Петэн произносил свои знаменитые слова 17 июня 1940 г., это были горькие слова правды: «Скрепя сердце, я говорю вам сегодня, что надо прекратить борьбу»[20, р.15].

Как же французы отнеслись к перемирию, заключённому Петэном?

Вот потрясающее по своему реализму свидетельство из французской глубинки Романа Гуля, нашего соотечественника, белоэмигранта, работавшего простым подёнщиком. В деревне, где он жил, только у некоего Габриеля было старенькое радио. В дом к Габриелю, вспоминает Р. Гуль, «набились все мы, окрестные испольты, арендаторы, крестьяне-собственники, услышав, что маршал Петэн произнесёт какое-то обращение к французам». «У всех на уме было одно слово – «армистис», что означало, что немцы не пойдут сюда, не расквартируют здесь свои войска, не будут забирать скот, хлеб, виноград, вино, не придавят этих французов так, как, наверное, придавили на севере», – так описывает умонастроения этих французов Р. Гуль. И вот, наконец, выступление Петэна, и впечатление, которое оно произвело на окружающих: «Катастрофа закончилась голосом маршала Петэна

по радио. Ощущение полёта в бездну как бы прервалось. И когда раздались последние слова старческого голоса «Я приношу себя в жертву Франции» – я почувствовал у присутствующих волнение благодарности, что в этот момент катастрофы у них во Франции нашелся человек, **взявший на себя** всю позорную тяжесть переговоров с Гитлером, чтобы **прикрыть** своим именем всех их, средних французов, не желающих воевать, которым было наплевать на всё, только бы сохранить своё **спокойствие**, пусть вот такое, несчастное, позорное, общипанное, разгромленное» [7, р. 38–39].

Знаменитый философ и публицист Раймон Арон, будущий участник «Свободной Франции», так описывал свою реакцию и реакцию окружающих на речь маршала Петэна о перемирии: «Так же, как и остальные французы вокруг меня, я испытывал чувство облегчения. Было очень трудно заявить, находясь среди потерпевших поражение солдат, этих разогнанных французов: «Заключать перемирие – это ужасно!». Петэн казался мне выразителем чувств, преобладавших у большинства французов» [1, с. 180; 2, с. 92–93].

Английский публицист А. Верт, бывший свидетелем катастрофы тех дней, признавал: «Если бы, скажем, 15 июня был проведён референдум по вопросу о том, должна ли Франция сделать попытку вступить в переговоры о перемирии, огромное большинство, без сомнения, сказало бы «да». Население Франции было убеждено, что при существующем соотношении сил **ничто** не может уничтожить германскую армию» [5,

с. 57].

А вот свидетельство и мнение умного противника, знаменитого немецкого философа и писателя, а тогда ещё и офицера Вермахта в оккупированной Франции, Эрнста Юнгера: «Заклучив в 1940 г. перемирие, Петэн сделал то, чего от всей души желал его народ, считая это единственным правильным. Ему, воевавшему под Верденом, это наверняка далось нелегко. Я сам видел колонны военнопленных, запрудившие пыльные дороги под палящим июльским солнцем, они выкрикивали его имя как имя спасителя» [9, с. 191].

Таким образом, можно сказать, что маршалу Петэну ничего другого не оставалось, как заключить перемирие: нельзя было продолжать войну, имея под рукой лишь полностью деморализованную армию и павший духом народ. С моей точки зрения, нет никаких оснований винить маршала Петэна в предательстве за подписание перемирия с немцами. Все обвинения подобного рода скрывают политиканскую подоплёку, не имеющую никакого отношения к действительности. К сожалению, эти обвинения до сих пользуются популярностью в сообществе историков, в том числе и отечественных.

Чем же руководствовался маршал Петэн, подписывая перемирие и принимая власть? Неужели, как утверждают его критики и недоброжелатели, на 85-м году жизни его вдруг обуяла страсть к власти, к которой он был равнодушен всю свою жизнь? Неужели он готов был стать предателем и при-

служником немцев, победа над которыми привела его к славе? Подобные утверждения не выдерживают критики. К тому же, о каком удовлетворении властолюбия можно говорить в условиях войны и оккупации?

Заключение перемирия Петэн обусловил рядом требований: лишь частичная оккупация Франции с сохранением за ней её флота и колониальной империи [26, р. 246]. Гитлер, по его собственному признанию и свидетельству его окружения, питал к маршалу уважение и симпатию как к достойному противнику в первой мировой войне; очевидно, это уважение явилось одной из причин того, что он согласился на условия Петэна [19, р. 98, 114–118]. Вполне возможно, что если бы вместо маршала был кто-либо другой, положение Франции оказалось бы куда тяжелее. По мнению У. Черчилля, уступка Петэну была одной из роковых ошибок Гитлера во второй мировой войне [13, р. 235].

На что же рассчитывал Петэн? Заключение перемирия в сложившихся условиях можно рассматривать как блестящий дипломатический ход. Несмотря на все моральные, экономические и территориальные потери, Франция на время вышла из мировой бойни, что означало сбережение народа и народных сил. Сам маршал Петэн считал, что призывы к продолжению борьбы закончились бы «освобождением руин и кладбищ» [21, р. 9–10]. С этим согласны почти все современники, у кого здравый смысл и чувство ответственности превалировали над политическим расчётом. Эрнст Юнгер в

своём дневнике высказывает сходную точку зрения: «Окажись на его (Петэна – А.Б.) месте какой-нибудь Гамбетта⁸¹, Франция лежала бы сегодня в таких же руинах, как Германия, – писал он 25 августа 1945 г. – И от Парижа тоже не осталось бы камня на камне! Продолжение войны привело бы к оккупации всей Франции и Северной Африки. Этот народ, которому было что терять, проявил верный инстинкт, отказавшись от той славы, которая расцветает на почве дмящихся развалин» [9, р. 192].

Раймон Арон отметил и глубинное цивилизационное последствие перемирия – демографическое. «Если бы французская армия продолжала в 1940 г. сопротивление вместо того, чтобы оказаться за несколько недель побеждённой; если бы, наконец, она была бы разгромлена в 1941 г., то её потери оказались бы значительно более крупными, – пишет Р. Арон. – Новое кровопускание, потеря ещё одного или двух миллионов человек, могли бы стать для неё роковыми, что она могла бы больше не подняться. В этом смысле катастрофа, имевшая трагические моральные и материальные последствия, тем не менее, обеспечила благодаря своей быстроте возможность позднейшего демографического, экономического и политического подъёма Франции» [2, с. 112]. В своих мемуарах он также отмечает, что «перемирие спас-

⁸¹ Гамбетта, Леон (1838–1882) – французский государственный и политический деятель. Во время франко-прусской войны входил в состав «правительства национальной обороны» и пытался организовать отпор немецким оккупантам.

ло несколько миллионов французов от лагерей военнопленных, неоккупированная зона облегчила положение половины французов» [1, с. 197].

И наконец, в этот хор вплетается и голос замечательного французского писателя и военного лётчика Антуана де Сент-Экзюпери. «Если бы Франция расторгла соглашение о перемирии, то с юридической точки зрения, это было бы равносильно возврату к состоянию войны, – писал он. – А возврат к состоянию войны даёт оккупантам право брать в плен всех мужчин, подлежащих мобилизации. В сущности, нашей стране грозило полное истребление под видом законных мер шести миллионов взрослых мужчин. Безоружная Франция не могла голыми руками сопротивляться этой охоте на рабов» [8, с. 109].

Как заметил Р. Арон, жители Южной Франции более чем на два года были избавлены от немецких оккупантов. Перемирие заставило немцев вернуть французам Лион, второй по значимости город страны (в обмен на Бордо), покинуть уже было занятые ими Сент-Этьенн, Клермон-Ферран и Монлюсон. Позже Петэн принудил оккупантов отступить севернее Луары. Вот как описывает отношение французов к усилиям маршала по заключению перемирия историк М. Ферро: «Для французов времён поражения произошло чудо. В одиночку маршал Петэн остановил немцев. То, что не смогли сделать линия Мажино, армия, авиация, удалось сделать Петэну. Но прежде всего Петэн вернул своим французам родину, пусть в

урезанном виде; благодаря маршалу каждый отныне мог вернуться домой, в свою булочную, на свою улицу» [15, р. 107–108]. Здесь, на юге, в относительной безопасности чувствовали себя евреи, бежавшие с севера французы, участники зарождавшегося движения Сопротивления, иностранцы, такие, как русский писатель Иван Бунин и американская писательница, еврейка по национальности, Гертруда Стайн.

Рассмотрев внутривосточные последствия перемирия, перейдём к геополитическим последствиям. Благодаря перемирию Франция оказалась в уникальном положении, которого не имела ни одна из побеждённых стран. Она сохранила суверенитет над частью своей территории и имела некоторое влияние на то, что происходило в оккупированной части страны. Франция сохранила свой военно-морской флот и колониальную империю. Правда, двух своих «козырей» – флота и свободной зоны – она лишится в ноябре 1942 г., но до конца войны побеждённая Франция не будет участвовать в военных действиях против союзников на стороне Германии.

Удивительно, что почти все клеймят маршала Петэна за перемирие или в лучшем случае с сожалением констатируют его неизбежность. Однако почти никто не обращает внимание на уникальность ситуации, в которой благодаря перемирию оказалась Франция. На самом деле Петэн показал себя как великолепный дипломат и психолог. У Петэна, действительно, на руках были серьёзные козыри – это колониальная

империя и флот. Маршал умело сыграл на опасениях Гитлера относительно того, что эти козыри перейдут к англичанам. О том, что такие опасения у Гитлера были, подтверждают его беседы с Муссолини 18 июня и 5 декабря 1940 г. [11, р. 333]. Опасения Гитлера разделял и его генералитет [14, р. 139; 25, р. 450]. Таким образом, Франция стала единственной побеждённой страной, с которой Германии пришлось считаться. «Наши условия настолько скромны, что французы должны принять их из элементарного чувства здравого смысла», – записывал в своём дневнике начальник немецкого Генштаба Сухопутных войск Ф. Гальдер 21 июня 1940 г. [6, с. 486].

Может быть, опасения Гитлера и его окружения всё же имели под собой основания? Петэн улетает в Лондон, возглавляет правительство в изгнании, французский флот соединяет свою мощь с английским, французская колониальная империя принимает сторону Англии. Вряд ли такой вариант событий был возможен. Отчасти он станет возможным только тогда, когда изменится геополитическая ситуация: в войну вступят СССР и США, и исход противостояния начнёт меняться не в пользу Германии. В 1940 г. ситуация была иной. Во-первых, следует учитывать общую деморализацию французской нации и её нежелание воевать. Во-вторых, нельзя забывать, что исторически антианглийские настроения были особенно распространены среди французского колониального аппарата и моряков – сказывалось мно-

говековое соперничество двух держав на морях и на других континентах. Флот, вполне возможно, всё равно был бы затоплен французскими моряками. Колониальная империя, скорее всего, раскололась бы – часть колоний, возможно, перешла бы на сторону Англии, а часть – на сторону держав «оси».

Историки, споря о том, нужно было или нет заключать перемирие, забывают о правовой сущности этого акта. Перемирие – это временное соглашение, без окончательных обязательств сторон; оно может быть разорвано или пересмотрено в зависимости от изменения обстоятельств. Очевидно, Петэн делал ставку на конечную победу союзников. Он понимал, что время работает на него. Сразу после перемирия он так объяснил свою позицию министру колоний Анри Лемери: «Американцы будут готовы не раньше, чем через четыре года. Наступают тяжёлые времена. Нам придётся испить чашу унижения до дна. Наше соглашение с немцами базируется на принципе “*Rebus sic stantibus*”⁸² «Победитель всегда остаётся хозяином ситуации» [23, р. 219].

И, наконец, самый важный вопрос: представим себе, чтобы было с самой Францией, если бы она, следуя советам де

⁸² Если обстоятельства остаются без изменений» (лат.) – принцип международного права, согласно которому договор действует до тех пор, пока обстоятельства, при которых он был заключён, останутся в целом без изменений. Согласно этому принципу, в случае изменения обстоятельств, договор утрачивает своё прежнее значение и может быть расторгнут односторонним актом заключившего его государства.

Голля и стоявшего за ним «коварного Альбиона», продолжила войну. Напомним, что в начальный период мирового конфликта США в войну ещё не вступили, а СССР состоял в дружеских отношениях с Германией. Англия только что разгромлена у Дюнкерка и зализывает раны. Она боится немецкого вторжения; ей нужно время, чтобы прийти в себя. Это время Англия могла выиграть, натравив Германию на ещё сопротивляющуюся Францию. Думаю, что сопротивление Франции смогло бы отсрочить оккупацию страны максимум на месяц. Таким образом, Третий Рейх оказался бы соседом Испании. Как известно, франкистский режим своим возникновением был обязан помощи нацистской Германии и фашистской Италии. Однако в дальнейшем Франко благоразумно держался в стороне от мирового конфликта. Это удалось во многом благодаря тому, что Французское государство маршала Петэна уберегло Испанию от беспокойного соседства с Третьим Рейхом. Когда в 1942 г. немцы всё же оккупируют свободную зону и окажутся под боком у генерала Франко, им уже было не до Испании после высадки союзников в Северной Африке.

В 1940 г. ситуация была иной. Вполне возможен был такой вариант, что, оккупировав Францию, Гитлер принудил бы Франко либо к вступлению в войну на его стороне, либо к созданию в Испании подобия свободной зоны. Таким образом, всё европейское побережье Средиземного моря оказалось бы в руках Германии и её союзников. Несомненно,

«соседство» с Третьим Рейхом соответствующим образом повлияло бы на колониальную администрацию французской Северной Африки. А дальше можно было бы ждать немецко-итальянской высадки в Алжире или Тунисе, где деморализованные французские войска сдались бы в 1941 г. После этой военной операции уже почти все Средиземноморье оказалось бы под контролем Гитлера. Никакой высадки союзников в 1942 г. не произошло бы. Немцам открылся бы прямой путь на Египет, а через Суэцкий канал – в Индию. Что касается Франции, то, потеряв Северную Африку, ядро своей империи, она окончательно влилась бы в ряды союзников Гитлера.

Такое развитие событий имело бы ещё одно важное геополитическое последствие – вряд ли в 1941 г. состоялась бы немецкая агрессия против СССР, так как перед Германией открылись бы другие привлекательные направления экспансии. Таким образом, наша страна, которая решит исход второй мировой войны, оставалась бы в дружественных отношениях с Третьим Рейхом. А делить на Ближнем и Среднем Востоке Германии и СССР было что (Иран, Ирак). Вполне возможно, в такой ситуации Турция, боясь остаться без своей доли колониального пирога, отбросила бы свои колебания и присоединилась к державам «оси». Не забудем, что рассматриваемый сценарий – наиболее оптимистичный для союзников. А ведь во главе Франции мог оказаться не вымысленный, а настоящий предатель, который безо всякой борь-

бы поставил бы не только промышленный потенциал (в чём упрекают Петэна), но и военную и имперскую мощь Франции на службу Германии.

Не забудем о том, каковы были истинные планы Гитлера в отношении Франции. «Целью моей политики в отношении Франции является по возможности максимально эффективное сотрудничество для будущего ведения военных действий против Англии», – говорилось в Директиве № 18 от 19 ноября 1940 г. В дополнительной инструкции Гитлера от 10 декабря 1940 г. ставилась задача овладеть военно-морским флотом Франции в случае, если французская колониальная империя выйдет из повиновения Виши [24, р. 39–40]. Мы можем констатировать, что Гитлеру не удалось реализовать ни одну из поставленных целей – ни вовлечь Францию в войну против Англии, ни захватить ВМФ Франции.

Прав Раймон Арон, считавший, что перемирие пошло на пользу союзникам [2, р. 190–192]. Но самое удивительное, что У. Черчилль, метавший в своих мемуарах молнии в «капитулянта» Петэна, на деле думал иначе. Французский генерал Альфонс Жорж, находившийся в дружеских отношениях с У. Черчиллем, поведал о своём разговоре с английским премьером в Марракеше 8 января 1944 г. «В июне 1940 г., после сражения на севере Франции (у Дюнкерка – А.Б.), у Англии не было больше достаточного количества вооружений, – признавался Черчилль французскому генералу. – Вопрос о танках и самолётах не мог быть решён удовлетво-

рительным образом. Перемирие, в конечном счёте, помогло Великобритании. Гитлер совершил одну из самых больших ошибок, не расширив свои захваты за счёт Северной Африки, чтобы двинуться на Египет. Тогда нам пришлось бы туго» [21, р. 167]. Примечательно, что Черчилль не отрицал этого разговора, заметив в мемуарах, что высказанное им мнение не было «зрелым и продуманным» [13, р. 235].

Есть также свидетельства того, что сам Гитлер в конце войны рассматривал перемирие как ошибку [17, р. 1491–1499]. Наконец, так считал и один из лучших немецких дипломатов Цецилий фон Ренте-Финк, с 1943 г. являвшийся полномочным представителем нацистской Германии в Виши и крайне враждебно настроенный в отношении маршала. В разговоре со швейцарским послом в Виши Вальтером Стуки немецкий дипломат высказал своё мнение: «Фюрер совершил непостижимую ошибку, заключив перемирие с Францией вместо того, чтобы оккупировать Францию и, пройдя через Испанию, захватить Северную Африку» [22, р. 30].

Таким образом, перемирие, заключённое маршалом Петэном, явно пошло на пользу и Франции, и союзникам. Сейчас даже французские историки, не питающие симпатий к маршалу и Виши, вынуждены признать правильность его действий. Так, Анри Амуру, один из крупнейших специалистов по истории Франции времён немецкой оккупации и участник Сопrotивления, пишет: «Голлизм навязывал идею, что не надо было заключать перемирие. Это здорово придум-

мано! Но это несерьёзно» [10, р. 12].

Источники и литература

1. *Арон Р.* Мемуары. М.: Ладомир, 2002. 873 с.
2. *Арон Р.* Пристрастный зритель. М.: Праксис, 2006. 412 с.
3. *Астъе Ла Вижери Э. д'.* Семь раз по семь дней. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 240 с.
4. *Бурлаков А.Н.* Падение Третьей Республики во Франции // *Clio-Science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза.* Выпуск II. М.: Издательство «Прометей» МПГУ, 2011. С. 190–221.
5. *Верт А.* Франция. 1940–1955. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 615 с.
6. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т.1. М.; Воениздат, 1968. 512 с.
7. *Гуль Р.* Я унёс Россию. Т.3. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. 210 с.
8. *Сент-Экзюпери А. де.* Военные записки. М.: Прогресс. 1986. 291 с.
9. *Юнгер Э.* Дневники. Излучения II. Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948 г.). СПб: Владимир Даль, 2007. 368 с.
10. *Amouroux H.* La page n'est pas encore tournée. P.: Robert

Laffont, 1993. 11A p.

11. Archives secretes de la Wilhelmstrasse. T. IX. Livre 2. P.: Librairie Plon, 1961. 425 p.

12. *Auriol V.* Hier...Demain. V.1. P.: Chariot, 1945. 307 p.

13. *Churchill W.* La deuxieme guerre mondiale: Vol. 3. L'Heure tragique de la chute de la France. P.: Plon, 1948. 383 p.

14. *Eberhardt J.* La France dans l'Europe de Hitler. P.: Editions Fayard, 1968. 554 p.

15. *Ferro M.* Petain. P.: Fayard, 1993. 789 p.

16. *Hitler A.* Libres propos sur la guerre et la paix recueillis sur l'ordre de Martin Bormann. T.2. P.: Flammarion, 1952. 365 p.

17. *Kershaw I.* Hitler. Vol.2. 1936-1945. P.: Flammarion, 2000. 1159 p.

18. La delegation fran9aise aupres de la Commission allemande d'Armistice. Recueil de documents publies par le gouvernement fran9ais. T.1. P.: Imprimerie nationale, 1947. 496 p.

19. Lettres secretes echangees par Hitler et Mussolini. P.: Editions de Pavois, 1946. 190 p.

20. *Petain Ph.* Messages d'outre-tombe du marechal Petain. Textes officiels, ignores et meconnus, consignes secretes. P.: Nouvelles editions latines, 1984. 279 p.

21. Procès du marechal Petain. Republique fran9aise. Haute cour de justice. Compte rendu in extenso des audiences transmis par le Secretariat general de la Haute cour de justice. Juillet 23-Aout 14, 1945. P.: Imprimerie des Journaux Officiels, 1945. 386

p.

22. *Stucki W.* La Fin d'un regime de Vichy. Neuchatel: La Baconniere:, 1947. 253 p.

23. *Tournoux J. R.* Petain et la France. P.: Plon, 1980. 550 p.

24. *Trevor-Roper H.R.* Hitler's War Directives. 1939–1945. L.: Sidgwick and Jackson, 1964. 229 p.

25. Procès des grands criminels de guerre devant le Tribunal militaire international, Nuremberg, 14 Novembre 1945-1er octobre 1946. Tribunal militaire international de Nuremberg. Vol.36. Nuremberg, 1949. 727 p.

26. *Weygand M.* Memories. T.3: Rappelle au service. P.: Flammarion, 1950. 600p.

Европа, рожденная войной: коллективная память и наднациональная идентичность

*Климова Г.С.*⁸³

Аннотация. Проблемы войны, коллективной памяти и идентичности имеют множество точек пересечения в реальности и научном пространстве. Данная статья посвящена такому аспекту этих пересечений, как роль коллективной памяти о Второй мировой войне в формировании наднациональной идентичности в рамках Европейского Союза. Идея объединённой Европы, рожденной опытом войны, прежде всего, Второй мировой войны, рассматривается в статье как предпосылка для развития европейской самости. Процесс формирования и функционирования коллективной памяти о ВМВ в ЕС анализируется на трех уровнях: институциональном, публичном и педагогическом.

Ключевые слова: Европейский Союз, наднациональная идентичность, Вторая мировая война, коллективная память.

Klimova G.S. Europe born of war: collective memory and

⁸³ **Климова Галина Сегеевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики МПГУ.

supranational identity.

Abstract. The issues of war, collective memory and identity have a lot of overlap points. The paper covers such an aspect of these overlaps as the role of the collective memory about WWII in EU supranational identity construction. The idea of Europe born of war, first of all Second world war, is concerned as the factor of European identity development. The process of the forming and functioning of the collective memory is analysed on three levels: institutional, public and pedagogic.

Keywords: European Union, supranational identity, Second world war, collective memory.

Сегодня феномен объединенной Европы стал уже чем-то привычным. Прозрачные границы, общая валюта и институты Брюсселя – все это стало частью повседневности как для европейцев, так и для остального мира. Но этот устоявшийся образ неустанно подвергается сомнению. В последние годы в условиях усилившихся миграционных потоков, нестабильной экономической ситуации и сепаратистских тенденций в государствах-членах ЕС евроскептические настроения усиливают свои позиции. Решение о выходе из Евросоюза, принятое населением Соединенного Королевства 23 июня 2016 г., является, пожалуй, самым ярким подтверждением хрупкости и уязвимости интеграционной конструкции.

Отношение граждан ЕС к интеграционному объединению

в посткризисные годы демонстрировало отрицательную динамику. Количество граждан, имеющих в целом положительный образ ЕС, снизилось с 52 % в 2007 г. до 31 % в 2013 г., в то время как число граждан, отрицательно относящихся к Союзу, увеличилось за данный период с 15 % до 28 %. За 2014 – начало 2015 гг. динамика несколько изменилась: число граждан, положительно оценивающих ЕС, выросло на 11 %, а количество граждан, отрицательно относящихся к ЕС, сократилось на 10 %. Но данные осеннего опроса опять продемонстрировали отрицательную динамику: количество граждан, позитивно оценивающих ЕС, снизилось на 4 %, количество граждан, в целом имеющих негативный образ, выросло на то же число [28]. Как мы видим, данные Евробарометра свидетельствуют скорее о росте недоверия Брюсселю, в том числе, связанном с дефицитом демократии (единственный институт прямого представительства – Европейский Парламент – все еще обладает довольно ограниченными полномочиями) и «символическим дефицитом» наднациональных институтов в целом.

Отвечая на вызовы времени и высказываемые сомнения о жизнеспособности интеграционного объединения, его сторонники формулируют аргументы в защиту ЕС. Одним из общих условий для сохранения и дальнейшего развития Евросоюза большая часть авторов, в том числе такие видные интеллектуалы как Ю. Хабермас [11] и Э. Гидденс [2], называют развитие наднациональной евроидентичности. Речь не

идет о формировании культурной общности, основанной на единстве языка и традиций, но о так называемой политической или гражданской идентичности. Она предполагает осознание жителями Евросоюза своей гражданской общности.

Очевидно, что формирование такой коллективной идентичности возможно только в рамках конструктивистской парадигмы. Но какую роль в этом процессе играет коллективная память? Возможно ли иметь общие политические и гражданские ценности и осознавать себя в категории гражданского «мы» без общих «мест памяти»? Сама возможность формирования наднациональной коллективной памяти сопряжена с множеством сложностей. Один из родоначальников теоретического осмысления данного концепта Морис Хальбвакс отмечал, что память сопряжена с социальным статусом группы [12]. Продолжая эту мысль, необходимо отметить, что различия в уровне достатка, образования, регионе проживания, статусе титульной нации или мигрантов и другие различия сложно преодолеть в рамках одной политической общности и выстроить единый европейский нарратив.

Как писал профессор Р. Пул, «память имеет силу. Это не просто проводник информации (и дезинформации) о прошлом; это также – и прежде всего – посредник, через которого прошлое предъявляет к нам требования... Голос памяти – это наш голос, и его требования обращены к нам» [24, с. 32]. Понимание и образ будущего во многом зависит от

определенного взгляда на прошлое. Иными словами, чтобы ответить на вопрос «куда мы хотим прийти?» нужно ответить на вопрос «откуда мы?».

Когда европейцы смотрят на свое прошлое, первое, что они видят – это себя как бывших врагов. Образ европейских войн особенно ярок в восприятии гражданами Объединенной Европы. Европейский интеграционный процесс и, соответственно, его текущее воплощение Европейский Союз, традиционно связывают со Второй мировой войной, которую рассматривают как триггер. Со времен знаменитой речи У. Черчилля в Университете Цюриха о трагедии Европы, которую можно преодолеть построением Соединенных Штатов Европы, мысль о том, что интеграция европейских государств призвана предотвратить новую войну на континенте является базовым постулатом. Теми же категориями оперировали создатели первого интеграционного объединения ЕОУС – Жан Моне и Робер Шуман. И сегодня эта идея является одной из центральных идеологием Брюсселя. Так, накануне 70-ой годовщины окончания Второй мировой войны и 65-ой годовщины Декларации Шумана председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер сказал: «Европейский Союз был рожден в отголосках ужасной войны, и мы все еще живем в непредсказуемом мире. Именно по этой причине слова Робера Шумана остаются значимыми и сегодня, как были и в те годы. Я хочу Европу в центре действия, Европу,двигающуюся вперед, Европу, защищающую своих граждан, их ин-

тересы, и служащую примером для других» [22].

Нарратив «Европы, рожденной войной» стал частью *acquis communautaire* Европейского Союза, будучи включенным практически во все нормативные документы. Вторая мировая война в основном рассматривается как трагедия, обратившая государства Европы и их жителей к безоговорочному признанию прав человека, демократии и толерантности. В 1973 г. Государства Европейского сообщества опубликовали «Декларацию о европейской идентичности», в которой со предельной ясностью заявили, что «защита принципов представительной демократии, верховенства закона, социальной справедливости – которая является высшей целью экономического прогресса – и уважения прав человека. Все это – фундаментальные основы европейской идентичности» [17]. Важно отметить, что согласно данным опросов Евробарометра за 2009 [26] и 2012 гг. [27], посвященных структуре европейской идентичности, набор элементов в нее входящих стабильно включает демократические ценности. В 2012 г. на первое место вышла категория евро и появились новые категории, связанные с символической репрезентацией ЕС (флаг, гимн, девиз). Были выведены из опроса такие элементы, как религиозное наследие и социальное обеспечение. Но, несмотря на эти трансформации, демократические ценности сохраняют ведущее положение. Граждане ЕС действительно ассоциируют Объединенную Европу с победой демократии. Таким образом, память о войне не ограничива-

ется этическим аспектом поминовения жертв. У этого явления есть и политическая функция – роль, которую коллективная память о войне играет в строительстве европейской идентичности.

На каких уровнях может формироваться и функционировать коллективная память? Вслед за К. Боттичи и Б. Шалланом можно выделить три: институциональный, публичный и педагогический [14, с. 52]. На институциональном уровне действуют формальные политические организации, и речь идет о мнемонической власти официальных институтов ЕС, текстов законов, публичных ритуалов и т. п. Как уже было отмечено, память о войне прочно вошла в структуру *acquis communautaire*. В преамбуле Договора Европейского объединения угля и стали, подписанного 18 апреля 1951 г. сказано, что создается «независимое сообщество народов, долгое время разделенных кровавыми конфликтами». Схожие отсылки к событиям ВМВ прослеживаются и в других учредительных договорах и решениях Европейского Сообщества и Евросоюза. Так, например, в «Декларации о европейской идентичности» 1973 г. сказано, что «История и эгоистичная защита неправильно понятых интересов могли бы подтолкнуть девять европейских государств к разобщенности. Но они преодолели их прошлую вражду и решили, что единство является базовой необходимостью для Европы, чтобы обеспечить выживание общей цивилизации» [17]. Со временем, как мы видим, Вторую мировую войну перестали упоминать

непосредственно, но отсылки к конфликтам, которые пережила и преодолела Европа, являются важной составляющей обоснования необходимости интеграции. В преамбуле Маастрихтского договора, как и всех последующих редакций, написано «об историческом значении прекращения разделенности европейского континента и о необходимости установить прочные основы для устройства будущей Европы» [5, с. 10]. В проекте непринятой Конституции речь шла о Европе, воссоединенной после горьких испытаний и призванной работать во имя мира, справедливости и солидарности во всем мире [3]. Все эти громкие заявления призваны не только воодушевить европейцев, но и напомнить им о преодоленном военном прошлом.

Политические ритуалы Объединенной Европы начинаются с презентации Декларации Шумана 9 мая 1950 г. С тех пор этот день отмечается как День Европы и остается неразрывно связан с данью памяти победе над фашизмом и национал-социализмом. В каждом из государств-членов ЕС традиции празднования Дня победы 8 мая и Дня Европы отличаются. Во Франции 8 мая – государственный праздник, во многих других странах это не так, но проходят мероприятия организованные различными сообществами. Юбилейные даты победы, в частности 70-летие победы в 2015 г., неизменно отмечаются почти повсеместно. И ежегодно официальные лица ЕС выступают с обращениями и декларациями, посвященными опыту Второй мировой войны и создания единой

Европы. Также институты ЕС проводят целенаправленную политику памяти. В 2006 г. по решению Европарламента и Совета стартовала программа «Европа для граждан». С 2007 по 2013 г. было выделено 4 направления финансирования, призванных продвигать активное участие граждан в жизни ЕС. Одним из них (хоть и самым скромным – всего 4 % бюджета) было направление «Европейская память». Она была направлена на то, чтобы сделать идею Европы более осязаемой для ее граждан посредством продвижения и уважения к европейским ценностям и достижениям, памяти ее прошлого. В программе 2014–2020 гг. направление памяти стало одним из двух, со значительным увеличением бюджета [9]. В 2015 и 2016 гг. большая часть заявок, получивших финансирование в рамках программы, были посвящены истории Второй мировой войны и опыту тоталитаризма [19,20].

Публичная сфера включает акты памяти, осуществленные людьми и для людей – такие как выставки, публикации, митинги и т. п. В 2000-е гг. количество отсылок к ВМВ как фундаментальному нарративу Европы увеличилось. В начале 2000-х гг. всплеск объяснялся подготовкой проекта Конституции, а затем обсуждением ее провала. Немецкие газеты часто связывали Вторую мировую войну с институциональными актами памяти, что объясняется сохраняющейся в Германии необходимостью в публичном обсуждении прошлого. Во французской прессе ВМВ традиционно характеризуют как толчок к европейскому объединению.

Однако после кризиса 2008 г. появился сюжет, предлагающий рассматривать текущее экономическое превосходство ФРГ как повод к пересмотру геополитической карты Европы после 1945 г. Необходимо отметить, что схожие идеи озвучивают и обозреватели в других странах. Так, в декабре 2011 г. *Le Figaro*, приводя обзор иностранной прессы об экономическом развитии ЕС и роли ФРГ в нем, высмеивает высказанную в *Spiegel* мысль о том, что «Германия выиграла Вторую мировую войну на прошлой неделе. Упс! Я сказал что-то, что не должен был?» [25]. Тем не менее, даже в таких евроскептически настроенных странах как Великобритания опыт войны достаточно часто рассматривается как основополагающий нарратив для европейского объединения. В июле 2002 г. *Guardian* опубликовала объемную статью, посвященную прекращению существования ЕОУС, «основанного в 1952 г., когда пепел Второй мировой войны все еще тлел». [13] Ведущий обозреватель газеты Иан Блэк представлял ЕОУС как «провидческую попытку предотвратить войну и выковать ЕС» [13]. В последние несколько лет публикации, освящающие годовщины ВМВ рассматривали это событие в контексте текущего обострения отношений стран Запада и России [1, 15, 16, 23]. В частности в Польше было опубликовано несколько статей, объясняющих отказ ряда европейских политических лидеров присутствовать на параде в Москве в 2015 г. тем, что страна, нарушающая принципы демократии не может быть местом памяти, и мнемониче-

скую карту Европы необходимо переписать [4]. Однако анализ национальных публикаций и мероприятий, связанных с памятью о ВМВ приводит, прежде всего, к выводу о существенных различиях в формах и сущностных моментах коллективной памяти о войне. Эти различия не ограничиваются делением на память победителей и побежденных, но усложняется разницей образов Западной и Восточной Европ. Если для стран Западной Европы Вторая мировая война окончилась образом победы демократии и гуманистических ценностей, то коллективная память стран Восточной Европы связывает этот период с установлением советской власти и потерей независимости.

К публичной сфере можно отнести и работу научного сообщества. Значительный корпус публикаций по вопросам коллективной европейской памяти о Второй мировой войне свидетельствует о существующем в среде историков скептицизме о возможностях нарратива «Европы, рожденной Второй мировой войной» [18, 21]. На научных встречах в Париже в 2006 г. [7] и в Вене в 2015 г. [8], посвященных проблемам исторической и коллективной памяти о событиях 1939–1945 гг., участники подчеркивали значительные различия в региональных и национальных коллективных образах войны, отмечая двойкий потенциал коллективной памяти о ВМВ, способной как объединить, так и разобщить Европу. Но, тем не менее, все участники высказывали согласие с необходимостью европеизации памяти о войне.

Особое место в механизме коллективной памяти играют образовательные программы. Если сравнить учебники ведущих европейских стран (Франции, ФРГ и Италии), то мы увидим три базовых варианта рассмотрения ВМВ. Так немецкие учебники скорее формируют образ Европы, рожденной Второй мировой войной, тогда как итальянские учебники такой трактовки избегают. Во Франции можно увидеть обе тенденции, хотя образ Европы, преодолевшей военные конфликты, преобладает в иллюстративном материале учебников [14, с. 57–61]. Немецкие учебники, учитывая традиции образовательных методик, уделяют большое внимание конкретным кейсам: расстрелам в определенных регионах и их последствиям, частным опытам Холокоста. Итальянские авторы порой смягчают военные преступления итальянских фашистов. Каждая из стран уделяет внимание тем аспектам войны, которые стали своеобразными краеугольными камнями национальных историй. Если говорить об учебниках истории постсоветского пространства, то стоит отметить, что чешские учебники уделяют особое внимание Мюнхенским соглашениям, а литовские и польские – советской и нацистской оккупациям. Данные тенденции были ярко продемонстрированы в рамках выставки «Разные войны: школьные учебники стран Европы о Второй мировой войне», созданной под эгидой Гражданского форума Россия-ЕС и при поддержке Общества Мемориал [6]. Но идея того, что ВМВ сыграла важную роль в формировании Европы, харак-

терна скорее для стран Западной Европы, нежели Восточной.

Чрезвычайно интересным в этой связи является проект франкогерманского учебника истории, запущенный в 2004 г. [16]. Первое издание *Histoire/Geschichte* увидело свет в 2006 г. Это был том, посвященный Европе после 1945 г. Примечательно, что в ходе работы над проектом образ войны и его интерпретация не стали сложным моментом для международного коллектива. Скорее и авторы, и пользователи отмечали сложности в поисках методического компромисса. Первое издание было приобретено 60000 чел. Цифра не слишком внушительная, но тот факт, что проект продолжает развиваться, и стал вдохновителем для схожих инициатив (например, польско-немецкого учебника), свидетельствует о потенциале педагогического уровня функционирования коллективной памяти.

Рассмотренные три уровня формирования и функционирования коллективной европейской памяти о войне работают по-разному. Порой они противоречат друг другу, порой дополняют друг друга. Институциональный уровень является, возможно, самым хрупким звеном: договоры и политика меняются. Хотя именно на этом уровне идея «Европы, рожденной войной» проводится наиболее последовательно. Публичный и педагогический уровни отличаются большим региональным разнообразием в оценке ВМВ и ее роли в истории ЕС.

Очевидно, что существуют попытки выработки общеевропейской памяти о войне на всех обозначенных уровнях, но Европейская память о Второй мировой войне остается разобщенной. Тем не менее, реакция на опыт войны в послевоенные десятилетия продолжает формировать контуры европейской идентичности и сегодня. Этот нарратив обладает значительным символическим потенциалом, как минимум для Западной Европы.

Источники и литература

1. Вторая мировая война глазами западных СМИ [Электронный ресурс] URL: http://inosmi.ni/trend/_70/ (дата обращения: 18.06.2016).

2. *Гидденс Э.* Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС, 2015.

3. Договор, устанавливающий Конституцию для Европы [Электронный ресурс] URL: <http://eulaw.ru/treaties/constit> (дата обращения: 18.06.2016).

4. *Завистовский А.* Москва, 9 мая, праздник. Но какой? [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/social/20160507/236450897.html> (дата обращения: 18.05.2016).

5. Маастрихтский договор: трудности ратификации, поиски решений перспективы // Доклады института Европы № 8.

2-е изд., доп. М.: Ин-т Европы РАН, 1994.

6. Материалы выставки «Разные войны: школьные учебники стран Европы о Второй мировой войне» [Электронный ресурс] URL: <http://naiwen.livejournal.com/1409868.html> (дата обращения: 18.06.2016).

7. Материалы конференции «Experience and memory. The Second world war in Europe» 3–4 April 2006, Paris [Электронный ресурс] URL: <https://www.h-net.org/announce/show.cgi?ID=150324> (дата обращения: 18.06.2016).

8. Материалы конференции «Remembrance of the Second world war 70 years after. Winners, losers, perpetrators, victims, bystanders» 11–13 May 2015, Paris [Электронный ресурс] URL: <http://europeanremembrance.enrs.eu/edition2015/about> (дата обращения: 18.06.2016).

9. Проект “Европа для граждан” [Электронный ресурс] URL: http://eacea.europa.eu/europe-for-citizens_en (дата обращения: 18.06.2016).

10. Проект «Histoire/Geschichte» [Электронный ресурс] URL: <http://enseignants.nathan.fr/collection/manuel-franco-allemand> (дата обращения: 18.06.2016).

11. *Хабермас Ю.* Эссе к конституции Европы. М.: Изд-во “Весь мир”, 2013.

12. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. № 2–3. 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.mss.ni/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 18.06.2016).

13. *Black I.* Europe's coal engine of integration retires // The Gurdian. 19 July 2002 [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/jul/19/worlddispatch.eu> (дата обращения: 20.05.2016).

14. *Bottici C., Challand B.* Imagining Europe. Myth, Memory and Identity. New York: Cambridge University Press. 2013.

15. *Chance M., Smith-Spark L.* Russia marks 70 years since victory over Nazi Germany with huge parade [Электронный ресурс] URL: <http://edition.cnn.com/2015/05/09/europe/russia-victory-day-celebration/> (дата обращения: 22.05.2016).

16. *Debaecker A.-L.* Boycott du 9 mai: une offense envers Poutine mais surtout envers les Russes. // Le Figaro. 7 Mai 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/05/07/31002-20150507ARTFIG00404-boycott-du-9-mai-une-offense-envers-poutine-mais-surtout-envers-les-russes.php> (дата обращения: 20.05.2016).

17. Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 December 1973 [Электронный ресурс] URL: http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 20.05.2016).

18. Experience and memory. The Second world war in Europe. Echterkamp J., Martens S. (eds.). New York: Berghahn Books, 2013.

19. European for citizens Programme. Stand 1. European remembrance projects 2015. List

of projects granted [Электронный ресурс] URL: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/efc_european_remembrance_list_of_projects_selection_results_5_en.pdf (дата обращения: 10.05.2016)

20. European for citizens Programme. Stand 1. European remembrance projects 2016. List of projects granted [Электронный ресурс] URL: <https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/publicationremem2016.pdf> (дата обращения: 10.05.2016)

21. European Identity and the Second world war. Spiering M., Wintle M. (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2011.

22. Europe Day: Celebrating 65 Years of Peaceful Cooperation. European Commission press release // [Электронный ресурс] URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-4948_en.htm (дата обращения: 10.05.2016)

23. *Parfitt T.* Russia celebrates Victory Day as Western leaders boycott parade. The Telegraph. 9 May 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11594295/Russia-celebrates-Victory-Day-as-Western-leaders-boycott-parade.html> (дата обращения: 10.05.2016)

24. *Poole R.* Misremembering the Holocaust% Universal Symbol, Nationalist Icon or Moral Kitsch // *Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society.* Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2010. PP. 31–49.

25. *Raim L.* La domination allemande critiquee

a Londres et Athenes. // Le Figaro 05 Decembre 2011 [Электронный ресурс] URL: http://www.lefigaro.fr/international/2011/12/05/01003-20111205ARTFIG005_81_la-germanophobie-monte-au-royaume-uni-et-en-grece.php (дата обращения: 22.05.2016).

26. Standard Eurobarometer 71. Spring 2009. Future of Europe [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (дата обращения: 22.05.2016).

27. Standard Eurobarometer 77. Spring 2012. European Citezenship[Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf (дата обращения: 22.05.2016).

28. Standard Eurobarometer 84. Autumn. 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKey/2098> (дата обращения: 25.06.2016).

Современные мировые деконструктивные процессы и Россия

*Белоусова К.А.*⁸⁴

Аннотация. Процессы, происходящие в современном мире, являются деструктивными. Это, пока неизученное, но очень интересное для исследователя явление, началось в начале 1990-х гг. в связи с развалом СССР и крахом социализма. Безусловно, деконструкция изначально охватила бывшие просторы СССР и соцлагеря, что, прежде всего, наблюдалась в Балканских странах. Потом постепенно этот процесс перекинулся и на остальную часть мира. И если Ближний Восток деконструктивные процессы охватили полностью, то в Европе и других частях мира они пока не столь очевидны.

Ключевые слова: деконструктивные процессы, бифуркация, экономизм, катастрофа, саморазрушение.

Belousova K.A. Modern World Deconstructive Process and Russia

Abstract. The processes taking place in the modern world are

⁸⁴ **Белоусова Ксения Андреевна** – профессор, доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики МПГУ, г. Москва.

destructive. This phenomenon not being studied yet but very interesting for scientists began in the early 1990-s due to the breakup of the USSR and collapse of socialism. It is out of discussion that the deconstruction initially took place in the ex-USSR and then embraced other socialist countries, first of all Balkan states. Gradually this process has spread all over the world. And if the deconstructive process is well seen in the Middle East it is not so obvious yet in Europe and other parts of the world.

Keywords: deconstructive processes, bifurcation, economism, catastrophe, self-destruction.

В таких явлениях как «деградация», «смута», «катастрофа» роль экзогенного особо велика. Собственно «чисто» эндогенные, как бы самоистребительные и вообще деструктивные процессы даже зафиксировать не просто. Тем более, что места обитания даже самоистребленных культур по большей части тут же, и поневоле в чем-то преемственно (если население сохранялось) кем-то заселялись. Тем не менее, есть все основания предположить, что в ряду интенсивных процессов последние, эндогенные, вполне реальны, как вполне определенные провалы, фактические самоисчезновения культур, саморазрушительные исходы бифуркаций. Это могут быть и как своего рода эволюционные, адаптивные деструктивные процессы, как бы тоже вялотекущие, постепенные разложения, загнивания, а равно скачкообразные ката-

строфы.

«Смутные времена», «безвременья», по всей видимости, суть объективно неопределенные хаотизируемые, системно-кризисные, предбифуркационные процессы и состояния, с явным прорывом так и не состоявшимся. Реставрации, контрреволюции относительно четко идентифицируются всегда вкуче с самим протяженным революционным процессом. «Безвременья» – нечто другое, в высшей степени само объективно неустойчивое, неопределенное состояние, но и способное быть относительно протяженным. Общее равновесие культуры здесь подобно сумеречному, шатающемуся, «странному аттрактору». Кстати говоря, именно «мутные времена», хотя и не всегда, как раз предшествовали политическим революциям, а тем самым «апостериорно» оказывались некоторыми «фазами» революций социальных.

Что касается катастроф, то речь, по сути, идет о большинстве бесславно исчезнувших определенных форм: общин, племен, полисов, держав, культур, империй. (Знаем мы о них немного. История познания, к примеру, изобилует неудачами, но во всем объеме этой научной историографии мы преобладающе знакомы как раз, если не сказать только, с относительными удачами). В таком взгляде, выходит, что история переполнена катастрофами, локальными формами «реализации» которых собственно и являются, в частности, войны, в результате которых одна из сторон, как правило, терпит катастрофу. Хотя и в разной степени для поберж-

денных. А уж в апополитейной первобытности и в последующей полосе истории в отношении отдельных форм деградации и катастрофы были вовсе «нормой» [7, С. 210].

В этой связи интересны примеры А. Тойнби: погибшие культуры первой империи майя (заброшенные и поглощенные лесом «великолепные здания»), в Сирии (Пальмира), на Цейлоне, на острове Пасха [6, С. 75, 121–125]. Тойнби объясняет это или «необыкновенным миролюбием», или, в основном, тем, что некогда героически побежденная человеком природа (джунгли, пустыня, океанические расстояния) все же брала свое. Действительно, уничтоженные конкистадорами государства на Мексиканском плоскогорье, на Юкатане, в Перу, населялись, по Лас Касасу, миролюбивыми народами. «Миролюбие», однако, это явно экзогенный фактор, а что касается «природы», то именно крах людских отношений придает ей силы. Суть явления состояла в том, что самопогибельно рушилась какая-то из форм рабства, с ее весьма характерным признаком «крупно-каменной индустрии». «Каменные люди» Пасхи, конечно, были пришлыми (приплывшими), но пришли они вместе с некоторым рабством, которое продолжительно на острове просто «физически» было не воспроизводимо. И все это привело к войнам на истребление даже с «возрождением» каннибализма.

Незамечаемость нами катастроф прошлого и даже часто их и не особо сильная «катастрофичность» имеет очень глубокие объективные основания. Чем ниже уровень культуры,

тем и выше выживаемость сохранившихся культур. С ростом же высоты, сложности, мощи, плотности, связности производства растет, и едва ли линейно, чувствительность к деструкциям. Или по-другому: по мере укрупнения структур социума число (или вероятность) катастроф падает, но значительно быстрее растет их потенциальные охват и разрушительная сила. Живейшим примером является тот, что в XX в. две войны оказались уже мировыми.

Обратимся к нашим временам.

В новейшей исторической интерпретации уже определенно принято считать, что т. н. современная история началась в 90-х гг. XX в. И связана она, разумеется, с развалом СССР и крахом социализма или мировой соцсистемы. Отметая иллюзию, что в постперестроечном периоде, несмотря на «трудные времена» начались «нормальные демократические и экономические реформы», приведу для начала философское объяснение: сработал известный в теории катастроф принцип «хрупкости хорошего» [2, С. 31]. Много было «плохого» в отжившей системе, но в итоге выяснилось, что все это «плохое» лишь умножилось, в еще большем множестве добавилось еще «худшее», а едва ли не все что было «хорошего» сгнуло.

Так вот вопрос, что же началось с концом перестройки примерно в 1991 г., в какой новый процесс произошел обвал из критического, но еще квазистабильного, затем очень короткого, отчасти «романтического», состояния? Вопрос су-

ровый и едва ли не самый актуальный, не побоюсь напыщенных интонаций, судьбоносный.

Наиболее общепринятая характеристика – наконец-то началась настоящая рыночная «реформа». Однако, произошедший вскорости распад страны, развал «всех сторон общественной жизни» назвать «реформами» странновато.

Л.И. Абалкин считает, что начался «этап становления рынка» [1, С.5], лишь сопровождающийся неправильными «действиями». Этот подход чистого экономизма не затрагивает глубинность и несоизмеримо большую сложность тектонических бифуркационных процессов. Потому даже характеристика произошедшего (и происходящего) как «кризиса» является весьма слабой, поскольку невольно толкает к экономическим объяснениям, непомерно узким по отношению к реальному процессу [8, С. 123].

Обвал, начавшийся, прежде всего, в бывшем СССР, и в целом в соцрегионе, перешел на весь мир. И весь, если угодно, божественный мир, эта материя, вознамерились провалиться в новый процесс, «начав» это «историческое происшествие» с бывшего СССР, а, может быть, даже и сфокусировать здесь на данный период все свои накопившиеся боли, беды и проблемы, затем посмотреть, что произойдет дальше, а по результатам соответственно отреагировать и в переустройстве всего мира. Или... покончить с этой неудавшейся попыткой «сотворения человека» [8, С. 123].

Вполне можно сказать, что началось «мутное» или «смут-

ное» время (этот оборот использует, к примеру, экономист Д.С. Львов). Однако мы воспользуемся понятием «деконструкция», вводимым в оборот французским лингвистом постмодернистом Ж. Деррида [3, С. 53], который терминологически конструктивней выражает процесс саморазрушения всех основных «социальных конструкций». Кстати, это понятие уже по внешним, даже фонетическим, признакам явно коррелируется с все чаще используемыми понятиями диссипации, деструкции, дисфункциональности, деградации и пр.

Деконструкцией мы называем тот объективный саморазрушительный процесс, в который примерно в 1990 г. вступил социализм и (пока менее заметно, но уже глобально) весь мир.

Многие могут возразить, что процветающий Запад не вступил в фазу деконструкции. Однако Запад, несомненно, вступил в эпоху постмодернизма. В отличие от обычных, принятых позитивистских трактовок постмодернизма, есть и другие: невинная или паразитическая «игра в игру», деструктивизм, деконструктивизм, ирония или издевка, потенциально бесконечная рефлексия, блуд и словесный бред и пр., в искусстве – обесмысливающая самость слова, звука, цвета, интеллектуальный андеграунд. Например, компьютеризация. Величайшее достижение человечества превращается в противоположность. С одной стороны, сами усложняющиеся программы, буквально, дебилизируются, так сказать,

в непотребно примитивном потребительском содержании. С другой стороны, программные и технологические усложнения навязываются все более насильственно, все чаще в виде совершенной ненужности и одновременной невозможности от них отказаться. Таким образом, Западу «постмодернизм» (в его основном значении разгула бескультурья) только угрожает. В качестве примеров, и весьма ярких, стоит лишь упомянуть о развернувшемся повсеместно движении за права человека, каково для зашоренного в рамках легитимности западного жителя ассоциируется лишь с правами человека гомосексуального (вспомним одну из причин ухода с поста последнего папы), а не действительно лишенного прав, «успехи» националистов и неофашистов в Европе или вполне легальную партию педофилов в Амстердаме.

Если взять другие географические точки на нашей планете, то Ближний Восток вступил в фазу деконструкции, вольно или невольно подталкиваемый Западом, причем со своими специфическими особенностями, в частности, тотальной исламизацией и обвалом некоторых стран в раннее средневековье. Красиво названная «арабская весна» превращается в суровую зиму, последствия которой, причем для всего человечества, пока крайне неясны.

Таким образом, хотя процесс начался с бывшего СССР, сама развивающаяся бифуркация может «выкинуть» и «выкидывает» самые неожиданные повороты. Но пока сгущенность событий в мире, т. е. на настоящий период, именно на

просторах бывшего СССР, а также явная идеологическая доминантность рыночного, либерального движения (в любых формах его выражения), наиболее выпуклы.

В начале 2000-х гг. в России стали, так сказать, поговаривать о некоторой стабилизации. Экономисты, как правило, понимают «стабилизацию» как экономическое же явление, фазу кризиса, за которой начинается подъем; но реально «стабилизация» может соотноситься со значительно более широким кругом явлений, например, с состоянием больного или ходом системного кризиса общества. Речь идет в данном случае о признаках стабилизации деконструкции, как процесса дальнейшего саморазложения общества.

Однако все эти сложнейшие процессы пока рассматриваются с позиций экономизма. Профессор В.А. Мельянцев пишет о том, что мир «действительно переживает непростые времена», однако обуславливает их «причинами и последствиями нынешнего кризиса» [4, С. 87]. Далее, В.А. Мельянцев пишет, что «кризис ударил по РФ больше, чем по многим другим странам» [4, С. 93]. Но дело ведь не в кризисе, а в том, что именно Россия переживает деконструкцию. Даже его святейшество в своей проповеди-обращении недавно говорил о «почти апокалипсическом напряжении в обществе».

Деконструкция бездонный материальный и, как это не кощунственно звучит, поразительно интересный процесс. Полагаю, что ежели будущим революционным чудом человечество выживет, деконструкцию наука будет изучать и изучать

многие десятилетия, и будет открываться все новое и новое. Восходящие, «творческие» процессы непостижимы (в социологии они ограничены революционной, эзотерической теорией отживших структур и тенденции преодоления определенным обобществлением производства), но и саморазрушительные процессы – совершеннейшая загадка.

В относительно недавнем номере журнала «Восток (Oriens)» встретилась интереснейшая статья кандидата исторических наук Н.А. Косолапова, который пишет, что одной из главных причин краха Перестройки 1986–1991 гг. «стало отсутствие теории реформ» [5, С. 35]. Вроде бы мысль несложная и вполне логичная, но дело в том, что и на сегодняшней день нет связной, единой теории, объясняющей происходящее в мире и России.

Видится, что именно историческая наука, которая, пожалуй, одна в состоянии выбраться из «оков экономизма», и ассоциировать себя во многом с социологией, может и должна не только объяснить этот процесс, но и выработать теорию прорыва.

Источники и литература

1. *Абалкин Л.И.* Тектология А.Богданова на пути к новой парадигме. ВФ, 1995, № 8, С. 1–28.
2. *Арнольд В.И.* Теория катастроф. М., Наука, 1990, 128 с.
3. *Деррида Ж.* Письмо японскому другу. ВФ, 1992, № 4

С. 53–57.

4. Дискуссия «Мировая экономика: время переоценок?» // Восток, 2012, № 2, С. 87–99.

5. *Косолапов Н.А.* Идея развития: запрос на теорию. // Восток (Oriens). 2013. № 4. С. 30–37.

6. *Тойнби А.* Постигание истории. М., Прогресс, 1991, 736 с.

7. *Шушарин А.С.* Полилогия современного мира. М., «Мысль», 2005, Т. 3, 544 с.

8. *Шушарин А.С.* Полилогия современного мира. М., «Мысль», 2006, Т. 5, 720 с.

Фашизм и фашистские революции в Европе в политическом дискурсе русской послеоктябрьской эмиграции

*Омельченко Н.А.*⁸⁵

Аннотация: Статья посвящена анализу взглядов представителей русской послеоктябрьской эмиграции на события в Европе в 20-30-е гг. прошлого столетия, когда в ряде европейских стран набирали силу фашистские движения, приведшие к власти Муссолини в Италии и впоследствии Гитлера в Германии. Основное внимание автора обращено на факторы, предопределившие противоречивое отношение русских эмигрантов к европейскому фашизму, к фашистским революциям в Европе, к идеологии и практике фашистских государств.

Ключевые слова: фашизм, фашистские революции, либеральное государство, национальное государство, идеократия, солидаризм, этатизм, авторитаризм.

Omelchenko N.A. Fascism and Fascist Revolutions in Europe

⁸⁵ **Омельченко Николай Алексеевич** – доктор исторических наук, профессор, Государственный университет управления, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий, г. Москва.

in Political Discussions of Russian Post-October Revolution Emigration.

Abstract: The article is devoted to analysis of opinions of Russian post-October's emigrants to political events, that has taken place in 20th – 30th of XX century in Europe, when Mussolini in Italy and Hitler in Germany came to power. Main attention author pays to factors that determined difficult and dualistic attitude of Russian emigrants to European fascism, fascist revolutions in Europe, fascist states' ideology and practice.

Keywords: fascism, fascist revolutions, liberal state, national state, ideocracy, solidarism, etatism, authoritarian methods.

Вопрос об исторических корнях и идейных истоках фашистских революций, потрясших привычный ход развития и быт гордившейся своими демократическими традициями Европы, их влиянии на политическую практику европейских государств в 20-30-е годы прошлого века – один из наиболее дискуссионных вопросов в современном отечественном общественном знании. Обращает на себя внимание очевидный парадокс: начавшись как политическое движение, имевшее широкую поддержку в своих странах, в перспективе фашизм стал одной из причин самой кровопролитной мировой войны, сопровождавшейся чудовищными репрессиями, миллионами убийств и жестокими расправами над целыми нациями.

Определенную ясность в понимании проблемы может внести изучение взглядов и воззрений видных представителей русской послеоктябрьской эмиграции, творческое наследие которой еще до конца не изучено. Известно, что в эмиграции после событий 1917 г. в результате «естественного отбора» оказался цвет отечественной интеллектуальной элиты, виднейшие представители русской философской и политической мысли, деятели всех русских дореволюционных партий от монархистов до социал-демократов меньшевиков. Именно эта особенность русской послеоктябрьской эмиграции, ее высокий интеллектуальный и политический уровень позволили ей внести существенный вклад в осмысление происходивших в Европе событий [1, с. 30–31].

Необходимо отметить, что споры вокруг фашизма отражали начавшийся еще до первой мировой войны и событий 1917 г. процесс разложения старых привычных представлений о путях переустройства общества. Как в самой России, так и во многих западноевропейских странах шел интенсивный поиск нового общественного идеала, путей его достижения. Старая капиталистическая система отношений, как многим тогда казалось, утратила свою перспективу. Нужны были какие-то новые решения и пути.

Эти процессы усилились после окончания первой мировой войны и победы большевистской революции. Многим в то время было понятно, что не только Европа, но и весь мир стояли на перепутье альтернатив. Во многом именно

этим объясняется повышенный интерес к появлению на политическом горизонте Европы и Азии новых общественных движений и государств. Если лидер итальянского футуризма Маринетти, отмечается в одной из статей о русском фашизме, шел с Муссолини строить обновленную Италию, то, одновременно с этим, Маяковский вместе с большевиками хотел строить обновленную Россию [2, с. 278].

Над причинами этого общественного феномена задумывались уже в то время многие европейские деятели и политики. Об этом размышляли русские эмигранты. Как писал один из наиболее талантливых и прозорливых умов в российском зарубежье, автор вышедшей в 1928 г. книги «Итальянский фашизм» И.В. Устрялов, речь шла не о каком-то очередном экономическом кризисе капитализма, а об исчезновении определенной системы жизни, о серьезном общем кризисе, постигшем человечество. По словам автора, на смену старым формам государственного устройства идут новые, основанные на обращении к авторитету, сильной и смелой власти, на преобладании государства в общественной жизни [3, с. 145].

В набиравших силу фашистских движениях многие эмигранты увидели (так же как и в большевизме) новую форму идеократий.

По большей части отношение русских эмигрантов к фашизму определялось их отношением к основополагающим принципам свободы и демократии, защита или отталкива-

ние от которых разделяли русскую эмиграцию более основательно, чем все другие разногласия. Отталкивание от современных либеральных государств как государств «фальшивой демократии», не способных разрешить узловые социальные вопросы, объединяло большинство праворадикальных и «национально-почвенных» течений в русском зарубежье.

В то же время нельзя исключать и другие не менее важные причины широкого распространения профашистских идей и тенденций в эмигрантской среде. В значительной мере этому способствовал антибольшевистский настрой русских эмигрантов. Противопоставляя фашистские революции с их обращением к нации и государству «крайностям» либерализма и демократии, многие русские эмигранты видели в них реальную альтернативу «космополитическому интернациональному коммунизму». На этой волне настроений возник ряд русских профашистских организаций в странах Европы, Азии, Центральной и Латинской Америки. К наиболее влиятельным из них относились: образовавшаяся в Харбине Российская фашистская организации (в 1938 г. под названием Российский фашистский союз она насчитывал до 23 тыс. членов и имела 48 отделений в 18 странах); созданный в 1936 г. генералом А.В. Туркулом русский национальный союз участников войны (к 1939 г. Союз имел свои отделы во Франции, Бельгии, Чехословакии, Югославии, Греции, Аргентине, Уругвае) и др. [1, с. 484–485].

Можно предположить, что увлечение фашистскими революциями в значительной мере объяснялось тем, что само понятие «фашизм» в 1920-30-е гг. еще не приобрело позднего отрицательного значения и еще неясны были судьба и практический результат многих теорий. Фашизм еще не скомпрометировал себя более поздними военными событиями и расистской направленностью гитлеровского режима.

Увлечение фашистскими революциями особенно характерно было для эмигрантской молодежи и ее организаций, говорившей о молодом тогда фашизме часто с большей симпатией, чем о демократии.

Но не только молодежь увлекал пафос фашистских движений. Через искушение фашистских революций прошла и значительная часть представителей старшего поколения эмиграции, также проявлявших интерес к фашизму. Многие видели в фашистских революциях преодоление извечной антитезы личности и государства (солидаризм). Привлекал также пафос этатизма, социального и национального единения, которые противопоставлялись «бессодержательному либерализму, разрушавшему государство и расчистившему путь безнациональному социализму. Положительные черты в фашизме находили и правоцентриское «Возрождение», и более умеренные эмигрантские газеты П.Б. Струве «Россия» и «Россия и славянство», публиковавшие множество статей на эту тему, авторы которых на первых порах с сочувствием относились к политике Муссолини.

Первоначально под влиянием общих настроений в эмиграции оказался и сам Струве. Его оценки политических событий в Германии, как и отношения к итальянскому фашизму были поначалу весьма противоречивыми. Так же, как и многие в эмиграции, он находил в фашизме «здоровые идейные элементы и здоровые социальные инстинкты» [4] и оценивал его значение, прежде всего с позиций его борьбы с коммунизмом. Основную заслугу Муссолини Струве видел в отрицании капитализма как идеи и в том, что итальянский диктатор в своей государственной деятельности поставил на место идеи «класса» идею «нации». Считая главной опасностью для мира коммунистическую опасность, Струве и перед приходом к власти Гитлера надеялся на государственный опыт президента Гинденбурга и богатые демократические традиции Германии.

Однако справедливости ради надо отметить, что большинство представителей русской интеллектуальной эмиграции, защита демократических и гуманистических ценностей для которой всегда основным нравственным и политическим долгом, уже тогда смогла разглядеть опасные тенденции в деятельности фашистских идеократий.

В августе 1939 г. лидер младороссов Казем-бек писал в своей статье: «Немцам надо знать, что в случае европейской войны симпатии русских патриотов будут на стороне Великобритании и Франции» [5, с. 64–65].

Следует сказать, что и сам Струве, возлагавший одно вре-

мя надежды на Гитлера как государственного деятеля, вскоре убедился в ошибочности своей позиции и мужественно отверг идеи национал-социализма как опасные и соблазнительные. Поддавшись, как и многие другие патетике фашистских революций, он не долго упорствовал в своих взглядах и в отличие от крайне правых в эмиграции сумел разглядеть в фашизме его крайности. Уже в 1931 г. Струве писал о том, что разные современные диктатуры, начиная с фашизма, «опасны вовсе не тем, что они реакционны в ходячем смысле слова, а тем, что они заключают в себе известный первородный грех и прирожденный порок социальной революционности» [6].

Самовластие, по словам Струве, всегда рождает своеволие, а своеволие рождает тиранию и деспотизм.

Источники и литература

1. *Омельченко Н.А.* В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). – СПб.: Изд-во РХ-ГИ, 1996.

2. *Кулешов С.В.* Послесловие к книге «Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм». – М., 1994.

3. *Устрялов Н.В.* Наше время. Сб. статей. – Шанхай, 1934.

4. *Струве П.Б.* Дневник политика // Россия и славянство.

1932. 26 марта.

5. *Вршавский В.С.* Родословная большевизма. Париж, 1932.

6. *Струве П.Б.* Дневник политика // Россия и славянство. 1931. 28 ноября.

Развитие внешней политики Катара в начале XXI века: предварительная заметка

*Дербенев А. С.*⁸⁶

Аннотация: в статье рассматривается внешняя политика Катара, особое внимание уделено катаро-ливийскому взаимодействию после революционных событий 2011 вплоть до 2015 г., а также анализируются некоторые внутривосточные инициативы Дохи. Взаимодействие Катара с Ливией прошло через ряд напряженностей, которые были связаны не только с революцией в Ливии, но и с развитием ситуации на Ближнем Востоке в непростых условиях арабской весны.

Ключевые слова: Ближний Восток, Катар, Ливия, арабская весна, АбуДаби, Дубай

Derbenev A.S. The development of Qatar's foreign policy at the beginning of the XXI century: preliminary notes

Abstract: this article examines Qatari foreign policy, paying special attention to Qatari-Libyan interaction after the

⁸⁶ **Дербенев Андрей Сергеевич** – кандидат исторических наук, ассистент кафедр новой и новейшей истории МПГУ.

revolutionary events of 2011 and analysing Doha's domestic initiatives. Qatari cooperation with Libya has passed through a number of stages (strengths doesn't make sense here) that have been connected not only with the Libyan revolution specifically, but with the development of the so-called Arab Spring in the Middle East more broadly.

Keywords: Middle East, Qatar, Libya, the Arab Spring, Abu Dhabi, Dubai

Катар – небольшое государство на одноименном полуострове площадью 11 тыс. кв. км. В начале нынешнего столетия стал все чаще упоминаться в СМИ, оповещающих о бурных событиях на Ближнем Востоке и свидетельствующих о превращении Дохи в один из центров политической жизни Арабского Машрика [1, с. 5].

Исследование ряда аспектов внутренней и внешней политики Катара в обозначенный период позволяет выявить определенные особенности развития межгосударственных связей в этом регионе мира. С учетом и внутренней обстановки, и внешнеполитических факторов, практически без потерь прошла испытание «арабской весной» Доха, т. е. режим из той социально-экономической «группы риска», который на протяжении последнего десятилетия проводил политику последовательной демократизации и открытого диалога с формирующимся гражданским обществом. Эмир Хамад принял важные законодательные акты, уравнивающие

гражданские права женщин с мужчинами, несмотря на приверженность ханбализму и ваххабизму. Далее, прекрасные катарские женщины были наделены правом избирать и быть избранными в органы власти, их представительницы вошли в муниципальные советы, а шейх Бинт Ахмад Аль-Махмуд первой среди катарских женщин стала членом правительства в качестве министра просвещения. Женщины получили право водить автомобиль, жена эмира Муза стала первой среди жен монархов Залива, которая сняла хиджаб.

«Важным фундаментальным мотивационным фактором политики Катара является функционирование американской военной базы на полуострове. Разумеется, Вашингтон не занимается мелочной опекой внешней политики эмирата, которая на поверхности политической сцены выглядит вполне независимой, но заключительное слово в ключевых вопросах принадлежит последнему», – отмечают В.А. Исмаев, А.О. Филоник. [1, с. 18]. Эмир Хамад в конце 2010 г. заявил, что его страна останется стабильным и процветающим государством перед лицом исламского фундаментализма. Можно много спорить об итогах экономической политики эмира Хамада, но два неоспоримых факта наиболее красноречивы. Во-первых, Катар занимал первое место в мире по ВВП на душу населения в 2013 году. Во-вторых, фантастический рост численности населения по сравнению со стартовым уровнем, который в 1945 г. оценивался в 25 тыс., а в 1973 вырос до 170 000, а в 2005 – 700, 2014 – 2, 200 тысяч.

Кроме того, Катар на общенациональном референдуме одобрил текст новой Конституции. По конституции источником власти является народ, она гарантирует свободу выражения мнения, религиозную терпимость, независимое судопроизводство и основные демократические свободы, допускает создание ассоциаций. Согласно ст. 8 власть передается по мужской линии семье Аль Тани. Эмир получил право отклонить любой законопроект, принятый парламентом (Совет Шуры), и должен утвердить закон, если он был повторно принят большинством в 2/3 голосов.

Тем не менее, властитель Катара принял решение использовать «арабскую весну», которая, по его мнению, была подготовлена при его щедрой финансовой поддержке исламистов в Египте, Тунисе, Ливии и других странах. Он решил повернуть традиционный для его страны курс на поддержание безопасности к опасной игре за лидерство между тяжеловесами ближневосточных стран. Президент Египта Хосни Мубарак однажды заявил эмиру: «Ты ведешь себя так, как будто стоишь во главе великой державы, хотя все население твоего Катара можно разместить в каирской гостинице «Рамзее-Хилтон». Серьезно поблек имидж известного ресурса Аль-Джазира, принадлежащий правящей семье Катара и в интересах последней не раз и даже не два прибегавший к фальсификации очевидных фактов. С учетом агрессивной стратегии по формированию бренда, находящейся в стадии реализации, и в свете успешного проведения Азиатских игр

в 2006 г. и триумфального избрания Катара местом проведения Кубка Мира 2022 г., было неизбежно, что рано или поздно катарское руководство вступит в борьбу за самый большой приз из всех. Тем не менее, участие Дохи как кандидата в выборе места проведения Олимпийских игр как 2016 г. (право на проведение которых у себя досталось Рио-де-Жанейро), так и Олимпийских игр 2020 г. (право на проведение которых у себя досталось Токио) принесло ей разочарование, так как она не вошла в списки отобранных кандидатов в обоих случаях. Несмотря на это, Доха вошла в историю как первый арабский город, который подал заявку как кандидат на проведение у себя Игр. Катар не был избран в качестве места проведения легкоатлетического Чемпионата мира Международной Ассоциации лёгкой атлетики в 2017 г. Вместо этого право принимать у себя Чемпионат получил Лондон (город-организатор Олимпийских игр 2012 г.). Однако эта неудача Катара была уравновешена получением права на проведение в Дохе очередных соревнований Бриллиантовой лиги по легкой атлетике.

Отказ Катару в праве на проведение у себя Олимпийских игр отражает степень давних сомнений среди спортивных администраторов о готовности Катара к принимать у себя крупнейшее событие из всех. Частично эти сомнения были связаны с чрезвычайно жарким летом, когда дневные температуры приближаются к пятидесяти градусам по Цельсию или 122 градусам по Фаренгейту. Также выяснилось, что

спланированные проветриваемые стадионы, которые были неотъемлемым условием борьбы за право организовать у себя Кубок мира, возможно, должны быть перепланированы после того, как проекты оказались слишком дорогими и экологически нерациональными.

Некрасивая размолвка между членами комитетов УЕФА и ФИФА по поводу того, чтобы изменить время проведения Кубка мира с лета на зиму, вряд ли помогла имиджу Катара. Сомнения практически рассеялись, когда в сентябре 2013 г. Зепп Блаттер сделал знаменательное признание, показанное ББС, о том, что выбор Катара в качестве принимающей стороны, возможно, был ошибкой. Разразившиеся критики также указывают на трудности в плане прогнозирования изменений политической ситуации и условий безопасности в таком нестабильном регионе за достаточно длительный промежуток времени между получением прав на проведение у себя крупного турнира и непосредственным его проведением. Они утверждают, что может случиться всё, что угодно, от возобновления конфликта в Персидском заливе до конфронтации с Ираном и начала серьезных внутренних волнений в государствах, входящих в Совет Сотрудничества Стран Персидского Залива. Ярким примером этого является цепь событий, которые вызвали волнения в ходе Арабской весны. 17 декабря 2010 г. Мохамед Буазизи совершил отчаянный поступок – самоубийство. Это произошло всего через пятнадцать дней после того, как было получено пра-

во проводить Кубок 2022 г., что спровоцировало серьезные политические, экономические и социальные потрясения на всем Ближнем Востоке и в Северной Африке, но на тот момент абсолютно непредвиденные при подаче заявки от страны-участника. Вызывает интерес спорный вопрос, был ли бы Катар выбран в качестве страны-организатора, если бы голосование состоялось на месяц или два позже, когда волнения были в полном разгаре. Последние сомнения, впервые высказанные западными комментаторами, имеют отношение к таким вопросам, как доступ зрителей к алкогольным напиткам, терпимость к сексуальным меньшинствам и, что немаловажно, будут ли израильские участники и фанаты приняты радушно. Но в отличие от Объединенных Арабских Эмиратов (которые позорно отказались допустить Шахар Пеер, ведущую теннисистку из Израиля, к участию в Чемпионате по теннису в Дубае в феврале 2009 г.) Катар тепло приветствовал ее на Открытом чемпионате Катара, где она стала первой израильской спортсменкой, принявшей участие в соревновании на территории стран Персидского залива. Организация у себя крупных мероприятий является одним из способов по формированию спортивного бренда Катара. Ассоциация страны с мировыми иконами спорта является вторым. В Бахрейне народное движение за демократические реформы создало кратковременную угрозу свержения правящей семьи Аль-Халифа в феврале и марте 2011 г., прежде чем было подавлено при участии грубой силы и вмешательства со сто-

роны Саудовской Аравии и Эмиратов. Акты насилия причинили большой вред стратегии, гласящей, что «Бахрейн благоприятен для ведения бизнеса», так как международные и институциональные партнеры дистанцировались от режима, борющегося за собственное выживание против воли большей части своего народа. Таким образом, Гран-при Бахрейна был отменен в 2011 г. и его проведение находилось под запретом в 2012 г., когда другие крупные международные мероприятия, такие как турнир по гольфу Вольво Дезерт Классик (Volvo Desert Classic) и Диалог по вопросам безопасности в Манаме, организованный коллективом ученых престижного Международного института стратегических исследований, также были отменены. В ОАЭ подобные массовые акции протеста не происходили, но лидеры страны приняли превентивные меры для ужесточения режима. Эмираты стали одним из государств региона, где осуществлялся самый сильный контроль. Громким делом является заключение под стражу «пятерки из ОАЭ» (пять активистов) весной 2011 года. Эта мера была направлена на отдельных граждан и общественные группы, которые подписали петицию, призывающую к проведению умеренных политических реформ.

Постоянная необходимость в подавлении оппозиции отражает опасения правительства по поводу возможного распространения протестного движения из других стран. Это усугубляется большими различиями в благосостоянии между Абу-Даби и Дубаем и пятью Северными Эмиратами. Вол-

ны арестов членов оппозиции и правозащитников прошли весной и летом 2012 г. Также имело место закрытие или ограничение работы научно-исследовательских институтов, таких как Исследовательский центр в Персидском заливе и совместно с Гарвардским институтом организованный Инициативный центр в Дубае, а также региональных центров Фонда Конрада Аденауэра и Национального демократического института. Эти события подорвали осуществляемое ее правителями стремительное развитие страны в качестве инновационного партнера в отношениях между мировыми образовательными и научно-исследовательскими центрами. Катар стал заметно более уязвимым к разного рода внутренним неурядицам, которые преследовали его конкурентов по региону. Этот факт сочетался с сильным покровительством формированию бренда своей страны в сфере международного туризма и торговом секторе по сравнению с нерешительностью конкурентов. Важным является то, что страна уверенно ступила на путь создания инфраструктуры и развития туризма в преддверии Кубка мира ФИФА 2022 г. Как и его региональные конкуренты: Эмирейтс и Этихад – авиакомпания Катар Эйрвейз начала процесс быстрого расширения в 2000-е гг. и постепенного превращения в мирового воздушного «супер-перевозчика». Многие из ее новых маршрутов отражают и предвосхищают изменения в геополитической ситуации. Сюда можно отнести прямые маршруты в Сан-Паулу и Токио, заявленные в конце 2011 г. Кроме то-

го, возможное длительно откладываемое открытие большого международного аэропорта Хамад в 2014 г. позволит Катару напрямую конкурировать с Дубаем за звание регионального авиаузла. В конечном итоге аэропорт, согласно проекту, будет связан с системой метро в Дохе, открытие которого запланировано на конец десятилетия.

Теперь необходимо сказать о некоторых особенностях внешней политики Катара. С декабря 2011 г. до настоящего времени ливийская политика Катара уже прошла несколько этапов.

Первым был канун начала 2012 г., когда преобладал позитивный образ Ливии в политических кругах Катара. Катарский истеблишмент согласовано отмечал, что НПС выдержал натиск Каддафи, и поэтому имеет смысл оказывать ему помощь и поддержку (с 2007 г. торжества, посвященные Национальному празднику Катара, стали ещё более грандиозными, приобретя в декабре 2011 г. особую помпезность). Тогда был дан грандиозный военный парад, а также прошли разнообразные культурные мероприятия на оживленной набережной Корниш в Дохе. Руководил мероприятиями сам эмир. В тот же день отмечали и роль Катара в смене режима в Ливии. Пышность празднеств определялась намерением показать меру солидарности катарского режима с присутствовавшим на празднике Мустафой Абдель Джалилем, главой НПС в качестве почетного гостя. Несколько дней спустя, на открытии 12-х арабских игр в Дохе представилась еще од-

на возможность, чтобы выказать полную солидарность Дохи с новой Ливией, что и продемонстрировала ее команда, под рев толпы размахивавшая флагом «свободной» Ливии.) 16 октября 2011 г. катарские и ливийский власти подписали меморандум о взаимопонимании в Дохе. Другими словами, была мощно заявлена моральная поддержка ливийцам.

Образ НПС как верного союзника в борьбе с Каддафи. Раздувая кампанию, катарцы испытывали психологическую потребность показать, что союзник Катара при любых обстоятельствах должен быть обязательно достойным, победоносным, не мог быть слабым. Поэтому ливийцы участвовали в играх, чтобы показать, что с ними солидарны, что они не оторваны от других арабов, тем более влиятельных и богатых и пользуются их поддержкой. Катарские СМИ чрезмерно приукрашивали своего союзника и подчеркивали его сходство с Катаром. В последующие 2 года вышло множество публикаций о том, как элита НПС похожа на катарский бомонд и как дружно Новая Ливия будет жить с Катаром после решения всех проблем, возникших в Ливии после Каддафи. Видимо, только министр экономики Катара с его политикой, ориентированной прежде всего на защиту собственных интересов Дохи, мог рассматриваться как уклонист от общей восторженной линии Катара относительно Триполи. Представляет в связи с этим интерес статья в Аль-Монитор, которая приводит мнение этого министра. В ней он утверждал, что прежде чем предлагать режиму деньги, необходи-

мо компенсировать собственно катарские потери в размере 10 млрд, долл., которые она вложила в развлекательные комплексы вокруг Триполи за два года до начала разгромных событий в Ливии. Второй этап – начало 2012 до 2013 г., в Катаре все более определенно складывается образ если еще не нормального, то во всяком случае нормализующегося государства, которое покончило с идеологией зеленой революции и обретает более реальные черты, связанные с оформлением государственности. Тем не менее, тесные связи между Катаром и переходными властями в Ливии не помешали ливийскому представителю в ООН Абдуррахману Шалгхаму подвергнуть резкой критике правительство Катара в начале ноября, обвинив его в попытке манипулировать делами в Ливии и в связи с этим сравнить ее власти с Муаммаром Каддафи, фактически обвинив Доху в высокомерии и эгоизме. Абдуррахман патетически заявлял, обращаясь к мировой общественности, о намерении Ливии самой решать свою судьбу. Оказывается, что партнеры Ливии вовсе не нейтральные. И Ливия хочет, чтобы ни Катар, ни США не вмешивались в ее внутренние дела. Третий период, как кажется, наступает в марте 2014 г., когда Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн отозвали своих послов из Катара. Фокусом противоречий было, по мнению этих стран, нарушение Катаром ноябрьского соглашения 2013 г. о «невмешательстве» во внутренние дела других стран [3]. Одним из наиболее болезненных последствий этого оказались жесткие разногласия между Катаром

и ОАЭ, что нанесло удар по общему для них проекту, который реализовывался в Ливии с 2008 г. First Gulf Bank. ОАЭ потребовали выхода Катара из этого проекта. Урегулировать кризис сторонам удалось лишь весной 2014 г.

Источники и литература

1. *Исаев В.А., Филоник А.О.* Катар: три столпа роста. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.
2. ETH Zurich, center for security Studies <http://www.css.ethz.ch/en/services.html?lang=en&id=126035> (дата обращения 04.04.2016)
3. Gulf News Government. March, 2014.

Секция IV

Метаморфозы войны и ее понимания (Новые концепции, способы, участники)

Обзор Военной доктрины и Стратегии национальной безопасности Украины

*Миронов К.А.*⁸⁷

Аннотация: Данный доклад ставит своей целью проанализировать основные положения в главных документах, посвященных планированию национальной безопасности Украины – Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины. Принятые после государственного переворота 2014 г., они стали юридической базой для смены оборонной политики страны. Теперь главной угрозой для Украины считаются действия России. В тоже время, от стран Запа-

⁸⁷ **Миронов Кирилл Алексеевич** – студент-политолог, IV курс, Московский государственный лингвистический университет.

да Украиной ожидается всевозможная помощь в проведении реформ сектора безопасности и в преодолении технической отсталости ВПК. Все это свидетельствует об изменении геополитического баланса Восточной Европы, что представляет собой серьезный вызов для России.

Ключевые слова: безопасность, доктрина, стратегия, Украина

Mironov K.A. The review on Ukrainian National security strategy and Military doctrine.

Abstract: This report focuses on the analysis of milestones in the National security strategy and the Military doctrine – two most important documents in Ukrainian defense planning. Both strategy and doctrine were implemented after coup d'état in 2014 and became a judicial ground for changes in national defense policy. The actions of Russia are considered as the main threat to Ukrainian stability. Russia is groundlessly accused of waging information and trade wars, interference in internal affairs etc. At the same time Ukraine awaits support from Western countries in reforming its security sector and modernization of military-industrial complex. All of this marks East European geopolitical imbalance, which represents a significant challenge to the Russian federation.

Keywords: security, doctrine, strategy, Ukraine

Главные документы, посвященные планированию национальной безопасности Украины – Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина. Внесение изменений в эти документы стало неизбежным после государственного переворота на Украине в 2014 г. Прозападная элита страны выполнила переориентацию внешней и оборонной политики, в которой России было отведено место самой серьезной угрозы. Среди причин смены курса следует выделить две главных: плата странам Запада, которые оказывают поддержку новым властям, а также выполнение требований националистов, которые стали ключевой силой, осуществившей государственный переворот. Поскольку события «Евромайдана» спровоцировали гражданскую войну на Украине, то немалая часть официальных украинских документов посвящена попыткам представить конфликты внутри страны в качестве отражения «российской агрессии».

В общих положениях Стратегии национальной безопасности даны достаточно эмоциональные оценки событиям 2014 г. и 2015 г. Например, президентство Виктора Януковича описано как коррумпированное и подверженное «влиянию извне», а действия России по освобождению Крыма названы «попыткой воспрепятствовать европейскому выбору народа Украины». Подобная риторика сохраняется на всем протяжении текста Стратегии.

В той части Стратегии, которая посвящена угрозам национальной безопасности Украины, Россия занимает почетное

первое место, как по порядку, так и по объему параграфа [3]. Наша страна обвиняется в отправке регулярных войск и инструкторов на Украину, ведении информационной и торговой войн, атаках в киберпространстве и даже в том, что российские компании владеют большим количеством собственности на Украине. Очевидно, что большая часть этих обвинений надуманная. Главным инициатором торговой войны является сама Украина, которая создает новые таможенные препоны, закрывает воздушное пространство, и на территории которой происходят разгромы офисов российских компаний. То же самое касается информационной войны, в рамках которой Украина запретила на своей территории вещание большинству российских телевизионных каналов. Не менее любопытен тот факт, что единственным разрешенным российским каналом на Украине остался считающийся оппозиционным «Дождь». Все действия России, направленные на защиту своих интересов, носят подчеркнуто ответный характер. Также следует отметить, что несмотря на все попытки руководства Украины разорвать экономические связи между странами, Россия остается важнейшим торговым партнером Украины, помимо этого являясь незаменимым поставщиком энергоносителей для украинского населения и промышленности.

Также угрозами национальной безопасности Украины достаточно честно названы неустроенность украинской экономики, большое влияние олигархов, слабые государственные

институты и низкая боеспособность армии.

На помощь в преодолении украинских проблем должно прийти НАТО. Данная организация упоминается в тексте Стратегии более 20 раз.

Реформы всего украинского сектора безопасности будут проводиться согласно западным стандартам. Также Украиной ожидается помощь в преодолении зависимости от российских комплектующих в военной технике. Помимо этого стратегией одобряется максимально полный объем разведывательными данными с западными спецслужбами.

Магистральными направлениями украинской политики в сфере безопасности являются восстановление территориальной целостности, а также процесс, аккуратно названный интеграцией в ЕС и НАТО. Термин «интеграция» вынуждено используется авторами, т. к. вступление в Евросоюз или Североатлантический альянс находится в максимально далекой перспективе. Например, председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заявил, что вступление Украины в ЕС невозможно в ближайшие 20–25 лет [2]. Для присоединения к НАТО Украина должна выполнить т. н. «дорожную карту». Список требований, который представлен в ней, невыполним для украинского бюджета в ближайшие годы. Помимо этого, вероятность того, что в НАТО вступит страна, не контролирующая целиком свою территорию, очень мала. Хотя в Уставе организации нет прямого запрета на подобное действие, страны-члены НАТО, скорее всего, не одобряют его.

Если самопровозглашенные республики на востоке Украины могут вернуться под контроль официального Киева в результате выполнения Минских соглашений, то казус Крымского полуострова не решаем в краткосрочной перспективе. Любопытно, что в первоначальном проекте Стратегии упоминалось большое количество стран, в том числе членов СНГ, с которыми официальный Киев планировал сотрудничать в сфере безопасности, однако в финальной редакции о взаимодействии их с Украиной ничего не сказано.

В мерах по обеспечению экономической безопасности, помимо общих фраз об улучшении делового климата, присутствует и пункт, посвященный организации процессов против России в международных судах.

В завершающих положениях Стратегии сказано, что ежегодно на цели, предписанные документом, будет расходоваться 5 % от ВВП.

Военная доктрина Украины является системой взглядов на причины возникновения, сущность и характер современных военных конфликтов, принципы и пути предотвращения их возникновения, подготовку государства к возможному военному конфликту, а также на применение военной силы для защиты государственного суверенитета, территориальной целостности, других жизненно важных национальных интересов [1].

Разумеется, данный документ также претерпел серьезные изменения. По большому счету, он теперь посвящен одному

военному конфликту – конфликту с Россией. Наша страна постоянно упоминается на протяжении всего текста. Согласно положениям Доктрины, Россия является военным противником Украины. Основными вызовами украинской безопасности считаются возможности нашей страны вмешиваться во внутренние дела Украины. Главные угрозы также носят российскую природу. Это и «аннексия» Крыма, и «милитаризация отдельных районов Донбасса».

В Доктрине рассматривается ряд сценариев, по которым может быть осуществлена «российская агрессия». В их числе присутствует полномасштабное вторжение, блокада морских портов и нарушение коммуникаций, инспирация вооруженных конфликтов внутри Украины с целью сепарации отдельных регионов страны.

Помимо этого, в некоторых перечисленных в Доктрине тенденциях в среде безопасности угадываются те действия, в которых наша страна обвиняется украинским руководством. Это и «усиление внутренней нестабильности в соседних государствах, вызванной вмешательством со стороны других государств», и «интенсивная модернизация вооруженных сил соседними государствами, активизация разработок вооружения и военной техники нового поколения с принципиально новыми возможностями огневого поражения и управления», и «усиление милитаризации в регионе вокруг Украины, увеличение иностранного военного присутствия на территориях соседних государств».

Авторы Доктрины видят пути выхода из конфликта в повышении обороноспособности Украины, проведении реформ по лекалам НАТО, изменении структуры сектора безопасности. В частности, Доктриной предполагается создание специального Ситуационного центра для координации всех силовых структур. Также в документе перечислены такие меры развития сектора безопасности, как борьба с коррупцией, развитие экономического потенциала.

Подводя итоги, можно утверждать, что такие документы, как Стратегия национальной безопасности Украины и Военная доктрина Украины являются программными для планирования оборонной политики страны. То, что примерно половину их текстов занимают обвинения в адрес России, является еще одним свидетельством изменения геополитического баланса в Восточной Европе, где Украина теперь играет роль враждебного России государства. Следует констатировать, что страны Запада одержали победу в борьбе за контроль над большей частью украинской территории, после чего был запущен процесс милитаризации страны. Все это не может не вызывать опасений и должно стать побудительным мотивом для элиты и экспертного сообщества нашей страны, которые должны искать выход из сложившейся ситуации.

Источники и литература

1. Военная доктрина Украины (29.06.2016 <http://>

www.milpol.ru/data/2016/01 /voendokukr2015.pdf [Электронный ресурс];

2. Юнкер: Украина не станет членом ЕС и НАТО в ближайшие 20–25 лет

[Электронный ресурс] URL: <http://ria.ni/world/20160303/1383976476.html> (дата обращения 29.06.2016).

3. Стратегія національної безпеки України [Електронний ресурс] URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/287/2015?test=4/UMfPEGznhhNAj.ZiXvJiqCHI4FEs80msh8Ie6> (дата обращения 29.06.2016).

Концепция справедливой войны в контексте формирования национальной этики ведения военных действий

*Шашкин П.А.*⁸⁸

Тезисы доклада

Аннотация: Автор дает свое видение идейно-политического обоснования справедливости войны в эпоху гибридных и асимметричных войн. Рассматриваются проблемы этики ведения войны в контексте традиционной культуры сакральности войны. Дается обоснование необходимости формирования национальной этики ведения наступательной войны, опираясь на различие понятий превентивных и упреждающих войн.

Ключевые слова: Гибридная война, священная война, военное право, войны смыслов, этика войны

⁸⁸ **Шашкин Павел Александрович** – кандидат философских наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент Института права и национальной безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, старший научный сотрудник Центра политологических исследований, г. Москва.

Shashkin P.A. Conception of the just war in context of the formation of national ethic of leading of war actions.

Abstract: The author gives the vision of the ideological and political justification of justice of the war in the era of hybrid and asymmetrical wars. The problems of ethics of a war in the context of the traditional culture of the sacredness of the war. The substantiation of the necessity of forming a national ethics of an offensive war, based on the difference between the concepts of preventive and pre-emptive wars.

Keywords: The hybrid warfare, a holy war, martial law, meanings warfare, war ethics

Идейно-теоретическое обоснование насилия и его крайней формы – войны имеет солидную философско-политическую базу. Тем не менее, особую остроту приобретает этот вопрос в наше время. Не в последнюю очередь это связано с тем, что существенный сегмент противоборства смещается в сферу идейно-политического воевания – войн смыслов, направленных на подавление воли противника к сопротивлению. Войны так называемого четвертого поколения – асимметричные и гибридные, войны «всех против всех», в условиях утраты монополии на насилие со стороны государственных институтов и все возрастающей мощи негосударственных и смешанных (государственно-частных) военизированных

ных систем, требуют и нового прочтения понятий справедливости и сакральности войны, разработки новой национальной этики ведения войны.

Этика войны всегда играла принципиальную роль в противоборстве, определяя моральную устойчивость сторон конфликта, их способность не только материально, но и психологически подавлять волю противника. В гибридной войне и войне смыслов верное обоснование насилия становится стратегически важным аспектом, от которого прямо зависит исход противоборства. В современных типах войн, содержащих существенный информационно-психологический сегмент, субъекты (государственные и негосударственные) руководствуются нередко диаметрально противоположными идеологиями оправдания силового воздействия, от которых в решительной степени зависит исход противостояния. Как справедливо утверждает М. ван Кревельд: «Война – это, прежде всего, вопрос моральной стойкости».

В связи с этим возникают очевидные вопросы: насколько декларируемое мировым сообществом отрицание войны как безусловного зла и одновременно провоцирование и ведение военных действий, как привило, безо всякого объявления войны, либо прямо в нарушение международно-правовых норм, сказывается на этике войны? Насколько можно говорить о моральной стойкости воюющей стороны в ситуации, когда сама война, независимо от того справедлива она или нет, теоретически осуждается национальным прави-

тельством и международными институтами как антигуманный и вынужденный акт, за исключением собственно права на самооборону, когда факт открытой силовой агрессии становится очевидным и, как правило, завершающим этапом в войне?

Объективное понимание цели справедливой войны в классической европейской традиции – противостояние цивилизации варварству, в этом сущность консервативного традиционного смысла воевания и идейная основа наступательной стратегической культуры, основанной на моральном превосходстве справедливого применения силы для утверждения порядка и пресечения разрушительных для цивилизации действий.

Причина же текущего кризиса международного военного права коренится, как представляется, в том числе и в кризисе морали и разрушении названной традиции, в чем не последнюю роль играет кризис концепций пацифизма, носящих явно декларативный и двуличный характер и направленных, как правило, на подавление воли потенциального противника к сопротивлению. В этом контексте пацифизм как принципиальное отрицание войны является ничем иным как технологией психологической войны. С этим связана и сознательно смоделированная путаница понятий агрессивной войны как войны наступательной, и войны справедливой как исключительно войны оборонительной.

Оборонительная и наступательная война не тождествен-

на войне справедливой и агрессивной. Поединок между государствами и народами силовым путем в классическом варианте ушел в прошлое. Изменились субъекты, изменились формы и методы. Но суть вещей остается неизменной. Очевидный факт неистребимости войн, проистекающей из человеческой природы, говорит о том, что необходим гораздо более совершенный правовой механизм их регулирования, нежели действует сейчас, который просто «запрещает» войну как таковую, объявляя ее абсолютным злом, и одновременно не регулирует эффективным образом порядок открытия военных действий, даже в условиях наличия очевидных оснований применения силы. Кроме того, правовой механизм этот крайне несовершенен и лишен здравого морального обоснования применения силы в условиях очевидной опасности для цивилизации в условиях столкновения с противником – носителем ценностей и идеологии кардинально отличающейся от «общечеловеческих». Итог – многочисленные войны постфактум и гуманитарные интервенции в обход действующих норм международного права.

Изъян, на наш взгляд, коренится и в том, что официальное объявление войны рассматривается сегодня как очевидный факт агрессии по определению, а равно в том, что нет и общепризнанных правовых критериев различия войн превентивных и войн упреждающих. Результатом подобного подхода стало то, что войны стали вестись безо всякого объявления войны и, следовательно, в основном без декларирования

их объективным причин и целей как таковых. Это тем более удобно, что субъектами войн становятся не только государства, а военизированные системы и группировки разных уровней (которым в том числе государства de facto делегируют свои полномочия вести войны) и некомбатанты, признаваемые таковыми по действующему праву войны. Представляется, что эта тенденция будет только усиливаться в условиях стремительной эрозии национальных государств и приведет к окончательной деградации формировавшейся столетиями этики и права войны.

В этих условиях, говоря о необходимости формирования собственной российской национальной этики ведения войны, принципиально важно дать ясное и обоснованное идейно-политически определение понятию упреждающей войны и его отличию от войны превентивной. Война упреждающая, в том числе и наступательная, всегда справедлива, если движима очевидной целью – восстановлением нарушенного права и справедливого миропорядка. Для этого совсем не обязательно ждать открытой агрессии со стороны противника, особенно в современных условиях, когда открытая военная агрессия – лишь завершающий этап гибридной войны.

Свою позицию в этом вопросе уже имеют США. Пользуясь своим доминированием они открыто утверждают принцип исключительной легитимности и реализуют практику смешения понятий превентивных и упреждающих войн, опираясь на собственную национальную этику войны.

Для России, которая не претендует на роль международного жандарма, этот путь не подходит, но существует насущная необходимость выработать собственное понимание наступательной войны, не сводя всю аргументацию к оборонительности. Первые шаги в этом направлении, как представляется, уже сделаны, и в теории, речь идет о новой редакции Военной доктрины Российской Федерации 2014 г., и на практике (операция российских Вооруженных Сил в Сирии).

Развитие социально-гуманитарных и высоких интеллектуальных технологий военного и двойного назначения в условиях шестого технологического уклада

*Селиванов А.И.*⁸⁹

Аннотация: на основе принципа развития рассматриваются некоторые аспекты эволюции социально-гуманитарных и высоких интеллектуальных технологий военного, гражданского и двойного назначения, объективных и субъективных (рукотворных) компонентов причинного комплекса эволюции технологий, приводятся иллюстрации развития социальнoгуманитарных технологий на основе разработок в рамках шестого технологического уклада, приводятся примеры возможных информационных социально-технологических атак против разрушительного идеологического

⁸⁹ **Селиванов Александр Иванович** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра проблем экономической безопасности и стратегического планирования Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

действия против России.

Ключевые слова: социально-гуманитарные технологии, технологии военного и двойного назначения, шестой технологический уклад

Selivanov A.L. Development of socio-humanitarian and intellectual high-technology military and dual-use in the conditions of the sixth technological structure

Abstract: on the basis of the principle of development deals with some aspects of the evolution of socio-humanitarian and high intellectual technologies for military, civil and dual-purpose, objective and subjective (man-made) component of the causal complex of the evolution of technology, provides illustrations of the development of social and humanitarian technologies on the basis of developments in the framework of the sixth technological order, examples of possible information technology attacks against the disruptive technology of the ideological influence of the opponents of Russia.

Keywords: socio-humanitarian technologies in the civil, military and dual-purpose, sixth technological way

Россия находится в агрессивной политической изоляции со стороны США, ЕС и их союзников при нейтралитете Китая, Индии и других стран. Это – рукотворное состояние, созданное технологами США. Потому что социально-гумани-

тарные и высокие интеллектуальные технологии в США развиваются гигантскими темпами. В России эти технологии не разрабатываются и потому происходит лишь реагирование на технологии других субъектов, постоянные отступления, проигрыши, как следствие, тенденция к усугублению ситуации, в том числе вокруг имиджа России в мире, в ее взаимодействии с окружающим миром.

Известно, что все в мире развивается. Причем, развивается как по объективным законам, так и рукотворным способом (конечно, также в соответствии с объективными естественными и социальными законами). Развиваются и все технологии, в том числе социально-гуманитарные (включая технологии управляемого разрушения – технологии «цветных революций», терроризма, криминальные технологии и другие). Так, еще в 90-е годы было понятно, что технологии терроризма как инструмента управления будут совершенствоваться, что терроризм – это уже не явление, создаваемое не какими-то идеологическими или религиозными фанатами, а элемент технологий, которые разрабатываются в высокоинтеллектуальных центрах, так же как криминальные, экономические и политические технологии. Тогда российские специальные службы не услышали этого и вместо исследования потенциальной эволюции технологий терроризма бросили все средства на борьбу с чеченским терроризмом – просто, удобно, эффективно. В результате развития технологии терроризма через 15 лет мир получил Ирак, Ливию, те-

перь Сирию, Россия получила Украину, санкции, изоляцию, на очереди – Средняя Азия. А наши специальные службы продолжают быть статистами происходящего и часто оказываются бессильными пред новыми угрозами.

А развитие все продолжается. Вот теперь уже и «цветные» революции – это один из инструментов диверсионной антигосударственной деятельности, активность которого в России едва удалось пригасить посредством борьбы с НКО. Однако, несмотря на очевидную опасность этого явления, ни МВД, ни ФСБ, ни Национальная гвардия не имеют в перечне своих сил и средств эффективных инструментов для нейтрализации и профилактики этой агрессивной активности извне, а информационно-идеологический блок по-прежнему остается беззубым и бессильным в информационной войне. Тогда как пора (давным-давно пора!) начать, как минимум, контратаковать и атаковать на информационно-идеологическом фронте как центральном фронте современной войны и «цветных» революций, как минимум прекратить антироссийскую вакханалию в информационном пространстве России. Конечно, в том случае, если Россия еще не сдана Западу, как это собирался в свое время сделать генерал Власов.

Следующий этап – современные технологии и технологии 6-го технологического уклада, которые предполагают чрезвычайно высокую роль человека, его индивидуальных интеллектуальных качеств, интеллектуальных и социально-гуманитарных технологий, которые становятся не только орга-

ническими компонентами процессов разработки и эксплуатации «технических технологий», использования произведенных технических средств как в мирных, так и военных целях, но также самостоятельными компонентами воздействия, в том числе двойного (гражданского и военного) назначения – в организации образования, разработке и организации научных исследований и опытно-конструкторских разработок, социальных технологий управления, социальных технологий как компонентов военных действий, в том числе для гибридных войн нынешнего и следующих поколений с использованием сочетания «жесткой» и «мягкой» силы, информационного и психологического видов оружия, технологий «цветных революций» в том числе. Кроме того, без развития гуманитарных и интеллектуальных технологий, в особенности технологий организации и управления, невозможно конкурентное положение на рынке высокотехнологической продукции – без соответствующего маркетинга, систем продвижения, PR, GR (управленческие отношения), инжиниринговых и других инфраструктур и т. д. и т. п. А с приближением к активной фазе 6-го технологического уклада в 30-40-е гг. нашего столетия конкуренция будет все более возрастать, и значимость эффективной деятельности таких подразделений также резко возрастает.

Без развития социально-гуманитарных и интеллектуальных технологий невозможна эксплуатация высокотехнологической продукции, невозможна военная и гражданская

деятельность. Человек, не обладающий соответствующими знаниями и навыками просто не способен использовать высокие технологии. Это автоматически резко увеличивает запрос в сфере общего и высшего профессионального образования на подготовку соответствующих кадров, а значит – разработку содержания учебных программ, отбор методик, разработку учебных пособий, подготовку кадров преподавателей, развитие научных школ. Если начать здесь работу (фактически «с нуля», как сегодня в России), то первые кадры при ускоренной работе будут получены не менее чем, через 10 лет. А до этого еще нужно понять – а какие кадры, в каких отраслях и каких регионах страны нужны и пока это вообще тупиковый вопрос для современных организаторов науки и образования.

Кроме того, без развития гуманитарных и интеллектуальных технологий и прямого дополнительного использования социально-гуманитарных и интеллектуальных технологий собственно использование высокотехнологической материальной продукции во многих сегментах гражданской и военной деятельности вообще *не может обеспечить необходимого (ожидаемого) эффекта (результата)* – то есть, обеспечить победу в военных действиях, в конкуренции, эффективно действовать в различных сферах производства.

Все это хорошо поняли в развитых странах, где указанным аспектам уделяется повышенное внимание. Там проводятся глубокие исследования, научные направления данного

вида рассматриваются наравне с техническими, а разработка социально-гуманитарных и интеллектуальных технологий является органическим компонентом государственных заказов в сфере гражданского и военного строительства, в корпоративных научных разработках. Потому что технологическая конкурентность в условиях 6-го (тем более следующего за ним 7-го) технологического уклада *в принципе* не может быть обеспечена без гуманитарных и высоких интеллектуальных технологий – начиная с технологий подготовки нового человека, технологий образования, воспитания, повышения мотивации молодежи, подготовки нового научного и аналитического человека, профессионала с новыми компетенциями и квалификациями – до технологий организации производственных процессов, эксплуатации новых технологических циклов, технологий стратегического управления и т. д., то есть без целостного спектра социальных технологий. Потому отсутствие таких социально-гуманитарных и интеллектуальных технологий на сегодня есть главная угроза развитию страны.

Некоторые примеры специальных технологий, которые могут возникнуть только в результате направленной разработки их научным сообществом, технологий которых отсутствуют сегодня в России:

Осмысление и отбор ценностных ориентиров технологического развития – серьезнейшая экспертная технология, так же как выявление и формирование стратегических прио-

ритетов технологического развития, выявление препятствий и барьеров, причин и факторов и т. д.

Технологии стратегического управления (долгосрочное прогнозирование и стратегическое планирование технологического развития, прогноз, стратегическое целеполагание, стратегическое проектирование), современные технологии принятия управленческих решений, технологии мониторинга и контроля – все это крупные технологии, а не решения «между прочим» в процессе урегулирования чиновничьих отношений.

Еще целый спектр социальных технологий: повышение мотивации получения образования, повышения профессионального уровня среди молодежи; технологии прогнозирования потребностей в кадрах различного профиля и организации направлений подготовки с временным опережением на 10–15 лет; технологии регионального и отраслевого планирования потребности в кадрах для развития кадрового потенциала для технологического развития; информационная поддержка системы технологического развития и т. д.

До поры все это было понятно и в России – при подготовке пилотируемых космических полетов и разработке технологий подготовки космонавтов, при подготовке пилотов современных самолетов, при подготовке педагогов и разработке образовательных технологий, при подготовке инженерного и конструкторского корпуса, подготовке руководителей различного уровня и т. д. Однако, будучи разработано для 4-го

и 5-го технологических укладов, принесся успех России в XX веке, эти технологии на сегодня в очень многих компонентах не соответствуют новым потребностям, а новые технологии для новых целей и задач – давно не разрабатываются. Фактически, тот *научный факт*, что социально-гуманитарные и высокие интеллектуальные технологии не менее сложны, чем технологии создания ракет и высокоточного оружия, что это технологии, требующие исследований, опытно-конструкторских разработок, апробации, внедрения – в России пока игнорируется, и потому этот круг проблем не входит в директивные документы, в том числе, что особенно опасно – в сфере обеспечения национальной безопасности. Однако делать этого необходимо и чем быстрее, тем лучше. То есть, необходимо гуманитарные и интеллектуальные технологии внести в направления технологического развития, даже в технологическую доктрину, в доктрину национальной безопасности наравне и наряду с «техническими технологиями», начать заниматься их каталогизированием, разработками, осуществлять направленное финансирование разработок, в том числе через систему Гособоронзаказа. Поскольку без данных технологий России нечего будет противопоставить ни в гражданском, ни в военном отношении уже через несколько лет, когда осуществится массовый переход мировой экономики к 6-му технологическому укладу. Не начав разрабатывать таких технологий сегодня – мы не сможем обеспечить себе безопасного и достойного будущего уже

через 10–15 лет. Поскольку в условиях нового уклада требуется обеспечение аутентичных форм организации производства, организации труда, новых систем финансирования и методов финансовой инженерии, менеджмента в новых сферах, новых систем обеспечения конкурентоспособности и безопасности, новых типов исследовательских и промышленных кадров, новых типов профессиональных компетенций, как следствие, новых типов образования, осуществления научной и экспертной деятельности, новых информационных систем и технологий и т. д.

Есть и непосредственные эффекты. Так, ядро 6-го технологического уклада таково:

- наноэлектроника
- нанохимия
- молекулярная и нанофотоника
- наноматериалы и наноструктурированные покрытия
- наносистемная техника
- информационные технологии
- когнитивные науки
- социогуманитарные технологии
- управление будущим
- конвергенция нано, био, инфо и когнитивных технологий (НБИКС-конвергенция)

Военные, разведывательные и диверсионные возможности на основе нанотехнологий дополнительно объяснять не нужно тем, кто, например, знает что такое «умная пыль»

как совокупность микро-устройств, способных выполнять самые различные функции от фиксации движения, определения физико-химических параметров помещения и т. д. – это можно просто найти в Википедии. Развитие информационных технологий и их использование для расширения возможностей манипуляции общественным сознанием также не является тайной для специалистов по информационным войнам и информационно-идеологическому воздействию на сознание и психику, криптографов, специалистов по разведке и диверсиям и т. д.

Существенно более широкий и до сих слабо освоенный и даже осмысленный тип технологий социально-культурного типа обсуждался выше, но и его развитие также идет вперед, раскрывая широкий простор для манипулятивных возможностей. Тем более это относится к НБИКС-технологиям, когнитивным технологиям, технологиям управления будущим.

Именно поэтому в наиболее развитых странах постоянно совершенствуются технологии научных исследований, предпринимаются форсированные усилия и выделяются все необходимые ресурсы на исследования в сфере методологии, организации информационно-аналитической работы, разработку методов индивидуальной и коллективной интеллектуальной деятельности (даже таких как экспертные процедуры, SWOT-анализ, PESTEL и другие формы коллективной работы), включая прогнозирование, проектирование, осу-

ществование Форсайтов, планирование, программирование, IT-технологии, развитие системы информационных ресурсов, развитие когнитивных технологий, развитие личных интеллектуальных качеств человека и т. д. Причем, такие исследования, результатом которых зачастую уже являются именно отработанные социально-гуманитарные или интеллектуальные технологии.

Возможно и прямое использование некоторых проведенных и возможных информационных технологий даже в России.

Так, недавняя ситуация в США по Сирии. 51 сотрудник Госдепа США обратился с письмом к Президенту США с требованием свержения Б. Асада – легитимного Президента другой страны. Что это, как не достойный информационный повод для масштабной атаки на США? Но атаки почему-то нет. То есть, нет не только атаки, но и вообще обсуждения этой проблемы. Кто-то запретил? А таких информационных поводов американцы дают каждый день, порой – несколько штук в день. Но с нашей стороны лишь полное игнорирование – может быть потому, что у нас нет собственных национально ориентированных СМИ? Все они куплены или боятся Запада и вообще никак не относятся к национальным интересам России? А включить технологию по дискредитации США вполне возможно и логично. Тем более потенциальных благодарных слушателей для такой компании – больше чем 2/3 мирового сообщества.

Сами американцы умеют из любого, совершенно грошового и спорного повода, как, например, с мельдонием, сделать очередную акцию против России и не только снять ее легкоатлетов с Олимпиады-2016, но и в очередной раз грязью замазать нашу страну. А что, никто не догадывается, что Олимпиада в Китае была сделана, конечно, не без участия химических препаратов, которые обошли антидопинговые системы? Или никто не знает, что американские и европейские спортсмены используют химию нового поколения, которая опережает антидопинговые системы? Или никто не знает, что баскетболисты США вообще исключены из системы антидопингового контроля? А нужно всего лишь найти, например, одного-двух спортсменов, которые тоже сознались бы в использовании неидентифицируемой как допинг химии – вот тебе и почва для скандала любого масштаба. Пока же в этой сфере наши точно лаптями щи хлебают, либо им просто запрещают.

В этой связи уже сегодня должна быть поставлена задача проведения серии комплексных исследований в этой сфере для разработки перечня таких технологий, выделения тех из них, которые должны быть внесены в список критических технологий, формирования требований к технологиям социально-гуманитарного и интеллектуального типов и т. д. Должна быть разработана соответствующая Доктрина, созданы условия для обеспечения разработки таких технологий и противодействия таким технологиям в настоящем и бу-

дущем. Должен быть сформирован соответствующий пакет документов по развитию этого направления в гражданских и военных целях. Наконец, должны быть созданы компетентные подразделения в МВД, ФСБ и Национальной гвардии.

Ретроспективный анализ изменения способов ведения войны

Новиков О.Г.⁹⁰

Тезисы доклада

Аннотация: Анализ конфликтов нового и новейшего времени с целью выявления признаков, приписываемых в ряде случаев исключительно конфликтам XXI века. Выявлено, что целый ряд особенностей, иногда приписываемых лишь современным конфликтам, сложился насколько столетий назад.

Ключевые слова: история войн, глобальные конфликты
Novikov O.G. Retrospective analysis of changes in methods of warfare.

Novikov O.G. Retrospective analysis of changes in methods of warfare.

Abstract: The analysis of the conflicts of modern age and contemporary history is done to check out the signs, allegedly

⁹⁰ **Новиков Олег Геннадиевич** – кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, ФСП, кафедра общей политологии, ст. прей.

peculiar to the conflicts of the 21-st century only. It was detected that a set of features that sometimes is accredited to the modern conflicts only formed several centuries ago.

Keywords: war history, global conflicts

Данная тема широко обсуждается исследователями и специалистами в свете геополитических событий последних лет. Одна из обиходных точек зрения на данную проблему представляет военные конфликты XXI в. чем-то абсолютно новым, сложившимся неожиданно и внезапно, переформатированием методов ведения войн и участвующих субъектов. На наш взгляд, отдельные предпосылки текущих событий можно отследить ещё в период столетней войны 1337–1453 гг.: привлечение к боевым действиям широких масс населения – в первую очередь из низших слоёв общества, наёмничество, массированные перемещения большого количества людей и т. д.

Появление ТНК в лице Британской Ост-индской компании (1600) и Голландской Ост-Индской компании (1602) – акционерных обществ, юридически независимых, а фактически сращенных с государственными аппаратами и ЧВК как их силовых ответвлений, финансирование кампаний этих корпораций за счёт контрабанды оружия, людей и наркотических веществ (как общепринятой «резервной ликвидности») в огромных масштабах относится к XVII в. Развязывание ТНК войн в Азии и Африке (Индия, Китай, Южная

Африка) и вовлечение в них регулярных армий государств – реалии XVIII–XIX вв.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. содержала в себе такие элементы как террористическо-партизанская война на оккупированной территории и концентрационные лагеря. Такие методы как осознанный демографический геноцид населения, тактика выжженной земли, и ведение боевых действий не для военной победы с минимальными потерями в максимально короткий срок, а намеренное затягивание боевых действий как фактора нестабильности, парализующего экономику региона и полное уничтожение инфраструктуры для невозможности её быстрого восстановления в послевоенный период. Такие цели, как преднамеренное выведение национальных групп из процесса получения прибыли от добычи полезных ископаемых в регионе.

Согласно принятой точке зрения самыми жёсткими являются этнические и религиозные конфликты, и в современном мире они разворачиваются именно в этой плоскости, а не в идеологической как, например, в XX в. Но можно говорить о том, что организаторы и бенефициары вооружённых конфликтов давно и сознательно подают их непосредственным участникам именно в этой плоскости, оправдывая неприемлемые методы и маскируя свои истинные цели.

Примером служит, в частности, Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. Официально она представляется как конфликт протестантов и католиков – Евангелической унии и

Священной Римской империи, но нужно помнить, что союзниками протестантской Евангелической унии, непосредственно участвовавшими в боевых действиях, были Савойя, Венеция и Франция – одна из самых крупных и мощных европейских католических держав. Косвенно Унию поддерживали Россия и Османская империя. Потери в Тридцатилетней войне также вполне сопоставимы по масштабам с потерями в мировых войнах XX в. 5–8 миллионов человек, от 20 до 45 % населения вовлечённых территорий. Окончание Тридцати летней войны было оформлено всеевропейским конгрессом, положившим начало Вестфальской системе, фактически существующей до сих пор.

Результатом войны стал передел сфер влияния в континентальной Европе и, как представляется автору, экспансия международных финансовых групп на Британские острова. Как известно, условия будущего мирного конгресса оговаривал прелиминарный Гамбургский договор 1641 г., ирландское восстание случилось в том же году, а начало гражданской войны в Англии датируют августом 1642 г.

Революция в Англии несёт целый ряд признаков, характерных для революций XX–XXI вв.: местный «профессиональный революционер» из «разночинцев» как официальный лидер, центр управления за рубежом, зарубежное же финансирование (в данном случае из Голландии). Налицо попытки представить участникам революцию как религиозный конфликт – англикане, католики и шотландские пуритане.

тане против английских пуритан, и / или этнический – англичане, валлийцы, шотландцы, ирландцы. Интересен факт пропаганды, развязанной парламентом, на основании захваченной в битве при Нейзби (1645) переписки короля Карла I, содержащей компрометирующую его информацию. Можно говорить и о наличии не оглашавшихся экономических и политических интересов в данном конфликте у международных финансовых групп, стоявших за ним.

Глобальность конфликтов, распространение военных действий на несколько материков одновременно также является достижением XVIII, а не XX в.

Пример – Семилетняя война 1756–1763 гг., театрами военных действий которой были Европа, Азия (Индия), Северная Америка (Канада), Карибский бассейн (Куба), Филиппины. В военном отношении это предтеча окопных войн – широко использовались редуты и другие укрытия, а также война с массированным применением артиллерии. Войну предваряли и сопровождали дипломатические демарши («Переворачивание альянсов») – разрыв союзов Франции с Пруссией и Англии с Австрией и создание англопрусского и австро-французского союзов, в конце войны можно отметить переход Бенгальской субы (1757) и России (1762) на прусско-британскую сторону. Результатом войны стал глобальный передел мировых сфер влияния, особенно вне Европы.

Таким образом, можно говорить о том, что военные конфликты XXI в. являются логическим продолжением кон-

фликтов нового и новейшего времени. Многие признаки современной экономической политической и военной ситуации сложились ещё 400 лет назад и в XXI в. лишь разворачиваются последствия предыдущих длительных глобальных процессов.

Цветные революции как инструмент глобального корпоративного управления

*Кривельская Е.П.*⁹¹

Тезисы доклада

Аннотация: В работе рассмотрен феномен «цветных революций», отличительные черты «цветных революций», технологии реализации государственного переворота посредством мобилизации социальных масс и провоцирования массовых акций протеста, взаимосвязь «цветных революций» и деятельности западных НКО. «Цветные революции» исследованы на примере протестных движений на Украине.

Ключевые слова: «цветные революции», Украина, НКО, глобальная корпоратия.

Krivelskaya E.P. The colored revolutions as an instrument of the Global Corporate Governance.

Abstract: In the article is considered a phenomenon of the

⁹¹ Кривельская Екатерина Петровна – аспирантка кафедры политологии МГЛУ.

«colored revolutions», the specific properties of the «colored revolutions», technology of a government takeover with social masses mobilization and with provoking of mass protests, relation between the «colored revolutions» and activities of the west NGOs. The «colored revolutions» are investigated with the example of the protests in Ukraine.

Keywords: «colored revolutions», Ukraine, NGO, Global Corporatocracy.

Актуальность данного исследования заключается в том, что события последних 10 лет на территории постсоветского пространства и Ближнего Востока привнесли в мир политической онтологии новые категории, а в мир политики новые угрозы. На сегодняшний день для большинства политиков и экспертов стало очевидным, что так называемые «цветные революции» – это не просто самостоятельное явление мировой политики, а инструмент выстраивания нового мирового порядка через сеяние хаоса на определенных территориях для реализации определенных задач.

Кроме того, очевидным стал и тот факт, что глобальная корпоратократия, представленная олигархическими кланами и ТНК, не остаются в стороне мирового политического театра, а выступают непосредственными «продюсерами» тех или иных событий. А «режиссерами» и «сценаристами» выступают западные некоммерческие негосударственные фонды, деятельность которых, согласно их уставу, связана с раз-

витиём и продвижением демократии, а также с защитой прав человека.

Таким образом, **целью данного исследования** является выявление на примере Украины взаимосвязи цветных революций, глобальной корпоратократии и западных некоммерческих негосударственных фондов, так называемой «политической пехоты».

Основываясь на поставленной цели, перед нами встают следующие задачи:

1. Определить отличительные черты «цветной революции».
2. Раскрыть роль и место западных НКО в подготовке и реализации проекта «Революции достоинства» на Украине.
3. Выявить взаимосвязь между западными НКО и глобальной корпоратократией.
4. Доказать, что «цветные революции» – это инструмент выстраивания нового мирового порядка, «мира-корпорации».

Цветные революции – это организованные США и Великобританией проекты по свержению легитимной, как правило, непрозападной, а пророссийской, власти в странах второго мира (бывший СССР и его союзники) и третьего мира (Ближний Восток, Африка, Азия, Латинская Америка). В XX в. подобные «революции» тоже имели место, когда к власти приходила глубоко прозападная власть, спонсируемая американскими и британскими финансовыми и про-

мышленными структурами. Характерным признаком цветной революции является декларируемое отсутствие использования насилия. Начинается такая революция всегда с мирных протестов против нарушения прав человека, за честные выборы и за демократические ценности, однако, вполне может закончиться кровавыми столкновениями и вооруженным переворотом (Ливия, Украина), если не будет вовремя подавлена (Китай, Россия).

Другим признаком является скрытая, но активная денежная поддержка революционеров со стороны различных специальных фондов (USAID, NED, NDI, Фонд Форда, международный фонд Возрождение, Фонд Сороса, Германский фонд Маршалла и другие), посольств и спецслужб США и прочих западных стран. Декларируемой целью цветной революции является смена «авторитарных» и «тиранических» политических режимов на «демократические» и «либеральные», а также «осуществление» права народа на самоопределение.

Принято считать, что все цветные революции планирует, спонсирует и запускает США при соучастии других стран НАТО. В странах с хорошо вооружённой армией, которую власти готовы использовать для подавления протестов, Запад иногда допускает применение внешних военных сил для помощи цветным революционерам, как это было, например, в Ливии.

Что касается Украины, то с 1990-х гг. здесь обоснова-

лось множество американских фондов развития демократии и сект, которые сыграли значительную роль в оболванивании населения за последние 25 лет.

«Революция достоинства» – это результат тщательной подготовки и длительной кропотливой работы, это второй акт оранжевой революции 2004–2005 гг. Главной особенностью украинских революций является жесткая русофобская позиция, развитой национализм на грани шовинизма, активное переписывание истории и ее фальсификация, а также регулярные провокации в адрес России и ее руководства.

Особо следует отметить, что большинство членов нынешнего правительства Украины и так называемые революционеры – выпускники школы лидерства «Аспен – Украина», украинского представительства американской некоммерческой организации The Aspen Institute, занимающейся подготовкой руководящих кадров во всем мире. Это закрытый клуб, который некоторые сравнивают с масонской ложей, имеет свои устои и правила. Выпускники тесно связаны друг с другом и, подобно выпускникам Оксфорда или клуба «Череп и кости» Йельского университета, помогают друг другу продвигаться по карьерной лестнице. Проект «Аспен – Украина» осуществляется Фондом Виктора Пинчука совместно с Институтом ASPEN (США), международным фондом «Возрождение» (украинское представительство Фонда Сороса) и выпускниками предыдущих семинаров «Аспен – Украина». Финансируют данную программу Фонд братьев

Рокфеллеров, Фонд Люмина, Корпорация Карнеги, Фонд Билла и Милинды Гейтс и Фонд Форда. Не секрет, что семьи, владеющие этими фондами, являются богатейшими семьями США и владеют большей частью мировых финансов.

Ряд современных ученых-глобалистов отмечают, что вышеуказанные семьи давно ведут работу над реализацией глобального проекта нового миропорядка, который называется Project of the New American Century (PNAC) – проект «Нового американского века». Основателями являются Ульям Кристол и Роберт Каган, муж Виктории Нуланд, которая, по сути, курировала течение украинской «революции достоинства» и раздавала на майдане печенья митингующим. Примечательно, что Каган, будучи студентом Йельского университета, входил в студенческое общество «Череп и кости». Считается, что членами этого общества становятся только представители высшей элиты, выходцы из самых богатых и влиятельных семей США.

Основным содержанием данного проекта является идея, что Америка должна сохранить свое превосходство в XXI в. за счет значительного увеличения расходов на оборону, укрепления связей с демократическими союзниками. Кроме того отмечается, что обязанность США – бросить вызов режимам враждебным американским (олигархическим) интересам и ценностям, они должны продвигать темы политической и экономической свободы за рубежом (либерализм, плюрализм и приватизация). Так же провозглашается, что

американские олигархи, основатели РНАС, должны принять на себя ответственность за уникальную роль США в сохранении и расширении международного порядка дружественного безопасности США, их процветанию и их принципам.

В заключение следует отметить, что события на Украине – это показательный пример, изобличающий реальных продюсеров, режиссеров и постановщиков событий в мире. Если отбросить все дипломатические условности, то новый мировой порядок, который выстраивает глобальная корпоратократия с помощью цветных революций, – это мир-корпорация, где нет национальных государств и национальных интересов, а есть интересы определенной группы людей, которые готовы бросить целые народы в пожарище войны и страданий во имя получения прибыли.

Участие парамилитарных формирований в гражданской войне 2014–2015 гг. на Украине: предпосылки и военно-политические последствия

*Цыбаков Д.Л.*⁹²

Аннотация. В статье на примере военно-политического кризиса на Украине рассматривается трансформация субъектов современной вооруженной борьбы в современном мире. Перечисляются признаки парамилитарных формирований, приводится их примерная типология. Выявляются предпосылки возникновения и участия парамилитарных формирований в гражданской войне на Юго-Востоке Украины. Определяются основные особенности участия парамилитарных формирований в политической борьбе. Рассматриваются последствия вовлечения парамилитарных группировок в вооруженный конфликт.

Ключевые слова. Вооруженный конфликт, война, национальная безопасность, парамилитарные формирования, во-

⁹² **Цыбаков Дмитрий Леонидович** – доктор политических наук, доцент Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, г. Орел.

оруженная борьба.

Tsybakov D. L. The participation of paramilitary formations in the civil war 2014–2015 in Ukraine: background and military-political consequences.

Abstract. The article on the example of the military-political crisis in Ukraine, analyses the transformation of the subjects of the modern armed struggle in the modern world. This lists the signs of the paramilitary groups, given their approximate typology. It reveals the conditions of emergence and the participation of paramilitary formations in the civil war in the South-East of Ukraine. This defines the main features of the participation of paramilitary groups in the political struggle. This discusses the implications of the involvement of paramilitary organizations in the armed conflict.

Keywords. Armed conflict, war, national security, paramilitary formation, armed struggle.

Помимо разрушения архитектуры международной безопасности в связи с распадом СССР, произошел и подрыв одной из главных функций государства – не успев в полной мере обрести свою суверенность, вновь учрежденные государственные образования фактически сразу лишились монополии на вооруженное насилие.

Фактор «разгосударствления» насилия, проявившийся за

неимением национальных традиций регулярного военного строительства, выразился в появлении негосударственных вооруженных и военизированных формирований. Именно они, а не скроенные по лекалам демократических государств институты – партии, парламенты, общественно-политические движения, нередко становились наиболее влиятельными субъектами политики и вооруженной борьбы в том или ином государстве постсоветского пространства.

Вооруженный конфликт в Новороссии, развернувшийся в регионах Юго-Восточной Украины весной 2014 г., по своей сути и характеру наглядно демонстрирует метаморфозы современной войны. Не имея по своим масштабам прецедентов в современной Европе и на постсоветском пространстве, он ярко высветил роль в эскалации насилия так называемых негосударственных субъектов вооруженной борьбы. Особенность гражданкой войны на Украине, которая в открытых и латентных формах охватила отнюдь не только территории провозглашенных Донецкой и Луганской республик, состоит в том, что именно вооруженные или военизированные формирования, изначально возникшие за пределами военной организации государства, определили содержание противоборства между сторонами конфликта.

На наш взгляд, акторы военно-политического противостояния, развернувшегося весной 2014 г., в целом соответствуют параметрам «парамилитарных формирований» [4, с. 233]. В научной литературе аналогичные организации име-

нуют также «негосударственными военизированными структурами и системами» [1, с. 11] или «негосударственными субъектами войн и военной деятельности» [2, с. 95–96].

Их сущность как участников общественно-политических отношений может быть определена как состояние «латентной политической силы», означающее скрытую способность к политизации, которая может проявляться в активной форме. Нацеленность парамилитарных объединений на самостоятельное участие в решении таких политических задач, как разработка военной политики, поддержание национальной безопасности, охрана общественного порядка дает основания констатировать сущность деятельности военизированных общественных объединений в качестве специфических политических субъектов. Самостоятельное политическое значение, приобретаемое военизированными объединениями, по мнению автора, заключается в динамичном сочетании трех факторов: собственно военного, общественно-политического и финансово-материального.

Военный фактор проявляется в потенциальной способности обладания вооруженной силой либо иными средствами силового воздействия, организации объединений по военной (военизированной) схеме; отражение в его классификации терминологии, принятой в практике функционирования военной организации государства на современном этапе или в прошлом. Значительное количество объединений подобного рода именуется как "корпус", "армия", "легион", "ор-

ден", "войско", "войсковое общество". Деятельность многих из них определяется уставами, являющихся воспроизведением военных пособий и боевых уставов вооруженных сил государства. В большинстве случаев отмеченные компоненты по своим реальным параметрам не соответствуют содержанию принимаемых за образцы властных структур.

Определенная часть рассматриваемых структур внешне может действовать в правовых рамках и с формально юридической точки зрения не рассматривается в качестве незаконных вооруженных формирований. Современная политико-правовая практика позволяет осуществлять сохранение и воспроизводство силовых ресурсов в рамках общественных структур, формально предназначенных для реализации различных гуманитарных (воспитательных, образовательных и т. п.) и иных задач.

Силовая составляющая институционализируется посредством создания военно-спортивных, военно (оборонно) – патриотических обществ, клубов, ассоциаций, центров обучения и переподготовки, а также организаций, предназначенных для поддержания общественного порядка и безопасности: охранных, охранно-детективных агентств, служб, предприятий, добровольных дружин и т. п.

Одним из последствий обладания вооружения следует признать возможность наращивания материально-финансового потенциала военизированного объединения. Важное значение приобретает способность производить и распро-

странять предметы и средства ведения и обеспечения вооруженной борьбы, предоставлять населению возможность к приобретению воинских квалификаций, оказывать охранные услуги. Перечисленные способы практического применения силового потенциала обеспечивают привлечение регулярного прямого финансирования, что в свою очередь способствует его самодостаточности по отношению к традиционным субъектам политических отношений.

Парамилитарные (военизированные) общественные объединения являются амбивалентной силой по отношению к обществу и государству. Их приоритетные цели носят многоплановый характер, будучи направлены на формирование возможностей для легального использования вооруженной силы гражданскими структурами, поддержание боеготовности вооруженных сил государства, обеспечения национальной безопасности. Связь с государством выражается в полной или частичной легализации милитаристского характера их деятельности.

Военизированные общественные объединения постоянно пребывают в состоянии интенсивной динамики и многовекторной трансформации. В одних условиях аполитической стабильности они утрачивают свою милитаристскую составляющую, модифицируясь по образцу организаций гражданского общества. В ситуации конфликтных отношений и системных политических кризисов со стороны подобных структур следует ожидать криминальных или экстремист-

ских проявлений, опасных для интересов социума. Следствием этого может стать появление на их основе незаконных вооруженных формирований или террористических организаций.

Указанные обстоятельства в полной мере проявились во время украинских событий. По форме относясь к конфликтам «низкой интенсивности», по своей сути противостояние на Украине быстро переродилось в гражданскую войну. Неизбежным ее проявлением стало выдвижение на политическую и военную арену парамилитарных формирований, сумевших в условиях полной деградации государственных институтов по всей стране, спровоцировавших массовые карательные акции радикальных националистов против сторонников ирреденты с Россией за короткий срок организовать отпор превосходящему по силе неприятелю, пытавшемуся подавить пророссийское движение на Донбассе.

Активная часть украинских националистов во время государственного переворота и сразу после него конвертировала протестный ресурс общества в форме парамилитарных (буквально «околовоенных» или «полувоенных») формирований. В ходе нарастания конфликта фактически все они формально были легализованы в структуре вооруженных сил или МВД, сохранив при этом автономию, в корне противоречащую принципам регулярного военного строительства.

Опорой политической силы «добровольческих батальонов» стала поддержка украинского олигархата, представлен-

ного в первую очередь днепропетровским кланом, а также помощь влиятельных деятелей зарубежной национальной диаспоры, тесно связанных с иностранными специальными службами. Именно наличие парамилитарных группировок националистического толка, весьма условно подконтрольных новым киевским властям, стало одним из факторов перерастания конфликта в гражданскую войну с беспрецедентным для современного демократического государства уровнем непримиримости и жестокости.

Ввиду отмеченных обстоятельств только пребывавшие в латентном виде местные и пришлые парамилитарные формирования стали стержнем ополчения Донецкой и Луганской республик, как в военном, так и в политическом плане. Среди них следует отметить следующие типы:

– общественные организации бывших военнослужащих и ветеранов локальных войн.

Именно бывшие военнослужащие воздушно-десантных войск составили костяк формирований, положивших начало восстанию на Луганщине и в Горловке. На протяжении около полутора лет их лидеры с разной долей эффективности совмещали в себе функции и военного и политического руководства.

– пророссийские организации неоказачества;

На Донбассе они были представлены филиалами международного общественного объединения «Всевеликое войско Донское» в Луганской области, и Союзом Всевеликого вой-

ска Донского в Донецке. Несмотря на присущую казакам анархию, их влияние на территории провозглашенной Луганской республики сохраняется, и они весьма специфически видят свое место в системе власти региона. Характерно, что, несмотря на наличие на «домайданной» Украине значительного количества «казачьих» общественных движений и общественных организаций, ни одна из них в период кризиса не проявила себя в качестве парамилитарного формирования и не приняла участие в вооруженной борьбе на стороне киевской власти.

– *военизированные организации, занятые в т. н. «силовом предпринимательстве».* Термин «силовое предпринимательство» обоснован и введен в оборот В.В. Волковым, который описывал социально-экономические и политические последствия эпохи «дикого капитализма» в постсоветской России [3, с. 15.]. В условиях украинского кризиса они также были востребованы для защиты интересов олигархата по обе стороны конфликта, причем в провозглашенных республиках Донбасса такие группировки достаточно быстро вышли из под контроля своих бывших патронов.

Приведенная типология представляется примерной и достаточно условной, тем более, что она актуальна для начального периода конфликта

Парамилитарные группировки, представляющие обе стороны конфликта, сыграли ключевую роль в его эскалации, когда регулярная украинская армия некоторое время ко-

лебалась в своем окончательном выборе. Первенство здесь может быть отдано радикальным организациям националистов и неонацистов (запрещенные в Российской Федерации), поддержавших государственный переворот в Киеве. Помимо них на стороне новой столичной власти в конфликте выступили некоторые военизированные группировки ветеранов-«афганцев» и стремящиеся к легализации криминальные сообщества, действовавшие в районах развернувшихся боевых действий.

В отличие от прокиевских группировок, парамилитарные силы, выступавшие за идею Новороссии, первоначально оказались менее организованы и мотивированы. Если их противники обрели структурную организацию и политический имидж уже в период противостояния осени 2013 – зимы 2014 гг., то приобщение донецкого и луганского сопротивления в методологии политической борьбы происходило в экстренном порядке уже с началом операции по подавлению ирредентистского движения Юго-Востока Украины весной 2014 г. За предшествующий период промайdanовские парамилитарные группы уже наладили патронажно-клиентальные связи с киевскими и днепропетровскими политиками, и устойчиво присутствовали в информационно-политическом пространстве. Именно этим объясняются их последующие затянущиеся попытки играть некую самостоятельную роль в развернувшейся в постмайdanный период борьбе за власть и ресурсы уже не на линии фронта, а в далеких от него сто-

лице, регионах и муниципиях.

Парамилитарные группы «Малой Новороссии», ввиду фактического отказа «политического класса» Донбасса присоединиться к вооруженному сопротивлению, самим ходом событий вовлекались не только в вооруженную борьбу, но в политику в целом; при этом их собственно военный компонент, хотя и в иррегулярной версии, сложился ранее, нежели политический. Большинство стихийных повстанческих отрядов Донбасса, достаточно преуспев в первом, продемонстрировали гораздо меньший уровень политической самоорганизации. Гораздо большую роль, нежели среди иррегулярных группировок противной стороны, в их создании играли иностранные граждане – российские добровольцы, которых менее всего руководствовались мотивами захвата и удержания региональной власти. К началу 2015 г. практически все донецкие парамилитары были встроены в структуру армейских корпусов Вооруженных сил Новороссии, более не претендуя на политическую субъектность.

Другим отличием донбасских формирований была их более тесная связь с локальными провинциальными сообществами, «громадами», от имени которых они выступали и единственными защитниками которых они являлись в ситуации наступившего хаоса. Дальнейшие перспективы парамилитарных формирований Донбасса первой волны весьма противоречивы. Сыграв свою исключительную роль на начальном этапе противоборства, они были поглощены легаль-

ными военными и политическими институтами провозглашенных республик.

Источники и литература

1. *Аррас Д.* Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. М.: Транзиткнига-Астрель – АСТ, 2003.

2. *Белозеров В.К.* Негосударственные субъекты современных войн и военной деятельности //Проблемы безопасности. Бюллетень научноиздательского центра «Наука-XX1», 2009, № 5.

3. *Волков В.В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ, СПб, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012, С. 15.

4. *Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века. М.: Вече, 2002.

Общая политика безопасности и обороны европейского союза: современная повестка дня

*Агафонова О.В.*⁹³

Тезисы доклада

Аннотация. Ситуация, складывающаяся в настоящее время в сфере европейской безопасности, отличается сложностью и неоднозначностью. Внутри Евросоюза в связи с формированием и реализацией общей политики безопасности и обороны (ОПБО) возникли существенные противоречия. Была проведена оценка проблем перспектив реализации ОПБО ЕС.

Ключевые слова: Общая политика безопасности и обороны (ОПБО) Европейского союза (ЕС), сценарии ОПБО, миграционный кризис, НАТО.

Agafonova O.V. Common Security and Defence Policy of EU: modern agenda.

⁹³ Агафонова Ольга Владимировна – магистрант 2 курса ФГБОУ ВО МГЛУ.

Abstract: Complicated situation within the framework of European security is considered to be ambiguous. The implementation of the Common Security and Defence Policy (CSDP) created the contradictions between EU member-states. The author estimated problems and perspectives of implementation of CSDP of the European Union.

Keywords: the Common Security and Defence Policy (CSDP) of the European Union, CSDP scenarios, migration crisis, NATO.

Операции по охране внешних границ представляют для ЕС серьезную проблему. По крайней мере, у Брюсселя нет детализованной стратегии или документа, регламентирующего решение этой задачи. Существенным препятствием является и несогласованность действий стран. Можно констатировать противоречие между повышением значимости ОПБО и снижением интереса государств-членов к участию в этой политике. Как считает Дэниел Кеохейн, ответственный редактор журнала «European Geostategy», в основе этой проблемы лежат четыре причины [2].

1. Среди членов ЕС нет согласия относительно политических приоритетов, путей выхода из миграционного кризиса и стабилизации еврозоны. До террористических атак в Париже в 2015 г. и в Брюсселе в 2016 г. европейцы довольно осторожно относились к перспективе военных интервенций в другие страны, особенно, с учетом негативного опыта бое-

вых действий стран в Афганистане, Ираке и Ливии.

2. Европейские страны придерживаются различных стратегий. Правительства одних стран больше сконцентрированы на вопросах территориальной обороны, другие – на экспедиционных операциях. Только Франции и Великобритании удастся успешно совмещать и то, и другое, но даже они испытывают трудности из-за ограниченности ресурсов. В связи с кризисом на Украине различия в позициях усугубилась. Страны, воспринимающие Россию как агрессора, начали апеллировать к положению Устава НАТО о защите территории стран-членов Альянса. Европейские страны, занимающие другой «полюс мнения», полагают, что операции за пределами ЕС являются неотъемлемой частью внешней и оборонной политики Союза и направлены на его защиту.

3. Проявились разные подходы относительно региональной направленности ОПБО. Одни видят угрозу в России, другие концентрируются на угрозах, исходящих с Ближнего Востока и Северной Африки.

Расстановка позиций на европейском политическом ландшафте

Эксперты рассматривают три базовых сценария реакции европейских стран на изменение внешней среды [1]:

Первый сценарий. Поддержание статус-кво – вариант развития событий, при котором в долгосрочной перспективе не произойдет существенного нарушения или подрыва жиз-

ненно важных или стратегических интересов ЕС. В рамках этого сценария террористические акты и массовые волнения не воспринимаются как факторы, угрожающие существованию государств, неприкосновенности границ или благосостоянию граждан.

Второй сценарий предполагает, что страны ЕС будут реагировать преимущественно с помощью политических средств. В итоге события 2014 г. не воспринимаются как экзистенциальный вызов для стран-членов ЕС, поэтому они в принципе не влияют на военные расходы. Однако эти события рассматриваются как угроза стратегическим интересам, что может привести и к политическим изменениям. Страны подают сигналы о намерении выступить против снижения расходов на оборону. Подобные действия рассматриваются скорее как политические заявления, а не реальное увеличение бюджета на оборону, то есть может не отразиться на военной сфере страны. Получается, что предшествующие этим действиям события заставили ряд стран сосредоточиться, сделать определенные выводы и серьезнее отнестись к вопросам обороны.

Третий сценарий строится на том, что в 2014 г. произошел радикальный перелом (game-changer), который в перспективе окажет существенное влияние как на политическую, так и на военную сферу европейских стран. Ухудшение обстановки в плане безопасности воспринимается как угроза стратегическим и жизненным интересам, что является стимулом к

более активному использованию политического и военного инструментария.

Оценки и перспективы

1. ОПБО, созданная странами-членами ЕС для коллективных действий, так и не стала для них общим приоритетом. Отсутствие единого четкого формата сотрудничества в рамках урегулирования кризисов приводит к разновекторности проводимой политики, подрыву основных принципов ОПБО. Заключаемые странами одно- и многосторонние соглашения для урегулирования той или иной проблемы расходятся с общей стратегией ОПБО, что существенно затрудняет ее реализацию.

2. Изменение военно-политической обстановки в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Восточной Европе привело к расширению спектра угроз для ЕС. Сложившаяся ситуация побуждает к переосмыслению вопросов безопасности внутри ЕС. Ситуация осложняется массовым наплывом мигрантов, что так же выявило отсутствие единого вектора действий в рамках миграционной политики.

3. В настоящее время ОПБО характеризуется отсутствием единства. Это проявляется в отсутствии единого подхода к проведению совместных операций (в результате внутреннего раскола на страны, подчеркивающие важность территориальной обороны, и страны, выступающие за проведение экспедиционных операций для обеспечения безопасности ЕС), а также в разнице в региональных приоритетах.

4. ЕС признал необходимость выработки новой стратегии обеспечения безопасности и обороны. Помимо необходимости формулирования единого подхода к кризисному урегулированию и практике проведения военных и гражданских операций существует необходимость регламентации проведения совместных военных операций.

Источники и литература

1. *De France O.* Defence budgets in Europe: Downturn or U-turn? Brief Issue 12, 2015. // EU Institute for Security Studies. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iss.europa.eu/publications/detail/article/defence-budgets-in-europe-downturn-or-u-turn/> (дата обращения 15.05.2016).

2. *Keohane D.* The paradox of EU defence policy. European Geostrategy. 2016, March 9th. [Электронный ресурс] URL: <http://www.europeangeostrategy.org/2016/03/the-paradox-of-eu-defence-policy/> (дата обращения 15.05.2016).

Материалы круглого стола Первая мировая война: К столетию брусиловского прорыва (1916–2016)

Роль 9-й армии генерала П.А. Лечицкого в Брусиловском прорыве

*Базанов С.Н.*⁹⁴

Аннотация: Статья содержит краткую биографию одного из талантливых, но незаслуженно забытых военачальников Первой мировой войны генерала от инфантерии Платона Алексеевича Лечицкого (1856–1923), друга и соратника А.А. Брусилова, командующего 9-й армией Юго-Западного фронта. В статье показана роль 9-й армии и ее командующего в разгроме противника в ходе Наступательной операции Юго-Западного фронта 1916 г. (Брусиловского прорыва).

Ключевые слова: Первая мировая война, Юго-Западный фронт, 9-я армия, Брусиловский прорыв, военное искусство,

⁹⁴ **Базанов Сергей Николаевич** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории РАН), г. Москва.

Румыния.

Bazanov S.N. Role of 9th army of General P.A. Lechinskiy in the Brusilov breakthrough

Abstract: This paper contains a short biography of one of the most talented, but undeservedly forgotten generals of World War I infantry general Lechitskogo Platon Alekseevich (1856–1923), a friend and colleague AA Brusilov, the commander of the 9th Army of the Southwestern Front. The article shows the role of the 9th Army and its commander in the defeat of the enemy offensive operations during the South-Western Front 1916 (Brusilov breakthrough).

Keywords: First World War, the South-Western Front, 9th army, Brusilov Offensive, martial art, Romania.

9-я армия успешно действовала на левом фланге Юго-Западного фронта в период Брусиловского прорыва и внесла весомый вклад в успех этой одной из самых грандиозных операций Первой мировой войны. С самого формирования этого войскового объединения в августе 1914 г. по апрель 1917 г. им командовал выдающийся полководец, к сожалению, мало известный современному читателю генерал от инфантерии Платон Алексеевич Лечицкий.

Будущий военачальник родился 18 марта 1856 г. в Гродненской губернии в семье священника. Естественным пу-

тем для него было поступление в Литовскую духовную семинарию. Однако, не закончив курса, в марте 1877 г. он пошел на службу рядовым на правах самоопределяющегося в 7-й гренадерский Самогитский полк, расквартированный в Москве. И уже в том же году Лечицкого командировали на учебу в Варшавское пехотное юнкерское училище. В 1879 г. он окончил его по 2-му разряду и получил чин подпрапорщика, а в октябре начал службу в 39-м пехотном резервном кадровом батальоне, дислоцировавшемся в Брест-Литовске.

В августе 1880 г. Лечицкий был произведен в прапорщики, в феврале 1881 г. – в подпоручики, в ноябре 1887 г. – в штабс-капитаны и в декабре 1889 г. – в капитаны. Как видим, карьера молодого офицера складывалась удачно. В феврале 1891 г. он был переведен в 6-й Восточно-Сибирский линейный батальон, а в июне 1892 г. – в 5-й Восточно-Сибирский стрелковый. Следует отметить, что все это время будущий полководец служил на строевых должностях. Так, в течение 5 лет и 3 месяцев он командовал ротой, затем 2 года и 2 месяца – батальоном. В октябре 1893 г. для повышения квалификации командование направило Лечицкого в Офицерскую стрелковую школу. Окончив ее в августе 1894 г., он вернулся в свой батальон. В феврале 1896 г. Платон Алексеевич получил чин подполковника и вскоре вступил в командование батальоном.

13 марта 1898 г. вверенный Лечицкому батальон в составе отряда командование направило в Китай, в крепость

Порт-Артур. 24 марта того же года 5-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон был переименован в 4-й Восточно-Сибирский стрелковый полк (Платон Алексеевич командовал одним из его батальонов). К началу Русско-японской войны 1904–1905 гг. Лечицкий прошел путь от подпрапорщика до полковника: участвовал в Китайской кампании 1900 г., в конце 1902 г. был назначен командиром 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

По мнению исследователей, во время Русско-японской войны Лечицкий, заслужил «репутацию выдающегося полкового командира» [4, с. 301]. С самого начала боевых действий его полк находился на передовой линии, участвовал во многих боях и стычках с противником, нес потери, да и сам командир получил ранение.

За боевые отличия в Русско-японской войне Лечицкий 12 мая 1905 г. был произведен в генерал-майоры, а также награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» (9 декабря 1904 г.), высшим военным орденом России – Св. Георгия 4-й степени (13 декабря 1905 г.) и другими орденами. 5 августа 1905 г. он был назначен командиром 1-й бригады 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, а 15 августа зачислен в Свиту Его Императорского Величества. 10 марта 1906 г. Платон Алексеевич получил в командование 6-ю Восточно-Сибирскую стрелковую дивизию, а 21 июля-1-ю гвардейскую пехотную с зачислением по гвардейской пехоте. 12 декабря того же года Лечицкому был «Высочайше

пожалован мундир» 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, а 14 декабря он был зачислен в списки полка. Это была дань признательности Платону Алексеевичу за ратные подвиги, совершенные во главе полка в годы Русско-японской войны.

26 августа 1908 г. талантливого военачальника назначили командующим 18-м армейским корпусом (высшим оперативно-тактическим соединением русской армии мирного времени), а уже 5 октября ему присвоили чин генерал-лейтенанта с утверждением в должности. Вскоре последовало новое повышение по службе – командующим войсками Приамурского военного округа и войсковым наказным атаманом Амурского и Уссурийского казачьих войск «с оставлением по гвардейской пехоте и зачислением по Амурскому казачьему войску» (23 декабря 1908 г.). 22 октября 1912 г. Лечицкий был зачислен в списки 4-й сотни лейб-гвардии Сводно-казачьего полка и 14 февраля 1913 г. получил высший чин русской армии – генерала от инфантерии.

Надо сказать, заслужить «полного генерала» было не просто. Помимо различных заслуг, существовал образовательный ценз – диплом Николаевской академии Генерального штаба. Однако для талантливого военачальника сделали исключение. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти в 14-м томе «Военной энциклопедии», вышедшей в 1914 г., накануне Первой мировой войны: «Генерал Лечицкий, великолепно ориентируясь на всякой местности, настойчив в про-

ведении раз принятого решения, своим мужеством и спокойствием в бою производит чарующее впечатление на подчиненные ему войска, которые верят, что с ним всегда возможна победа. Прослужив с младших чинов все время в строю, он близок к солдату и офицеру и отлично знает их быт и нужды, и нет ни одного вопроса по обучению и воспитанию войск, в котором он не являлся бы знатоком дела»[3, с. 598].

А вот что писал о Лечицком в мемуарах генерал-майор А. И. Верховский: «Маленький, сухой старичок, весь белый, с большими белыми усами, с упорным взглядом узких, недоверчиво смотревших глаз, этот генерал отличался большой честностью, военным чутьем и осторожностью. Мало того, он по-своему любил солдат, изучал и знал их положительные и отрицательные черты. Вся его деятельность была подчинена правилу: семь раз отмерь и только потом отрежь. И нужно сказать, что в тех условиях, в которых находились войска, при том явно выраженном нежелании солдат воевать это была единственно возможная линия.

Лечицкий выдвинулся во время русско-японской войны именно этими качествами. Он с большим вниманием следил и за настроением бойцов, и за тем, чтобы они были сыты, одеты и обуты. “Солдат без подошв – не солдат”, – любил говорить Лечицкий и никогда не требовал от своих частей усилий, которые были выше их возможностей...

Хороших командиров во время русско-японской войны было мало. Лечицкого заметили и назначили сначала коман-

диром полка, потом командиром дивизии. Не будь войны, он, покомандовав батальоном, должен был бы, как и большинство армейских пехотинцев, уйти в отставку. Полки в царской армии давали гвардейцам да офицерам Генерального штаба и лишь в порядке исключения – простым армейским офицерам. Но война помогла выявить его некричащее, но подлинное военное дарование. Что ему вредило, так это суровый взгляд из-под нахмуренных бровей. Нелегко было за ними разглядеть в этом маленьком человеке большое, честное и полное любви к людям сердце» [2, с. 63].

Многие сослуживцы действительно считали, что он «сух, строг и всегда ругается» [7, с. 63], впрочем, забегая вперед, отметим: при знакомстве с Лечицким начальник штаба 12-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса 9-й армии генерал-майор А.Е. Снесарев в сентябре 1916 г. записал в дневнике: «Вчера ужинал у командующего армией. Тон простой, сам – больше молчалив, даже стесняется... Больше говорю я...» [7, с. 97].

С началом Первой мировой войны Лечицкий командовал группой войск, направленной на помощь 4-й армии Юго-Западного фронта после ее неудачных боев у Красника. 9 августа 1914 г. Платон Алексеевич был назначен командующим 9-й армией, находившейся на левом фланге Юго-Западного фронта. Преследуя отступавшего неприятеля, армия Лечицкого 1 сентября форсировала с боями р. Сан у Чекаева и 2 сентября – у Развадова, а левобережная группа армии взяла

г. Сандомир. Это была полная победа. 29 сентября генерал был награжден Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами, с надписью: «За бои с 21 августа по 10 сентября 1914 года».

8 октября армия Лечицкого в составе 14-го, 25-го и Гвардейского корпусов подошла к Ивангороду и получила задачу содействовать наступлению соседней 4-й армии на г. Радом. 13 октября 9-я армия нанесла поражение неприятелю, вышла во фланг 1-й австро-венгерской армии и начала ее преследование. 18 октября состоялся бой на Опатовке, а на следующий день армия Лечицкого прорвала фронт и совместно с 4-й армией заставила противника отступить. 22 октября командарма наградили орденом Св. Георгия 3-й степени, а 27 октября – орденом Белого Орла с мечами.

3 ноября 9-я армия (14-й, 27-й и 25-й армейские корпуса) развернула наступление в направлении 4-й австро-венгерской, однако сильный натиск противника вынудил ее 5 ноября отступить. Между тем 8 ноября ситуация выправилась: по приказу командарма части гвардии устранили опасный прорыв, образовавшийся на стыке его армии и соседней 4-й. Неприятель предпринял попытку атаковать правый фланг русской 2-й армии, но потерпел неудачу, и 9 декабря армия Лечицкого начала наступление, в результате которого австро-венгерские войска оставили Скавронский массив. 10–15 декабря она вынудила отступить за р. Ниду вражескую 1-ю армию, взяв почти 12 тыс. пленных.

1 марта 1915 главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов отдал приказ армии Лечицкого наступать в направлении Мармарош-Сигет-Хуст. Однако она не успела закончить сосредоточение: на левом фланге Юго-Западного фронта 11-й армейский корпус уже действовал в Карпатах, а 17-й только еще подходил к Днестру, 30-й же после тяжелых боев вынужден был из Буковины отойти за Днестр. Кроме того, противник направил две пехотные дивизии в

Бессарабию в обход левого фланга армии Лечицкого. Положение становилось угрожающим, и лишь решительные действия 2-го и 3-го кавалерийских корпусов позволили его стабилизировать. В середине апреля 1915 г. 9-я армия развернулась в Заднестровье в составе 11, 30, 33-го армейских и 2-го, 3-го кавалерийских корпусов, 26 апреля перешла в наступление вдоль Днестра и взяла Залещики и Надворну, отбросив 7-ю австро-венгерскую армию за Прут. В общей сложности в Заднестровском сражении 9-я армия взяла около 20 тыс. пленных и 20 орудий.

Впрочем, этот успех не спас положение на Юго-Западном фронте: соседняя 11-я армия отступила с р. Золотая Липа, что заставило армию Лечицкого 21 июня отойти из Галича. Тем не менее, в начале июля она держала фронт от Днестра до румынской границы. В августе командарм передал 30-й армейский корпус в 8-ю армию генерала от кавалерии А.А. Брусилова и получил приказ атаковать противника для под-

держки брусиловцев. 29 августа 9-я армия выступила против неприятеля, и на следующий день нанесла ему поражение у Дзвиняче, захватив в плен более 2,5 тыс. австро-венгерских солдат.

Выдающуюся роль сыграл Платон Алексеевич и вверенная ему армия в Брусиловском прорыве – Наступлении Юго-Западного фронта, подготовленном и осуществленном новым главнокомандующим армиями фронта генералом от кавалерии А.А. Брусиловым. К началу операции в распоряжении Лечицкого были 11, 12, 33, 41-й армейские корпуса и 3-й кавалерийский – 165 тыс. человек и 495 орудия – против 110 тыс. личного состава и 500 орудий 7-й австро-венгерской армии (командующий генерал кавалерии К. Пфланцер-Балтин). Планируя свои действия, он решил, прежде всего, наступая в направлении Карпат, атаковать противника с левого фланга в Буковине, после чего ударить с правого в Заднестровье. 22 мая – в первый день этой грандиозной операции – Лечицкий развернул наступление: на Черновицком направлении со всей мощью ударили 11-й и 12-й армейские корпуса, в то время как 41-й проводил отвлекающий маневр в направлении на Онут, а 33-й стоял в резерве. После перегруппировки командарм ввел его в бой и 28 мая в Бороноуцком сражении разгромил 7-ю австро-венгерскую армию, отбросив ее к Пруту и в Заднестровье. Потери неприятеля составили около 70 тыс. человек (в том числе почти 39 тыс. пленными), 9-й армии – всего менее 14 тыс.

5 июня 11-й армейский корпус взял Черновцы. Вслед отступавшей южной группе 7-й армии противника Лечицкий отправил Сводный корпус под командованием генерал-лейтенанта М.Н. Промтова (82-я и 103-я пехотные дивизии) и 3-й кавалерийский генерал-лейтенанта графа Ф.А. Келлера, которые 15 июня нанесли мощный удар на Коломыю, на следующий день взяли Обертынь, а 17 июня – Коломыю. Нанося поражения войскам неприятеля, армия Лечицкого 24 июня взяла Делятынь, оттеснив их к Карпатам. В связи с таким разгромом австро-венгерское командование отправило в отставку командующего 7-й армией генерала кавалерии К. Пфланцер-Балтина. Платон же Алексеевич за победоносные операции был награжден высоким орденом – Св. Александра Невского с мечами.

В начале июля Брусилов поставил перед Лечицким новую задачу – наступать на Галич. 15 июля 9-я армия выдвинулась в заданном направлении и действовала весьма успешно: 41-й армейский корпус прорвал фронт противника у Трояна, 12-й – центральную группировку 3-й австро-венгерской армии у Хлебичина, 33-й мощным ударом отбросил вражеские войска у Хоцимержа. В итоге в ночь на 16 июля неприятель отступил по всему фронту, а русская армия захватила почти 8 тыс. пленных и 21 орудие. 25 июля 33, 40 и 12-й армейские корпуса ударили по позициям 3-й армии противника, взяли стратегически важный пункт Тлумач и заставили ее отступить. 28 июля войска Лечицкого заняли Станиславов,

захватив около 20 тыс. пленных, 18 орудий, 11 бомбометов и 157 пулеметов. Как отмечал в 1922 г. исследователь А. Казаков, «в войну против Австро-Венгрии на стороне Антанты, во многом благодаря блестящим действиям Лечицкого вступила Румыния...» [5, с. 41–42].

В ходе общего наступления Юго-Западного фронта, начавшегося 3 августа, 9-я армия действовала в Лесистых Карпатах, вынудив отступить левый фланг 7-й австро-венгерской армии. В конце сентября по приказу Брусилова командарм 9-й армии перебросил свои корпуса в Молдавские Карпаты. Сюда же в октябре передислоцировались 2, 36, 24-й армейские корпуса и в ноябре 40-й. Платон Алексеевич предложил провести наступление на Чик-Середу – взятие этого города открыло бы выход в долину Мароша в обход фронта противника, но Ставка Верховного главнокомандующего отдала приказ сосредоточить усилия на направлениях на Дорна-Ватру и Кирилибабу. В октябре 9-я армия сковала в Молдавских Карпатах 7-ю и 1-ю австро-венгерские армии, тем самым задержав наступление противника на Румынию. Когда же оно началось, Лечицкий выдвинул в сторону Дорна-Ватры 26-й и 2-й армейские корпуса, а силами 24, 36 и 40-го попытался прорваться на Чик-Середу, однако в ходе затяжных кровопролитных боев не смог выбить из Карпат 12-ю австро-венгерскую армию.

По словам историка А.А. Керсновского, «Весь ноябрь шли тут героические бои в облаках и за облаками – сраже-

ние у Кирлибабы... Трофеи наши в этой горной войне были значительны, потери – огромны, героизм – беспределен. К сожалению, все сроки были уже пропущены... австровенгерская армия прочно занимала карпатские проходы своими 11 дивизиями, располагавшими гораздо более сильной артиллерией, нежели 8, затем 10 дивизий генерала Лечицкого. Что можно было легко совершить в конце августа, когда фланг противника в трансильванском направлении буквально висел в воздухе, становилось уже невыполнимым два месяца спустя, в ноябре, когда неприятель укрепился в превосходных силах на горных позициях, оказавшихся неприступными благодаря своему положению, инженерному искусству, снегу и морозу наступившей третьей и самой суровой зимы Первой мировой войны» [6, с. 95].

Между тем, когда 9-я германская армия попыталась прорваться между русскими 4-й и 9-й в долине Путны, то встретила мощный встречный удар 24-го армейского корпуса 9-й армии, в результате фронт был стабилизирован.

После Февральской революции Лечицкий, не смирившись с новым порядком и резким падением дисциплины в армии, подал прошение об отставке. Просьба была незамедлительно удовлетворена. 18 апреля 1917 г. он сдал командование 9-й армией генерал-лейтенанту Г.В. Ступину и был «зачислен в распоряжение военного министра», но уже 7 мая «уволен от службы с мундиром и пенсией».

Как писал в дневнике о Лечицком генерал-майор А.Е.

Снесарев, «уход свой он мотивировал, придравшись к слову “демократия”: меня демократией не запугают, я сам мужик, даже человек необразованный; я, может быть, не плохой военный, но фабрике повиноваться не буду...» [7, с. 465]. После отставки Платон Алексеевич жил в Москве, затем Петрограде, а в 1920 г. добровольно вступил в Красную Армию, приступив к исполнению обязанностей инспектора пехоты и кавалерии Петроградского военного округа. Но в том же году генерала арестовали по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности. Его друг и соратник А.А. Брусилов впоследствии с горечью вспоминал: «... упомяну, каким тяжелым камнем у меня на душе два случая, когда все мои хлопоты – словесные просьбы, письменные прошения, ничему не помогли, – это когда арестовали Клембовского и ген. Лечицкого. Последнего арестовали в Петрограде... привезли в Москву. Когда мы об этом узнали, то жена моя стала хлопотать о передачах ему, я же добивался его освобождения. Но тщетно. Мне обещали неоднократно, назначали сроки, когда его выпустят, – и надували меня. Оба они так и умерли в тюрьмах, и это глубоко меня потрясло. Что касается Лечицкого, то я допускаю мысль, что по своей честной, но узкой несговорчивости, прямолинейности действий в вопросах политики, он и не хотел сдаваться, даже в разговорах» [1, с. 296].

В Москве Лечицкого сначала содержали в Таганской тюрьме, затем в Лефортовской, где он 18 февраля 1923 г.

умер от истощения в тюремной больнице.

Источники и литература

1. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001.
2. *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959.
3. Военная энциклопедия: В 18 т. Т. 14. Спб., 1914.
4. *Залесский К.А.* Первая мировая война. Энциклопедия: В 2 ч. Ч. 2. Русская действующая армия. М., 2014.
5. *Казаков А.* Румыния в Мировой войне // Румынский фронт. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922.
6. *Керсновский А.А.* История русской армии: В 4 т. Т.4. М., 1994.
7. *Снесарев А.Е.* Дневник: 1916–1917. М., 2014.

Две газовые атаки. 1916 г.

*Олейников А.В.*⁹⁵

Аннотация: Данная статья посвящена особенностям противохимической обороны русских войск в ходе кампании 1916 г. на Русском фронте Первой мировой войны в ходе боевых действий у мест. Сморгонь и Икскуль. Газовая война на Русском фронте имела свою специфику, отличающую ее от химической борьбы на Французском фронте.

Ключевые слова: Кампания 1916 г.; Русский фронт; Газовая война; Противохимическая оборона; Сморгонь; Икскуль.

Oleynikov A.V. Two gas attacks. 1916.

Abstract: This article is devoted to peculiarities of chemical defense of the Russian troops during the campaign of 1916 on the Russian front in the First World War in the fighting at places. Smorgon and Ikskyul. Gas war on the Russian front had its own specifics that distinguish it from chemical fighting on the French front.

⁹⁵ **Олейников Алексей Владимирович** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Астраханский государственный университет.

Keywords: Campaign 1916; Russian front; Gas war; Gas defence; Smorgon; Ikskyul.

Боевым отравляющим веществом называется всякое применяемое на войне химическое вещество, которое поражает живые существа, или, находясь примешанным к окружающему их воздуху, которым они дышат, или заражая предметы, с которыми они могут соприкасаться [1, с. 7].

Газовая война на Русском фронте в ходе кампании 1916 г. имела свои особенности, отличающие ее от химической борьбы на Французском фронте. О некоторых из особенностей химической обороны русских войск позволяют сделать вывод два характерных боевых эпизода.

В июне 1916 г. боевые позиции у мест Сморгонь (ныне Гродненская область Белоруссии) занимали части русского 26-го армейского корпуса. Главный удар противника в период газовой атаки пришелся на войска 64-й пехотной дивизии.

Дистанция между русскими и германскими окопами на атакованном участке фронта достигала от 300-т до 1500-т шагов. Уже за 2 недели до газовой атаки воздушные разведчики сообщали, что видели, как немецкие солдаты вынимали из грузовиков и перетаскивали в окопы тяжелые громоздкие предметы – снаряды либо баллоны. Спустя какое-то время артиллерийский наблюдатель засек, что после попадания русского снаряда в немецкий окоп произошел взрыв, после которого образовалось бурое облако, стелившееся по земле.

Наблюдались и немецкие солдаты, бежавшие от этого места в тыл – причем несколько человек по дороге свалилось.

Все это убедило русское командование, что противник готовится к газовой атаке – были предупреждены дивизии, приняты меры к снабжению войск противогазами, заготовлены материалы для костров (наиболее эффективного, после противогаза, средства антихимической защиты), в окопах установлены кадучки с водой (в воде раствор 20–30 % соды), приготовлена негашеная известь.

19-го июня на фронте царила полная тишина. С запада тянул слабый ветер – 1–2 метра в секунду. Возвратившиеся с разведки, работ и нарядов бойцы не успели лечь спать – в 3 часа 15 мин. началась атака противника. В преддверии газовой атаки германская артиллерия открыла интенсивный огонь химическими снарядами – по окопам, ходам сообщения, батареям и тылам. В короткое время он приобрел мощь ураганного огня.

Через несколько минут от р. Гервятки, ст. Сморгонь, д. Нароты и Лычники немцами было выпущено первое газовое облако. Газопуск сопровождался сильным шипением из баллонов.

Русские сигнальщики заиграли на рожках положенные в таких случаях сигналы, бойцы, надевая противогазы, бросились разжигать перед окопами костры. По облаку был открыт огонь из всех видов оружия. Но отсыревшие после дождя костры не хотели гореть.

Вслед за облаком начала наступать германская пехота – немцы в противогазах, подойдя к русским позициям, кричали: «Рус, атака». В одной руке германские солдаты держали винтовки, а в другой – дубины с большими набалдашниками, утыканными острыми шипами – для добивания отравленных. Но у проволочного заграждения немцы попали под сильный огонь и бежали в свои окопы.

После того как была отбита первая атака, многие русские солдаты сняли противогазы – в масках Кумманта было трудно дышать, а противогазы «новейших» образцов высохли и требовали увлажнения. Многие подумали, что атака завершилась.

В этот момент немцы выпустили второе газовое облако – более густое, молочно-голубоватого цвета. Облако имело высоту более 8-ми метров и захватывало фронт до 5-ти км.

За газовым облаком двигалась дымовая завеса, а за ней наступали 4 линии цепей германской пехоты. Пехотная атака была более мощной, чем в первом случае, но и она была отражена дружным винтовочным, артиллерийским и, особенно, пулеметным огнем русских частей.

Газовая атака, длившаяся 1,5 часа, завершилась. Газы проникли вглубь русской обороны и причинили большие потери. Всего в 3-х дивизиях 26-го армейского корпуса (64-й, 65-й, 84-й пехотных) было отравлено 45 офицеров (из них 5 умерло) и 2505 унтер-офицеров и солдат (из них умерло 429 человек). Особенно пострадал 254-й пехотный Никола-

евский полк, потерявший 1606 человек (в т. ч. 25 %, т. е. 412 человек, умершими). Погибло и много артиллерийских лошадей.

Несмотря на своевременность предупреждения об атаке, наличие всех необходимых средств борьбы с газами, потери были значительные. Материалами комиссии, занимавшейся исследованием этого боя, они были объяснены: 1) тем, что корпус впервые в своей истории отражал газовую атаку; 2) атаке предшествовал мощный артиллерийский огонь противника, отвлекший внимание от газопуска и нанесший повреждения оборонительной инфраструктуре; 3) газовая атака осуществлялась в 2 приема – многие русские солдаты после первого ее этапа сняли маски; 4) от усиленных передвижений и стрельбы, тем более – летом, маски быстро сохли; 5) особенно большие потери понесли офицеры, унтер-офицеры, телефонисты и связисты – чтобы отдавать и слышать распоряжения они были вынуждены снять маски, совершив тем самым подвиг. Погибли в полном составе химическая команда корпуса, а также санитарная часть – решая присутствующие им задачи, эти подразделения не думали о личной безопасности.

Из противогозов лучшими оказались противогазы Зелинского-Кумманта – 526 человек, их использовавшие, спаслись почти все. Значительно хуже показали себя маски «нового образца» с бутылкой (713 единиц), «новейшего образца» (3901 единица) и Горного института (все остальные).

Необходимо отметить, что, несмотря на тяжелые потери, русские войска (в отличие от своих союзников на Французском фронте), как правило, не давали немцам возможности эксплуатировать результаты газовых атак и добиваться ощутимых тактических результатов. Но в моральном отношении сморгонский боевой участок стал считаться «трудным» для обороны.

25 сентября 1916 г. германские войска осуществили газовую атаку на расположенный в Иксюльском предместном укреплении (плацдарме) 173-й пехотный Каменецкий полк.

На полковом боевом участке находились 2 батальона, в полковом резерве – один батальон, расположенный в землянках внутри каменоломен вдоль западного берега р. Двины. Передовые позиции на плацдарме занимали три заставы (сила каждой – от 24 до 48 человек) на удалении 35 -150 шагов от окопов противника. Заставы имели телефонную связь с батальонами и полком, в каждой заставе и роте были газовые секреты, имевшие специальную задачу – своевременно обнаружить газовую атаку противника. Сигнал о начале газовой атаки – красная ракета.

Личный состав дивизии (44-й пехотной), в которую входил полк, в июне 1916 г. был ознакомлен с боевыми свойствами отравляющих веществ. Бойцы прошли процедуру окуривания, прослушали лекции профессора Лаврова. Разведчики, унтер-офицеры и офицеры были снабжены противогазами Куманта-Зелинского, нижние чины – марлевыми

масками № 4 (с 2 марлевыми вкладышами – против хлора и синильной кислоты); незначительное количество рядовых также имело противогазы.

В 4 часа 25 минут 25 сентября в штаб полка пришло первое сообщение о газовой атаке германцев. Перед атакой солдаты передового эшелона слышали в немецких окопах возню, разговор и какое-то резкое шипение. Как только запах газа стал наполнять окоп, бойцы стали надевать маски. Один из них, рядовой Китаев, не надев маски, бросился по ходу сообщения, наполненному газами, к телефону, и, сообщил в штаб полка об атаке. Затем он обессилел, упал и умер. Так как бойцы заставы надевали маски, находясь в газовой волне, то почти все они погибли или оказались тяжело отравленными.

На правом фланге позиции штабс-капитан Разумов и поручик Яновский, вышедшие на разведку и находившиеся у проволочных заграждений противника, заметили необычайную суету около неприятельских окопов: германцы устанавливали газовые баллоны.

Офицеры-разведчики вместе с солдатами бросились к своим окопам, чтобы предупредить остальных об опасности. Поручик Яновский, почувствовав резкий запах отравляющих веществ, приказал пустить красную ракету и бросился по ходу сообщения, уже наполненному газами, к своей землянке за маской. Около землянки поручик почувствовал, что теряет силы. Он выбрался из хода сообщения, полежал

на свежем воздухе и вновь вернулся в окоп – и так несколько раз.

Части полка начали принимать меры к отражению газовой атаки – всюду загорелись костры. Ситуацию усложнял пред-рассветный час – большинство солдат, крепко спали. Когда людей будили, многие надевали маски, уже находясь под воздействием газовой волны. Многие бойцы, не имея при себе масок, увеличивали суету, не находя их в темноте и забыв, куда спрятали (таких было большинство); у некоторых не было масок. Вся эта суета, метание происходили под воздействием отравляющих веществ – газ быстро заполнял низменности, т. е. прежде всего окопы. Маски надевались кое-как, должным образом не пригонялись; были случаи разрывов, особенно противогазов. Маски № 4 не были рассчитаны на противодействие фосгену – а его германцы и применили.

На передовых позициях ситуация усложнялась необходимостью отражать пехотную атаку противника – бойцы были вынуждены стоять с винтовками в наполненных газами окопах. Но и в данной ситуации солдаты и офицеры вели себя доблестно, проявляя храбрость и самопожертвование. Атака германской пехоты (силой до 2-х батальонов) была отбита, преимущественно, пулеметным и артиллерийским огнем.

В это время пошли вторая и третьи газовые волны, за которыми следовало новое наступление пехоты. Оно также было отбито заранее пристрелянными пулеметами и полевой артиллерией.

Достигнув русских позиций, бесцветный газ разливался по окопам и ходам сообщения – более или менее безопасные зоны образовались около костров, оказавшихся наилучшим антигазовым средством. Те, кто стоял близко у костров, избежали отравления. Например, командир полка, который снял маску, чтобы иметь возможность отдавать распоряжения по телефону, приказал развести небольшой костер у себя в землянке и у входа в нее. В результате, у него обнаружили лишь легкие признаки отравления.

В целом, все, кто, оставаясь спокойным, принял хотя бы какие-нибудь защитные меры: обмотал голову мокрым полотенцем, вымазанной в грязи шинелью, забрался на дерево или на возвышенное место и т. п. – спаслись. Большое значение на эффективность принятых мер оказали условия боя: они отвлекли людей от необходимости считаться с газами и от забот о личной безопасности – необходимость отдавать распоряжения, докладывать, двигаться, заряжать винтовки и т. п. делала маски крайне обременительными. В ситуации, когда многие надышались газа еще при надевании масок, им тем более было тяжело дышать с пораженными органами дыхания.

Учитывая, что ходы сообщения и окопы были местами наибольшего скопления газов, наиболее пострадали от отравляющих веществ резервные роты.

Наконец, постепенно начали сказываться последствия отравления: бойцы в большом количестве выходили из строя

и, опять-таки ходами сообщения, направлялись к передовому перевязочному пункту. Многие в ходах сообщения, наполненных газами, окончательно отравлялись, теряли силы, падали и умирали, а если и добирались до перевязочного пункта, то в крайне тяжелом состоянии. В некоторых местах ходы сообщения были так завалены пострадавшими, что не было возможности пройти.

Газовая атака у Иксюля продемонстрировала, какое большое значение имеет тактическая внезапность – особенно при применении химического оружия. И как важно своевременно применить имеющиеся меры защиты. При том, что личный состав полка был подготовлен к газовой атаке, пострадал он достаточно сильно – 811 отравленных и 272 умерших. Тем не менее, атака противника была отбита, и к изменению обстановки на фронте применение отравляющих веществ не привело. Русская тяжелая артиллерия, нанеся огневой удар после третьего газопуска, разбила несколько баллонов с отравляющими веществами.

Очевидно, что успех борьбы отравляющими веществами зависел, прежде всего, не только от достаточного снабжения частей «рациональными средствами борьбы с ними» [2, с. 26] но и в значительной степени также и от умелого обращения с этими средствами. Недаром в 1915–1916 гг. с этой целью были изданы наставления, а в части и учреждения, как фронтовые, так и запасные, командировали инструкторов для обучения личного состава противогазному делу.

Источники и литература

1. Эдере Ш., Эстен М. Химическое оружие и его токсическое действие. М., 1939.
2. Кори В. Удушливые газы и борьба с ними. Военный вестник. 1922. № 12.

Первая мировая война: социокультурный контекст

*Черныш А.М.*⁹⁶

Аннотация: Делается попытка осмыслить Первую мировую войну через призму общеевропейского социокультурного контекста и показать ее последствия для Европы и мира. Особое внимание обращено на место, роль и последствия войны для ее главных участников – России и Германии.

Ключевые слова: Первая мировая война, Европа, Запад, Россия, Германия.

Chernysh A.M. First World War: socio-cultural context

Abstract: An attempt is made to comprehend the First World War through the prism of pan-European socio-cultural context and show its implications for Europe and the world. Special attention is paid to the place, role and consequences of the war for its main participants – Russia and Germany.

Key words: First World War, Europe, the West, Russia, Germany.

⁹⁶ **Черныш Алексей Михайлович** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории МПГУ.

Первая мировая война – рубеж всемирной истории. Именно она, по мнению большинства историков, знаменует наступление новейшего периода в истории человечества.

Первая мировая война оказала огромное влияние практически на все события и достижения XX в.: от науки, техники и культуры до социального переустройства. Она стала знаковым этапом в социокультурном развитии Европы и всего мира. После 1918 г. мир изменился так, как он никогда до этого не менялся. И дело даже не в том, что в этой войне использовались доселе невиданные способы и средства уничтожения людей, включая газы, самолеты, танки, подводные лодки и т. п., и не в том, что в нее было втянуто 38 государств, а счет жертв пошел на миллионы. Первая мировая война в корне изменила прежнее традиционное понимание мирового порядка, оказалась перекроенной политической картой мира, рухнули империи, начались широкомасштабные социальные и культурные эксперименты. Первая мировая показала, что человечество в начале XX в. так и не нашло альтернативы насилию как способу разрешения как внутригосударственных, так и международных споров. Эта война стала апофеозом бессмысленности. И в этом смысле уроки Первой мировой актуальны и для сегодняшнего времени.

Первая мировая, и все что с ней связано, до сих пор окружена мифами, легендами, спекуляциями и штампами. В Советском Союзе, в отличие от других европейских стран,

предпочитали не вспоминать Первую мировую войну, о героях войны не писали, не ставили им памятники и т. п., и «смотрели» на эту войну глазами большевиков, которые заняли изменническую позицию, ратуя за поражение России в «империалистической», по их словам, войне.

Начало XX в. стало серьезным экзаменом для европейской цивилизации. Можно сказать, что этот экзамен Европа не выдержала. Сообщество западноевропейских народов, прошедшее блестящую многовековую историю, все богатое духовное наследие Европы не смогло предотвратить войну; европейцы оказались не в силах отказаться от насилия как способа разрешения споров. Как тут не вспомнить слова Н. Бердяева о том, что вопросы, решаемые злобой и ненавистью, есть падение человечества. Европейские державы не прислушались к призывам России, прозвучавших на мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 гг. Более того – борьба России за мир и разоружение, видимо, заставила думать некоторые государства, прежде всего правящие круги Германии и Австро-Венгрии, о ее слабости. Если бы не твердая позиция России по сербскому вопросу, то война в Европе могла бы разразиться еще в 1912 г.

Первая мировая война фактически стала европейской гражданской войной, существенно снизив экономическую, политическую и военную значимость Европы в мире. Только, пройдя еще раз через мировую войну 1939–1945 гг., Европа вновь стала обретать мировую значимость на основе ев-

ропейской солидарности и рождающегося единства.

Есть и другой аспект итогов Первой мировой войны: в ее горниле возникает новый человек, новый европеец, который порывает со старым видением мира; война безжалостно рушит все прежние стереотипы и традиции, стили и моды, смеется над моралью и ценностями. Европа и мир становятся другими, происходит коренная социокультурная ломка в жизни государств и этнических сообществ, каждого европейца.

Истоки Второй мировой войны коренятся и проистекают из Первой, когда две страны – Германия и Россия – выходят из нее потрясенные до основания. В России свершается революция и начинается грандиозный противоречивый социальный эксперимент. Германия, пройдя через веймарский катаклизм и позор Версальской системы, становится озлобленной, готовой к реваншу.

Для России Первая мировая война стала испытанием, к которому она не была готова – огромная страна с недостаточно развитой индустрией и инфраструктурой, малограмотным многонациональным населением, грузом острых политико-экономических проблем. Россия во многих областях смогла к началу войны приблизиться к стандартам жизни западноевропейских стран. Российская империя в конце XIX – начале XX вв. проделала значительный модернизационный путь: в экономической сфере она становилась мощной промышленной и сельскохозяйственной державой, в культурной

области между Россией и Западом не было большого разрыва на высшем уровне – русские ученые, писатели, музыканты стали гордостью и славой Европы. В то же время Первая мировая война обнажила и обострила все политико-экономические и социокультурные противоречия России, главными из которых были сословные привилегии, разрыв между образованными кругами и необразованной массой населения, устаревший и неповоротливый самодержавный государственный аппарат управления.

С определенными оговорками можно утверждать, что России и остальной западный мир накануне 1914 г. составляли единое целое. После Первой мировой войны об этой целостности остались только воспоминания. И это тоже важный и трагический результат войны. Первая мировая обернулась для России трагическим разрывом с западным миром, с теми ценностями, к которым она стремилась, начиная с Великого посольства Петра I конца XVII в. Россия только-только начала свое государственное переустройство: был создан парламент, в воздухе витали идеи ограничения власти монарха и главенства закона, началось формирование политических групп вокруг идейных программ и т. п. К сожалению, этот вектор развития России был безжалостно прерван.

Первая мировая война имела губительные последствия для ориентированной на Запад части русского общества, подорвав силы этого незрелого тонкого слоя. В годы войны на арену российской истории вышли силы, для которых За-

пад ассоциировался не с правом, законом, демократией, а с безжалостной германской военной машиной. Россия противопоставила германской военно-политической организации, технологии храбрость своих воинов, их жертвенность и патриотизм. Но этого было недостаточно.

Говорить о том, Россия потерпела поражение в Первой мировой войне представляется по меньшей мере несправедливым. Россия и ее армия, промышленность, тыл продемонстрировали стойкость и успехи. Пожалуй, только 1915 г. сможет быть охарактеризован как крайне негативный для российской армии. В годы войны росло российское промышленное производство, возникали новые индустриальные центры на востоке страны, продолжала работать Дума, не было введено военное положение и карточная система распределения продуктов и т. п. Тем не менее, по мере растущего напряжения сказалась незрелость российского общественного устройства и несформированность жителей империи как граждан в самом широком смысле этого понятия. В результате Первой мировой войны произошла базовая трансформация российского сознания, Россия встала на путь поиска особого пути, изоляции от Запада.

Стоит отметить, что Февральская революция 1917 г. в России в большей степени была инспирирована не столько немцами и большевиками, сколько либерально-демократической оппозицией и странным поведением союзников. Соотношение сил в начале 1917 г. вселяло уверенность в по-

беде Антанты. Очевидно, что союзники строили планы: кто воспользуется плодами победы со стороны России – царская власть или ее либеральные оппоненты? Российский император не устраивал западных союзников именно своей самостоятельной «русской» политикой. И реакция союзников на события в России в определенной степени была предсказуемой. Взгляд французов и англичан на Февральскую революцию в России как на долгожданное «освобождение» россиян от самодержавной власти впоследствии не мог не способствовать «переводу» событий осенью 1917 г. в радикальное русло.

Обратим внимание еще на один важный момент: война 1914–1918 гг. – первая попытка Германии завладеть лидирующими позициями в Европе, осуществить быстрые и кардинальные перемены в мировой геополитике. Империя кайзера в начале XX в. демонстрировала чрезвычайную эффективность во всех сферах жизнедеятельности. Германская военно-техническая мощь вкупе с влиянием и пропагандой идей «пангерманизма» позволили Берлину сражаться едва ли не со всем миром. Русский генерал А.А. Брусилов писал, что «немцы сражались как львы». И если бы не самоотверженность и мужество в первую очередь русской армии, измотавшей основные силы Германии, и невступление США в войну итоги Первой мировой войны для немцев были бы совсем иными. Ноябрь 1918 г. может в определенной степени считаться неким моральным «аннулированием» положе-

ний Брестского мира, оторвавшего от России огромные территории. Нельзя не сказать в этой связи и о другом итоге: Первой мировой показала, что происходит тогда, когда великую державу – в данном случае Германию – «загнали в угол», разоружили и унизили. «Пангерманизм» возродился, трансформировался и был принят на вооружение немецкими национал-социалистами.

Не все тайны Первой мировой войны еще открыты и поняты. Она продемонстрировала всю хрупкость человеческой природы, став грозным предостережением против алчности и глупости, когда отсутствие диалога и взаимопонимания способно повести мир по дороге самоуничтожения.

*Гриценко С.А.*⁹⁷

⁹⁷ Гриценко Святослав Александрович – Московский технологический университет (МИРЭА).

«Великая война» 1914 – 1918 гг. во фронтовой публицистике Свена Хедина

*Гриценко С.А.*⁹⁷

Тезисы доклада

Аннотация: В статье рассматриваются представления о Первой мировой войне известного шведского ученого и публициста Свена Хедина на основе его произведений военных лет. В начавшейся войне Хедин безоговорочно поддерживал Германию, поскольку считал ее борьбу с Англией и «славянской расой» справедливой и правильной. Однако взгляды ученого не были поддержаны в Швеции, где он подвергся серьезной критике за свой прогерманизм. По сути, все произведения Хедина военных лет были лишь грубыми политическими агитками, несмотря на интересное фактическое содержание.

Ключевые слова: Свен Хедин, Первая мировая война, шведский прогерманизм.

⁹⁷ Гриценко Святослав Александрович – Московский технологический университет (МИРЭА).

Gricenko C.A. “Great War” 1914 – 1918s in Sven Hedin’s frontline journalism

Abstract: The article explores Sven Hedin’s understanding of the First World War based on his texts were published during the war. Sven Hedin was a famous Swedish researcher and political writer, and when the “Great War” began he supported Germany without doubt, because he considered its fight against England and “Slavic race” as a fair and right one. But the researcher’s opinion was not supported in Sweden where he came under strong criticism for his pro-Germanism. In fact, all the military texts by Hedin were just raw political pieces of agitprop despite much interesting factual information inside.

Keywords: Sven Hedin, the First World War, Swedish pro-Germanism.

Когда в августе 1914 г. в Европе началась предчувствовавшаяся многими Первая мировая война, Швеция вместе с двумя другими скандинавскими государствами провозгласила нейтралитет. Однако, несмотря на очевидные с первых дней войны выгоды нейтрального положения страны, далеко не всем в Швеции это решение показалось правильным. Что же до начавшихся дискуссий о причинах войны, ее виновниках и возможных результатах, то здесь единодушие не было и в помине.

Еще в последние предвоенные годы в Швеции сложилась

небольшая, но влиятельная группа сторонников активизации шведской внешней политики, довооружения и альянса с Германской империей, традиционно именуемых «активистами» (Р. Челлен, О. Ярте, Г. Стеффен и др.). Наиболее же последователен, принципиален и радикален в своих прогерманских убеждениях был известный шведский географ и публицист Свен Хедин [2, с. 152], решивший незамедлительно предпринять ряд действий в соответствии со своими воззрениями.

С началом войны Хедин посчитал необходимым свое личное участие в ней и осенью 1914 г. отправился частным образом по приглашению немецких властей на Западный фронт в качестве военного корреспондента. Результатом поездки шведа стала его книга «С немецкими армиями на Западном фронте» [8], в которой Хедин приводил расхожие в Германии аргументы о «справедливой войне», «борьбе за место под солнцем» и «великой битве германства с англосаксами и славянством» как внутреннем содержании Первой мировой войны. Хедин не переставал удивляться также стойкости и удали немецких солдат. Приведенные им солдатские поговорки, песни отражали характерные настроения в немецкой армии в начале войны: «Что ни выстрел – то русак», «Скоро обедаем в Париже» и т. д. И, конечно, он был искренне разочарован неучастием шведской армии в этой грандиозной «битве народов» [8, р. 3, 10].

Заметим, что в Швеции фронтовые хроники Хедина, в

1915–1916 гг. перебравшегося на Восточный фронт [6; 7], были известны и читаемы, однако скорее как источник достоверных сведений о реалиях войны, относительно же его политических взглядов всем было понятно, что они чрезмерно радикальны и слабо соотносятся с истинно шведскими нуждами. Поэтому описанная Хедином «непроглядная тьма над шведским берегом» [8, р. 387] была достойным символом нежелания большинства шведов ввязываться в войну, спокойной уверенности страны-нейтрала. Подвергался он и серьезной критике на страницах прессы и публицистики нейтралистского толка [10].

Сам же Хедин с наступлением 1916 г. резко изменил «образ врага» в своих фронтовых произведениях. В указанный период от не оправдавшей себя в плане агитации в Швеции русофобии он перешли к проявлявшейся спорадически и ранее англофобии в качестве оправдания своей ориентации на Германию. Во многом, эта идея была позаимствована ими из самой Германии, отчетливо видевшей в Англии своего главного и самого непримиримого противника в войне. Россия же, по установившемуся общему мнению С. Хедина и ряда других прогерманских «активистов», вступила в войну, будучи обманутой Англией, которая нуждалась в ее ресурсах [8, р. 159]. «Плохая» Англия практически вынудила Россию воевать с «хорошей» Германией [5, s. 95]. Эта «дружба Ирода и Пилата» [8, р. 247] (России и Англии) в итоге будто бы привела Германию на грань военного поражения и к

несправедливым обвинениям в развязывании войны на Версальской конференции [9, s. 133–134].

Все такой же упорный сторонник вступления Швеции в войну, Хедин в своих записках 1916 г. не видел уже в русских солдатах кровных врагов германцев, в чем согласился с мнением немецких военных. «Против России не действовало никакого национального инстинкта», она не считалась «наследственным врагом» Германии [3, с. 135], – отметил позднее Э. фон Людендорф.

Вместо России С. Хедин упорно обвинял теперь во всех бедах Англию: она якобы предала Швецию и в Северную войну, и при потере Финляндии, и при разрыве унии с Норвегией. В ответе Англия и за нынешнюю кровавую войну, и за голод в Швеции [7, s. 103–216], вызванный морской блокадой балтийского побережья. Хедин бросил обвинение и шведам, что они утратили свой боевой дух, потому что еще во времена Тацита любили золото, их жадность будто бы и позволила Англии «купить» шведский нейтралитет. Но автор при этом верил в пробуждение народа, который встанет плечом к плечу с немцами в их борьбе за мир, проявлением которой якобы и является нынешняя война [7, s. 511].

Итак, в текстах С. Хедина главным врагом вместо России стала Англия, другом же осталась Германия. Русские в восприятии Хедина теперь не столько «коварные московиты», «татарские угнетатели» из немецких памфлетов, сколько военнопленные, жертвы «ужасного английского об-

мана» – простые крестьяне, вынужденные воевать за чуждые им интересы [7, с. 286].

Германия же для Свена Хедина по-прежнему оставалась не только дружественной и братской страной, но и примером во всем. Хедин восхищался полководческим талантом Гинденбурга и Людендорфа, которого современники многозначительно сравнивали со «скоропалительным Карлом XII» [4, с. 4]. Вместе со своими кумирами С. Хедин прошел немало военных дорог, вместе с ними он возмущался «примиренчеству» и «соглашательству» политики берлинского правительства [4, с. 12] и верил в славное будущее «здорового государства» во главе с Гогенцоллернами, «верным преданиям своего дома» [1, с. 11].

Таким образом, Свен Хедин стал своеобразной крайней точкой развития шведских прогерманских и «активистских» идей 1910-х гг., суммировав в своих военных текстах весь набор аргументов за вступление Швеции в войну на стороне Германии – русофобию и англофобию, представления о «расовом» характере войны, стереотипы о национальном характере воевавших народов. Однако чрезмерная радикальность Хедина, его отрыв от реальности были очевидны уже современникам, и страстные призывы ученого-прогерманиста не были услышаны в Швеции.

Источники и литература

1. *Гинденбург П.ф.* Воспоминания Гинденбурга. Петроград, 1922.
2. *Игнатъев А.А.* 50 лет в строю. Воспоминания. М., 2002. С. 152.
3. *Людендорф Э.ф.* Мои воспоминания о войне 1914 – 1918. Т. 1. М., 1923.
4. *Свечин А.* От редакции // Людендорф Э.ф. Мои воспоминания о войне 1914–1918. Т. 1. М., 1923.
5. *Gihl T.* Den svenska utrikespolitikens historia. 1914–1919. Stockholm, 1951.
6. *Hedin S.* Kriget mot Ryssland. Stockholm, 1915;
7. *Hedin S.* Nach Osten! Leipzig, 1916.
8. *Hedin S.* With German Armies in the West. London, New York, 1915.
9. *Kjellen R.* Dreibund und Dreiverband. Leipzig, Mime hen, 1921.
10. *Ossiannilsson K.G.* Sven Hedin, Nobleman. London, 1917.

Русский крестьянин на войне и о войне. Дневник крестьянина Алексинского уезда Тульской губернии П. Е. Ермакова о событиях первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.

*Куреньшее А. А.*⁹⁸

*Хомякова Т.В.*⁹⁹

Аннотация: В статье анализируются взгляды русского крестьянина на события I мировой войны, революции и т. п., зафиксированные в его дневнике. Крестьянин-отходник не только описал важнейшие события переломной для России и всего мира эпохи, но и выразил отношение к ним «низов общества». В судьбе этого «мужика» отразила перипетии военного, революционного и послереволюционного времени.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская им-

⁹⁸ **Куреньшев Андрей Александрович** – профессор Академии гражданской защиты МЧС России, доктор исторических наук, г. Москва.

⁹⁹ **Хомякова Татьяна Васильевна** – заведующая научно-методическим отделом Серпуховского историко-художественного музея, Московская обл., г. Серпухов.

перия, крестьянство, крестьянская община, революция, крестьяноведение.

Kurenyshev A.A., Khomyakova T.V. Russian peasant on a war and about a war. Notes of peasant of Alexinsky County of Tula province P.E. Ermakova about the events of the First World War and the Revolution 1917-1918ss.

Abstract. The article analyzes the views of the Russian peasant to the events of World War I, revolution, etc., recorded in his diary. Peasant migrant workers not only described the most important events of a turning point for Russia and the world era, but also expressed his attitude towards them "lower classes of society." The fate of this "man" reflected the vicissitudes of war, revolutionary and post-revolutionary time.

Keywords: The First World War, the Russian Empire, the peasantry, the peasant community, revolution, krestyanovedenie.

Когда тебе в руки попадает подобного рода документ, ты, читая его, окунаешься в самую гущу самых что ни на есть народных представлений, мыслей и чувств о таких несомненно грандиозных, эпохальных исторических событиях, к коим принадлежала Первая мировая война. Крестьянские мемуары – это вообще довольно редкий и нестандартный исторический источник. «И связано это, – писал один из публикаторов крестьянских воспоминаний Н.И. Решетников, не с

безграмотностью русского дореволюционного крестьянства, а с тем, что, во-первых, народоведы, исследуя традиционную культуру, писали о крестьянине, не предоставляя слово ему самому, а во-вторых, и это самое важное, крестьяне писали, в отличие от других слоев населения, не для публикации, не для чтения праздной публики, а для самих себя, для фиксации и передачи опыта своим потомкам. Рукописи крестьян хранились в семьях, информация о них никому не разглашалась. В редких случаях крестьянские дневники, записи, воспоминания оказывались в музейных хранилищах, но время для их публикации только еще наступает». Иван Михайлович Решетников, автор цитированных воспоминаний, был одним из тех крестьян, кто пострадал от Советской власти в годы «великого перелома», коллективизации и раскулачивания. Иной была судьба Петра Ермолаевича Ермакова (1868–1933 гг.), хотя, если судить по дате смерти, он окончил свои дни в годы так называемого «голодомора». Дата окончания дневника – 1928 г. – тоже весьма специфична. В этом году фактически заканчивается новая экономическая политика – самое счастливое время для русского крестьянина. Прожив еще пять лет, Ермаков больше не фиксировал в своем дневнике события своей жизни и жизни страны. Возможно, сказались болезни, а, может быть, писать уже не хотелось или становилось опасным доверять свои сокровенные мысли бумаге...

Конечно, в распоряжении исследователей-крестьянове-

дов имеются и другие крестьянские мемуары, как опубликованные, так и хранящиеся в различных архивах, музеях и библиотеках. Тем не менее, каждый такой документ бесценен, ибо, как считают некоторые историки и публицисты, в отечественном общественном сознании все еще преобладает интеллигентский взгляд на события российской истории, а порой и прямо противоположный крестьянскому – дворянско-помещичий. Е.П. Прудникова пишет в своем исследовании: «Российская элита не воспринимала крестьянство как существо, подобное себе, – не воспринимала на уровне подсознания, и следы этого отношения можно легко найти во множестве мемуаров, рассказов, художественных произведений». Известный русский философ Николай Бердяев дал этому явлению и научное обоснование. В труде «Философия неравенства» он писал: «... просветительное» и «революционное» сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт». В общем-то – да, сие есть факт, – добавляет от себя Прудникова: «бары физически и душевно отличаются от мужиков». Действительно, в течение долгих лет вторичность мужика была об-

щепринятым социологическим фактом. «Чумазый не может играть на пианино», – говорил один из персонажей фильма Н.С. Михалкова «Незаконченная пьеса для механического пианино». К сожалению, такая историографическая парадигма преодолевается с большим трудом. «Как, почему вышло, что нас, сплошь и рядом потомков черного люда, приучили смотреть на Россию глазами дворян?» – задает вопрос Прудникова. «С чем это вошло в нашу жизнь? С русской историей, которая наполнена деяниями князей, да царей? Хотели написать другую, да не получилось», – пишет она далее. «Невнимание советских историков к крестьянскому сословию позволило нынешним агитаторам утверждать, что крестьяне были лояльны к властям Российской империи. Мужики, мол, богобоязненны, царелюбивы и революции не хотели». Забегая вперед, скажем, что используемый документ, дневник крестьянина, в общем, подтверждает именно такую оценку настроений и чувств крестьянства в годы войны. Ермаков уважает власть и преклоняется перед монархией. Он соблюдает большинство обрядов Русской православной церкви. Так, в записи 22 июля 1914 г. Ермаков пишет: «Сегодня на Красной площади, на Лобном месте был всенародный молебен. Около 7 вечера вышел из Спасских ворот крестный ход с хоругвями и иконами, в числе которых были чудотворные иконы Владимирской, Казанской и Иверской Божьей матери, громадная икона Преподобного Сергия Радонежского, Корсунские кресты и другие иконы. Погода бы-

ла скверная, лил дождь весь день. Народу было полна площадь». В записи, сделанной 5 августа, Ермаков описывает «Высочайший выход в Кремле. «Я встречал Государя против Страстного монастыря», – пишет Ермаков. В кремль его впустили через Спасские ворота. «Народу в Кремле было уже много. Я, однако, пробрался к Красному крыльцу. Постояв около часу, наконец, пошел Высочайший выход. Момент был очень торжественный, народ допускался к самому помосту. Государь шел рядом с Царицей. За ним казак нес на руках Наследника, а затем шли дочери Государя. Народ кричал: Ура! Настроение народа было приподнятое, все время шествия Государя толпа неистово кричала: Ура!». Как можно заметить, в Кремль на встречу с монархом мог прийти каждый желающий. Никакого специального отбора «представителей ликующего московского люда» не было. Царь держал себя с народом просто и естественно. Автор дневника, однако, обладал способностью размышлять и рассуждать, как на очень общие темы, так и анализировать происходившие события. «Жуткое впечатление получается, читая газеты о войне и невольно рождается размышление о том, к чему идет человечество с его воспетой культурой и цивилизацией? Вот ведь теперь началась страшная **братоубийственная** (выделено нами – А.К.) война, начали проявляться все ее ужасы, человечество звереет, да и не только звереет, но даже сатанеет, как иначе назвать те кровожадные человеко истребляющие действия, которые обнаружили немцы, да и не только

одни только немцы, ведь только сваливают на немцев, что они будто бы жестоко обращаются с неприятелем. На самом деле все хороши!», – писал Ермаков 2 августа 1914 г. «Ведь не простые люди устроили эту войну? Зачем она нужна мужику-хлеборобу или рабочему-труженику?» – задает он риторический вопрос. Такой крестьянин впоследствии легко отказался от монархизма и религиозного дурмана, почувствовал себя, а не партийца-бюрократа хозяином земли Русской. Впрочем, обо всем этом мы поведаем дальше.

К счастью ситуация постепенно меняется. Русское крестьянство из бессловесного гиганта, своеобразного тургеневского Герасима, постепенно превращается в говорящего персонажа...

В свое время выдающийся отечественный историк В.П. Данилов отразил в своих работах появление на российской исторической сцене «нового русского крестьянства». Виктор Петрович, однако, только обозначил этот термин, не наполнив его конкретно историческим содержанием. Другие историки, в том числе и автор этих строк, показали в своих работах то, что новизна русского крестьянства предреволюционной и революционной поры, а также, времен Первой мировой войны, заключалась в его большей организованности, наличии идеологии, руководителей и вождей. Крестьянство постепенно превращалось из объекта социального действия в полноценного его субъекта. Как пишет современная исследовательница: «Зипуны, бороды, лапти и прочие атрибуты

«черного народа» служили камуфляжем, под которым скрывались ум, воля и четкое понимание своих интересов». Одним из таких «лапотников» был, несомненно, и наш герой. Он ведь, помимо всего прочего, был отходником, работал в Москве в винной лавке, а в детстве очень неплохо учился в местной четырехклассной школе. Несомненно, также, что народное русское православие, к которому взывал Л.Н. Толстой (а далеко ли от Алексина до Ясной Поляны), пронизывает все рассуждения Петра Ермолаевича. «Мы теперь пожинаем плоды нашей деятельности последнего столетия, направленной к культивированию человека на новых началах совершенствования, а именно: людей пичкали всевозможными схоластическими науками, клонящимися к облагораживанию собственной персоны в смысле светских этикетов, учили всевозможным наукам, как человеку добыть средства, не ударяя палец о палец, как надуть своих ближних и т. п., но забыли внушить человеку основные начала христианского учения – любить ближнего и другим христианским догматам, а это нужно бы оставить на первом месте». Ермаков искренне удивлялся тому, что война идет между христианскими народами, «одинаково признающих учение Христа и почти одинаково исповедующих его. И что всего удивительнее – одинаково просящих теперь каждый народ себе победы над врагом, как малые дети...». От такого понимания сущности христианства остается всего один шаг до атеизма... «Если бы Господь не дал человеку свободной воли, он теперь взял

бы да послал на борющихся такое состояние, чтобы они не двинулись ни руками, ни ногами. Но Господь дал человеку свободный разум действовать по своему разумению и потом требует отчет с него, и горе будет несправедливым честолюбцам», – писал наш герой в самом начале августа 1914 г.

Конечно, о боевых действиях на фронтах Ермаков в начале войны не мог судить иначе, нежели по сообщениям газет. Очевидно, они, эти газеты, в первые месяцы войны были полны победными репортажами. Но уже сентябрь 1914 г. приносит первые огорчения. «На войне не особенно хорошо, – пишет Петр Ермолаевич 8 сентября, хотя наша армия, как видно сильно разбила австрийскую и продвинулась до Перемышля. Но на прусском театре войны дела наши не особенно хороши. После ряда побед наши продвинулись было в Восточную Пруссию, но теперь опять отступили на свою границу, и немцы теснят нас, передвинув свои войска с французского театра войны».

Довольно скоро население начало получать информацию о боевых действиях из уст их непосредственных участников, ибо количество раненных, размещавшихся в тыловых госпиталях стало стремительно расти. «Как ни восторженно встречаются публикой вести о наших победах, но от таких побед делается грустно на сердце, когда смотришь на ежедневно прибывающих раненных. Их в одной только Москве более 30 тысяч человек. А сколько же убитых? Это скажут потом. Из рассказов раненных можно заключить, что война идет страш-

ная, современные орудия ужасно смертоносны, да и солдаты – немцы, как видно, хорошо стреляют.», – отмечал тульский крестьянин в своем дневнике.

У Ермакова было десять человек детей. Старшего Василия, которого отец, уплатив немалый взнос, устроил работать в артель, был призван на военную службу. Это произошло 17 октября 1914 г. «Как ни был он к этому подготовлен, но, однако при прощании с семьей разрыдался, упал на кровать и несколько минут рыдал», – писал Петр Ермолаевич. «Да и как не разрыдаться?! – комментировал он поведение сына. Все-таки гонят прямо на **бойню** (выделено нами А.К.). Лексика текста, как видим, лишена уже всякого пафоса. В сыне любой крестьянин видел естественную опору в старости. «Очень скучно мне стало, – пишет Петр Ермолаевич, ведь я дождался первого сына – опоры, думал пользоваться им под старость». В случае с призывом на войну сына Петра Ермолаевича мы сталкиваемся с еще одним, увы, обычным и даже заурядным явлением русской действительности: попытками так или иначе «откосить» от призыва, или, по крайней мере, максимально облегчить свою службу, обезопасить себя от реальной фронтовой жизни. Директор магазина, в котором служил Василий Ермаков похлопотал за него и он оказался писарем при Полевом Царскосельском военно-санитарном поезде № 143 её Императорского Величества Государыни императрицы Александры Федоровны. В записи от 20 ноября Ермаков отмечает: «Вася прислал пись-

мо, что полковник Ломан взял его к себе на квартиру, а сам с поездом уехал на войну. Пишет, что учится писать на машинке. По всей вероятности, в следующую поездку он попадет в санитарный поезд». Поезд отправился в направлении фронта 14 ноября, но В.П. Ермакова в нем не было. Василий в это время гостил у отца в Москве и внезапно отбыл в Петроград 13 ноября 1914 г. «Оказывается, – пишет Ермаков старший, – когда он (Василий Ермаков – А.К.) пришел сегодня в магазин Хлебникова, директор Педашенко сильно удивился его приезду, ибо он хлопотал о нем в Петрограде, прося письмом лично некоего полковника Ломакина, который состоит дворцовым комендантом и посылал нам письмо, но письмо это не попало нам. Поэтому, заручившись другими письмами, между прочим, одним письмом к жене Великого князя (Павла Александровича), он уехал сегодня в Петроград».

Ермаков ошибся. Фамилия коменданта поезда была Ломан и звали его Дмитрий Николаевич. Он занимался формированием поезда и отвечал за всю его работу. Полковник занимал и еще ряд придворных должностей: штаб офицера для особых поручений при дворцовом коменданте, квитора Федоровского государева собора, начальника Царско-сельского лазарета № 17 Великих княжон Марии и Анастасии, нес обязанности наблюдающего за командой санитаров и за внутренним порядком в Серафимовском убежище лазарета № 9. В конце 1916 г. Д.Н. Ломан был назначен состоя-

щим при министре Императорского двора. Покровительство такого человека дорого стоило. В.П. Ермаков пользовался им до 1917 г., находясь все это время при санитарном поезде № 143.

Об этом учреждении следует сказать несколько слов отдельно. В нем проходили воинскую службу, «воевали» несколько незаурядных личностей. Некоторые из них тоже были в некотором роде «крестьянскими сыновьями».

В связи с участием России в Первой мировой войне (в то время этого названия, конечно, еще не было) сформировали новое военное подразделение – Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143.

Поезд был необычным – ему покровительствовала Императрица Александра Фёдоровна. Официально он назывался: «Полевой

Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны».

Поезд был сформирован в начале ноября 1914 года и по сообщению газеты «Правительственный вестник» в номере от 14 ноября был «освящён 13 ноября в присутствии Императрицы».

На вагонах также значился вензель “АО” и полное название состава. Комендантом поезда был очень богатый человек, имевший горчичные заводы в городе Сарепта – Александр Васильевич Воронин. Вероятно, это было сделано затем, чтобы комендант не воровал лекарства, пищу и другие, не менее соблазнительные товары.

Санитаром в Царскосельском поезде № 143 служил знаменитый русский поэт Сергей Есенин. Д.Н. Ломан выписал Есенину удостоверение:

Удостоверение

Дано сие крестьянину Рязанской губернии и уезда Кузьминской волости села Константинова Сергею Александровичу Есенину в том, что он, согласно уведомлению Мобили-

зационного Отдела Главного управления Генерального Штаба от 11 февраля с. г. за № 9110 с Высочайшего соизволения назначен санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, а потому прошу направить Есенина в г. Царское Село в мое распоряжение.

Уполномоченный Ея Величества по поезду
полковник Ломан.

900/556

апреля 5 – 1916. г. Царское Село

16 апреля Сергей Есенин был откомандирован в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143. Об этом полковника Ломана уведомил исполняющий обязанности начальника Резерва санитаров капитан Субботин: «...одновременно с сим в распоряжение поезда командирован санитар Сергей Есенин (личный знак № 9999), и просит о времени его прибытия уведомить. Документы санитару Есенину выданы на руки».

Утром 20 апреля Есенин выехал из Петрограда в Царское Село, и с этого дня началась его военная служба.

Работа санитаров была не из лёгких: в их обязанности входила переноска тяжело раненых и больных на носилках, размещение их в вагонах, погрузка и выгрузка имущества, получение продуктов, раздача пищи, поддержание чистоты и порядка в вагонах и другие работы.

Сохранилась фотография личного состава поезда, где на переднем плане полулежит Сергей Есенин в военной форме санитара.

Этот снимок сделал штатный фотограф поезда, доброволец Александр Функ. В штате поезда, кроме него, числились: артист и чтец В.В. Сладкопевцев, художник Г.И. Нарбут, архитектор-художник И. А. Шарлемань, сын Распутина Дмитрий Новых-Распутин, жена действительного статского советника А.Н. Заусайлова. Кстати, во время первой поездки Есенина, в поезде одной из сестёр милосердия была Анна Вырубова. В конце 1916 г. в санитары был зачислен художник

К.С. Петров-Водкин, но по каким-то неизвестным причинам служить ему не пришлось. Д.Н. Ломан был вообще расположен к крестьянам. Он был другом Г.Е. Распутина. Сергей Есенин (вместе с Николаем Клюевым) побывал на Императорской ферме у полковника Ломана по крайней мере два раза: до отъезда в Москву в конце 1915 г. и после приезда из Москвы в двадцатых числах. На этой ферме собирались русофилы и крестьянолюбцы вроде художников братьев Васнецовых, Нестерова и Рериха. Чаще всего к Ломану на Императорскую ферму приезжали Васнецовы, Рерих, Нестеров, Щусев, Максимов, составившие костяк «Общества возрождения художественной Руси». Не случайно, конечно, в январе 1916 г. один из Петроградских друзей Сергея Есенина поэт Сергей Городецкий обратился с письмом к полковнику Дмитрию Николаевичу Ломану – уполномоченному по Полевому Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143.

Городецкий просил устроить Есенина санитаром в поезд. Точная дата письма Городецкого Ломану неизвестна. По косвенным данным, оно было отправлено в первой половине января, а в это время Есенин и Клюев находились в Москве. Сергей Есенин уже тогда был знаком с полковником Ломаном. Об этом свидетельствует письмо, отправленное ему из Москвы в Царское Село. Речь в нём, бесспорно, идёт о Есенине и Клюеве, хотя их имена не называются.

Осенью 1915 г. Есенин и Клюев неоднократно выступали

на литературно-музыкальных вечерах в стилизованной русской национальной одежде, и, вероятно, Ломан слушал их выступления. И не подлежит сомнению, что он собирался привлечь молодых поэтов к выступлению перед ранеными в госпиталях Феодоровского городка Царского Села. Именно полковник Д.Н. Ломан руководил работами по обустройству госпиталей. Сами Есенин и Клюев относились к выступлениям перед славянофильствующей аристократией иронически. Вокруг Ломана сложился определенный круг людей, стремившихся «спасти Россию» через духовное возрождение, путем установления прямых контактов с «народом». «Монархическое «Общество возрождения художественной Руси» пыталось спасти монархию. И не случайно полковник Д.Н. Ломан, после успешных встреч Н. Клюева и особенно С. Есенина с особами царствующего Дома обращается к поэтам с просьбой написать сборник стихов, восхваляющих монархию. В ответ Н. Клюев от своего имени и от имени Сергея Есенина изложил причины, по которым они не решаются написать подобные стихи. В письме-трактате «Бисер малый от уст мужицких» Н. Клюев писал Д.Н. Ломану:

«На желание Ваше издать книгу наших стихов, в которых были бы отражены близкие Вам настроения, запечатлены любимые Вами Федоровский собор, лик царя и аромат Храмины государевой, – я отвечу словами древней рукописи: «Мужие книжны, писцы, золотари заповеди и честь с духовными приемлют от царей и архиереев и да посажда-

ются на седалищах и вечерах близ святителей с четными людьми». Так смотрела древняя церковь и власть на своих художников. В такой атмосфере складывалось как самое искусство, так и отношение к нему. Дайте нам эту атмосферу, и Вы узрите чудо. Пока же мы дышим воздухом задворок, то, разумеется, задворки и рисуем. Нельзя изображать то, о чем не имеешь никакого представления. Говорить же о чем-либо священном вслепую мы считаем великим грехом, ибо знаем, что ничего из этого, окромя лжи и безобразия не выйдет».

Вот так лукаво и ехидно Н. Клюев и С. Есенин отказались от предложения полковника Д.Н. Ломана.

Что касается Распутина, еще одного «великого мужика» того времени, то он явно сыграл определенную роль в «военной судьбе Есенина».

В архиве Александровского дворца сохранилась записка Г. Распутина, обнаруженная искусствоведам А. Кучумовым: «Милой, дорогой, присылаю тебе двух парашков. Будь отцом родным, обогрей. Ребята славные, особенно этот белобрысый. Ей богу, он далеко пойдет». Записка не датирована. Она, скорее всего, адресована полковнику Д.Н. Ломану, с которым Григорий Распутин был знаком, и речь в ней идет о Есенине («белобрысый») и Клюеве. Наиболее вероятно, что поездка двух поэтов с запиской Г. Распутина в Царское Село состоялась осенью 1915 г. Полковник Д.Н. Ломан мог непосредственно обратиться к Императрице, и ему легко было добиться Высочайшего соизволения о зачислении С. Есени-

на санитарном поезде № 143. Верно заметил литературовед П.Ф. Юшин в письме от 15 апреля 1964 г. крестнику Императрицы Ю.Д. Ломану, сыну полковника Д.Н. Ломана, что благодаря последнему «...Есенин не стал кормить вшей в окопах, где поэта легко могла уложить насмерть шальная пуля». Во время почти целого года службы С. Есенин только дважды выезжал с санитарным поездом к линии фронта за ранеными. Сам Д.Н. Ломан был расстрелян в 1918 г. иу П.Е. Ермакова были все основания не вспоминать его имени и исказить фамилию. Есенин, также, не «грешил» воспоминаниями на эту тему. Есенин в годы революции стал социалистом революционером, также как его тогдашняя жена З.Н. Райх.

Как это не удивительно, но наступление холодов пагубно отразилось не столько на немецких, но преимущественно на русских солдатах. Практичный Ермаков не мог без недоумения и горечи отметить прибытие с фронта солдат с отмороженными конечностями. «... это очень нехорошая сторона войны, хуже пуль, в окопах лежат в холодных сапогах, да еще, может быть, в худых – это не особенно приятно. Да, если ко всему прибавить еще тот факт, что при постоянном переходном снаряжении у солдат развелись мириады вшей, которые не дают покоя ни днем, ни ночью, то вполне будет понятно стремление со стороны солдат броситься поскорее в бой, уж к одному концу, так как по рассказам раненых, жизнь в окопах невыносима». Хотя Ермаков и отмечает в своих записях о том, что: «В обществе старают-

ся прийти на помощь солдатам, заготавливают теплые вещи...». «Но при такой массе собранных солдат трудно удовлетворить всех необходимым». «Фабрики, заводы и кустарни работают на солдат». Ермаков упоминает об удивительных явлениях, вызванных войной. Правительство изобретает удивительные способы преодоления проблем слабости российской экономики, причем, не пресловутой недоразвитости тяжелой индустрии, а самой, что ни на есть легкой. «Не хватает сапог, поэтому на углах появилось воззвание, чтобы шили сапоги на солдат по 8 руб. 40 копеек». В «Великой России» уже на первом году войны не хватало производственных мощностей для производства сапог. Приходилось прибегать к кустарному их изготовлению! Это ли не приговор «старой России»? «Вообще, – писал Ермаков, – мы стараемся показать, что несем тяготы войны сравнительно легко, но на самом деле, нагрузка сильная, и если пока нет резких проявлений бедствия, то только благодаря тому, что Россия велика и что за последние годы экономическое состояние поднялось». Петра Ермолаевича, как истинно русского, православного человека беспокоят, однако, больше, если можно так выразиться, «человеческий фактор» войны. «Господи, Боже мой! Что нужно людям? Неуж для того, чтобы испробовать смертоносность 40 сантиметровых и других орудий нужно столько погубить человеческих душ. Чем провинился какой-нибудь Андрюшка, сроду не выдавший ни городов, ни пушек, чтобы его оторвать насильно от родной деревни

и подставить под удары 5-пудовых снарядов», – вопрошает тульский крестьянин. Как можно заметить, в дневники появляются нотки социального протеста.

На фронтах ситуация для России к концу первого года войны постоянно ухудшается, что фиксирует в своих дневниковых записях наш герой. «Немцы прут наших, заняли Лодзь, но на Галицком театре войны наши теснят австрийцев, перешли Карпаты». Сын Ермакова Василий продолжает «воевать» в санитарном поезде тоже в Польше. «Вася прислал письмо из Варшавы, ездит в санитарном поезде в качестве помощника писаря по строевой части, бывает близ сражений», – отметит Ермаков-отец.

Поскольку торговля спиртными напитками вследствие ее запрета властями (о сколько такого рода запретов и ограничений было и до и после на Руси! И чем все эти мероприятия заканчивались...), Петр Ермолаевич решил вернуться в родную деревню Панькину, находившуюся недалеко от крупного промышленного центра и железнодорожного узла Серпухова. Хотя, как мы помним, деревня принадлежала к Алексинскому уезду Тульской губернии, хозяйственно она тяготела именно к этому подмосковному городу. Ермаков дал в своем дневнике несколько характерных картин «безалкогольной жизни в России. Еще в самом начале грозового 14 года, 11 марта он пишет: «Начинается сильное движение против пьянства. Государь рескриптами на имя министров предлагает искоренить пьянство». Действительно, ан-

тиалкогольная кампания в России началась задолго до начала I мировой войны и напрямую тогда с ней связана. Уже сточение «сухого закона», однако, было прямым следствием объявленной Царем мобилизации, что и явилось поводом для Германии объявить войну России и ее союзникам. Властям было ясно, что мобилизацию резервистов необходимо произвести как можно быстрее. Призыв в армию, как известно, связан с так называемыми «проводами», с приглашением родных и близких призывника и, естественно потреблением горячительных напитков. Этот ритуал грозил сорвать или существенно осложнить призывную кампанию. Мобилизация была объявлена 17 июля. В записи в дневнике можно прочесть: «Сегодня по обыкновению своевременно открыли лавку, но сейчас же городской сказал, чтобы закрыть, оказывается в ночь на сегодня объявлена мобилизация. По Москве расклеены объявления о мобилизации». 8 августа Ермаков записывает в своем дневнике: «Казенные винные лавки не торгуют, с 16 августа (вероятно июля – А.К.) начали торговать виноградными винами частные рейнсковые (правильно ренсковые – А.К.) погреба. Поговаривают о закрытии казенных винных лавок до окончания войны или даже навсегда, пока же лавки закрыты до 1 сентября. В настоящее время заметно отрезвление народа. Московская городская дума и другие делают постановления о закрытии лавок и частных заведений до окончания войны. На улице пьяных почти не заметно, торгуют вином только рестораны 1-го разряда.

Оборванцы научились пить политуру и денатурированный спирт, многие отравляются». Нарисована, в общем, типичная для периодов борьбы с пьянством запретительными методами картина...

Война, как известно, привела к революции. Наш герой в 1917 г. опять оказался в Москве, где и наблюдал события этого времени. Затем Ермаков из голодной Москвы вновь отправляется в родные края. После Октябрьской революции его неожиданно для него самого избрали в волостной совет. «Меня, отчасти, интересовала служба в новом учреждении, а главное – я имел в виду, по возможности буду добывать хлеб», – писал 24 апреля 1918 г. П.Е. Ермаков. «Служба в Совете, – пишет он далее, – оказалась довольно трудная. Из уезда поступают все новые и новые распоряжения, чуть ни ежедневно следуют циркуляр за циркуляром об учреждении различных новых отделов». Очень просто, как само собой разумеющееся, описывает Ермаков небывалые, эпохальные революционные социально-экономические и политические преобразования весны 1918 г. «Хозяйничаем в волости, раздаем помещичий скот, инвентарь». В волости было 14 имений и все их имущество и, конечно, землю нужно было распределить между крестьянами. Но главной проблемой продолжала оставаться продовольственная. «Никаких эксцессов и беспорядков у нас в волости нет. Только скверно, что нет хлеба. Что было в имениях раздали. Народ осаждает Совет просьбами хлеба. Пишем в уезд о присылке хлеба, обещают-

ся прислать».

Ермаков и другие члены Совета – комиссар, местный крестьянин В.Т. Савельев, местный крестьянин и бывшая помещичья прислуга (кухарка?! – А.К.), Александра Новикова летом 1918 г. управляли хозяйством бывшего помещика в Шевалдишева в Шверневе. Уборка урожая производилась всей деревней, «... работают по числу едоков и хлеб будем делить по едокам», – пишет Петр Ермолаевич. «Престиж мой в волости поднимается. Я начал заведовать отделом управления и вообще сделался воротилой дела. Кроме того, занялся культпросветом. Устраиваем спектакли. Устроили сцену в доме помещика Рубан. Я играю первые роли и довольно удачно. Езжу на съезды по народному образованию. Познакомился с учителями и учительницами. Школьное дело идет плохо, нет учебных пособий и точных программ».

Ермаков работал настолько эффективно, что уездная ревизия решила отстранить от работы всех остальных членов Совета, предоставив ему право пригласить (кооптировать себе 4 помощников и «впредь до перевыборов вести дело. Значит мои труды не пропали даром. Нужно напрячь все силы и потрудиться», – пишет он далее.

5 декабря произошло и вовсе незаурядное, но вполне в духе времени событие. «Получена бумага из Алексина учредить в волости комячейку. Я беру эту обязанность на себя, учреждаю волостную комячейку, сам становлюсь коммунистом, на первый раз набрал 15 членов». Вот вам и слия-

ние партийной и государственной власти! Когда в свое время ниспровергая власть КПСС, ее противники делали упор на то, что это была не партия, а государственная структура, когда много говорили и писали о подмене советской власти властью партийной, то вольно или невольно отбрасывали в сторону факты, о которых так просто и безыскусно писал русский крестьянин, один из многих, кто стал волею Великой революции властью, неразделимо соединившей коммунизм и Советы. Это ли не проявление реальной, а не книжной воли народа, его мудрости и способности жить и находить выход из самых сложных ситуаций, которые создавали войны и социальные катаклизмы. И разве можно, находясь в здравом уме, утверждать, что Советская власть, которую провозгласили в октябре 1917 г. не была принята народом? Она не просто была принята, а стала естественным развитием общинного самоуправления крестьянских республик 1905–1907 гг., реализацией тысячелетних чаяний крестьян о Земле и Воле.